

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

ВЕСТНИК
Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

Том 2.
Гуманитарные и естественные науки

2011 № 3 (17)

Главный редактор:

Н.И. Дроздов

Редакционная коллегия:

В.Р. Майер, Я.М. Кофман,

А.А. Баранов, А.М. Гендин, А.Ж. Жафьяров,

А.И. Завьялов, Т.Г. Игнатьева,

А.С. Корж (*редактор английского текста*), М.П. Лапчик,

Н.И. Пак, Л.Г. Самотик, Н.Т. Селезнева, А.Н. Фалалеев,

Т.В. Фуряева, В.П. Чеха, М.И. Шилова, Л.В. Шкереина,

С.П. Васильева (*ответственный секретарь и редактор*)

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Т. 2. Гуманитарные и естественные науки. 2011. № 3 (17). Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – 252 с.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 05.03.2010.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-29950 от 19 октября 2007 г.

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева, 2011

Содержание

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	9
Авдеева Е.А. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	9
Гинтер С.М. О ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.....	15
Карнаухова Н.Ю. ДИАЛЕКТИКА ИСКУСА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ.....	20
Малофеев И.В. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ.....	26
Менщикова Г.А. ЯЗЫК КАК ФОРМА БЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.....	30
Сергиенко Р.А. КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ ПРИРОДЫ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.....	36
Серикова Т.Ю. АНДРЕЙ ПОЗДЕЕВ: ОТ ВИДИМОГО К СВЕРХВИДИМОМУ.....	44
ФИЛОЛОГИЯ	50
Былина Е.Э. АНАЛИЗ ДИСКУРСА РЕАГИРОВАНИЯ, ИНИЦИИРОВАННОГО РЕЧЕВЫМ АКТОМ ОБЕЩАНИЯ	50
Васильева С.П. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ <i>ТРУД</i> В ГОВОРАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ.....	56
Давлетшина Л.Х. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ.....	60
В.В. Дегтярёва МИФОЛОГЕМА КОРАБЛЯ / ЛОДКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. МЕЛВИЛЛА, Э. ХЕМИНГУЭЯ, В.П. АСТАФЬЕВА.....	64
Евсеева И.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП: КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ	70
Кушнерук С.Л. ВЕРБАЛЬНО-ЗНАКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ АДРЕСАНТА ТЕКСТОВЫХ МИРОВ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ.....	76
Леонтьева Т.В. НАЗВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОМОЩИ СОСЕДЯМ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ.....	82
Михайлова Т.В., Михайлов А.В. АРГУМЕНТАЦИЯ ПРАВА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XV–XVII вв.	89
Потылицина Н.С. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ	94
Разумовская В.А. ИЕРОГЛИФИЧНОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	98

Степин С.Н. ПРОБЛЕМА БЫТОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОРДОВИИ.....	104
Ускова С.В. СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНИЯ ПОСТУПКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	109
ИСТОРИЯ	113
Бабаев Э.А. КАНАДА И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	113
Выдрин Е.В. ТЕРРИТОРИЯ ДЕЙСТВИЯ ТУРУХАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В 1850–1871 гг.	118
Данилейко В.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ПРИЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ, В РАБОТАХ ЭТНОГРАФОВ КОНЦА 1930-х гг. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	122
С.В. Зяблицева МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ.....	128
Клименко Н.С. ВОЗРОЖДЕНИЕ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ КАК ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	133
Королева Л.А., Королев А.А., Мельниченко О.В. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ.....	137
С.А. Липина ОРУЖИЕ ДЛЯ ФРОНТА: ИЗ ИСТОРИИ ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНОГО И СТАЛЕДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	142
Лютых О.Ю. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЯ, ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	148
Молодых Л.Л. ЗНАЧЕНИЕ СССР В БОРЬБЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ЗА НМЭП	153
Пак Ч.К. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – АРЕНА МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.....	159
Совлук Е.В. К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАДРОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ГУЛАГ (НА ПРИМЕРЕ ГУ «ЕНИСЕЙСТРОЙ» МВД СССР).....	164
Султанбаева К.И. Н.Ф. КАТАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	170
БИОЛОГИЯ	176
Бикаева Н.Ю. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ МАССОВЫХ ВИДОВ ПТИЦ г. ЗЕЛЕНОГОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ).....	176
Близнецов А.С. ОСОБЕННОСТИ ГНЕЗДОВАНИЯ ХИЩНЫХ ПТИЦ В АРИДНЫХ УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	182
Кулешова Ю.В. ХАРАКТЕРИСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ г. СОСНОВОБОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ РАЙОН)	188

Макеева Е.Г. ВОДОРΟΣЛИ СОЛОНОВАТОГО ОЗЕРА ЛИСТВЕНКИ 1 (ХАКАСИЯ)	193
ГЕОГРАФИЯ	200
Большакова Н.М. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	200
Мокринец К.С. ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ РЕЛЬЕФА КРАСНОЯРСКА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	205
Овчинников Д.В., Калугин И.А., Дарьин А.В. ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА АЛТАЕ ПО ДРЕВЕСНО-КОЛЫЦЕВЫМ ХРОНОЛОГИЯМ И ОЗЕРНЫМ ОТЛОЖЕНИЯМ	209
ФИЗКУЛЬТУРА И ЗДОРОВЬЕ	215
Казанцева Н.В. АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СТОПЫ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	215
АННОТАЦИИ	219
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	243

Contents

PHILOSOPHY. CULTUROLOGY	9
E. A. Avdeeva	
PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATION OF HUMANITARIZATION IN THE EDUCATIONAL SYSTEM	9
S. M. Ginter	
ABOUT FORMATION OF AESTHETIC ATTITUDE TO THE REALITY BY MEANS OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS	15
N. Yu. Karnauhova	
DIALECTICS OF AN ARTISTIC IMAGE'S TEMPTATION IN MEDIEVAL CULTURE.....	20
I. V. Malofeev	
SOCIAL CONTRACT AS A FORM OF SOCIAL SUPPORT OF POPULATION.....	26
G. A. Menshchikova	
LANGUAGE AS A FORM OF NATION'S MENTALITY EXISTENCE	30
R. A. Sergienko	
COGNITIVE APPROUACH TO EXPLAIN THE NATURE OF RELIGION AND RELIGIOUS CONCEPTIONS.....	36
T. Y. Serikova	
ANDREY POZDEEV: FROM VISIBLE TO SUPERVISIBLE	44
PHOLOLOGY	50
E. E. Bylina	
ANALYSIS OF DISCOURSE OF RESPONSE INITIATED BY THE SPEECH ACT OF PROMIS	50
S. P. Vasileva	
SEMANTIC FIELD «LABOUR» IN THE DIALECTS OF YENISEI SIBERIA.....	56
L. H. Davletshina	
ABOUT THE PROBLEM OF STUDYING LOWER MYTHOLOGY: MYTHOLOGICAL PERSONGE	60
V. V. Degtyaryova	
MYTHEME OF SHIP / BOAT IN THE ARTISTIC WORLD OF H. MELVILLE, E. HEMINGWAY, V. P. ASTAFIEV.....	64
I. V. Evseeva	
WORD-BUILDING TYPE: COGNITIVE MODELING	70
S. L. Kushneruk	
VERBAL AND ICONIC MEANS OF ADDRESSER'S PRESENTATION OF RUSSIAN AND ENGLISH ADVERTISING TEXT WORLDS	76
T. V. Leontyeva	
COLLECTIVE NEIGHBOURLY HELP DENOMINATIONS IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE: A MOTIVATIONAL ANALYSIS	82
T. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov	
ARGUMENTATION OF THE RIGHT FOR SUPREME POWER IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE IN 15–17 TH CENTURIES.....	89
N. S. Potylitsina	
GENRE PECULIARITIES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT «MOVEMENT» IN OLD FRENCH TEXTS	94
V. A. Razumovskaya	
HIEROGLYPHICITY AND IDIOMATICITY OF THE POETIC TEXT AS THE TRANSLATION PROBLEM.....	98
S. N. Stepin	
THE PROBLEM OF EXISTENCE OF PHILOSOPHICAL POETRY IN THE MODERN POETIC SPACE OF MORDOVIA.....	104

S. V. Uskova	
CONCEPT OF ACTION IN THE RUSSIAN-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD	109
HISTORY.....	113
E.A. Babaev	
CANADA AND COUNTRIES OF WESTERN EUROPE IN 70-S OF XX CENTURY: ECONOMICAL ASPECT.....	113
E. V. Vidrin	
TERRITORY OF ACTIVITY OF TURUKHANSK MISSION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING 1850–1871	118
V. A. Danileyko	
STATE ETHNOGRAPHY OR REFLECTION OF PROCESS OF SOCIALIST BUILDING ON THE NORTHERN TERRITORY ADJACENT TO THE YENISEI IN WORKS OF ETHNOGRAPHERS AT THE END OF 1930S (TO STATEMENT OF QUESTION).....	122
S. V. Ziablitseva	
SYSTEM OF MUSICAL EDUCATION OF WESTERN SIBERIA IN PRE-WAR AND WAR YEARS: SPECIFIC CHARACTER OF EVOLUTION	128
N. S. Klimenko	
RENEWAL OF CADET BUILDINGS AS THE ATTEMPT OF REANIMATION OF THE LOST MASCULINITY IN RUSSIAN SOCIETY.....	133
L.A. Koroljeva, A.A. Koroljev, O. V. Melnichenko	
MUTUAL RELATIONS OF POWER AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE EVE OF CELEBRATING OF THE 1000TH ANNIVERSARY OF CHRISTIANIZATION OF RUSSIA	137
S. A. Lipina	
WEAPON FOR FRONT: FROM HISTORY OF IZHEVSK WEAPON AND STEELPRODUCING FACTORIES IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR	142
O. Yu. Liutykh	
COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN ECONOMY: HISTORY, CURRENT STATE AND PROSPECTS.....	148
L. L. Molodikh	
ROLE OF THE USSR IN STRUGGLE OF DEVELOPING COUNTRIES FOR NIEO	153
J. K. Pak	
CENTRAL ASIA – THE PLACE FOR A WORLDWIDE GEOPOLITICAL STRUGGLE.....	159
E. V. Sovluk	
TO THE QUESTION ABOUT METHODS TO ATTRACT THE BRAINPOWER INVOLVED IN THE WORK IN THE GULAG SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF «YENISEYSTROY», MIA, USSR)	164
K. I. Sultanbaeva	
N.F. KATANOV AS A RESEARCHER OF THE TURKIC PEOPLES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA.....	170
BIOLOGY	176
N. Yu. Bikaeva	
TERRITORIAL DISTRIBUTION AND NUMBER OF MASS SPECIES OF BIRDS IN ZELENOGORSK (KRASNOYARSK TERRITORY).....	176
A. S. Bliznetsov	
NESTING PECULIARITIES OF BIRDS OF PREY IN ARID CONDITIONS OF CENTRAL ASIA.....	182
U. V. Kuleshova	
DESCRIPTION OF NATURAL ECOSYSTEMS OF SOSNOVOBORSK (KRASNOYARSK FOREST-STEPPE DISTRICT)	188
E. G. Makeeva	
ALGAE OF THE SALTISH LAKE LISTVENKI 1 (KHAKASSIA).....	193

GEOGRAPHY	200
N. M. BoLshakova	
TO THE PROBLEM OF ECONOMICAL AND GEOGRAPHICAL POSITION OF THE KRASNOYARSK TERRITORY.....	200
K. S. Mokrinets	
DIGITAL MODEL OF THE RELIEF OF KRASNOYARSK AS THE BASIS FOR CARRYING OUT OF EKOLOGICAL AND GEOMORPHOLOGICAL RESEARCHES	205
D. V. Ovchinnikov, I. A. Kalugin, A. V. Darin	
FEATURES OF ALTAI PALEOCLIMATIC RECONSTRUCTIONS BASED ON TREE-RING WIDTH CHRONOLOGIES AND LAKE SEDIMENTS.....	209
PHYSICAL TRAINING AND HEALTH	215
N. V. Kazantseva	
ANALYSIS OF THE CONDITION OF FOOT LOCOMOTORIUM OF CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE.....	215
ABSTRACTS	219
CREDITS	243

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е.А. Авдеева

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Антропология, гуманитаризация, человек, система образования.

Гуманитаризация образования, будучи вечной проблемой, к которой обращается мысль человека на протяжении истории философии и науки, рассматривает вопросы отношений в процессе образования, гуманизации, человека, культуры. В современной науке эти аспекты изучаются главным образом с гносеологических (педагогических, психологических, социологических, философских) позиций. И это – традиционно-очерченное пространство познания гуманитаризации, для которого характерны установка на гносеологию, аксиологию, праксиологию и, к сожалению, недостаточное внимание философско-антропологическому аспекту. Сегодня эта ситуация понимается самыми разными авторами как кризисная, межпарадигмальная. Ее острота заключается в том, что и философия, и педагогика утрачивают антропологические корни, онтологический метод философствования, который разрабатывался в классической науке. Однако в конце XIX–XX вв. в философии появляются новые течения в лице феноменологии Э. Гуссерля, экзистенциализма М. Бубера, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, новой гуманитарной философии М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, В. Библера, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, Ю.М. Лотмана, М. Мамардашвили, В.В. Налимова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, С.С. Хоружего и др. Именно в XX в. оформились философские концепции, трактующие сферу развертывания человеческой жизни, познания, смыслов, общения в качестве фундаментального уровня или слоя бытия.

В работах названных выше авторов философия и антропология неразрывно связаны в единый узел, в единую предметность, основой которой являются понимание и конструирование в акте мышления образа бытия, мира и человека. Философия и антропология переплетаются в единую теорию, внутри которой нельзя говорить отдельно о некоем субъекте или объекте. Есть развитие человека-в-мире, который переживает акты своего экзистенциального саморазвертывания в бытии. Фактически речь идет о философски укоренной антропологии, в которой человек признается как онтологическая идея, участвующая в конституировании бытия и мира. Поэтому исторически, изначально образование было предназначено для включения субъектов в бытийное течение жизни. Философско-антропологические корни образовательного процесса позволяли гармонично формировать в человеке чуткое восприятие бытийного течения окружающего мироздания, а с момента появления на свет помогали обрести и принять свое, только ему присущее

место. Формирование человека как осмысленного бытия в мире – это задача системы образования. Бытие, картина мира, человек, его мировоззрение, нравственность, поступок, совесть – гуманитарные понятия, являющиеся значимыми для образования во все времена...

Исследование гуманитаризации образования в философском дискурсе требует осмыслить данные явления не только в контексте среза современного состояния философской науки, но и в пространстве «прошлое-настоящее-будущее» философии образования. Это даст возможность, во-первых, определить историческое разветвление проблематики гуманитаризации. И во-вторых, обнаружить определенные закономерности изменения содержания ключевого понятия статьи. Выказанный тезис определяет возможность изучения гуманитаризации в контексте философской истории. В данном случае история философии выступает как «своеобразная форма общечеловеческой рефлексии, без которой наука не может в полной мере осуществить свои прогностические функции» [Галажинский, Ключко, 1999, с. 59]. Вот почему уместно вести речь о тенденциях движения философии. Они открывают возможность постижения логики развития науки, за которой – становление содержательного наполнения понятия гуманитаризации, отражающего закономерно усложняющееся знание.

Точками формирования представлений о гуманитаризации выступили представленные В.С. Библером этапы становления философской науки сквозь призму диалога культуры – Античности, Средневековья, Нового времени и современности, символизирующие «остановленные моменты непрекращающегося процесса саморазвития» культуры [Библер, 1990, с. 36]. Однако возникновение нового типа рациональности не означает исчезновение представлений и методологических установок предшествующего. Наука и культура Средневековья вовсе не уничтожают понимание гуманитаризации в контексте Античной рациональности, а только ограничивают сферу ее действия по каким-то параметрам, приумножая и обогащая ее по другим. Становление науки и культуры в эпоху Нового времени не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок Античного и Средневекового исследования феномена гуманитаризации. Другими словами, рациональное осознание сущности гуманитаризации предполагает диалог разных культурных и научных традиций. А обнаруживаемое в динамическом хаосе внутреннее единство всех типов рациональности обосновывает возможность становления в современной науке обобщенного понимания феномена гуманитаризации. Это понимание возникает через дискурсивный диалог с Античной и Средневековой культурой, культурой Нового времени, в контексте которого удастся выйти к потенциалу, скрывающемуся в достижениях и возможностях современной философии образования.

При этом научная рациональность разных типов является основой для построения теоретического образа гуманитаризации в современном философском дискурсивном познании. Каждое понимание гуманитаризации в контексте культурной эпохи создает ее особый, неповторимый образ. Место этого образа по своей предметной специфике и философским основаниям в общей картине науки является также особенным. Особенным является и содержательное наполнение феномена гуманитаризации на каждом уровне рациональности – античном, средневековом, Нового времени и современном. Становление философского аспекта содержания гуманитаризации представляет определенную проблему из-за подвижности смыслового поля данной дефиниции. Причем не только смыслы понятия гуманитаризации открываются по-разному исследователю в разные культурно-исторические эпохи, но и само содержание данного понятия строится заново в каждый новый культурный период.

Современная философская наука, направляющая вектор познания на гуманитаризацию, человековедческие и личностные проблемы, переживает размытость формулировок, нечеткость референтов, многообразие акцентов. И, как следствие, возникают отсутствие конкретного содержательного наполнения и смысловое расхождение в использовании одних и тех же понятий. Поэтому необходимо знать инвариантное, ключевое толкование понятия гуманитаризации, вытекающее из его смыслов. Если оттолкнуться от понимания общего смысла слова «гуманитарный», то здесь можно выделить два семантических концепта «human» – человек и «at» – обращенность к... В данном случае – обращенный к человеку. Поэтому понимание сущности гуманитаризации так тесно сопрягается с определением понятия «человек». По сути гуманитаризация – это фактор глубоко антропологичный, «человекоориентированный». Отсюда возникает объективная необходимость в философской рефлексии по поводу понятия «гуманитаризация» в сопряжении с антропологическим понятием «человек» в его онтологическом аспекте.

В использовании слов «гуманитаризация» и «антропология» часто наблюдается смешение понятий. Философская антропология (в пер. с греч. ἀνθρώπος – учение о человеке, его сущности и природе) – это наука, в которой понятие «человек» рассматривается как основная мировоззренческая категория, исходя из понимания которой, разрабатывается та или иная модель системы образования. Антропоцентризм – принцип центральности человека в мироздании. Человек в его целостности – это есть фундамент как антропологического подхода, так и одновременно гуманитарного, т. к. в основе обоих слов – «гуманитарность» и «антропология» – находится слово «человек». Только в первом случае латинское *homo*, а во втором – греческое *anthropos*, являющиеся по отношению друг к другу идентичными и тождественными. Можно сказать, что антропологизация в целом есть то же самое, что и гуманитаризация, – и в этом смысле «антропологический поворот» (С. Хоружий) в современной науке как нельзя лучше отвечает гуманитаризации системы образования. Поэтому обращение автора к антропологии как науке о человеке является вполне оправданным в логике гуманитарного контекста. Однако в литературе встречаем словосочетание «гуманитарно-антропологический», что является фактом недостаточного понимания смысловой наполненности используемых понятий из-за их семантической непроработанности.

Философский анализ показывает, что человек представляет собой динамичную эволюционирующую сущность, понимаемую в контексте типа рациональности, развиваемого в науке. В ходе исторического становления философии происходит системное усложнение понимания человека как части бытия. Закономерное обращение к антропологическому знанию, включенному в философское измерение, показывает усложнение понимания гуманитаризации. Так, в понятии гуманитаризации закрепляется определенная связь антропологии и философии, раскрывается бытийное существо феномена человека и ситуации его развития. Соотношение между человеком и его бытием – это главный гуманитарный вопрос. Бытие – не просто жизнь в окружающем мире. Это высшая форма существования, в котором соединяются Единое начало и мир, Благо и вещь, сущность и существование. Бытие человека – это совпадение человека с самим собой, единство *essentia* и *existentia* (М. Хайдеггер). Философия в этом смысле есть удержание в поступке целостной личности, человека, бытия в его идее Единого. Единство с сущим задает всему миру и человеку как его части целостность. Через практику сопричастности Единому человек становится действительным субъектом, т. е. «подлежащим» (лат. *subjektus* – калька с греч. ὑπόκειμενον «подлежащий») (об этом говорил М. Хайдеггер). Быть подлежащим – значит иметь выстроенные основания для всех последующих действий. Прежде чем понимать и действовать, человек

должен выстраивать в себе подлежащую структуру личности, причастную целостности бытия (микрокосм, равный макрокосму). Тогда сознание равно бытию, поскольку в сознании ставятся и разрешаются главные философские вопросы.

В процессе исторического познания понятия гуманитаризации на передний план выходит задача его философской интерпретации.

Классическая философская наука, в которой происходит становление гуманитаризации, возникает в VI–IV вв. до н. э. (периодизация по И.Д. Рожанскому). Однако первые представления о человеке и его месте в мире в философском смысле возникают задолго до появления философии – в мифологическом и религиозном сознании. При этом в верованиях древних людей человек как специфический объект рассмотрения еще не выделяется из окружающего его природного мира, а представляет собой лишь часть бытия и природных объектов. Это наиболее наглядно проявляется в тотемизме – форме первобытных верований, заключающейся в поклонении растениям и животным, являющимся сверхъестественными покровителями рода или племени, с которыми, по мнению человека, живущего в тот период, существует кровнородственная связь. Здесь гуманитаризация как научное понятие представляется в форме нравственности и вере человека. Естественно, что в научной рационализации оно не оформляется. Однако сам образ жизни человека того времени был сугубо гуманитарным, неся в себе глубокое философское измерение. Поэтому тотемическая онтология, в которой человек является частью природы и сливается с ней, живя по ее законам, позволяет наполнить следующим содержанием понятие гуманитаризации. Гуманитаризация – это философский процесс развития нравственности человека. Он проявляется в соблюдении субъектом высших законов взаимоотношения с природой, миром, бытием. Этот процесс осуществляется в контексте определенной картины мира, сформированной у человека, живущего в данную культурную эпоху.

Начиная с глубокой древности гуманитарное измерение человека связывается с картиной мира, мировоззрением, нравственностью, верой – целостной системой воззрений на мир, на место человека в нем. А его рациональное познание философская логика осуществляет через работу мысли в ключе Сократа, Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Гуссерля, Хайдеггера, без работ которых невозможно творческое, значимое осознание сущности гуманитаризации. Постараемся более четко выделить этапы становления понятия гуманитаризации в контексте каждого этапа культуры.

Становление понятия гуманитаризации в античной культуре (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) (периодизация по И.Д. Рожанскому)

В Античности впервые были поставлены вопросы о происхождении и об устройстве мира и о месте человека в нем. В эпоху мифов понятие бытия, очевидно, совпадает с понятием мира, мыслимого как совокупность всего сущего, как видимый и слышимый Космос. Философия Античности позволила выделить образ гармоничного человека той эпохи, выступающего частью космического бытия. В контексте картины мира Античности формируется пайдейическая философия гуманитаризации, в которой человек рассматривается как микрокосм в структуре макрокосмоса.

Становление понятия гуманитаризации в средневековой культуре (VII–XVI вв.) (периодизация по В.В. Соколову, В.И. Уколовой и др.)

В эпоху Средневековья истинное, подлинное, вечное, абсолютное бытие безоговорочно отождествляется с бытием Бога, творящего мир, природу и человека. В русле теоцентрической философии разрабатывались представления об уровнях

бытия, о бытии человека, о душе, о мире. Христианский теоцентризм, сформировавший идеальные образы Христа, Будды, Магомета, вышел на теологическое понимание человека и его нравственности в контексте Божественного бытия. Согласно этой точки зрения, гуманитаризация как процесс становления нравственности и мировоззрения человека определяется религиозной картиной мира, в основе которой лежит вертикальная ось: человек – Бог.

Ренессансная философия стала воспевать, особенно в искусстве, культ человеческого тела. С этого момента начинает проявляться нарушение вертикального измерения оси: человек – высшее бытие. Гуманитаризация в этот период связывается с принципом природосообразности, построенном на соответствии законов развития человека законам природы, имманентно связанных с высшим Божественным началом, представленным в культуре. Этот принцип в дальнейшем развивается педагогами-гуманистами. В последующее время гуманитаризация как природосообразность тесно связывается с гуманитаризацией как культуросообразностью.

Становление понятия гуманитаризации в период культуры Нового времени (XVII – первая половина XX вв.)

Различные аспекты гуманитаризации были предметом размышления философов эпохи Просвещения. Философы Нового времени не столько интересуются преимущественно проблемами устройства мира, сколько вопросами познания. Поэтому бытие трактуется прежде всего как объект человеческого познания, как противоположность субъекта познания. Здесь находится точка разрыва в отношении человека и бытия. И их противопоставление. В различных философских учениях объекты познания – человек и бытие – понимаются по-разному. В этот период начинает зарождаться инструментально-прагматический поворот в области познания ключевого понятия. В целом, философия Нового времени признает человека продуктом социума, и поэтому идеал человека заменяется идеалом гражданина – частью общества. Человек становится предметом дискретного познания физики, биологии, механики, а понятие гуманитаризации начинает детерминироваться социализацией, постепенно «растворившей» высшее философское измерение. Идеальный образ человека – продукта социума – это профессиональное воплощение идеала компетентного специалиста, для которого вера, нравственность, культура и мировоззрение не являются значимыми понятиями.

На смену космогонической в Античности и теоцентрической в эпоху Средневековья приходит механистическая картина мира Нового времени, органичной частью которой явилась антропологическая философия как новое направление в науке.

Становление понятия гуманитаризации в современной культуре (конец XX в. – по настоящее время)

В современной ситуации по отношению к гуманитаризации со стороны философии образования стал проглядывать парадокс. Он заключается в том, что сегодня в содержании философии образования учение о человеке, его нравственности и картине мира отнюдь не является главной, а скорее всего, находится в ряду второстепенных тем. Философское содержание образования заключено в форму стандартно понимаемой антропологии. В этот период гуманитаризация связана с дискретно-научным знанием об отдельных частях человека и его личности (когнитивных, эмоциональных, деятельностных, профессиональных и пр.), среди которых нравственность и мировоззрение перестают занимать какое-либо место. Это период, в котором возникают экзистенциальные проблемы, ознаменовавшие по-

терю бытийных смыслов у человека. Так, на месте пайдейческого и религиозного толкования гуманитаризации, в которых имманентно проявляется высшее для человека начало, полноценно развивается незаметно «встроенное» в предыдущую эпоху в философское содержание инструментально-прагматическое измерение.

В противовес этой точки зрения в отечественной культуре формулируется теория ноосферного понимания бытия и человека, проводниками которой выступили русские космисты (Н. Бердяев, В. Вернадский, В. Соловьев и др.) и близкие им по устремлениям западные мыслители (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер). Учение о ноосфере направлено на решение самых насущных, самых главных проблем человеческого бытия. С одной стороны, это учение продолжает линию, намеченную наиболее выдающимися философами предшествующих эпох, с другой – пролагает путь современным теориям – глобальному эволюционизму, концепции устойчивого развития, раскрывающим путь новому пониманию человека и его места в мире.

Таким образом, в становлении понятия гуманитаризации в контексте философского дискурса был выделен ряд этапов. В античной культуре формируется пайдейческое понимание гуманитаризации образования. В средневековой культуре рационализация понятия гуманитаризации осуществляется в двух направлениях. В эту эпоху разворачиваются теории, рисующие теоцентрическую картину мира, отражением которой выступает религиозное мировоззрение (Николай К., Августин Бл., Фома А.). В понимании гуманитаризации в эпоху Возрождения была заложена начинающаяся деконструкция религиозного аспекта через культивирование и воспевание телесного начала человека, но уже без связи человека с Богом и Космосом. Так постепенно начинает проявляться разрушение духовно-философского измерения в гуманитаризации через ослабление связи в линии «человек – Бог», «человек – Космос». В период культуры Нового времени в философских аспектах гуманитаризации начинает проявляться инструментально-гносеологическое содержание. В эту эпоху философия в качестве бытийного процесса понимает познание. Здесь описывается непосредственно открывающаяся «предданная» человеческому сознанию действительность, которую оно само наделяет значениями. В трактовке гуманитаризации усиливаются не столько бытийные начала, сколько эмпирические, гносеологические, технологические, в которых ярко видна социальная направленность появляющихся с середины XIX в. концепций человека.

Становление понятия гуманитаризации в современной науке и культуре связано с дискретно-научным знанием в контексте дискурса философских теорий прошлого и современности. Историческое развертывание проблематики позволяет обнаружить важные закономерности изменения содержания ключевого понятия феномена гуманитаризации, понимание которых позволяет понять корни современных проблем образования.

Библиографический список

1. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения / ред. кол.: А.А. Гусейнов и др. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
2. Галажинский Э.В., Ключко Е.В. Самореализация личности: системный взгляд. / под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 154 с.

О ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Эстетическое воспитание, формирование, эстетическое отношение к действительности, декоративно-прикладное искусство, художественное творчество, средство воспитания.

Социально-политические изменения, происходящие в нашей стране, привели к серьезнейшему кризису в разных сферах жизни общества – социальных отношениях, экономике, правопорядке, образовании, воспитании. Большой ущерб причинен человеку в его нравственном и духовном развитии, снизился престиж культурных ценностей на фоне стремления к ценностям материальным. Это привело к деформации нравственной атмосферы, духовного здоровья, осложнениям в демократизации общества и другим проблемам.

Исторический опыт развития человечества заставляет нас убедиться в том, что одни лишь изменения социально-экономических условий не в состоянии обеспечить духовный рост личности. Воспитание человека – сложный процесс, в котором участвует множество факторов. Среди них большую роль играет эстетическое воспитание, которое является эффективным средством формирования гармоничного человека, использующим в своем арсенале такое орудие, как искусство. Но сегодня в нашем образовании существует устойчивая ориентация на рационально-логическое обучение, способствующее интеллектуальному развитию личности, а предметы эстетического цикла продолжают вытесняться из учебных планов. И как следствие, дефицит «эмоционально-ценностного отношения к миру приводит к грубости, цинизму, примитивности жизненных ориентаций школьников» [Степанова, 1999, с. 57].

О первостепенной важности эстетического воспитания говорил в свое время В.А. Сухомлинский: «Если не будет улучшено воспитание, мы наплачемся с математикой, электроникой и космосом. Самое главное средство самовоспитания души – красота. Красота в широком смысле – и искусство, и музыка, и сердечные отношения с людьми» [Сухомлинский, 1987, с. 38–39].

Изучение и анализ сущности эстетического воспитания позволяют вычленить *формирование эстетического отношения к миру, к действительности как прямое назначение процесса эстетического воспитания* и как одну из его основных функций. Эстетическое отношение – существенный компонент социально зрелой личности, определяющий ее идейно-эстетическую направленность, его формирование приобретает особое значение, стимулирующее познавательную, эмоционально-образную и творческую сферу учащихся.

Базовыми для нашего исследования в изучении этого вопроса стали труды М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Т. Махлиной, В.Н. Мясищева, Л.П. Печко, П.С. Писарского, В.А. Разумного, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Сысоевой, Л.Н. Столовича, В.А. Сластенина, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, С.Т. Шацкого и др.

Большое значение в разработку идей эстетического воспитания, предполагающих формирование эстетического отношения, внесли А.И. Буров, М.С. Каган, А.Ф. Лосев, А.С. Макаренко, Б.М. Неменский и др. Проблему формирования эстетического отношения к действительности как прямое назначение эстетического воспитания рассматривали А. Карталов, А.А. Мелик-Пашаев, В.А. Сухомлинский, Л.С. Сысоева, Е.М. Торшилова, Е.В. Шевцов и др.

Механизмы формирования эстетического отношения к действительности в развитии младших школьников, проблему чувств и эмоций в психологии изучали Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, В.Н. Мясищев, А.А. Мелик-Пашаев, С.Л. Рубинштейн, в эстетических трудах – А.И. Буров, Л.И. Новикова, Б.Т. Лихачев и др.

На особенности, пути и средства формирования эстетического отношения в процессе эстетического воспитания обращали внимание в своих исследованиях Т.М. Галимова, Н.И. Киященко, Н.Б. Крылова, Б.Т. Лихачев, Н.Л. Лайзеров, А.А. Мелик-Пашаев, Т.С. Комарова, В.С. Кузин, Н.М. Сокольникова, Т.Я. Шпикалова, Г.П. Шевченко, Е.В. Шевцов, Б.П. Юсов, В.В. Ячменева и другие.

Анализ научной педагогической литературы свидетельствует о том, что в этом направлении накоплен богатый положительный опыт, разработаны и разрабатываются различные теоретические и методические приемы формирования у учащихся эстетического отношения к действительности. Современное общество заинтересовано в гармоничной, эстетически развитой личности, способной понимать и создавать красоту в самых разных условиях; сознательно направленной на эстетическое преобразование действительности. Целенаправленно формированием эстетического отношения к действительности сегодня занимаются в начальной школе в процессе художественно-творческой деятельности. К сожалению, происходит это, как правило, всего один раз в неделю, на уроках изобразительного искусства и художественного труда. Это очень ограниченная палитра условий и средств формирования эстетического отношения к действительности. Если учесть, что младший школьник находится в школе почти весь день, то оказывается, что основная часть жизни его наполнена минимальными условиями формирования эстетического отношения к действительности. И как результат – недостаток условий и средств приводит к тому, что процесс формирования эстетического отношения к действительности не получает полноценного развития. Решение этой проблемы, на наш взгляд – одна из важнейших задач отечественной школы.

Сегодня директорам учебно-воспитательных учреждений и центров предоставляют право самим определять образовательные программы в пределах разработанных и утвержденных Министерством образования РФ основных базовых показателей по всем предметам школьного цикла: что ввести в основную сетку школьных часов, что перевести в факультативы, а что-то и в дополнительные занятия [Современные концепции эстетического воспитания... 1998, с. 7]. Создан значительный выбор программ, все они вариативны, учитывают региональный компонент, большинство из них разработаны для детей всех возрастов – с 1 по 11 класс. Причем многие программы снабжены краткими методическими рекомендациями, которые задают педагогу общее направление преподавания, а конкретную методику каждый квалифицированный педагог творит сам, руководствуясь и собственным опытом, и знаниями, и обеспеченностью школы техническими средствами обучения и общим развитием ребят.

К сожалению, большинство проектов реформирования системы образования на государственном и на научно-экспериментальном уровнях почти обходят стороной вопрос о перераспределении часов между естественнонаучным и социогума-

нитарным образованием. Хотя на обыденном уровне сегодня мало кто сомневается в том, что образованный, культурный, эмоционально, интеллектуально развитый человек более продуктивен для культуры и цивилизации, чем человек, всецело погруженный только в мир знаний, умений и навыков, нежели в творческую атмосферу жизни [Современные концепции эстетического воспитания..., 1998].

Нами были проведены статистические исследования по поводу того, сколько процентов учебных дисциплин художественно-эстетического направления есть в образовательных учреждениях одного из микрорайонов г. Красноярска. Общеобразовательных учреждений насчитывается 21, из них с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла (МХК, ИЗО, музыка) – 3; учреждений дополнительного образования – 4, имеющих студии и кружки художественно-эстетического цикла – 1. Таким образом, от общего количества образовательных учреждений только 16 % имеют дисциплины художественно-эстетического направления. Количество школ, имеющих предметы художественно-эстетического направления, – 13 (фольклор, театр, сценическая речь, хоровое пение, флористика, ритмика, хореография, прикладное искусство, художественный труд, история музыки, музыкальная литература, искусствознание). При таком большом перечне предметов следует отметить, что преподаются они в основном на I и II ступенях, III ступень (дети старшей школы) имеет возможность изучать предметы художественно-эстетического цикла только в 5 школах. Из них декоративно-прикладное искусство и художественный труд преподаются в 3 школах. Количество программ с углубленным изучением отдельных предметов (музыка, ИЗО, МХК), используемых образовательными учреждениями Октябрьского района г. Красноярска, 3: это школы № 21, 96, и 133. А также работает социально-педагогическая программа – проект «Русская эстетическая школа в контексте поликультурного образования» в школе № 96.

Формирование у младших школьников эстетического отношения к действительности можно сделать более продуктивным, если ввести учащихся, одновременно с общим образованием в систему дополнительного эстетического воспитания. Мы рассмотрели педагогические условия формирования эстетического отношения к действительности с помощью средств декоративно-прикладного искусства. Этот вид искусства в силу своей специфики является интегрированным и предполагает использование различных видов творческой деятельности: изобразительное искусство, конструирование, лепка, изучение технологии работы с различными материалами; занятия литературным, театральным и народным творчеством; изучение культурных традиций своего народа, природы, а также многие другие виды творческой деятельности. Освоение основ декоративно-прикладного искусства осуществляется с помощью интегрированной программы в эстетически организованной среде детской студии, жизнь и работа которой происходят в школе во второй половине дня, и в то же время не ограничена строгой классно-урочной системой. Это помогает ненавязчиво, в свободной демократичной атмосфере эстетически формировать у ребенка целостную картину мира, воспринимать и осознавать богатство и многообразие бытия, восстанавливать нравственную атмосферу и духовное здоровье подрастающего поколения.

Если более активно создавать в школе детские студии, позволяющие работать с ребенком индивидуально, увеличив количество часов по эстетическому воспитанию, формирование у младших школьников эстетического отношения к действительности будет более продуктивным. Декоративно-прикладное искусство как средство эстетического воспитания в этом отношении является самым доступным

и демократичным видом художественного творчества, а также по своему языку ближе всего детскому мышлению. Декоративно-прикладное искусство – это особый мир художественного творчества, бесконечно разнообразная область художественных предметов, создаваемых на протяжении многовековой истории развития человеческой цивилизации. Это сфера, вне которой невозможно представить себе жизнь человека. Каждая вещь, будь то мебель, посуда или одежда, занимает определенное место не только в организованной человеком среде жизнедеятельности, но, прежде всего, в его духовном мире [Горяева, 2003, с. 4].

Понятие «декоративно-прикладное искусство» достаточно широкое и многогранное. Это и уникальное крестьянское искусство, уходящее корнями в толщу веков; и его современные «последователи» – традиционные художественные промыслы, связанные общим понятием «народное искусство»; и классика – памятники мирового декоративного искусства, пользующиеся высоким признанием и сохраняющие значение высокого образца; и современное декоративно-прикладное искусство в широком диапазоне его проявлений.

Народное декоративное искусство – часть национальной культуры. В нем проявляются лучшие черты народа, общечеловеческие ценности: гуманизм, оптимизм, мудрость, смелость, стремление к красоте, самобытность, национальная психология. Все это богатство представлено в максимально выразительной форме искусства, обращенной в первую очередь к чувствам и мыслям людей. Высокие художественные достоинства содержания и формы народного искусства при его доступности – незаменимое средство воспитания ребенка. Использование народного декоративного искусства в работе с детьми – это воспитание любви к Родине, своему народу. В отечественной педагогике с давних времен проповедуется главный принцип: воспитывать детей на искусстве родном и близком, искусстве того края, где живет человек. Б.М. Неменский подчеркивает, что ребенка необходимо «привязать всеми его чувствами, эмоциями к древу культуры его народа» [Неменский, 1989, с. 142].

Декоративное искусство не есть что-то изолированное, особое, оно существует рядом с нами и органично сочетается с бытом, трудом, праздниками традициями и обычаями народа. Декоративное искусство материализуется в предметах и вещах, вызывая чувства и формируя вкус.

Каждое дело, совершаемое в обществе, и каждый предмет, функционирующий в культурной жизни людей, оказывают то или иное эстетическое воздействие, формируют или деформируют эстетическое сознание человека, развивают или возвращают его в эстетическом отношении точно так же, как и в нравственном. Эта неспециализированность, тотальность, всепроникающая сила эстетического воспитания делают его необходимым звеном культуры [Каган, 1989, с. 15, 22].

Безграмотность многих людей в области декоративно-прикладного искусства приводит ко многим социальным сбоям и личным нравственным срывам. Специалисты отмечают, что общество до сих пор не выработало планомерной системы обучения языку декоративного искусства и каждый проходит школу языка общения совершенно самостоятельно, стихийно. Декоративные искусства окружают нас повседневно, мы повсечасно общаемся с ними. В силу этого безграмотность может приводить к еще более серьезным нравственно-социальным последствиям, чем в области изобразительных искусств [Неменский, 1989, с. 114]. Социальная, человеческая цель декоративно-прикладного искусства и есть его цель художественная [Неменский, 1989, с. 116].

На основании вышеизложенного хотелось бы констатировать, что декоративно-прикладное искусство, на равных с другими видами художественного творчества,

является тем действенным средством в формировании эстетического отношения к действительности, которое, воздействуя на личность:

- обогащает ее эмоциональный и практический опыт, формирует вкус;
- развивает психику, формирует интеллектуальный потенциал;
- способствует воспитанию эстетических способностей;
- развивает природные задатки детей, их нравственные качества;
- настраивает на дальнейшую активную, творчески осознанную деятельность;
- отвечает их духовным потребностям, воспитывает любовь к своему народу;
- удовлетворяет стремление к самореализации и проявлению личностных качеств.

Библиографический список

1. Горяева Н.А. Методическое пособие к учебнику «Декоративно-прикладное искусство в жизни человека»: 5кл. / под ред. Б.М. Неменского. М.: Просвещение, 2003. 109 с.
2. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М., 1987. с. 121.
3. Каган М.С. Эстетическое сознание как феномен культуры. М., 1989. С. 15–22.
4. Киященко Н.И., Лайзеров Н.Л., Абросимов Б.Н. Пути и средства эстетического воспитания. М.: Наука, 1989. 192 с.
5. Неменский Б.М. Пути очеловечивания школы. Новое педагогическое мышление / под ред. А.В. Петровского. М., 1989.
6. Современные концепции эстетического воспитания. Теория и практика / отв. ред. д-р филос. наук Н.И. Киященко. М., 1998.
7. Степанова Л.А. П.Ф. Каптерев: Психолого-педагогические проблемы эстетического воспитания // Педагогика. 1999. № 6. С. 57–61.
8. Сухомлинский В.А. Письма к сыну. М., 1987.
9. Эстетическое отношение подростков к искусству и действительности / отв. ред. канд. филос. наук Е.М. Торшилова. М.: Изд. АПН СССР, 1983. 118 с.

ДИАЛЕКТИКА ИСКУСА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Эротико-искушающее начало художественного образа, отношение «конечного» и «бесконечного», онтологизация эманативной и имманативной формы художественного отношения, западная и восточная культура Средневековья.

Субстанциональное качество художественного образа – процессуальное многоаспектное пространство отношения, возникающее между зрителем и произведением искусства. Этимологический анализ понятия «художественный образ» позволяет утверждать о наличии внутренней энергетической ипостаси художественного образа эротического качества, которая служит системообразующим началом всего пространства отношения-игры художественного образа от первоначальной возможности притяжения двух партнеров друг к другу через проникновение их содержаний и результативности этого соития в про-изведении некоего третьего качества, материально-нематериального, соединяющего в себе идеальное и реальное, человеческое и нечеловеческое, сущностное и явленное. Сила, вовлекшая и удерживающая партнеров в субстанциональном пространстве отношения-игры художественного образа, находится не вне этого пространства, а является его важнейшим атрибутивным качеством – искусом самого становления художественного образа.

Эта сила, обладающая чудесной возможностью соединять несоединяемое – материю и идею, конечное и бесконечное, которая позволяет этим двоим (произведению и зрителю) сливаться, входить друг в друга, в античности получила название «Эрос». Эротическую энергетическую внутреннюю потенцию как основной атрибут игрового начала художественного отношения подтверждает характеристика качества Эроса в философских системах Гесиода, Парменида, Эмпедокла, Платона. Эрот – персонификация могущественнейшей универсальной космической силы, созидающей и структурирующей космос из хаоса в порядок; деятельная Любовь – как правящее центральное начало космоса, которое, притягивая противоположные элементы друг к другу, связывает небесное и земное, видимое и невидимое, являясь тем самым движущим началом всего процесса бытия.

Такие качественные характеристики сущности Эроса, как: 1) энергичный безыпостасный принцип становления, изнутри придающий смысл процессу и результату становления; 2) центральное системообразующее и упорядочивающее субстанциональное начало; 3) осуществление взаимного притяжения и удерживание противоположных элементов; 4) причина явления (порождения) всякого нового качества, подтверждают наличие эротической энергетики процесса отношения зрителя и произведения искусства как центрального порождающего начала, пронизывающего всё субстанциональное качество художественного образа. Эрос как внутренняя движущая энергия процесса формирования отношения художественного образа пронизывает собой весь процесс его становления от случайно-неслучайного первоначального импульса, связавшего двух субъектов отношения в одном пространственно-временном континууме, до глубочайшего проникновения их содержаний друг в друга и порождения ими такого уникального качества реаль-

ности, которое становится своеобразным «мостом» встречи двух предельно общих и всеобщих субстанций – конечного человеческого и бесконечного абсолютного.

На этапе сакрально-эротического отношения внутри пространства художественного образа происходит качественное изменение партнеров, которое позволительно именовать «преображением». «Преображение» выступает основной функцией «Эроса-искуса» художественного образа. Искушающие и преобразующие этапы пронизывают и структурируют изнутри весь процесс становления художественного образа «насквозь», с самых первых мгновений его существования и до последнего преобразованного Откровения, благодаря всеобъемлющему диапазону Эроса. Первоначальное влечение «эроса-искуса» может преобразиться до неузнаваемости, вознестись на недоступную высоту, иерархически низшее стремление может входить в некоторый высший комплекс, где оно преобразуется, оставаясь самим собой. Таков и Платонов Эрос: в «Пире» хлеб и вино лежат в основе самого высшего общения людей – это еще вино и вместе с тем как будто уже не вино, а то, что опьяняет Сократа [Платон, 1999, с. 207]. Всякая «влюбленность» трансцендирует за пределы прямого объекта любви и образует всепоглощающий эффект.

Осуществленный «Эрос-искус» художественного образа на уровне преобразования позволяет четко зафиксировать форму, внутри и благодаря которой это преобразование происходит: 1) преимущественное стремление бесконечного к конечному; 2) преимущественное стремление конечного к бесконечному; 3) обоюдное движение конечного и бесконечного. На уровне художественного образа речь может идти об его эротическом качестве трех видов:

- 1) эротико-эманативное качество художественного образа (сквозь художественный образ Абсолютное стремится оконечиться);
- 2) эротико-имманативное качество художественного образа (сквозь художественный образ конечное стремится найти бесконечную форму);
- 3) редчайшие уравновешенность и гармонизация эротико-эманативного и эротико-имманативного качества художественного образа в их стремлении навстречу друг к другу.

С одной стороны, художественный образ в его предельном качестве эротического отношения есть образец, эталон, который иносказательно являет суть Абсолютного, представляет собой пространство эманативного качества эроса художественного образа энергии Абсолюта в конечных и чувственно доступных формах. Термин «эманация» (позднелат. *emanatio* – «исхождение») – процессуальный, фиксирующий тенденцию перехода высших форм бытия в низшие, когда высшие остаются в неподвижном и неисчерпаемом состоянии Абсолютности и бесконечности, а низшие выступают в иерархически убывающем до предельной конечности виде. С другой стороны, имманативное качество эроса художественного образа расконечивает конечное, позволяет имманировать энергии конечного и рекристаллизоваться в теряющих свои четкие очертания обесконеченных формах художественного образа. Термин «имманация» (*eummanatio* – «вхождение») – процессуальный, фиксирующий вектор стремления низших форм бытия к высшим, когда низшие выступают в иерархическом прибывающем от конечного к бесконечному виде. Кроме того, амбивалентное качество Эроса художественного образа с необходимостью подразумевает уникальную гармонизацию двух обозначенных тенденций, где эманативное и имманативное движения уравновешивают себя.

С точки зрения эманативного движения бесконечного к конечному творчество всегда есть Логос, облекающийся во плоть, исхождение от абсолютного трансцендентного Существа. Творчество имеет своим первоисточником Бога-творца. Сотво-

ренный мир, космос дает художнику поток образов, приводимый в движение любовью от Бога, которые он лишь «открывает», получая божественный дар как благодать. Из глубины сердца встают образы, которые человек переживает как «откровение свыше», ничего не придумывая от себя, превращаясь в посредника, в медиума Божества. Вставший художественный образ есть фиксация эманативного эротического движения от бесконечного к конечному, от Единого ко множому. Суть процесса эротической эманации бесконечного наиболее полно представлена в философской концепции неоплатонизма [Плотин, 1995, с. 82], в учении Дионисия Ареопагита [Дионисий Ареопагит, 1997, с. 84].

Вся античная диалектика от Сократа до Плотина есть и восхождение к Абсолютному, или искание божества – эротико-имманативное движение человеческого к божественному. Сущность возводящего Эроса состоит в том, что он есть сублимация (с греч. «анагоге») – возведение человеческого к Возвышенному – фундаментальная философская категория, впервые истолкованная в идее платоновского Эроса. Это стремление всегда встречает границу и всегда выходит за ее пределы – трансцендирует. Платон символически изобразил бродячий, капризный, ищущий, тоскующий характер Эроса. Всякая конечность, всякий «имманитизм» невыносим для Эроса и есть пребывание в пещере. Он успокаивается лишь тогда, когда встречает наконец полный простор, бесконечный простор Абсолютного. Человек находит себя как относительное, конечное, несовершенное, зависимое существо, но «недостаточному» противостоит полнота, конечному противостоит бесконечное, несовершенному – совершенное, зависимому – независимое, относительному – абсолютное. Одно без другого не мыслимо и не переживаемо. Еgo (я) находит себя только в противопоставлении Абсолютному, и это искание и предчувствие Абсолютного есть потенциально в каждом человеке. Оно выражается как бесконечное стремление, как жажда полноты и совершенства.

Сущность противоположного процесса эротической имманации конечного навстречу к бесконечному наиболее полно представлена в истории философии Нового времени. Самосознание, еgo есть бесконечное стремление. Фихте утверждает, что сущность Я есть бесконечное стремление (*Unendliches Streben*) [Фихте, 1993, с. 123]. Стремление есть отрицание конечности, отрицание ограничения, выход за пределы вновь полагаемой границы, чувство свободы от всякой данной конечности. Согласно Спинозе, из самой природы человеческого разума следует любовь к Богу. Бог есть бесконечный разум, и в этом разуме все сущее постигается как вечное действие Бога. Поэтому интуитивное познание вещей есть разумная любовь к Богу, а через эту любовь Бог любит самого себя. Высшее познание человеческого духа проистекает из любви к Богу. *Amor Dei intellectualis* (разумная любовь к Богу) есть самая высшая радость, и только она есть высшее блаженство (*beatitudo*) [Спиноза, 2001, с. 92].

Антиномичность самой сущности Эроса художественного образа с необходимостью включает в себя диалектику эманативно-имманативных эротических потоков стремления бесконечного к конечному и ответного сублимированного возвышения человеческого к божественному.

Суть процессов эманации бесконечного в конечное и одновременной имманации конечного к бесконечному была наиболее успешно исследована Проклом в трактате «Первоосновы теологии». Николай Кузанский, продолжая идеи Дионисия Ареопагита, впервые сформулировавшего принцип иерархии как непрерывный путь от сверхъединого к материи, устанавливает противоположность мира земного и небесного, усиливая момент связи двух миров: порядок истечения бо-

жества сверху вниз дополняется обратным порядком – восхождением «инаковости» (т. е. многообразного мира вещей) к абсолютному единству [Кузанский, 1979, с. 102].

В русле этой концепции произведение искусства есть уникальный и неповторимый сплав, совпадение абсолютного максимума с абсолютным минимумом – предельно возможного Смысла и его единственно возможного конкретного воплощения в абсолютном бытии пространства художественного образа, где исчезает противоположность наибольшего и наименьшего в тождественности. «Преображение» – венчающий этап отношения художественного образа, которое испытывает зритель и произведение в «Эросе-искуссе», т. е. выпадение из «обычности», граница как синтез обеих сторон и рождение нового качества, преобразующего всю субстанцию отношения: участников, пространство, время.

Диалектика искушающего начала художественного образа, проявленная в эротико-эманативной и эротико-имманативной формах художественного отношения, удивительным образом онтологизирована в противоположности и гармоничной уравновешенности западной и восточной культур Средних веков – искусства Византии и искусства романики и готики в странах Западной Европы.

Общественное и религиозное устройство Византии и его отличие от Запада, безусловно, соотносятся со спором о «филиокве», с пониманием места и характера действия в мире третьего лица Св. Троицы – Св. Духа. Дополнение к никейскому Символу веры, введенное на Западе в эпоху Карла Великого, согласно которому Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, окончательно разделило пути Запада и Востока. Это повлекло за собой такие явления, как христологичность, иерархичность Запада в противовес пневматологичности, соборности Востока. В центре религиозного сознания православного типа находилось переживание духовного преобразования на всех уровнях, тесно связанное с пневматологической ориентацией Восточной церкви. Здесь родилась своего рода теология преобразования, а результатом ее было снятие раздвоенности земного и небесного, возможность трансформации – «обожения» для мира и человека. Западная «раздвоенность» земной юдоли и грядущего Небесного Царства – источник прямолинейного и поступательного, но исключительно земного исторического процесса.

Земной мир и человек в соответствии с православной концепцией были открыты действию божественной энергии, вторгающейся в реальную, историческую действительность и преобразующую мир и человека. Устремленность к преобразению всякой твари через преобразование человека и посредством человека, прокламированная Максимом Исповедником, лишена драматической экспрессии западного толка. Идеальным состоянием человека на Востоке считалось неподвижное созерцание, молитва, объединяющая духовную и физическую деятельность. И это преобразование получило отражение в целом ряде черт восточной религиозности: в длительном созерцании бесконечного золотого сияния икон; в приобщении к свету молчаливых – исихастов; в торжественной медлительности пышных дворцовых церемоний; в застывшем великолепии праздничного богослужения; наконец, в самой доминанте архитектурного типа – центрального, венчаемого огромным куполом храма, где человек пребывал в неподвижном созерцании, а святилище как бы вращалось вокруг него, даруя божественную благодать нисхождение Бога к человеку.

В западной архитектуре продольная динамика базилик с их целеустремленным, поступательным движением на восток соответствует рациональной земной созидательной воле романского мира, а вертикальный взлет в готике – состоянию

восхищенности, эмоционального порыва, дерзания человека, «пронзающего» своим духом Небеса. В Византии же главными будут противоположные законы, знаменующие эманативную динамику: нисхождение горнего к дольному в пространстве храма, парение, повисание. Место движения к алтарю в западной церкви займет статичное пребывание, обретение чувства райского блаженства. Купол здесь не опирается, а спускается с небес, колонны – это корни, углубленные в наш мир.

Эманативная направленность византийской культуры сказывается и в иконографии изобразительного искусства. Центральный образ – образ Спасителя – очень редко предстает в типе кенозиса – униженным, страдающим, что характерно для живописи Запада. В Византии это почти всегда образ Христа во славе – в типе Пантократора. Характерной для византийского искусства станет мозаика на золотом фоне, знаменующая бытие, омываемое вечными золотыми лучами. «На Востоке образ – это источник полноценной информации об Абсолютном, открытой созерцающему икону, источник реального воздействия на окружающий исторический мир благодатной божественной энергией, заключенной в иконе, с целью его преобразования. Средневековый Запад ориентировался в основном на проповедническое слово – слово назидательное. Изображение – картина, книга для неграмотных, поучающая, наставляющая, рассказывающая» [Колпакова, 2005, с. 21].

Психология Ренессанса, Реформации, неустанного Взыскания Града определяла и определяет динамический и целеустремленный тип западной культуры и западного духа. Этот бесконечный поиск некоего утраченного идеального образа жизни, идей, порядка незнаком Византии. Византия ощущала себя и в действительности была правомочной наследницей античности. Здесь не существовало чувства утраты, «лишенности», обусловившего поступательный путь развития западной цивилизации. Ощущение данности, обладания всем тем, что искали на Западе, определило специфические формы культуры Византии.

Античное чувство зрительной красоты (каллократии), созидающей мир, входило в плоть и кровь византийской культуры. Понятие «мимесиса» было кардинальным для византийской жизни и культуры, оно входило как составная часть в концепцию иконы, образа. Типичные для Запада понятия «некрасивое, но выразительное», «красота уродства» были немыслимы в Византии. Не случайно даже в России, воспринявшей византийскую традицию, должно было пройти два века со времени петровской секуляризации, чтобы появился словесный нонсенс: «некрасив, но прекрасный человек». Античная гармония и покой, отсутствие чрезмерных, несоизмеримых с достоинством человека страстей всегда были идеальным стержнем византийской культуры. Здесь не знали борьбы за победу единственного и высшего образца. Человек в византийской культуре был образом преображенной Вселенной, благодаря месту, отведенному ему в домостроительстве Господнем.

Суммировать разницу религиозного восприятия Востока и Запада можно было бы в ответе на вопрос: может ли человек поставить себя на место Бога? На Востоке, в отличие от Запада, на этот вопрос всегда отвечали отрицательно. Для западного же благочестия цель состояла в том, чтобы, разделяя страдания Спасителя, приблизиться к Нему.

Эта уникальная противоположность двух культур, сосуществующих в одном временном континууме и так действенно являющих две формы преображающего Эроса художественного отношения (преимущественное стремление «бесконечно-

го» к «конечному»; преимущественное стремление «конечного» к «бесконечному»), не должны фиксироваться как агрессивное противостояние восточного православия и католичества, которые являются ветвями одного христианского древа. Амбивалентное качество художественного образа Эроса с необходимостью подразумевает уникальную гармонизацию двух обозначенных тенденций, где эманативное и имманативное движения уравнивают друг друга. С одной стороны, художественный образ в его предельном качестве эротического отношения есть эталон, который иносказательно являет суть Абсолютного и представляет собой пространство эманативного нисхождения в чувственно доступных формах. С другой – его имманативное качество расконечивает конечное, позволяя сублимировать энергии конечного и рекристаллизоваться в обесконеченных формах художественного образа.

Библиографический список

1. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб.: Наука, 1997.
2. Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб.: АЗБУКА-КЛАССИКА, 2005.
3. Кузанский Н. Об ученом незнании. Кн. 2 // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1.
4. Платон. Диалоги. Харьков: Фолио, 1999.
5. Плотин. Космогония. М.: REFL BOOK, 1995.
6. Спиноза. Этика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
7. Фихте И.Г. Сочинения. в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

Социальные услуги, социальный контракт, социальная помощь, стандартизация социальных услуг.

Среди технологий социальной поддержки населения все более активную роль государство отводит социальным контрактам. Данная форма успешно развивается во многих европейских странах и имеет позитивный опыт вывода из кризиса многих семей и отдельных граждан. Социальный контракт – это договор между малоимущим гражданином и органом соцзащиты о предоставлении этому человеку или его семье государственной помощи в виде денежных выплат (ежемесячное пособие или единовременное); социальных услуг; необходимых товаров (топливо, продукты, одежда, обувь, лекарства и т. д.). Срок действия контракта – от трех до шести месяцев, но с учетом результатов контракт может быть и продлен. В рамках социального контракта одновременно учитываются потребности в социальной интеграции гражданина и его возможности получения работы или приобретения им квалификации, необходимой для ее получения. Социальная помощь на период действия контракта не исключает одновременное получение и др. видов социальной помощи. Заключение контракта возможно только при согласии заявителя и всех совершеннолетних членов семьи.

По прогнозам В.А. Васильева, «дискурс бедности» определяется как проблема демографии, общественного порядка, а также угроз личностной безопасности и политической стабильности государства, превращение бедности в универсальную проблему [Васильев, 2004, с. 24]. В таком случае социальный контракт адресован бедным семьям и гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, неспособным самостоятельно решать свои проблемы, в большинстве случаев не нашедшим своего места в экономической жизни общества, часто не нацеленным на самообеспечение и ждущим от государства лишь материальной поддержки.

В Аналитическом сборнике Совета Федерации за 2010 год Л.Н. Пономарева, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике и здравоохранению, анализирует существующие в России адресные программы поддержки бедного населения в субъектах Российской Федерации, даёт оценку потенциала участия бедного населения субъектов Федерации в программах социального контракта и возможностей региональных рынков труда для эффективной работы системы социальных контрактов.

По глубокому убеждению Е.И. Холостовой, задачами социального контракта являются:

– сделать возможной социальную и профессиональную реинтеграцию бенефициара (получателя помощи) и его непосредственного окружения (семьи) в целях приобретения достаточной независимости от социальной системы и полноценного участия в жизни общества;

– обеспечить, чтобы его близкое семейное окружение, в частности дети, как можно раньше осознало и взяло на себя подобную ответственность;

– заставить осознать тот факт, что если у общества есть обязательства по отношению к своим гражданам, то и сами граждане должны оказывать обществу сильное содействие;

– в краткосрочной перспективе обеспечить гражданину стабильную интеграцию в общество путем доступа к достойному жилью, медицинской помощи, адаптированной к его ситуации, психологическому и социальному сопровождению;

– в более долгосрочной перспективе сделать человека полностью независимым, в частности через получение им достойно оплачиваемой работы [Холостова, 2010].

Министерство здравоохранения и социального развития РФ разработало рекомендации по оказанию государственной социальной помощи малоимущим гражданам и семьям. Начиная с 2011 года 25 субъектов Российской Федерации участвуют в эксперименте по внедрению социального контракта. Г.И. Климантовой и Е.И. Холостовой социальный контракт рассматривается как инновационная технология борьбы, определены сущность, принципы, функции социального контракта, нормативно-правовая база социального контракта, проанализирован опыт субъектов РФ, в которых проводится эксперимент по социальному контракту, приводится зарубежный опыт, даны рекомендации опыта распространения социального контракта [Холостова, Климантова, 2011].

Ожидаемыми результатами применения технологии оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта являются:

– реализация трудового потенциала получателей государственной социальной помощи;

– повышение уровня и качества жизни малоимущих граждан за счет постоянных источников независимого дохода в денежной или натуральной форме;

– социальная реабилитация членов малоимущих семей (малоимущих одиноко проживающих граждан);

– повышение социальной ответственности получателей помощи, снижение иждивенческого мотива в поведении.

Основными принципами реализации новой технологии оказания государственной социальной помощи малоимущим гражданам на условиях заключения социального контракта являются: добровольность участия, обязательность исполнения условий социального контракта, индивидуальный подход при определении условий социального контракта, целевой характер оказания социальной помощи.

Г.И. Климантовой предлагаются контракты социальной адаптации (КСА), необходимые для того, чтобы решить основные социальные проблемы или хотя бы найти пути решения, так как:

– социальная помощь порождает иждивенческие настроения;

– общество не может обойтись без посильного вклада каждого своего члена;

– на государстве лежит незыблемое и неоспоримое обязательство защищать своих граждан;

– КСА предполагает взаимное обязательство, которое позволило бы каждому гражданину занять свое место в обществе;

– в рамках КСА общество обязуется помогать тем гражданам, которые будут помогать себе сами для того, чтобы стать активными членами общества в социальном и экономическом плане.

Также предполагается, что граждане, не согласные заключать КСА, будут получать поддержку, позволяющую им выжить, невзирая на личные средства, которыми они располагают, в целях обеспечения безопасности и выживания.

Мы согласны с Васильевым, что разработка законодательной и нормативной базы, регулирующей социальную сферу, является одним из важнейших условий преодоления негативных последствий низкого уровня жизни, социально-экономических диспропорций. В реальной практике процесс определения государственных гарантий минимальных социальных стандартов носит достаточно сложный характер [Васильев, 2004].

Размер ежемесячного социального пособия на период действия социального контракта определяется в пределах разницы между величиной прожиточного минимума малоимущей семьи (малоимущего одиноко проживающего гражданина), определяемой с учетом величин прожиточных минимумов, установленных субъектом Российской Федерации для соответствующих социально-демографических групп населения, и совокупным доходом малоимущей семьи (доходом малоимущего одиноко проживающего гражданина). Ежемесячное социальное пособие не может быть ниже минимального размера ежемесячного социального пособия малоимущим гражданам, установленного в субъекте Российской Федерации.

Размер единовременной выплаты малоимущей семье (малоимущему одиноко проживающему гражданину) определяется с учетом мероприятий, предусмотренных социальным контрактом, и не может превышать максимальный размер единовременной выплаты малоимущим гражданам, установленный в субъекте Российской Федерации.

Денежная выплата, полученная гражданами, заключившими социальный контракт, может быть использована исключительно на мероприятия, связанные с выполнением обязанностей по социальному контракту, в том числе на развитие личного подсобного или крестьянского (фермерского) хозяйства (покупка домашнего скота, птицы и др.); организацию индивидуальной предпринимательской деятельности; покупку учебников и других школьных принадлежностей; расходы на ремонт жилища, хозяйственных построек; лечение; иные мероприятия, предусмотренные социальным контрактом.

В случае получения членом семьи, признанным в установленном порядке безработным, выплат на содействие самозанятости и стимулирование создания безработными гражданами, открывшими собственное дело, дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан, государственная социальная помощь в виде единовременной выплаты социальным контрактом не предусматривается. Оказание государственной социальной помощи на основе социального контракта может осуществляться как за счет бюджетных, так и внебюджетных средств. Контракты в зависимости от предлагаемой гражданам помощи можно разделить *на два типа*: контракт на оказание поддерживающей помощи; контракт на оказание помощи на начальном этапе.

Контракт первого типа заключается с гражданином, нуждающимся в дополнительном доходе, который позволил бы ему оплачивать обычные и непредвиденные повседневные расходы. Такое дополнительное пособие обычно перечисляется (или передается гражданину, если оно в натуральной форме) и выступает в качестве гарантии в течение нескольких месяцев. Этот вид контракта позволяет регулярно контролировать бенефициара и предусматривает выполнение целого ряда встречных действий. В ответ на принятые бенефициаром обязательства ему перечисляется ежемесячное пособие, предусмотренное региональным законодательством, в денежной или в натуральной форме. Региональные власти могут принять самостоятельное решение о том, что за счет контракта покрываются общие социальные пособия или адресная социальная помощь. По определению, чем точнее и детальнее проработан контракт, тем эффективнее будет поддерживающая помощь.

Контракт для оказания помощи *на начальном этапе* заключается обычно с гражданами, имеющими четкий проект деятельности и нуждающимся в единовременной помощи для его запуска. По существу, речь идет о достаточно независимых и предприимчивых гражданах, которые приобретут самостоятельность. Чаще всего говорится о помощи в виде капиталовложений, которая позволит приобрести оборудование или инструменты, предназначенные для реализации их проекта. В этом случае контракт будет направлен на конкретную реализацию проек-

та. В такой контракт должны быть включены статьи, гарантирующие надлежащее использование капиталовложений и соблюдение выбранного направления в течение определенного периода времени. Следует контролировать соотношение продолжительности срока, который гарантирует бенефициар, с размером оказанной помощи. Кроме того, в контракте может быть предусмотрена статья, согласно которой возвращается неиспользованная часть капитала, так, чтобы в случае прекращения деятельности, гражданин не обогатился за счет помощи, оказанной ему для выполнения конкретной задачи. Помощь в капиталовложении может принимать три формы:

- 1) субсидия, покрывающая полностью или частично предусмотренные инвестиции;
- 2) ссуда, покрывающая полностью или частично предусмотренные инвестиции;
- 3) часть ссуды или субсидии, покрывающая полностью или частично предусмотренные инвестиции.

В этих трех случаях следует попытаться добиться по возможности софинансирования капиталовложений, пусть даже в минимальном размере, со стороны гражданина, поскольку софинансирование является гарантией серьезности его намерений в реализации проекта. Кроме того, перевод части помощи в виде ссуды обеспечит автоматическое пополнение свободных фондов и наилучшее финансирование будущих расходов в течение проекта.

В целях проведения разностороннего анализа конкретных ситуаций и учета совокупности индивидуальных характеристик гражданина, заключающего контракт, рекомендуется создавать команды специалистов, представляющих смежные дисциплины. В такие «команды по социальной интеграции» можно было бы включить следующих специалистов:

- одного социального работника;
- одного специалиста по вопросам занятости;
- одного психолога или врача (в случае необходимости).

Внедрение социального контракта позволяет конкретным лицам, претендующим на помощь государства, во многих случаях уходить от иждивенчества, изыскивать ресурсы для самореализации в решении собственных проблем.

Библиографический список

1. Васильев В.А. Идентификация проблемы бедности в современных российских условиях: социологический анализ. М., 2004.
2. Васильев В.А. Измерение бедности: проблемы и перспективы // Научные школы МГСУ. Социальные науки и социальное образование. М., 2004.
3. Галаганов В.П. Организация работы органов самообеспечения в Российской Федерации. М., 2008.
4. Климантова Г.И. Социальный контракт как инновационная технология: метод. рекомендации. М.: ИПК ДСЗН, 2011.
5. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Технология социальной работы с различными группами населения: учеб. пособие. М., 2010.
6. Приказ Минздравсоцразвития России от 31 мая 2010 г. № 399 «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта».
7. Холостова Е.И. Технологии социальной работы по преодолению бедности. Социальный контракт. М., 2010.
8. Холостова Е.И., Климантова Г.И. Социальный контракт как инновационная форма борьбы с бедностью. М., 2011.

ЯЗЫК КАК ФОРМА БЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Язык, культура, концептосфера, заимствование, контаминация, нация (национальное), охрана родного языка.

Невозможно представить языка без культуры и культуры без языка. Язык – факт культуры, он ее составная часть, наследуемая нами. Национальный язык, выражая национальное мировидение, специфический характер мироощущения и систему ценностей, является формой бытия национального сознания. Именно язык дает нам показания о характере народа. Процессы глобализации стирают географические, экономические и, конечно, языковые границы. Одной из наиболее обсуждаемых проблем современности является проблема унификации языка. Английский язык сегодня проникает во все языки мира, он стал языком – донором, остальные – языками-реципиентами. Как следствие, очевидной становится схожесть языков и показателей национальной принадлежности.

Настоящая действительность такова, что в нашем обществе, говорящем на русском языке, намечается некоторое «расслоение» – на тех, кто приветствует и активно способствует проникновению в концептосферу русского языка англоязычных заимствований, и на тех, кто категорически против этого. Совершенно несложно заметить, что пока «побеждают» те, кто говорит *тинейджер* вместо *подросток*, *тэкс фри* вместо *без налога*, *пати* вместо *вечеринка* и т. д. Проблема недуманного использования заимствований из английского языка (и его американского варианта) уже привела к масштабной контаминации русского языка. Далее можно лишь ожидать появления новой, гибридной формы языка – некоего «русангла», подобно «Denglish» в Германии и «Frenglish» во Франции.

Использование английского языка может быть оправдано в международном общении, когда же мы используем его внутри своей страны, общаясь друг с другом, это выглядит необоснованно, странно – зачем пользоваться «чужим» языком для общения со «своими»?

Концептуальная сфера, составляющая, по мнению Д.С. Лихачева, главное богатство русского языка, постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт [Лихачев, 1999, с. 162]. А в сегодняшней России «обогащение» концептосферы русского языка идет в основном за счет англоязычных заимствований, что вступает в рассогласование с менталитетом и угрожает аутентичности воспроизводства национального сознания. Трудно предположить, что на сохранность русского языка позитивно влияют такие названия произведений С. Минаева, как, например, «Duxless», «The Телки». Здесь явное смешение и соединение двух языков. Это лишь один пример, доказывающий то, что в России происходит ломка национального сознания, отражающаяся в языковых новациях. В современной науке активно ведется дискуссия о том, насколько допустимо использование иноязычной лексики. В сущности, спор идет между сторонниками пуризма и сторонниками заимствований, а еще к ним прибавляются сторонники частичных заимствований. Конечно, заимствования начали проникать в русский язык не только в XX–XXI вв. Первыми обеспокоенность появлением многочислен-

ных новых слов иностранного происхождения выразили русские литераторы. Прежде всего, это А.П. Сумароков, который в 1759 г. в статьях «О коренных словах русского языка» и «О истреблении чужих слов из русского языка» выступил ярким противником употребления иноязычных слов [«Вечный» вопрос...]. Своими взглядами А.П. Сумароков заложил основу такому направлению, как пуризм – жесткое неприятие неологизмов в языке. К концу XVIII и началу XIX вв. возникла полемика между членами двух литературных объединений: «Арзамас», члены которого полагали, что заимствования обогащают наш язык (Н.М. Карамзин, В.Г. Белинский), и «Беседы любителей русского слова», представители которого являлись сторонниками языкового пуризма (А.С. Шишков, А.А. Шаховской).

Идея использования или неиспользования заимствований была актуальной не только в сфере формирования лексического строя русского языка, но и его философского осмысления. Так, складывание отечественной философии языка было обусловлено решительным неприятием заимствованных методов и способов построения теории русского языка из других рационалистически ориентированных грамматик.

На рубеже XVIII–XIX вв. в западноевропейском, а в начале XIX в. и в отечественном языкознании все более осознается ограниченность философии рационализма и принципов всеобщей грамматики. Впервые о невозможности применять правила всеобщей грамматики к строю русского языка заговорили представители формального направления в философии языка: К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, Ф.Ф. Фортунатов. Форма слова, по их мнению, выступала основным объектом философии языка. В их понимании форма слова есть главный признак, посредством которого выражается соотношение языка и мысли, а также способ, которым осуществляется бытийность языка народа, в результате чего появляется возможность объяснить его дух.

Внимание, которое они уделяли исследованию языковых форм, было следствием понимания той важной роли, которую они выполняют в духовной культуре, представляя собой «строительные леса смысла» [Безлепкин, 1999, с. 33–40]. К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, Ф.Ф. Фортунатов решили ряд вопросов, имеющих отношение к тому, по какому пути пойдет развитие русской грамматики. К.С. Аксаков говорил, что «при составлении русской грамматики всего менее думали о русском языке: думали о готовых формулах иностранных грамматик, о данных формах, в которые следовало втиснуть русский язык». «Настало время для науки, – считает Аксаков, – обратиться к самому русскому языку, к самой русской истории и прочим областям знания, и обратиться со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приготовленного заранее ответа, – и выслушать ответ, какой дают русский язык, русская история и пр.» [Безлепкин, 1999, с. 15]. К.С. Аксаков осознавал, что для обоснования полноценного места русского языка среди европейских языков, **необходимо показать совершенство его форм**, благодаря чему он обогащает общечеловеческое, являясь носителем духовных богатств народа [Безлепкин, 1999, с. 15].

Знаменитый ученый-лингвист А.А. Потебня тоже отстаивал самобытность отечественной культуры, русского языка, резко возражал против взгляда на язык как явление «пересадочное», возникшее в результате влияния Запада. Но, в отличие от формального направления, считал, что «форма» не решит проблем языка, т. к. при всей значимости языковых форм они могут действительно стать душой языка, когда будут рассматриваться во взаимодействии с их значениями. А.А. Потебня воспринял и развил идеи выдающегося немецкого государственного

деятеля, лингвиста и философа Вильгельма фон Гумбольдта о соотношении языка и мышления. Диалектическое понимание их взаимосвязи, язык как «беспрерывная деятельность духа» привлекли внимание А.А. Потебни. Он углубленно прорабатывает идеи немецкого языковеда. Это относится к идее В. Гумбольдта о неразрывной связи языка с историческим развитием народа. Народ, считал В. Гумбольдт, – главный творец и реформатор языка. Язык связан с формированием духовной силы нации, «он есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что либо более тождественное» [Безлепкин, 1999, с. 4].

В своих лингвистических исследованиях В. Гумбольдт поднимал важные проблемы социально-философского характера, связанные с выявлением понятий «народ» и «язык». В. Гумбольдт утверждал, что познать дух и характер народа можно тем или иным образом, но «только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны [Гумбольдт, 2001, с. 69]. Каждой нации присущи своеобразные черты, особенности, свой характер. Это и составляет национальный характер, который оказывает непрекращающееся воздействие на язык. «Нация постепенно придает языку своеобразную окраску, особый оттенок, а язык закрепляет в себе эти черты и начинает в том же смысле воздействовать на народную жизнь. Поэтому, отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере» [Гумбольдт, 2001, с. 168]. Актуальна для современной действительности мысль В. Гумбольдта, который говорил, что в заимствованиях некоторые народы ищут ясного и легкого для понимания выражения своих мыслей. Это народы, которые озабочены больше формой, даже в ущерб содержанию. «Гораздо больше, чем в отдельных словах, интеллектуальное своеобразие наций дает о себе знать при сочетании слов в речи» [Гумбольдт, 2001, с. 182].

Творческое развитие в трудах А.А. Потебни получила мысль В. Гумбольдта о том, что язык представляет собой основной способ мышления и познания. В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть орган, образующий мысль... Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» [Гумбольдт, 2001, с. 6]. В работе «Мысль и язык» А.А. Потебня отмечает, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, он есть не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность. Если перенести указанную мысль на сегодняшнее положение дел в русском языке, то выходит, что, употребляя заимствования, мы перестаем мыслить сами, используем уже готовые шаблоны, следовательно, интеллект наш не «работает», а отмирает.

Несомненно значимыми в рассмотрении проблем современного русского языка являются темы, поднятые А.А. Потебней в его работе «Язык и народность». Так, мысль об утрате своеобразия народностями стала еще более актуальной в наши дни. Подражательность приводит к появлению общекультурного типа, характеризующего не француза, англичанина, немца, а вообще цивилизованного человека, а также к тому, что рано или поздно народы сольются в одну общечеловеческую народность. Все происходящее в современном обществе служит наглядным тому примером.

А.А. Потебня отмечает, что препятствия заимствованию и подражанию могут сгладиться и исчезнуть благодаря международным языкам (каковым на сегодняшний день является английский), а также благодаря все увеличивающемуся числу переводов с одного языка на другой. «Кроме того, полагают, что высшее развитие ослабляет в языке звуковой элемент и усиливает логический, считаемый общечеловеческим, выводит из употребления своеобразные обороты и пого-

ворочные выражения» [Потебня, 1993, с. 7]. Языки теряют свои национальные особенности и становятся схожими. Действительно, с течением времени это может привести к появлению одного общечеловеческого языка. К каким последствиям это приведет, можно предположить, соглашаясь с мнением А.А. Потебни: «Рассматривая языки как глубоко различные системы приемов мышления, мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим – лишь понижения уровня мысли» [Потебня, 1993, с. 8].

По мнению А.А. Потебни, изучение иностранных языков, переводы с иностранного на русский «оказываются могущественным средством укрепления учащихся в духе и преданиях отечественного языка и возбуждения самостоятельного творчества на этом языке», но лишь при соблюдении некоторых условий. Условия эти состоят в том, «чтобы ознакомление учащихся с иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрепились в знании своего, и чтобы язык учеников был для учителя родной...» [Потебня, 1993, с. 10]. Сейчас же стало модным начинать обучение иностранным языкам с детского сада, т. е. с того момента, когда ребенок еще и азов родного языка не усвоил. Вот как видел эту проблему А.А. Потебня: «Пристрастие многих русских из классов, покровительствуемых фортуной, к обучению детей новым иностранным языкам заслуживает осуждения не само по себе, а по низменности своих мотивов. Такие русские смотрят на знание иностранных языков как на средство отличиться от черного люда и как на средство сношения с иностранцами. В последнем отношении они стараются не снискать уважение иностранцев, а лишь говорить как они. В языке видят только звуки, а не мысль, а потому, ради чистоты выговора, начинают обучение иностранному языку чуть не с пеленок и, как во времена "Недоросля", поручают детей Вральманам. Так, из детей с порядочными способностями делаются полуидиоты, живые памятники бессмыслия и душевного холопства родителей» [Потебня, 1993, с. 10].

Идеи В. Гумбольдта разделяли и развивали его последователи и представители неогумбольдтианского языкознания: Л. Вайсгербер, Г. Хольц, Б. Уорф, Э. Сепир, тоже отстаивающие идею внутреннего единства языка и мышления. Данное направление в философии языка также придерживается идеалистического взгляда на процесс познания, а через него на общественную жизнь и мир в целом в результате преувеличения роли (абсолютизации) языка.

Один из наиболее заметных представителей неогумбольдтианского языкознания Л. Вайсгербер расценивает как ненаучное такое понимание языка, в котором язык есть средство лишь выражения и сообщения готовых мыслей, средство взаимопонимания, не связанное с процессом формирования самой мысли [Панфилов, 1977, с. 9]. Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, выражая все представления нации о мире. «Проникновение в мировоззрение языка есть предпосылка плодотворной работы для всех видов языкового исследования. Исходя из этого принципа, можно рассматривать язык как культурно образующую силу, поскольку именно язык представляет обязательное условие человеческого культурного творчества и принимает участие в формировании его результатов. Этот же принцип обуславливает понимание языка как историкообразующей силы, поскольку он... охватывает собою и духовно стимулирует постоянного носителя исторической жизни – народ» [Панфилов, 1977, с. 11–13].

Другой представитель неогумбольдтианского языкознания Г. Хольц считает, что даже невысказанная мысль образуется с помощью языка, так как человек в этом случае пользуется понятиями и логическими отношениями, а значит, словами и

грамматическими формами. Развертывание предложения – это ход самой мысли. Если есть предложение, то, следовательно, есть и мысль [Панфилов, 1977, с. 9]. Немецкий мыслитель понимает язык как средство формирования картины мира, как границу идеи и действительности, как переход действительности в мысль, как сущность контакта человека с миром в том диалектическом смысле, что через язык человек формирует для себя мир, картину мира в определенных границах, в пределах которых может получить от него сведения. При этом человек становится тем, что он есть, так как обретает способ познания мира. Таким образом, язык одновременно оказывается и средством формирования самого человека.

Б. Уорф также признает ошибочным мнение, будто речь лишь выражает то, что в основных чертах сложилось в сознании без помощи языка, что формирование мысли – это якобы самостоятельный процесс, никак не связанный с природой отдельных конкретных языков.

Большое внимание изучению взаимодействия языка и мышления, языка и объективной действительности уделял Э. Сепир. По отношению к мышлению язык, по мнению Э. Сепира, выступает в функции мыслеобразования [Панфилов, 1977, с. 16]. Он идеализирует язык в том плане, что язык – это символ страны и показатель его культуры. «Лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры» [Сепир, 2001, с. 243]. «...политическая и государственная единица, будучи уже единожды образована, использует государственный язык как символ своей идентичности, откуда постепенно и возникает специфически современное ощущение, что всякий язык как таковой должен быть выражением четко определенной национальной принадлежности» [Сепир, 2001, с. 246]. Также в своих работах Э. Сепир затрагивает тему заимствований и взаимопроникновения культур, которые «идут рука об руку» [Сепир, 2001 с. 240]. Из всех языковых изменений наиболее важную роль в истории языка он отводит заимствованию слов через языковые границы. Э. Сепир не согласен с тем, «будто заимствование слов в английском языке носило столь механический и внешний характер, как это принято изображать. В тенденции английского языка к развитию должно было быть нечто такое, что благоприятствовало усвоению новых слов. Заимствуемые слова компенсировали какое-то внутреннее ослабление самого языка» [Сепир, 2001, с. 156]. Скорее всего, данное утверждение можно применить и для характеристики процессов, происходящих в русском языке.

Итак, все названные исследователи признают исключительно великую роль языка в формировании и сохранении нации; именно язык является символом государства, отражает культуру, которую он обслуживает. «Языки – невидимые покровы, облекающие наш дух» [Сепир, 2001, с. 195].

По-иному рассматривается язык и проблемы философии языка исследователями, которых можно отнести к материалистическому направлению.

Так, например, Ф. де Соссюр смотрит на язык следующим образом: «Долго предполагали, что языки являются неисчерпаемыми источниками свидетельств о народах, на них говорящих. Однако нам кажется, что нельзя требовать от языка показаний такого рода» [Соссюр, 1999, с. 224–225].

Противопоставить идеалистическому восприятию языка можно также и учение Н.А. Хомского. В своей теории машинных «языков» (так называемых «алгоритмических языков», или «языков программирования») Н. Хомский не находит места ни изменчивости языка, ни его социальной обусловленности, ни его вероятностным характеристикам, ни полиморфизму компонентов его сложных целых.

Следовательно, эти важные свойства не воспринимаются Н. Хомским и в отношении естественного языка [Панфилов, 1977, с. 259].

Таким образом, противники идеалистического направления в философии языка не обращали внимания на факт социокультурной значимости языка и рассматривали его лишь с материалистической точки зрения, лишь как голую функцию мозга.

При всем многообразии мнений ученых о языке невозможно отрицать того факта, что язык является стержнем любой культуры, символом национальной принадлежности, конечно, формой бытия национального сознания. Может ли современный русский язык, пребывая в «больном» состоянии, оставаться формой бытия «здорового» национального сознания? Положительный ответ возможен при условии следования концепции культурвитализма – жизненных сил культуры, в соответствии с которой «...в оппозициях "самобытность – нивелировка", "почвенность – глобализация", "свое – чужое" жизненная логика культур однозначно диктует приоритетность первых составляющих» [Семилет, 2004 с. 132]. Следует прекратить заимствование лексических новинок в русский язык, а начать заимствовать тот опыт ряда европейских стран, который позволил сохранить французский, немецкий языки и не дал развиваться таким их формам, как Frenghlish и Denglish.

Анализируя процессы, происходящие в языке, следует прислушаться к мнению ученых о необходимости сохранить язык любой ценой, о возможности введения мер, исключаяющих его «умирание», иначе мы допустим исчезновение языка, что приведет к гибели национального сознания и национальной культуры.

Библиографический список

1. Безлепкина Н.И. Философия языка в России. СПб., 1999.
2. «Вечный» вопрос о мере использования иноязычных слов. URL: www.literary.ru/literary.ru/print.php (дата обращения 24.02.2011).
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
4. Караулов Д.Н. Языковое время и языковое пространство // Вестник МГУ. Филология. 1970. № 1. С. 61–74.
5. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. Изд. 2-е доп. СПб., 1999.
6. Панфилов В.З. Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
8. Семилет Т.А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры: монография. Барнаул, 2004.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. М., 2001.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1999.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ ПРИРОДЫ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Когнитивное религиоведение, человеческий разум, минимально противоинтуитивные понятия, сверхактивное устройство для обнаружения целеустремленных агентов, формы религиозности, ритуалы.

Современное отечественное религиоведение базируется на традиционных методологических подходах: социологических, психологических, феноменологических и т. д. Гораздо менее известны сравнительно новые теоретико-методологические направления, активно развивающиеся в Европе и Северной Америке, которые предлагают естественнонаучное объяснение происхождения религии и религиозных явлений.

В последние годы исследователи религии добились существенного прогресса в обосновании и понимании эволюционного и гносеологического аспекта в происхождении религии. Особое место в этой исследовательской перспективе занимает так называемое когнитивное религиоведение (*cognitive science of religion*). Когнитивное религиоведение – это новая междисциплинарная область, которая возникла вместе с публикацией нескольких основополагающих работ в начале 1990-х. К наиболее значимым авторам и научным трудам данного направления в первую очередь можно отнести: *Rethinking Religion* исследователя религий Томаса Лоусона и философа Роберта Макколи [Lawson, McCauley, 1990], *Faces in the Clouds* антрополога Стюарта Гатри [Guthrie, 1993] и *The Naturalness of Religious Ideas* когнитивного антрополога Паскаля Бойера [Boyer, 1994]. В каждой из этих работ был предложен план совершенно нового подхода к изучению религии. Эти работы, несмотря на их различия, имели множество общих черт, что и способствовало достаточно быстрому формированию нового научного сообщества. На сегодняшний день в западном религиоведении существует несколько наиболее популярных работ, служащих доступным введением в область когнитивного изучения религий [Boyer, 2001; Barrett, 2004 b; Slon, 2004; Tremlin, 2006; Pyysiäinen, 2009]. Однако это исследовательское направление возникло отнюдь не на пустом месте. Уже в 1975 г. французский социобиолог и антрополог Дэн Спербер [Sperber, 1975] опубликовал книгу *Rethinking Symbolism*, которая в значительной степени заложила основу для когнитивного подхода к культурным системам. В 1980 г. Гатри [Guthrie, 1980] опубликовал статью *A Cognitive Theory of Religion*, в которой был предложен когнитивный подход к религии. С точки зрения автора человеческие биологические интуиции могут быть использованы для объяснения анимизма и антропоморфизма.

Исследователи религии, позиционирующие себя как представители когнитивного направления, опираются на теории и методы когнитивной науки, эволюционной и когнитивной психологии, нейробиологии и антропологии. Когнитивное религиоведение сосредоточено на кросс-культурных повторяющихся паттернах в религиозном мышлении, переживании и поведении, рассматривая эти закономерности с точки зрения архитектуры человеческого разума. Основное предположение заключается в том, что в действительности не существует специально рели-

гиозных когнитивных механизмов или процессов, что любая религия на самом деле основана на обычных, естественных когнитивных процессах, которые также поддерживают и нерелигиозные формы мышления и поведения. Именно этот тезис «естественности религии» психолога Джастина Барретта [Barrett, 2000] обеспечил общее понимание и стратегию для новой исследовательской программы. Данная стратегия предполагает, что внешне экстраординарные культурные идеи и действия, найденные в различных религиях, можно объяснить вполне обычными когнитивными механизмами, которые удалось выявить когнитивной науке. Тезис «естественности религии» означает, что «благодаря тому, как устроены и как функционируют человеческие умы, обычные люди во всем мире особенно восприимчивы к формированию, сохранению и передаче религиозных концепций» [Barrett, 2004 а, р. 402].

Когнитивное религиоведение базируется на следующих допущениях.

1. Человеческий разум не является единым, целостным устройством обработки информации общего назначения, но включает в себя ряд специализированных подсистем, сложившихся в ходе эволюции для решения определенных периодически повторяющихся адаптивных задач. Так, Туби и Космидес считают – лучшей аналогией для человеческой психики является не единый многоцелевой компьютер (некий универсальный инструмент), а скорее швейцарский армейский нож [Cosmides, Tooby, 1994, с. 60].

2. Эти подсистемы существенно формируют восприятие и познание в отношении природного и социального мира.

3. Эти своеобразные механизмы, устройства человеческих умов наполняют и ограничивают периодически повторяющиеся паттерны человеческого мышления и действия, в том числе и религиозного.

4. Таким образом, периодические свойства религиозного мышления и действия (например, вера в богов) могут быть объяснены через обращение к необходимым элементам концептуальных структур человеческого разума.

Иными словами, речь идет о признании того, как подчеркивает Бойер, что ряды типичных религиозных представлений повторяются во многих различных культурах [Boyer, 1994]. Например, во многих культурах существует представление о том, что нефизический элемент человека (душа) сохраняется после физической смерти. Кроме того, в различных культурах считается, что некоторые люди могут получать послания от невидимых существ, таких как предки, духи или боги. Этот факт повторяющихся паттернов религиозных представлений часто недооценивался или игнорировался в антропологии и в изучении религий. Когнитивное религиоведение особенно сосредоточено на объяснении того, почему определенные типы религиозных идей повторяются в различных культурных контекстах, каким образом религиозные идеи отличаются от других видов идей и как это отличие может влиять на память и передачу. В своих объяснительных стратегиях, когнитивные исследователи религии пытаются определить селективные механизмы для объяснения периодического повторения определенных видов религиозных представлений.

«Эпидемиология» представлений и противointуитивность

Дэн Спербер использует для описания распространения и отбора элементов социокультурных представлений так называемое «эпидемиологическое» сравнение: изучение распространения идеи и представлений сродни изучению распространения заболеваний, по принципу своеобразного «заражения» (это сравнение, воз-

можно, не самое удачное, так как оно легко вызывает негативные ассоциации) [Sperber, 1996]. Согласно «эпидемиологической» модели представлений, производство и передача культурных представлений серьезно сдерживается когнитивными факторами, которые оказывают селективное давление в пользу определенных типов представлений. Спербер проводит различия между общественными и психическими представлениями в акте коммуникации. Общественные представления, согласно Сперберу, имеют только лишь причинный эффект производства психических представлений, и в этом смысле психические представления являются первичными по отношению к общественным представлениям. Это говорит о том, что культура не может быть описана без ссылки на когнитивные системы, лежащие в основе психических представлений. Таким образом, представления могут быть изучены как «эпидемиологические» явления, то есть как имеющие некие отличительные особенности распространения определенных идей посредством прямой коммуникации. Представления, которые запускают нашу когнитивную систему, будут запоминаться и передаваться от личности к личности, соответственно, в итоге они будут широко распространены.

Паскаль Бойер применяет «эпидемиологический» подход к области религии и религиозных представлений, исследуя познавательные и прагматические структуры, которые ограничивают и содействуют конструированию и передаче религиозных представлений [Boyer, 1994; 2001]. В работе *The Naturalness of Religious Ideas* Паскаль Бойер утверждает, что религиозные представления являются особым случаем представлений, которые объединяют явные минимально противointuitive аспекты, имеющие мнемоническое преимущество, с неявными интуитивными аспектами. Это различие между интуитивными и противointuitive представлениями основано на тщательных исследованиях в области эволюционной психологии, которые поддерживают гипотезу о том, что познавательные механизмы человеческой психики «проблемно-ориентированы», т. е. отдельные механизмы предназначены для обработки определенных типов информации. Проблемно-ориентированный подход к человеческому познанию поддерживает аргумент, что наше неявное понимание мира разделено на множество онтологических областей. Существует как минимум три категории интуитивного знания, которые хорошо иллюстрируют природу операционной системы, руководящей человеческим мышлением в различных онтологических областях.

Это: «наивная» физика (интуитивное знание о физических объектах и их движении), «наивная» биология (интуитивное знание о животных и их поведении) и «наивная» психология (интуитивное знание о людях и их психических состояниях – «теория психического»). Следовательно, люди обладают интуитивными ожиданиями в таких областях, как естественные объекты, артефакты, растения, животные и люди. Бойер утверждает, что успешные религиозные представления или идеи характеризуются нарушением проблемно-ориентированных интуитивных выводов или переносом ограниченного числа выводов из другой онтологической области. Противointuitive является характерной особенностью религиозных представлений и идей, но при этом они не являются полностью противointuitive. Для того чтобы увлечь наше воображение и добиться успеха в качестве культурных идей, религиозные понятия должны также включить ряд допущений, которые не нарушают интуитивных предположений. Например, духи (или призраки) могут быть невидимыми и проходить сквозь стены, но при этом они должны обладать желаниями и намерениями во многом так же, как и другие агенты (например, люди). Люди могут использовать интуитивную психологию

(способность индивида выделять ментальные состояния у себя и у других) для того, чтобы рассуждать о поведении духов и взаимодействовать с ними так же, как с обычными человеческими существами. Бойер называет такое надлежащее сочетание (баланс) между интуитивными и противointуитивными свойствами позицией «когнитивного оптимума». Представления или понятия являются минимально противointуитивными (познавательно оптимальными) тогда, когда они захватывают внимание за счет нарушения интуитивных свойств и при этом позволяют конструировать дальнейшие выводы на основе сохраненных интуитивных ожиданий. Другими словами, религиозные идеи, как правило, должны иметь надлежащее сочетание обыкновенных и необыкновенных свойств, что в результате делает их правдоподобными и запоминающимися (и, соответственно, успешными для передачи). На основе этой систематизации представляется ограниченный каталог категорий возможных видов религиозных понятий (табл. 1).

Таблица 1

Каталог сверхъестественного Паскаля Бойера
[Ketola, 2002, с. 55]

Категория	Инференциальный принцип	Примеры
Человек	Психология (нарушенная) Биология (нарушенная) Физика (нарушенная)	Зомби, одержимость, телепатия Бессмертные, предки, непорочное зачатие Духи, биллокация, телепортация
Животное	Психология (нарушенная) Биология (нарушенная) Физика (нарушенная)	Говорящие животные Метаморфоза, оборотни Летающие лягушки
Растение	Психология (переданная) Биология (нарушенная) Физика (нарушенная)	Растения, которые чувствуют или понимают Аномальный размер и рост Неопалимая купина, небесные растения
Естественный объект	Психология (переданная) Биология (переданная) Физика (нарушенная)	Гора с желанием Кровоточащие камни Материализация
Артефакт	Психология (переданная) Биология (переданная) Физика (нарушенная)	Думающая статуя Кровоточащая статуя НЛО

Существуют экспериментальные данные, которые продемонстрировали, что минимально противointуитивные понятия передаются лучше, чем понятия, которые просто интуитивные или слишком противointуитивные. Это преимущество наблюдалось у субъектов сразу после предъявления, а также после 3 месяцев отсрочки. Эксперименты проводились на четырех континентах в США, Франции, Габоне и Непале [Barrett, 2001; Boyer, Ramble, 2001]. Теория минимальной противointуитивности, таким образом, объясняет рекуррентность определенных типов религиозных понятий в различных культурных традициях как результат селективного процесса.

Тем не менее противointуитивные понятия, такие как невидимые деревья или стулья, редко занимают (если вообще могут занять) важную роль в религиозных системах. Противointуитивные существа или объекты в религиозных системах верований чаще всего являются преднамеренными агентами. Они могут быть людьми с необычными физическими или биологическими свойствами или артефактами с человекоподобными способностями (как статуя, которая может слушать молитвы).

Человеческое познание и Боги

Антрополог Стюарт Гутри предложил теорию антропоморфизма для объяснения того, почему вера в богов настолько распространена [Guthrie 1980; 1993]. Гутри утверждает, что у людей есть перцептивная склонность проявлять особое внимание к человекоподобным формам или к любой другой информации, которая могла бы быть вызвана человекоподобными существами. Он выдвигает аргумент, исходя из эволюционной тенденции людей, производить ложные срабатывания (false positives) ради выживания. Поскольку люди и другие агенты (такие как хищные млекопитающие) представляют для нас самую большую угрозу, в целях выживания лучше принять шелест кустарника за намеренного агента, чем наоборот. Гутри заключает, что люди развили склонность к сверхобнаружению признаков человекоподобного агентства в своей окружающей среде и, таким образом, мы приписываем естественные силы и события к человекоподобным существам или богам.

Джастин Барретт изобрел термин для обозначения описанного выше психического механизма – сверхактивное устройство для обнаружения целеустремленных агентов (hyperactive agent detection device, или HADD) [Barrett, 2000]. Сверхактивность устройства HADD означает, что люди производят множество ложных суждений: люди воспринимают агентов там, где их нет, приписывают интенциональность событиям, которые являются просто механическими, и используют сверхфункциональные рассуждения, чтобы объяснить природный мир. В ситуации, когда происходит обнаружение того, что кажется агентом, активируются «модель психического» (theory of mind) и другие соответствующие умственные механизмы, для того чтобы осмыслить, почему и как действовал агент [Barrett, 2004, p. 34]. HADD может способствовать (не являясь источником) формированию религиозных понятий, побуждая людей идентифицировать неоднозначные объекты в качестве намеренных агентов (например, призраки или духи) или рассматривать события как вызванные агентом. В ином случае люди, которые уже знакомы с понятием бога (но не обязательно верят в бога), могут иметь опыт HADD, что либо усилит их веру, либо мотивирует их передавать религиозное понятие.

В силу агентских атрибутов боги легко входят в многочисленные области социальной деятельности, включая моральные суждения. Включение богов в такие рассуждения усиливает их нерелексивное правдоподобие, увеличивая число психических инструментов, которые принимают и подтверждают их существование и деятельность. Почему боги так легко включены в области морали, в суждения о счастье и несчастье? Во-первых, когда очевидные механические причины отсутствуют или недостаточны для объяснения событий, люди обычно привлекают для удовлетворяющего объяснения некие социальные или преднамеренные причины. Во-вторых, такие необычные события, как внезапная, трагическая смерть любимого человека или выигрыш в лотерею, зачастую также требуют некоего объяснения. При этом вероятностные объяснения не убедительны для человеческих интуитивных психических инструментов, которые требуют причинного объяснения. Боги входят в жизненные события вследствие особых противointуитивных свойств, которыми они обладают. Они не только располагают необыкновенными полномочиями, которые позволяют им совершать действия, приводящие людей к удаче или несчастью, но, что более важно, благодаря невидимости и суперзнанию, они обладают «стратегической информацией» [Boyer, 2001, p. 140] о

том, что делают люди в частной жизни. Люди представляют себе богов как обладающих социально-стратегической информацией, неограниченным перцептивным доступом к социально пагубному поведению, которое происходит в частной жизни и, следовательно, находится за пределами восприятия повседневных человеческих агентов. Боги, чувствительные к морали, могут вознаградить или наказать людей за их поступки. Представления богов, с их стратегической информацией и моральными суждениями, взаимно усиливают правдоподобие друг друга и способствуют культурной передаче [Tremplin, 2006, p. 120–121].

Социополитические аспекты и формы религиозности

Религия не является просто коллекцией неких общих познавательно-оптимальных понятий. Механизмы, описанные выше, не могут в полной мере объяснить очевидную системность некоторых религий и исторические конструкции разработанных теологий. Хотя минимально противоинтуитивные понятия могут стать частью оптимальной основы религиозной передачи, приобретение новых религиозных понятий часто требует значительного количества когнитивных усилий и высокого уровня мотивации. На основе полевых исследований в Папуа-Новой Гвинее и теорий человеческой памяти британский антрополог Харви Уайтхаус [Whitehouse, 2000; 2004] предположил, что передача познавательно «неоптимальных» религиозных идей будет принимать две различные формы (табл. 2). В «доктринальной форме религиозности» (the doctrinal mode of religiosity) сложные религиозные представления передаются через процесс непрерывного ритуального повторения, что позволяет учению стать частью семантической памяти (деконтекстуальное и схематизированное знание) участников. Эта форма религиозности имеет следующие особенности: распространена в крупномасштабных сообществах (письменных культурах), зависит от частого повторения (с низким уровнем эмоционального возбуждения) и квалифицированных ораторов (священнослужителей), имеет развитое религиозное лидерство и обращение в веру, здесь запрещаются индивидуальные интерпретации учения.

В «образной форме религиозности» (the imagistic mode of religiosity) передача религиозного знания в большей степени эксплуатирует эпизодическую память (более контекстно зависимую и эмоционально направленную). Эпизодическая память высококонтекстно зависимая, поскольку она относится к специфическому опыту субъекта. Уайтхаус утверждает, что передача понятий на основе этой системы памяти происходит в совершенно другой религиозной морфологии. Она распространена преимущественно в небольших социальных группах с сильным единством, основанным на разделенном личном опыте. Здесь доктринальный комплекс сводится к «непосредственному экзегетическому отражению» (spontaneous exegetical reflection) – внезапным озарениям значения ритуала, которые в конечном итоге способствуют значительной мотивационной силе в передаче. Эпизодические ритуалы, как правило, являются высоковозбуждающими, или «экстатическими», часто включают в себя физическую боль, причиненную в результате обрядов инициации (обряды надрезаний, лишение пищи, сна и крова) для того, чтобы данные эпизоды безвозвратно запечатались в памяти участников.

Формы религиозности [Whitehouse, 2004, p. 74]

Переменные	Доктринальная	Образная
Психологические свойства		
1. Передаваемая частота	Высокая	Низкая
2. Уровень возбуждения	Низкий	Высокий
3. Основная система памяти	Семантические схемы и неявные сценарии поведения	Эпизодическая память / эффект «фотовспышки»
4. Ритуальное значение	Изученное / приобретенное	Внутренне произведенное
5. Методы раскрытия	Риторика, логическая целостность, рассказ	Иконичность, мультивокализация и многозначность
Социополитические свойства		
6. Социальная сплоченность	Рассеянная	Интенсивная
7. Тип руководства	Динамичное	Пассивное / отсутствующее
8. Инклюзивность / исключительность	Включающая	Исключающая
9. Распространение	Быстрое, эффективное	Медленное, неэффективное
10. Масштаб	Крупномасштабный	Небольшой
11. Степень однородности	Высокая	Низкая
12. Структура	Централизованная	Нецентрализованная

Рассматриваемая теория Харви Уайтхауса привлекла к себе пристальное внимание западных исследователей, поскольку это попытка не только объяснить естественными причинами передачу «неоптимальных» религиозных идей и концепций, но и проследить корреляцию тех или иных религиозных идей как с социальной морфологией (размер группы, тип лидерства и т. д.), так и с исторической траекторией.

Когнитивный подход к изучению религии предлагает проникновение в сущность таких вопросов, как возникновение и устойчивость религиозного мышления, место религиозных идей в широком репертуаре психических представлений, вездесущность и сходство религий в различных культурах, а также новые подходы в изучении закономерностей формирования и развития религиозных систем. Несмотря на то что когнитивное религиоведение является сравнительно новым научным направлением в исследовании религии, по нашему мнению, оно заслуживает не только теоретического осмысления, но и предметного использования в изучении конкретных религиозных феноменов.

Библиографический список

1. Костылев П.Н. Религиоведческое исследование в эпоху информационных технологий: на примере когнитивной теории религии // Религиозность в изменяющемся мире: сб. материалов I Международной зимней религиоведческой школы. Волгоград, 2008. С. 71–78.
2. Тибичи-Демитров В.И. Религиозные представления в свете когнитивных исследований религии // XV Международная научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых «Ломоносов». М., 2008. С. 412–414.

3. Шахнович М.М. Что такое когнитивное религиоведение (cognitive religious studies)? // Материалы II Международной конференции по когнитивной науке, 9–13 июня 2006 г. СПб., 2006. С. 478–479.
4. Barrett J. L. Exploring the natural foundations of religion // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4. № 1. P. 29–34.
5. Barrett J. L., Nyhof M. A. Spreading Non-Natural Concepts: The Role of Intuitive Conceptual Structures in Memory and Transmission of Cultural Materials // *Journal of Cognition and Culture*. 2001. 1. P. 69–100.
6. Barrett J. The Naturalness of religious concepts: An emerging cognitive science of religion // *New Approaches to the Study of Religion: Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches* / edited by Peter Antes, Armin W. Geertz, Randi R. Warne. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004 a. P. 401–418.
7. Barrett J. L. Why would anyone believe in God? California: AltaMira Press, 2004 b.–152 p.
8. Boyer P., Ramble C. Cognitive Templates for Religious Concepts: Cross-Cultural Evidence for Recall of Counter-Intuitive Representations // *Cognitive Science*. 2001. 25. P. 535–564.
9. Boyer P. Religion explained: the evolutionary origins of religious thought. New York: Basic Books, 2001. 384 p.
10. Boyer P. The Naturalness of Religious Ideas. Berkeley: University of California Press, 1994. 344 p.
11. Cosmides L., Tooby J. Beyond intuition and instinct blindness: The case for an evolutionarily rigorous cognitive science // *Cognition*. 1994. 50. P. 41–77.
12. Guthrie S. E. A Cognitive Theory of Religion // *Current Anthropology*. 1980. 21(2). P. 181–203.
13. Guthrie S. E. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. Oxford: Oxford University Press. 1993. 336 p.
14. Ketola K. An indian guru and his western disciples: Representation and communication of charisma in the Hare Krishna movement. Dissertation, University of Helsinki. URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/uskon/vk/ketola/anindian.pdf>
15. Lawson E. T., McCauley R. N. Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 208 p.
16. Pyysiäinen I. Supernatural agents: why we believe in souls, gods, and buddhas. Oxford: Oxford University Press, 2009. 304 p.
17. Slone D. J. Theological Incorrectness: Why Religious People Believe What They Shouldn't. Oxford: Oxford University Press, 2004. 168 p.
18. Sperber D. Rethinking Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 166 p.
19. Sperber D. Explaining Culture: A Naturalistic Approach. Oxford: Blackwell, 1996. 192 p.
20. Tremblin T. Minds and Gods: The Cognitive Foundations of Religion. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 256 p.
21. Whitehouse H. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity. Oxford: Oxford University Press, 2000. 216 p.
22. Whitehouse H. Modes of Religiosity: A Cognitive Theory of Religious Transmission. California: AltaMira Press, 2004. 208 p.

АНДРЕЙ ПОЗДЕЕВ: ОТ ВИДИМОГО К СВЕРХВИДИМОМУ

Красноярский заповедник «Столбы», живопись, портрет, композиция, творческий поиск, колорит, социокультурное сообщество, визуальный образ.

Наиболее громко имя А.Г. Поздеева прозвучало в 1993 году, когда состоялась выставка мастера в Москве, в Центральном Доме художника. Это событие вызвало большой интерес к А.Г. Поздееву среди искусствоведов, были изданы альбомы произведений и монографии о его творчестве. Сейчас наследие Поздеева воспринимается несколько отстраненно, как ушедшее в историю. По меньшей мере, это несправедливо, ведь путь, пройденный Поздеевым, повторяет все основные этапы развития изобразительного искусства в XX веке: от импрессионистического восприятия мира до обращения к базовым, неизменным категориям, лежащим в основании осознания мира.

В структуре произведений художника с течением времени произошла трансформация. Визуальная составляющая в работах позднего периода получила приоритет, что соответствует основным тенденциям развития постклассического искусства. Сегодня, когда внимание ученых-гуманитариев обращено на процессы информатизации общества и визуализации культуры, актуально вновь обратиться к анализу работ А.Г. Поздеева, всегда соответствовавших времени.

Настоящий мастер в своем творчестве «проживает» всю историю развития искусства до него, а затем начинает новую страницу. Обобщение мирового опыта истории искусства и собственного опыта мастера становится квинтэссенцией творческих поисков, более чем реалистичным отражением мира – сверхреалистичным. Наш знаменитый земляк Андрей Поздеев в своем творчестве также прошел путь от реалистических работ импрессионистического толка до поздних произведений, выполненных на основе знака, символа. Определяющей стороной знака является его значение, которое может быть предметным, смысловым или экспрессивным. Главная задача знака – это переработка, «сжатие» информации и её передача. Апелляция в живописном произведении к системе знаков вызвана желанием автора оптимизировать форму, сделать её лаконичной, не прибегая к упрощению содержания.

Расширить содержание, сделать его глубже, многомернее можно за счет символов и архетипических образов. Символический образ имеет некое материальное воплощение в изображении, звуке или слове. Это материальное начало проецируется в область нематериального, духовную сферу, существенно расширяя смысл, казалось бы, простого изображения. Обращение художника к архетипическим образам связано с поиском постоянно существующего, целого, неделимого. Основные первые моменты осознания мира преобразуются в архетипы, которые как базисные элементы находятся в человеке. Такие емкие образы нужны были А.Г. Поздееву для работы над произведениями абстрактного характера и над философскими циклами «Жизнь человека», «Война», «Голгофа», «Чаша».

Художник последовательно, поступательно шел по пути от видимого к сверхвидимому, вероятно, зная конечную цель или ясно чувствуя её. Поздеев – это «художник интуиции», так он сам про себя говорил [Ткаченко, 1999, с. 5].

Андрей Поздеев сформировался как художник в географическом центре России – городе Красноярске. Памятник А.Г. Поздееву в историческом центре Красноярска (на проспекте Мира, рядом с Красноярским государственным педагогическим университетом им. В.П. Астафьева) стал своего рода культурным «центром» центра города. Между тем творчество знаменитого красноярца напрямую связано с одним из красивейших мест красноярского заповедника «Столбь» – Кузмичевой поляной. Оно расположено в долине речки Калтат, протекающей по территории заповедника. В калтатской серии пейзажей А.Г. Поздеев впервые почувствовал, по его словам, необходимость оторваться от природы, от видимой реальности, творчески преобразовать её.

Вот как о времени работы на Кузмичевой поляне вспоминала Валентина Михайловна Поздеева, жена художника: «Работал Андрей в 60–70 годах обычно на пленэре, писал быстро, а ля прима (к слову сказать, Андрей Поздеев неудавшиеся работы безжалостно уничтожал, считая недопустимым что-то исправлять уже в законченной работе, подчищать краску, переписывать отдельные куски). Пик этих усилий – калтатские картоны. Работал Андрей Геннадьевич тогда много, с радостью, можно сказать, с восторгом. Избушка за неделю вся была облеплена внутри (включая потолок) и снаружи по стенам сохнувшими работами» [Ткаченко, 2002, с. 132].

На Кузмичевой поляне были созданы Андреем Поздеевым замечательные работы из «Калтатской серии»: «Цветы одного лета», «Прибежал Конёк-Горбунок», «Здесь живешь ты», «Птица», «Пейзаж с луной» и многие-многие другие. В заповеднике «Столбь» художник наиболее полно и остро ощутил связь с природой, с огромным и прекрасным миром. Спустя много лет он восторженно вспоминал: «Там изба, полуземлянка вся в цветах... Там я кучу написал пейзажей... Там животные ходят-бродят. Какое чудо, вот это чудо! Порхнуло что-то, понесло его. Эти неведомые запахи...» [Асорина, 2006, с. 5].

Волна интереса столичных искусствоведов к творчеству Андрея Поздеева, возникшая после московской выставки в 1993 году, парадоксальным образом создала в Красноярске своеобразный вакуум в исследовании его творчества. Много говорится о том, что работы «Калтатской серии» получили продолжение в других более поздних работах мастера, но серьезного искусствоведческого анализа не проводилось. А между тем калтатский период один – из наиболее значимых в творчестве Андрея Поздеева. Интересно проследить трансформацию визуальных образов калтатских пейзажей в работах позднего «философского» периода творчества Андрея Поздеева. Далее проведем непосредственное сопоставление работ 60–70-х годов с работами 80 и 90-х годов.

Ранняя работа из калтатской серии «Здесь живешь ты» (1960. Картон, масло. 49x79), словно «россыпь драгоценных камней» (именно так, по словам В.М. Поздеевой, художник определял для себя живопись в то время) [Ткаченко, 2002, 132]. В картине сквозит сказочность и вместе с тем подчеркивается единение человека и природы: крыша поросла травой. Композиционное строение плоскостное, не пространственное. Основа композиции – треугольник избы, на него как на детскую пирамидку нанизываются травы: розовый кипрей в изумрудной траве, далее синие лапы сосен со змеями красных стволов, между соснами желтовато-голубое небо как часть театрального занавеса.

В «Цветах одного лета» (1967. Картон, масло, 50x80) колышутся волны запахов, ароматов зрелого лета. Цветовые розовые вспышки по мере удаления от первого плана постепенно гаснут, переходя сначала в розовато-белые, потом в желтоватые, совсем белые. Между волнами цветов ходят холодные синие волны травы. Ограничивает это «море» стенка леса темно-ультрамариновая. Композиционное членение от больших масс к меньшим создает ощущение пространства, наклон травяных «волн» придает динамичность работе, а также создает иллюзию колыхания трав от ветра.

«Ветви над рекой» (1970. Бумага, акварель. 43x64). Это простая, не затейливая на первый взгляд акварель, но из неё формируются другие, более поздние работы. Андрей Геннадьевич, работая на натуре, часто бывал неспокоен, взволнован, иногда даже злился, ругался, рвал картон, бранил себя за использование своих же «приемчиков»: «Сколько их можно эксплуатировать!» [Ткаченко, 2002, с. 66]. Если Андрей Геннадьевич сохранил эту акварель, значит, в ней «что-то было», как он сам говорил про некоторые свои работы, содержащие пластические находки. В этой работе пространство построено как сквозная сцепка первых и дальних планов, взгляд зрителя идет, как сквозь трубу. Ветви держат в своей паутине берега и небо, все вместе и порознь одновременно.

В «Скале "Воробушки"» (1970. Бумага, акварель. 59x78) изображается панорамный пейзаж. Художник здесь пытается разобраться в том, как природа выстраивает перспективное пространство. Хорошо видно движение от относительно малых форм – поляна, речка – к огромным массивам гор. При этом громадные формы визуальны по размерам одинаковы с объектами первого плана. Перспектива здесь используется как композиционный прием.

«Прибежал Конёк-Горбунок» (1970. Картон, масло. 50x80). Очень сказочная работа. Конёк-горбунок свободный, не живущий в табуне. Пластическая задача хорошо видна: выстроить плановость за счет цветовых, почти декоративных масс по принципу линейной перспективы. Сначала большая масса луга с незначительными членениями, а затем узкая полоска близкого светлого леса, над ней более широкая изогнутая кверху полоса дальнего темного леса. Замыкает композицию план неба. Композиционные ритмы, как в музыке. Контрастно с общим холодным тоном картины смотрятся теплые золотистые копны сена, поставленные на первом плане. Они соединяют первый и дальние планы, создают направление вверх.

Работа «В долине Калтата» (1971. Картон, масло. 45x80) вызывает в памяти горы Николая Рериха: горы и небо взяты обобщенно, без проработки деталей. Подчеркнут черным белый змеистый поток, текущий, как расплавленная сталь для отливки клинка. Пространство строится по принципу от более теплых цветов к более холодным, световоздушной перспективе. «Жаркий» первый план, далее – лишь «воспаленная» гора, затем все затухает, как угли в костре. Небо накрывает все бледно-фиолетоватым туманом. Работа динамичная, чередуются крупные и небольшие массы гор, по мере удаления от первого плана их размер постепенно уменьшается.

«Портрет Виталия Крейнделя» (1974. Картон, масло. 70x50). По воспоминаниям самого портретируемого, Поздеев сжег в костре более похожий портрет. Уничтожение работ – отчаянный шаг, такие действия говорят о том, что художник находится в напряженном поиске нового и все кажущееся отступлением от намеченного пути вызывает раздражение и желание стереть, изгладить из памяти неверное решение. Андрей Поздеев искал нечто большее, чем простое фотографическое сходство. О том, что в ту пору Поздеева все более не устраивало внешнее сходство с натурой,

вспоминает и сам Виталий Крейндель, это касалось не только пейзажей, но и портретов: «Уже в середине 60-х он говорил, что пишет портреты только хорошо знакомых людей, тех, кого он почувствовал. Однажды на Кузьмичевой поляне А.Г. писал мой портрет. Уже заканчивая работу, всплыв, он швырнул картон в костер. Успокоившись, начал заново. Друзья потом уверяли, что первый уничтоженный портрет был более похож, до деталей. Как видно, точное следование натуре и не устроило А.Г. Ему был нужен образ, а не фотография» [Ткаченко, 2002, с. 87].

В 2001 году в Государственном Русском музее проходила большая выставка «Абстракция в России. XX век». А.Г. Поздеев был представлен на этой выставке несколькими работами, которые органично вписались в ее экспозицию, хотя Андрей Геннадьевич абстракционистом никогда не был. Некоторые его работы действительно соответствуют абстрактным концепциям, но при этом всегда содержат определенный художественный образ, от которого мастер отталкивается. Это всего лишь крайне концентрированное проявление авангардной живописи, от чего и возникают ассоциации с абстрактными мотивами [Русский музей представляет..., 2001, с. 346–347].

В «Абстракции» (1980-е. Холст, масло. 120x120) круговое центричное композиционное решение холста. В этой работе есть уже свобода от условностей сюжета, решаются чисто композиционные и пространственные задачи. Все идет от раскаленного добела центра: в физике белый – это квинтэссенция всех цветов спектра. От центра идет план желтых, потом гаснущие книзу красные со вставками голубого как «антитезы» горящим цветам. Пятна голубого воспринимаются, словно налет пепла на тлеющих исподволь углях костра. Черное противопоставлено белому: белое – начало горения, черное – конец, угасание цветов подчинено диалектике развития.

Картина «Букет» (1980-е. Холст, масло. 140x130) построена на противопоставлении вертикалей и горизонталей. Округлая форма самого букета противопоставлена строгой геометрии окружающего пространства. В помощь плавным линиям букета даны вьющиеся, текущие формы за условно изображенным окном. «Цветы» букета перетекают в более алые формы справа. Доминантой в картине является план черных. Черное в «Букете» держит все, словно свинец, скрепляющий в витраже цветные дрожащие стекла.

При взгляде на «Декоративное панно» (1980-е. Холст, масло. 185x120) всплывает в памяти акварель «Ветви над рекой». Это простая акварель, но сохраненная автором, в отличие от 90 % уничтоженных работ из «Калтатской серии». Такая избирательность говорит о том, что автор нашел в ней нечто. От центра белое распространяется в «сопредельные» территории посредством циркульных линий. Принцип членения холста такой же, как и в «Ветвях над рекой». Композиция сконструирована по природному принципу.

«Композиция» (1980-е. Холст, масло. 120x120). Светлый центр иллюзорно выпуклый, будто мы смотрим на гору с высоты. От «вершины» все стекает вниз, дробясь и постепенно угасая. Отрывочные пятна идут сверху вниз и справа налево, подобно снегопаду или ливню. Всю композицию держит контраст белого и коричневого.

Картину «Птица» (1983. Картон, масло, 50x80) Андрей Поздеев строит на природной символике: ночная птица несет темноту, закрывает крылом гаснущее, закатное солнце. Птица-ночь словно родилась, вышла из гор, долин и рек. Это своеобразное переосмысление чувств, пережитых Поздеев во время работы на Кузьмичевой поляне. К деревьям, цветам, горам, даже к погоде Поздеев относился, как к живым существам. «Однажды, – вспоминает художник Владимир Вага-

нов, близкий друг семьи Поздеева, – Андрей Геннадьевич обозлился на злую стихию, на ветер, который опрокинул его зонт и этюдник. "Сволоочь, поганец, у-у-у, гад!" – кричал он. Вижу – в раздуваемом порывами ветра плаще, на фоне проносащихся бурных туч, потрясая обеими руками и пиная что-то туда-сюда, беснуется Андрей в полном упоении» [Материалы сайта «Фонд Поздеева»].

«Пейзаж с луной» (1985. Картон, масло. 50x79) – это своеобразный «Театр Лунный». Массы широко обобщенных, словно затянутых тканями деревьев (приходит на память упаковывание Рейхстага в оберточную бумагу, расстановка зотов в горах) напоминают театральные кулисы. Над «сценой» земли – одинокая актриса – таинственно мерцающая луна. Мерцание луны передано через подсвечивание светлым полумесяцем справа тускло-желтого пятна луны. Цветовое решение основано на контрасте взаимодополняющих цветов желтого и фиолетового. От картины веет спокойствием и умиротворенностью сна природы. «Пейзаж с луной» свидетельствует о трепетном отношении к природе художника. По воспоминаниям современников, Поздеев, закончив работать, всегда прибирал за собой, сердился, когда видел следы, оставленные другими художниками.

«Корабль. Декоративное панно» (1987. Холст, масло. 215x250) – радостно-игривая работа. В картине слышны крики чаек и всплески волн, видны выпрыгивающие рыбы. Качание корабля визуально передано через неустойчивое положение полукруга корпуса корабля на скатывающемся с плоскости треугольнике. Контрасты взаимодополняющих, цветов синего и оранжевого, – вот основа колорита работы.

«Тигр. Декоративное панно» (1989. Холст, масло. 200x300). Андрею Поздееву нравилось отождествлять себя с тигром. Он считал неслучайным, что родился в год тигра. Здесь все цвета представлены практически в равных пропорциях, но все же хорошо читается основной золотистый цвет шкуры тигра. Дополнительным здесь к золоту шкуры тигра является нейтрально черный. Принцип ритмической организации тот же, что и в работе «В долине Калтата» 1971 года.

«Краски земли. Цветы и солнце» (1997. Холст, масло. 70x100). Вспоминает Николай Ткаченко: «Однажды мне удалось выступить в роли заказчика картины, и Андрей Геннадьевич, почти никогда не писавший на заказ, легко согласился и с удовольствием написал в моем присутствии работу – много цветов и солнце» [Ткаченко, 2002, с. 148]. Картина сама в целом представляет собой своеобразный знак: белый раскаленный диск солнца – сведение всех цветов – парит в золоте небосвода, Земля отвечает на тепло и свет ковром цветов, напоминающим луг в картине «Цветы одного лета» 1967 года.

По итогам анализа художественных произведений Андрея Поздеева «Калтатской серии» и работ 80–90-х годов следует отметить, что от работы к работе идет усиление визуальной составляющей. С течением времени уходят вербализованные, литературно объяснимые образы, на смену поверхностно-реалистичным образам приходят визуальные, апеллирующие к символу, знаку, архетипу.

Ранние работы калтатской серии 60–70-х годов изобилуют вербальными образами, литературной стилизацией, названия работ очень субъективны и обращены к знакомым и близким художнику людям. Постепенно «литературные объяснения» изображенного уходят, но названия еще долгое время носят конкретный, а не обобщающий характер, хотя сами работы эволюционируют в сторону широкого обобщения изображаемых объектов. В работах начинает ставиться задача поиска типического образа.

Абстрактные работы, выполненные в 80-х годах, хотя и имеют под собой реальную основу и содержат видимые, узнаваемые объекты, но уже обобщенные до знака, символа, апеллирующие к архетипическому образу. Такого широкого обобщения не встречается в работах калтатской серии. Серия декоративных панно продолжает другую линию, намеченную в калтатских пейзажах – решения пространственных задач только средствами живописи, без опоры на сюжет и фигуративность.

Последние работы 90-х годов демонстрируют результат поисков нового живописного языка. Философский смысл работы и форма его зримого воплощения находятся в неразрывном единстве: невозможно объяснить сюжет, не прибегая к анализу формы. Такое слияние формы и содержания художник долго и мучительно искал в живописи на протяжении всего творческого пути. В целом работы позднего периода творчества построены на архетипических образах («мать-земля», «рождение», «угасание», «радость» и т. д.). Работы этого периода свободны от условностей сюжета, натуралистичного подхода к изображению. Истинный реализм в правде жизни, а не в пересчете деталей видимого, обманчивого мира. Художник на примере своего творчества убедительно это доказал.

Библиографический список

1. Асорина Е. Андрей Поздеев – философия жизни в красках // Известный. 2006. № 1.
2. Материалы сайта «Фонд Поздеева» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pozdeev-fond.ru/applications/autobio/autobio.php> (дата обращения: 02.02.2011).
3. Русский музей представляет: Абстракция в России. XX век: альманах. Вып. 17: Искусство России. СПб.: Palacc Editions, 2001. 423 с.
4. Ткаченко Н.Г. Мир Андрея Поздеева: соч. в 3 т. М.: Скан Рус, 1999. Т. 1: Живопись. 150 с.
5. Ткаченко Н.Г. Указ. соч., 2001. Т. 2: Графика, акварель. 130 с.
6. Ткаченко Н.Г. Указ. соч., 2002., Т. 3: Архив, воспоминания. 162 с.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА РЕАГИРОВАНИЯ, ИНИЦИИРОВАННОГО РЕЧЕВЫМ АКТОМ ОБЕЩАНИЯ

Речевой акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт / эффект, перлокутивная попытка, перлокутивное значение речевого акта, перлокутивное последствие речевого акта, иллокутивная и перлокутивная цели.

Речевой акт обещания очень редко выступает изолированно от других речевых актов, чаще всего его можно наблюдать вкупе с некоторыми другими актами: извинения, просьбы, совета, приказа, запрета, предложения, приглашения, заверения, угрозы, предостережения и некоторых других. В таких случаях употребление обещания помогает адресанту в достижении поставленной им перлокутивной цели. Насколько достигнута эта цель, можно понять, анализируя дискурс реагирования.

Поскольку, излагая результаты нашего исследования, мы будем употреблять такие термины, как: речевой акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт, перлокутивный эффект, перлокутивная попытка, иллокутивная и перлокутивная цели, следует конкретизировать данные понятия.

Эти термины употребляются в рамках теории речевых актов (ТРА), объектом исследования которой является **акт речи**. Теория сформировалась в основном благодаря работам Дж. Остина, Дж. Серля, П.Ф. Стронсона.

По мнению И.М. Кобозевой, подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность ТРА [Кобозева, 1986, с. 13].

Дж. Остин, как известно, представил речевой акт как трехуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как **локутивный акт**, в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления – как **иллокутивный акт**. Наконец, в отношении к своим результатам, он выступает как **перлокутивный акт** [Остин, 1986].

Понятия **перлокутивный акт** и **перлокутивный эффект** синонимичны, именно так употребляют их разработчики теории речевых актов и те, кто опирается на нее в своих исследованиях.

Если воздействие входит в интенцию говорящего в качестве перлокутивной цели, то оно квалифицируется как **перлокутивное значение речевого акта**. Когда же воздействие произошло независимо от интенции говорящего, то имеет смысл говорить о **перлокутивном последствии** [Безуглая, 2006].

Иллокутивная цель говорящего предполагает распознаваемость ее адресатом. Для распознавания же **перлокутивных цели** адресат должен прибегнуть к размышлениям о стратегии говорящего. Эта оппозиция, в свою очередь, связана с понятиями успешности и удачности речевого акта (в терминах Д. Вундерлиха – [Wunderlich, 1976, с. 58]). **Успешность иллокутивного акта** обеспечивается пониманием слушающим иллокутивной цели говорящего. **Перлокутивный же акт удачен**, когда перлокутивная цель говорящего достигнута [Безуглая, 2006].

Если перлокутивный акт неудачен, мы говорим о **перлокутивной попытке**, которая тем не менее входит в перлокутивное значение ввиду своей интенциональности [Безуглая, 2006].

Итак, рассмотренные теоретические положения помогут нам определить цели речевого акта обещания, а затем, проанализировав дискурс реагирования (на речевой акт обещания вкупе с некоторыми другими актами), мы сможем понять, насколько они достигаются.

Для выявления цели обещания мы исследовали статьи толковых словарей, разъясняющие значение глагола *promise*, что позволило нам прийти к выводу, что адресант, употребляя обещание, пытается придать своей речи больше убедительности, стремясь, таким образом, достичь некоторой прагматической цели.

Исходя из дефиниции глагола *promise* [LDELС, 2000, с. 1070], можно также заключить, что **иллокутивная цель РА обещания** заключается во взятии адресантом на себя обязательства совершить что-то. **Перлокутивная же цель речевого акта обещания** состоит в том, чтобы заставить адресата верить и ожидать, что что-то будет сделано (что адресант выполнит обещанное). И, таким образом, перлокутивный акт будет удачен, если адресат интерпретирует высказывание адресанта как обещание и поверит, что оно будет выполнено.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере (1), где **перлокутивный акт** имеет место.

(1) «We have Tom Hagen», the voice said. «*In about three hours he'll be released with our proposition. Don't do anything rash until you've heard what he has to say. You can only cause a lot of trouble. What's done is done. Everybody has to be sensible now. Don't lose that famous temper of yours.*» <...> He made his voice sound muted, depressed. «*I'll wait*», he said [Puzo, 2004, с. 69–70].

Адресант, зная импульсивный характер адресата, начинает свою речь с обещания благоприятного – Том будет отпущен через 3 часа, цел и невредим (в примере выделено курсивом). Затем он вербализует свою прагматическую цель – запрещает адресату делать что-то необдуманное до того момента, пока он не выслушает переданное с Томом предложение (*Don't do anything rash until you've heard what he has to say*). Далее следует предостережение – ты только можешь вызвать много проблем (*You can only cause a lot of trouble*). По реакции адресата мы понимаем, что перлокутивный акт состоялся – он поверил обещанию адресанта и согласился подождать (*I'll wait*). Анализ более широкого контекста показал, что именно обещание в данном примере обеспечило адресанту достижение преследуемой им цели (предупредить совершение адресатом необдуманных и невыгодных для адресанта поступков).

В примере (1) достигнутое воздействие входило в интенцию адресанта в качестве перлокутивной цели, оно квалифицируется как **перлокутивное значение речевого акта**. В следующем примере можно, напротив, говорить о **перлокутивных последствиях речевого акта**:

(2) «They're terrific, aren't they?» he said. «Look at them! I'll be sorry to sell them. *I'll pick the best of them and I'll have it mounted on a ring for you*».

The feel of the diamonds against her skin gave her the same *feeling of horror* she once had when, lying in long grass, a snake had slid over her naked legs. Then, she had sprung to her feet, screaming. Now, seeing *the pleasure* the diamonds lying between her breasts gave him, she fought down the horror and controlled the impulse to sweep them off her body and scream.

But she couldn't hide the sudden tensing of her muscles and Jaffe, puzzled, scooped up the diamonds and put them back into the tin [Chase, 2003, с. 188].

Адресант обещает сделать кольцо с самыми лучшими бриллиантами из тех, что он разложил на груди своей любимой девушки. Эта идея и вид бриллиантов доставляют ему удовольствие, и он надеется, что его обещание обрадует девушку. Но она испытывает только сильный страх, чем вызывает недоумение своего жениха. Перлокутивным последствием здесь является переживание эмоций страха и ужаса, вместо ожидаемых радости и удовольствия.

Как уже было отмечено в начале статьи, речевой акт обещания употребляется адресантом совместно с другими речевыми актами с целью гарантированного достижения поставленной цели. Наше исследование показало, что обещание может входить в различные иллокутивные акты. В случае успешной коммуникации, реакцией адресата на речевой акт обещания, реализуемый совместно с каким-то другим речевым актом, может быть **согласие**.

(3) «*Have you a job waiting for you?*» he asked. «What I'm driving at is this: if you're looking for a job, I could give you one».

«You could? What kind of a job?»

«I need a guy who can handle metal and cars. <...> *You'd have a cabin to yourself. There's radio. I have a spare TV set: you could have that too.*» He looked hopefully at me. «*I'd pay forty bucks and all found. There's nothing to spend your money on. You could get together some capital.*»

<...>«Sounds fine», I said. «Okay, I'd like to give it a trail» [Chase, 2007, с. 72–73].

Адресант предложил работу адресату, подкрепив свое предложение обещанием некоторых удобств и определенного жалования (в примере (3) выделено курсивом), на что адресат ответил согласием.

Как показал наш анализ эмпирического материала, согласие может быть положительной реакцией адресата на любой тип речевого акта, в который входит обещание. Что касается языковой реализации данных перлокутивных актов, то, по словам Дж. Остина, для своего осуществления эти акты могут довольствоваться любым высказыванием [Остин, 1986, с. 93]. Мы в ходе исследования пришли к выводу, что очень часто в положительных реакциях адресата на обещание используются выражения: 'OK (okay), sure, good, и / или высказывание в Future Simple', в котором говорящий непосредственно выражает свое намерение совершить действие, которое от него требуется.

Подразумевается, что реакцией адресата на обещание будет *вера* в то, что адресант выполнит свое обещание. Однако материал исследования показывает, что возможны такие реакции, как сомнение, недоверие, подозрение, которые являются лишь первоначальной реакцией адресата на побуждение, а обещание здесь служит лишь дополнительным аргументом, чтобы склонить адресата к выполнению определенного действия. Приведем примеры, в которых, несмотря на сомнение, недоверие и подозрение, адресат все же выражает согласие, а значит, перлокутивный акт имеет место.

Сомнение

(4) Michael turned to Johnny Fontane. «The Don is counting on you to help us get started. <...>».

«Sure,» Johnny said. «I'll do anything for my Godfather, you know that, Mike.» But there was just the faint shadow of doubt in his voice.

Michael smiled and said, «*You won't lose money on the deal and neither will your friends. You get points in the hotel, and if there's somebody else you think important enough, they get some points too.* Maybe you don't believe me, so let me say I'm speaking the Don's words».

Johnny said hurriedly, «I believe you, Mike. But there's ten more hotels and casinos being built on the Strip right now. <...>»

Tom Hagen spoke up. «The Corleone Family has friends who are financing three of those hotels.» Johnny understood immediately that he meant the Corleone Family owned the three hotels, with their casinos. <...>

«I'll start working on it», Johnny said [Puzo, 2004, с. 328–329].

Адресант сообщает о предстоящих изменениях в бизнесе, которые принесут всем большую выгоду. Он рассчитывает при этом на помощь присутствующего при разговоре Джонни, который соглашается выполнить его просьбу («*Sure*» *Johnny said. «I'll do anything for my Godfather...»*), однако в его голосе звучат нотки сомнения (*there was just the faint shadow of doubt in his voice*). Это не остается незамеченным (*Maybe you don't believe me...*), и тогда адресант обещает, что Джонни не потеряет своих денег, согласившись сотрудничать (в примере (4) выделено курсивом). Окончательно сомнения Джонни удается развеять Тому Хагелу, который говорит, что семье Корлеоне уже принадлежат три отеля вместе с казино, и Джонни уже без колебаний дает согласие начать работу (*I'll start working on it*).

Таким образом, адресант побуждает адресата выполнить определенные действия, при этом дополнительным фактором воздействия является обещание, которое склоняет адресата к согласию, несмотря на то, что при этом у него остаются некоторые сомнения относительно того, что данное обещание возможно выполнить.

Недоверие

(5) Michael said. «<...> We need time to get things straightened out». He spoke directly to Clemenza. «Pete, you and Tessio, I want you to go along with me for a year without questioning and without reservations. *At the end of that year, both of you can split off from the Corleone Family and be your own bosses, have your own Families. Of course it goes without saying we'd maintain our friendship, I wouldn't insult you and your respect for my father by thinking otherwise for a minute.* But up until that time I want you just to follow my lead and don't worry. *There are negotiations going on that will solve problems that you think are not solvable.* So just be a little patient».

Tessio spoke up. «If Moe Greene wanted to talk to your father, why not let him? The Don could always persuade anybody, there was never anyone who could stand up to his reasonableness.»

The Don answered this directly. «I've retired, Michael would lose respect if I interfered. And besides that's a man I'd rather not talk to».

<...> The two caporegimes left *not quite satisfied, still a little uneasy* [Puzo, 2004, с. 342–344].

Майкл рассказывает подчиненным о результатах своей поездки, говоря, что ему не удалось уговорить Мо Грина продать свой бизнес. Он также обещает, что каждый из подчиненных будет иметь свой бизнес и что переговоры идут и ему все-таки удастся разрешить все проблемы (обещание в примере (5) выделено курсивом), к чему адресат относится недоверчиво, говоря, что, возможно, следует позволить его отцу попытаться уговорить Мо Грина. Но в конечном итоге, несмотря на недоверие, адресатам ничего не оставалось, как согласиться с тем, что им предлагают, и уйти восвояси.

Итак, адресант дает обещание, но адресат *не доверяет ему (не верит в него)*, считая, что тому *не по силам выполнить данное обещание*, но все же соглашается принять то, что ему предлагают.

Подозрение

(6) «Sorry to bust in like this but I'm in a fix. <...> Can I borrow your car? *I'll put it right back in a couple of hours*».

«Why the hell don't you take a taxi?» Jaffe gave him a sly grin.

«You don't and can't do what I intend to do to this girl in a taxi, brother. Come on, be a spot or she'll change her mind. *I'll do the same for you*».

Wade suddenly relaxed and matching Jaffe's grin, he fished out his car keys [Chase, 2003, с. 48–49].

Адресант просит друга одолжить ему машину и обещает вернуть ее через пару часов (в примере (6) выделено курсивом). Однако адресату кажется подозрительным, что тот не может просто взять такси. Объяснения адресанта и обещание (выделено курсивом) оказать при случае такую же услугу помогают развеять подозрения адресата, и он соглашается дать ключи от машины.

Здесь адресант побуждает адресата совершить действие, используя при этом в том числе обещание. **Адресат подозревает** какой-то **обман** со стороны адресанта, однако его удается убедить с помощью еще одного обещания, и он соглашается совершить то, к чему его побуждают.

Наряду с вышеперечисленными реакциями, инициированными речевыми актами, содержащими обещание, нами были отмечены и другие случаи, когда обещание адресанта может вызвать у адресата различные эмоции, такие как удивление, раздражение, страх. Например:

(7) Finally Michael said, «<...> I can arrange some work for you. <...>»

Neri was overcome with grateful embarrassment. He proudly refused and then added, «I have to stay under the jurisdiction of the court anyway with the suspended sentence».

Michael said briskly, «That's all crap detail, *I can fix that*. Forget about that supervision and just so the banks won't get choosy *I'll have your yellow sheet pulled*».

The yellow sheet was a police record of criminal offenses committed by any individual. It was usually submitted to a judge when he was considering what sentence to give a convicted criminal. <...> So he was not too surprised that Michael Corleone could do such a thing; he was, however, surprised that such trouble would be taken on his account.

«If I need help, I'll get in touch», Neri said [Puzo, 2004, с. 361–362].

Адресант делает предложение адресату поработать на него. Однако тот вынужден отказаться, так как он является условно осужденным и в отношении его действуют некоторые ограничения. В ответ адресант обещает решить эту проблему, разорвав его желтую карточку (обещание выделено курсивом). Это обещание

очень удивляет адресата, так как ему не понятны мотивы адресанта, поэтому он не соглашается на предложение сразу, а решает подумать над ним. В данном случае была лишь перлокутивная попытка, однако из более широкого контекста мы узнаем, что позднее адресат принял предложение работать на адресанта, то есть цель последнего все-таки была достигнута и состоялся перлокутивный акт.

Если имела место перлокутивная попытка (перлокутивный акт неудачен), адресат выражает несогласие (отказ) выполнить то, к чему его побуждает адресант:

(8) All this made her more pooled than ever at his having taken the job at the hotel. When she asked him about it, Jules said, «*You tell me your dark secret and I'll tell you mine*».

She blushed and let the matter drop. Jules didn't pursue it either and their relationship continued, a warm friendship that she counted on more than she realized [Puzo, 2004, с. 264].

Адресант обещает рассказать свой секрет при условии, что адресат расскажет ему свой (выделено курсивом). Адресат отказывается это сделать, значит, перлокутивный акт не состоялся.

В заключение можно сказать, что речевой акт обещания, употребляясь вместе с другими речевыми актами, способствует приданию словам адресанта убедительности, так как перлокутивная цель речевого акта обещания состоит в том, чтобы заставить адресата поверить в искренность сказанного. Если адресат верит, то перлокутивная цель достигается. Об успешности или неуспешности перлокутивного акта можно судить, лишь проанализировав дискурс реагирования.

В ходе анализа фактического материала мы выявили, что реакциями адресата на речевой акт обещания вкупе с другими речевыми актами могут быть: **согласие, сомнение, недоверие, подозрение, переживание адресатом обещания различных эмоций** (удивления, раздражения, страха), а также **несогласие / отказ**. При этом обещание обычно помогает адресанту получить **согласие** адресата сделать то, к чему его побуждают. Если адресант обещания получает **согласие** адресата, то **перлокутивный акт** имеет место (в том числе и в случаях таких реакций, как сомнение, недоверие, подозрение, переживание различных эмоций, которые являются лишь первоначальными реакциями адресата). В случае **несогласия / отказа** адресата имеет место лишь **перлокутивная попытка**.

Библиографический список

1. Безуглая Л.Р. Перлокуция в дискурсе // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен. Харьков: Константа, 2006. С. 79–98.
2. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности: вступ. ст. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 7–21.
3. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–129.
4. Chase J. H. A lotus for miss Quon. М.: Менеджер, 2003. 224 с.
5. Chase J. H. Come easy – Go easy [= Легко пришло, легко ушло Дж. Х. Чейз] / коммент. Т.Е. Львовой. М.: Айрис-пресс, 2007. 384. (Читаем в оригинале).
6. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). England, 2000.
7. Puzo M. The godfather [Пьюзо М. Крестный отец]: учеб. пособие: кн. для чтения на англ. яз. СПб.: Антология, 2004. 384 с.
8. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Fr. / М.: Suhrkamp, 1976.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТРУД В ГОВОРАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Труд, семантическое поле, ядро, периферия, оценка, интенсивность, мотивация, об-разность, экспрессивность.

Понятие ТРУД является одним из ключевых понятий русского национального сознания. К описанию концепта ТРУД неоднократно обращались исследователи в XXI веке: Л.В. Басова «Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок)» [Басова, 2004], Т.В. Гоннова «Социокультурные характеристики концепта ТРУД в русском языковом сознании» [Гоннова, 2003], О.Е. Чернова «Концепт ТРУД как объект идеологизации» [Чернова, 2004] и другие. Предпринимая попытки моделирования концепта ТРУД, лингвисты обращаются к различным источникам: словари, прецедентные тексты, газетная публицистика и т. д.

Цель данной статьи – выявление специфической этнокультурной информации вариативной зоны семантического поля ТРУД в говорах Приенисейской Сибири (ПС).

На основе словарных дефиниций лексемы ТРУД выделяются основные семы, составляющие когнитивную структуру инвариантной (узуальной) зоны поля ТРУД: 1) деятельность (труд, трудиться, работа, работать, дело, делать); 2) деятель; 3) цель; 4) результат; 5) умения; 6) усилия; 7) препятствия.

Ядром инвариантной зоны семантического поля ТРУД являются обозначения отвлеченного названия действия. Об этом же пишет Л.В. Басова: «Языковую основу концепта ТРУД образуют значения, которые указывают на труд как на деятельность, требующую усилий; на результат труда или его следствие. Именно эти значения и обнаруживаются у слов "труд", "работа", "дело", где лексема "труд" является доминантой, так как имеет самый высокий уровень абстрактности значения» [Басова, 2004, с.7].

Вариативная зона семантического поля включает, в дополнение к инвариантной структуре, смыслы и их реализацию в говорах Приенисейской Сибири XX в. В рамках данной статьи остановимся на реализации семы «действие», которая актуализирована в говорах переходным глаголом *трудить* в значении «отягощать (трудом, работой, ходьбой)». – *Ну да, пойду я в Тасееву пешком ноги трудить, пусть машину дадут.* Тс.

Реализация семы «действие» в говорах отличается от узуальной грамматически: невозвратностью и переходностью направленного глагола *трудить* (какую-либо часть тела): *трудить ноги*. Отличие заключается в том, что в узуальном варианте *трудиться* напряжение труда охватывает деятеля в целом, а в говорах действие направлено на ту часть тела, на которую приходится большее напряжение.

Слова *труд – работа* с отвлеченным значением «название процесса» синонимичны, соответственно синонимичны глаголы: *трудиться – работать*. Исследователи отмечают в лексическом значении слова *работа* имплицитную сему «служба» «выполнение чужой воли», что указывает на сохранение в сознании носителей русского языка этимологического значения слова *работа* «рабство, неволя» [Басова, 2004, с. 8]. В устойчивом сочетании, обнаруженном в говорах Приенисейской Сибири, *работать работу* просматривается та же семантико-грам-

матическая особенность, что и у глагола *трудить*, – направленность и переходность: *Тяжело мне было. Работала я мужские работы.* Бр. *Я всегда тяжёлую работу работала.* Бр. *Мне врач сказал, что тяжёлую работу работать нельзя. А то коньки отброшу.* Бр. В устойчивом сочетании *конская работа* актуализирован смысл «нечеловеческая». – *Работа конска была до того чижоло. Руки в плечах ничё не слышат.* Ач. Трудовые процессы оцениваются не только как *тяжёлая работа*, но её всегда много: *Работать с верхом* «много работать». – *Приходился работать с верхом. А иначе чего заработаешь?* Сх. *Работать с верхом надо было – не до гулянья.* Сх. Работа требовала напряжения всех сил: *сколь мочи есть.* – *Да и работали сколь мочи есть.* Сх.

В говорах ПС обнаружено множество глаголов, обозначающих трудовые процессы, с экспрессивной и образной этнокультурной коннотацией, которые представляют собой экспрессивную и образную зоны семантического поля.

Экспрессивная зона. *Мантулить, мудохатъ, чертомелить* «выполнять изнурительную работу».

Мантулить: в поисках этимологического значения обнаруживаем в СРНГ слово *мантула*, *Мантулу дать кому-либо* «ударить кого-либо» Осин. Перм., 1914. Охан. Перм. – Если глагол *мантулить* мотивирован лексемой *мантула*, то становится очевидной ассоциация с полем «драка», т. е. включает семы «удар», «нападение», «защита собственной жизни». Сближение понятий «труд» и «драка» основано на том, что требует колоссального напряжения духовных и физических сил. – *На сплаве мантулили, брёвна катали. Бывало, так исхрюстаемся, ажно ноги не дёржут.* Бз.

При обращении к контекстам отмечаем речевые средства, усиливающие ощущение тяжести и беспросветности изнурительного труда: повторы *мантулишь, мантулишь*; противопоставление: «**много усилий – низкая оплата**». – *Мантулишь, мантулишь, а ничё не получишь.* Аб.; **степень напряжения и усталости**: *ажно ноги не дёржут*; **указание на длительность**: *Всю жизнь мантулили, а чё заработали?* Ем. *Весь свой век я мантулила.* Тс.; **оправдание**: *Никто не скажет, что хлеб ела даром.* Тс. Труд отнимал все силы и время: *...но и больше ничё не видела.* Тс.

Мудохатъ «работать с большим напряжением сил» – словари отмечают как грубо-просторечное. Мотивировано, возможно: 1) глаголом *мудить* «медлить, мешкать» (Фасмер) или 2) существительным *мудо* «мошонка» (Фасмер). Первый вариант мотивации актуализирует сему «длительность», второй – сему «напряжение внутренних органов», которые разворачиваются и усиливаются в контексте: **сравнение с проклятием**: *Мудохали в колхозах как прокляты.* Аб.; **потеря здоровья**: *В войну мудохали, всё здоровье унесли.* Аб. Тот же смысл реализуется в устойчивом сочетании *рвать живот* «делать что-л. с чрезмерным напряжением сил». – *Принеси только уклунок картошки – не рви живот.* Дз.; **наджабиться** «надорваться». – *Ему тока 40, а уж наджабился, сердешный. Конечно: столь мантулить, столь страдать.* Дв.

Чертомелить «много и напряженно работать». В словаре В.И. Даля глаголы от корня *черт* бранного характера, все существительные обозначают действия и объекты с негативной оценкой: *чертать* и *чертаться*, *чертыкать* (чертыхать) и *чертыхаться*, *чертыжить*, *чертыжиться*, *чертыжничать*, *чертыкнуть* (чертыхнуть) – «бранить, клясть, ругаться, поминая черта», *чертополох* «колючая сорная трава» (Даль).

В говорах Приенисейской Сибири: *Всю жизнь на вас чертомелю, света божьего не вижу, ни днем, ни ночью спины не разгибаю, а вы даже не уважите меня.* Бр. – подчеркивается, что такой тяжелый труд от нечистого, он лишает человека света божьего, **не приносит уважения**: *не уважите*, длится постоянно и непрерывно, как **наказание, пытка**: *спины не разгибаю*.

Образная зона. Глаголы, обозначающие трудовые процессы, образованные путем трансформации и переноса значения: *бухать, волохать, вытягиваться, дубасить, пилить, пластаться, складываться, хвостаться, хлестаться*. Среди них выделяются следующие образные модели:

1) расширение значения: использование названий конкретных трудовых процессов для обозначения любого тяжелого труда: *волохать (волдохать), пилить*. *Волохать* «тащить волоком» → «много, с большим напряжением работать». – *Волдохаеть, волдохаеть, добра ничуть. Кому така работа нужна. Аб. Седни так волдохали, аж ноги гудят. Аб.; Все войны в нащу жись выпали, мужиков не было-ка. Вот бабы и волохали. На бабе да на буренке и выехали. Короу заместо лошади запрягёшь – и пошёл. Волохали на своем веку, волохали! Вот рученьки-то и болят: все им переделать пришлось. Разве что печку-матушку не возили, а так все делали.* Тс. *Пилить* «ручной пилой резать толстые брёвна» → «работать длительно, с надсадой»: *Пилили с утра до вечера: надсадила все руки. А работу разну выполняли.* Тх.;

2) образная модель **звук**: *бухать, отбухать, отбарабанить*. *Бухать* в значении «выполнять тяжёлую работу»: *Уханькалась седни: стиралась, а машинка сломалась, от руками и бухала.* Ач.; *Сколь годов на тракторе отбухал!* Кч.; *Семь годов в кочегарке отбарабанила.* Бз.

б) образная модель **драка**: *дубасить, хвостаться, хлестаться*. *Дубасить*: «работать продолжительное время с напряжением сил». – *Мне до пенсии ещё долго дубасить.* Ид. *Хвостаться* «чрезмерно стараться при выполнении какого-л дела». – *Она в учёбе-то молодец! Хвостаётся почему зря.* Нз. *В войну-то хвостались на работе.* Аб. *Хвоцусь на работе. А проку ничуть.* Аб. *Это моя спаршица. Мы с ней спарились и за ягодами хвошимся.* Аб. *Хлестаться* «тяжело работать». – *Бывало-ка сорок соток картошек насодят, а потом хлещутся с её. Роят ажно до снега.* Бз.;

в) образная модель **физическое состояние**: *вытягиваться, пластаться, складываться*. *Вытягиваться* «работать до изнеможения, стараться изо всех сил». Возникает ассоциация с устойчивым сочетанием *тянуть жилы*. *Пластаться* «работать, трудиться до изнеможения». Внутренняя форма корня *пласт* – «плоский, наклоняющийся низко к земле». *Складываться* «тяжело работать». Внутренняя форма «низко наклоняться, сгибать спину», ассоциация с устойчивым сочетанием *гнуть спину*.

Наиболее важной частью этнокультурной информации является оценочность, наблюдаемая в устойчивых сочетаниях и в свободных сочетаниях в контексте. В суждениях носителей говоров заложены рекомендации, правила, как нужно работать, передается жизненный опыт: *работать нужно старательно, сколь мочи есть, с вёрхом, весь век*.

Работать старательно: А как же, если работать нестарательно – добра не будет. Аб.; *работать весь век: Известно. Всегда волохали.* Аб. *Так жила, так и померла, век свой отмантулила.* Тс.; *работать до полночи: Ох, я сегодня и пласталась до полночи.* Нз.; *работать до снега: Роят ажно до снега.* Бз.; *работать пока не закончишь: Сколь мне пластаться-то надо с этим полем, пока вскопаю.* Аб.;

работать до боли: *Вот рученьки-то и болят: все им переделать пришлось.* Тс.; аж ноги гудят: *Седни так волдохали, аж ноги гудят.* Аб.

Особая тема – женский труд. Бабы волохали: *Все войны в нашу жись выпали, мужиков не было-ка. Вот бабы и волохали.* Тс.; не надеясь на помощь: *Да сулились помочь с покосом, но отпуска не дали. Одне пластались.* Бз. и повсем. Несответствие тяжести труда и его результата, оценки со стороны детей: *Так жила, так и померла, век свой отмантулила. Всё всем хотела хороша быть, а дети и на похороны не приехали. Вот и складывалась.* Тс.; неблагоприятное дело: *Ты себе, мамка, вытягивайся. А им и горя мало. И не спросят никогда, спала ли ты, ела ли.* Тс.; бессмысленность: *Волдохаеть, волдохаеть, добра ничуть. Кому така работа нужна.* Аб. *Хвоцусь на работе. А проку ничуть.* Аб. *Пластаеться, а толку нет.* Аб.

Таким образом, вариативная зона поля *труд* в реализации семы «действие» отражает представление носителей говоров о труде как о драке и напряженном физическом состоянии, при котором *надсадила все руки, ажно ноги не дёржут*, приходится *мантулить, мудохать, чертомелить, как проклятым*, не надеясь на помощь. При этом труд в основном ручной, непроизводительный, не приносящий удовлетворения, неблагоприятный и бессмысленный. И тем не менее только труд приносит добро: *А как же, если работать нестарательно – добра не будет.*

Список сокращений

Аб. – Абанский район
 Ач. – Ачинский район
 Бз. – Березовский район
 Дв. – Дивногорское административное подчинение
 Дз. – Дзержинский район
 Ид. – Идринский район
 Тс. – Тасеевский район
 Тх. – Тюхтетский район

Словари

1. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка (Даль). URL: <http://lib.rus.ec/b/105621>
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow/_p_r.txt
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Фасмер). URL: <http://lib.mexmat.ru/books/53165>

Библиографический список

1. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
2. Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта ТРУД в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 214 с.
3. Чернова О.Е. Концепт ТРУД как объект идеологизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

Персонаж, миф, обряд, традиция, функция.

Традиционный подход к мифологической системе как к замкнутому разделу верований или как к системе известных по быличкам фольклорных персонажей представляется в настоящее время недостаточным, поскольку он не раскрывает связей мифологических персонажей с ритуально-магической, бытовой и обрядовой практикой. Рассмотрение народной демонологии как многосоставной системы, включающей не только ряд персонажей, но и весь круг основных мотивов и сюжетов, связанных со сферой «низшей» мифологии, сопряжено с понятием мифологического текста. Мифологический текст понимается как текст, функционирующий в разных формах бытовой, полуобрядовой и обрядовой речи, содержащий сведения о демонологических явлениях и воспроизводящийся в определенных тематических, языковых и ситуативных формах [Левкиевская, 2006, с. 150]. Кроме фольклорного материала, который традиционно привлекается при изучении персонажей низшей мифологии (былички, сказки, предания и легенды), в исследованиях представляется необходимым учитывать многообразные «малые» фольклорные формы, а также данные обрядовой традиции (например, «ритуальное кормление “йорт иясе”» или «изгнание “пэри”»), мотивировки ритуально-магических действий, запретов и нормативных предписаний. Привлечение такого широкого круга источников приводит к расширению системы мифологических образов, включению в демонологическую систему образов с менее выраженным мифологическим статусом, а также раскрытию системы признаков и функций, характеризующих мифологический персонаж (далее – МП).

При таком подходе иначе выглядит и проблема сравнительного описания МП, который в разных локальных традициях может иметь иные имена и разные наборы функций. Для решения этой проблемы необходимы обеспеченность достаточно полным материалом по разным локальным традициям и разработанность методики такого сравнения. Мифологических текстов по народной демонологии татар, имеющих в фондах и библиотеках научных центров, опубликованных в сборниках и исследованиях по фольклору, на сегодняшний день крайне недостаточно, так как они не позволяют провести сравнительное исследование одного МП по данным различных локальных традиций. Однако имеющиеся полевые материалы помогают обозначить начальные точки для дальнейших научных разысканий. Так же обстоит дело и с методикой сравнительного изучения МП. С этой целью сектором этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики РАН была разработана схема описания МП, включающая набор характеристик, по которым можно идентифицировать любой МП, а именно названия, ипостаси, внешний облик, локусы, характерные занятия, функции, взаимоотношения с человеком [Виноградова, Толстая 1994, с. 40–44]. Использование данной схемы предполагает выявление характерных черт МП на разных уровнях: лингвистическом, морфологическом, функциональном. Таким образом, проявляются

целостный образ, набор характеристик и функций МП, которые невозможно реконструировать без привлечения широкой источниковой базы.

В данной работе предлагается опыт сравнительного изучения МП на материале различных источников и локальных традиций. Из огромного многообразия МП мы избрали образ «Хызыр Ильяса», который представлен достаточно широким набором признаков и функций в традиционной культуре татар. Следует оговориться, что имеющийся у исследователя материал ограничивается Высокогорским, Тюлячинским, Пестречинским, Зеленодольским, Балтасинским районами в Заказанье, Тюменским и Ялуторовским районами в Тюменской области РФ. В связи с чем следует отметить, что материал для сравнительной характеристики данного МП не охватывает вышеуказанные традиции полностью и требует дальнейших дополнений.

Названия данного персонажа по материалам двух локальных традиций имеют некоторые различия. Если заказанские татары называют данный персонаж Хозер, Хозер Ильяс, юл иясе, кыр иясе, то западносибирские татары именуют его Хосер Ильяс баба, Хосер бабай, юл иясе, Хосер, Ильяс.

Хызыр Ильяс представляется в обеих традициях белобородым старцем, однако западносибирские татары сообщают, что он может показаться и виде животного: собаки или коровы. Здесь же информанты указывают на наличие телесной аномалии, по которой можно его узнать: отсутствие большого пальца правой руки, отсутствие кости среднего пальца правой руки.

В традиции заказанских татар Хызыр Ильяс в большинстве случаев представляется как одиночный образ (Хозер или Хозер Ильяс), но может встречаться и в виде парного образа: Хозер и Ильяс. В сообщениях западносибирских татар данный персонаж представляется и как одиночный Хосер, Хосер Ильяс), и как парный образ (Хосер баба и Хур кызы, Хосер и Ильяс). Интересно представление информантов о том, что у мальчика Хосер была сестра-близнец Хур кызы. По их мнению, эти персонажи символизируют души неженатого молодого человека и незамужней девушки. В связи с этим существует обычай оставлять воду в небольшой посуде в хозяйстве для того, чтобы Хур кызы могла прилететь и испить воды. (д. Чикча, Тюменский район, Тюменская область, 2007).

В легендах заказанских татар проявляется особенность Хызыра как родоначальника. В Мамадышском районе РТ в деревне Верхняя Ушма существует предание о Хызыр Ильясе. В одной семье не было детей, однажды к ним пришел старец в белой одежде и предсказал им рождение сына, который будет жить только в том случае, если его назовут Бабанияз. Но бабушка с дедом забыли имя, и мальчик умер. После этого случая у них вновь появился белобородый путник и написал им имя сына, когда вновь родился ребенок, его назвали Бабанияз. Так и произошла фамилия этой семьи (д. В. Ушма, Мамадышский район РТ, 2003).

Восприятие народом Хызыра как путника отражается в предании «Бездонное озеро», которое гласит следующее: в одной из деревень прежде жили богачи. Однажды здесь появился нищий, больной и уставший старик, он стучался в ворота, но его отовсюду прогоняли: то ругали, травили собаками или просто не отвечали. Старец с трудом выбрался из деревни и, поднявшись на холм, проклял ее. В ту же минуту деревня провалилась под землю, и на ее месте образовалось бездонное озеро, а осудившим этих людей был Хызыр Ильяс (д. В. Ушма, Мамадышский район РТ, 2003).

В этом предании отражены два качества образа, характерные именно для данного персонажа: праведник Хызыр предстает как нищий и убогий старец, вечный

путник, помогающий добрым и наказывающий злых. Здесь раскрывается еще одна сторона этого образа, а именно его связь с водной стихией, способность управлять ею.

Необходимо рассмотреть еще несколько легенд татарского народа, где Хызыр непосредственно связан с водой. В Балтасинском районе РТ в деревне Салавыч существует родник, который исполняет желания и сохраняет благополучие деревни. Легенда гласит следующее: однажды жителю этой деревни встретился старец в белой одежде и велел ему следить за родником, после чего этот человек исполнил его волю. С тех пор люди приходят к роднику, просят его ниспослать дождь, благополучие и здоровье семье и верят, что родник исполняет их желания (д. Салавыч, Балтасинский район РТ, 2002).

Непосредственная связь с водой прослеживается и в следующей легенде. В деревне Олы Шынар есть гора Хызыра. Народ верит, что в древние времена Хызыр, возвращаясь из хаджа, умер на этой горе, и его могила сохранилась до сих пор. На месте этой могилы появился родник, который теперь называют «Родником святых». В этой легенде просвечивается связь Хызыра с горой. Гора с древних времен считалась местом жертвоприношений у тюрков, и ее семантика устанавливает более тесную связь между Тенгри и Хызыром. Хызыр воспринимается как хранитель горы, жертвенного места и медиатор между миром людей и богов (д. Олы Шынар, Сабинский район РТ, 2002).

В д. Янтык Тюменского района Тюменской области информанты сообщили, что при переправе через реку необходимо произнести следующие магические слова: «Хосер жиргэ ташласын» («Пусть Хосер бросит нас на землю»). Здесь же актуально предание о том, что Хосер и Ильяс появляются после дождя и их можно увидеть на концах радуги.

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что данный МП имеет распространение в двух указанных локальных традициях татар. При сравнительном исследовании выделяются общие и различные черты этого персонажа, но удивительная однообразность его функций позволяет предположить, что данная система признаков объединяет МП в единое целое и позволяет охарактеризовать его с новой стороны. Под функцией в фольклористике понимается «действие, которое имеет конкретную прагматику, иллокутивную цель, ради которой персонаж совершает данное действие» [Левкиевская, 2006, с. 172]. При таком подходе мифологический персонаж понимается не как мифологический образ, а как пучок функций и признаков, скрепленный именем, который может иметь широкий круг форм языкового выражения. Исследование МП на уровне мифологической функции позволяет выявить общетюркские основы данного персонажа и его локальные особенности.

В исследованиях по татарской фольклористике с Хызыр Ильясом связываются лишь попечительная и прогностическая функции, тогда как полевые материалы указывают и на наличие патронажной функции, которая свидетельствует об общетюркской основе данного МП. А.Х. Садекова указывает на то, что в поверьях узбеков Хорезма Хызыр не только помогает заблудшим, исцеляет больных, но и участвует в культе плодородия [Садекова, 2001, с. 135]. В турецком фольклоре ежегодно 23 апреля отмечается праздник «хыдреллез» – приход лета, который длится три дня. Обряды трехдневного цикла связаны с верой в появление Хызыра, который принесет с собой солнце, воду, здоровье и согреет землю [Cetin, 2000, р. 28–29]. И в поверьях татар прослеживается подобная аналогия. В Зелено-

дольском районе РТ о приходе весны судят по палке, воткнутой в снег 19 апреля. Если уровень снега за ночь не понизится, говорят, что «Хозер еще не взмахнул плетью» (д. Бишня, Зеленодольский р-он РТ, 2008). В Кукморском районе РТ после сбора урожая оставляют несколько картофелин Хызыру (д. Туркаш, Кукморский район РТ, 2008). При проявлении патронажной функции данного МП актуализируется одиночный персонаж «Хозер», «кыр иясе», тогда как остальные функции связаны с парным образом Хозер Ильяс. Из чего следует предположить, что Хозер был древнетюркским духом-хозяином, а Ильяс является более поздним наслоением данного МП. Тем более что при сравнительном рассмотрении с традиционными представлениями других тюркских народов выясняется, что исследуемый МП в связи с патронажной функцией носит название Хызыр.

Таким образом, сравнительная методика исследования МП, представляемого как пучок функций и признаков, скрепленных именем и имеющих широкий круг форм языкового выражения, позволяет выявить генетические и общетюркские основы мифологической системы. В данном случае функция МП становится основополагающим фактором в его классификации и позволяет объединить инварианты в один исходный персонаж.

Библиографический список

1. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Вераования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.
2. Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. Вып. 10. 560 с.
3. Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество. Казань: Фикер, 2001.
4. Cetin I. Nevruz kutlamalarında ortak ve benzer pratikler // Uluslararası Nevruz Sempozyumu bildirileri: 21–23 Mart 2000, Ankara. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2000. S. 28–29.

МИФОЛОГЕМА КОРАБЛЯ / ЛОДКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. МЕЛВИЛЛА, Э. ХЕМИНГУЭЯ, В.П. АСТАФЬЕВА

Г. Мелвилл, Э. Хемингуэй, В.П. Астафьев, мифологема, корабль, лодка.

Роман классика американской литературы Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851, русский перевод 1961), повесть его соотечественника Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» (1952, русский перевод 1955) и повествование в рассказах Виктора Петровича Астафьева «Царь-рыба» (1976) объединены глубокими типологическими связями. В первую очередь это сближение осуществляется на основе этического конфликта, включающего в себя проблему вины, человеческого своеволия и возмездия за них на экстремальном рубеже, ведущего к возможному раскаянию или столь же возможной гибели – вопрос не только конкретной ситуации, но и постоянно возрождающейся модели поведения, запечатленной в архетипах и мифологизированных образах (рыбак, океан / море / река, кит / рыба, корабль / лодка). В данной работе предпринята попытка рассмотрения последнего из них.

По словам Джона Фаулза, «ни одно человеческое изобретение <...> не получило столь много любви», как корабль [Цит. по: Струкова, 1998, с. 78]. Плавание корабля, без преувеличения, является архетипической моделью, полисемантической, емкой и универсальной по своей значимости. По Н.А. Шогенцуковой, знаковая система корабль – плавание – океан является подходящим языком «для воплощения сложных онтологических проблем», включенности человека «в социум, планету, мир» [Шогенцукова, 1995, с. 40].

Образ корабля во многих культурах, как и в литературе, ассоциируется с процессом познания мира, нескончаемого расширения его границ. Интересны размышления Т.Г. Струковой о пространственной организации корабельной палубы: «...будучи линейно ограниченной, она обладает объемной открытостью», и только на ней возможно в полной мере ощутить глубину и бесконечность космоса [Струкова, 1998, с. 81–82]. Исследователь также отмечает двойственность образа корабля, в течение плавания все более вызывающего в морях чувство защищенности, единственного прибежища и одновременно смертельной опасности, зыбкости бытия, так что «удаление корабля от берега начинает приобретать экзистенциальный смысл» [Там же, с. 82]. В традиционной антитезе «корабль – берег» воплощены два архетипичных человеческих стремления: к новому, неизведанному и стабильному, привычному. Отсюда мифологема корабля неразрывно связана с мифологемой пути, которая «может быть прочитана как метафора духовного становления, прозрения, познания добра и зла» [Вишневская, Сапрыкина, 2005, с. 8].

По данным М.М. Маковского, слова со значениями «корабль», «лодка», «сосуд» («емкость») являются семантически близкими и соотносятся со значением «человек» (отсюда англ. «man of war» – «военный корабль»). Истоки данного сближения лежат в языческих поверьях о перевозке душ умерших в загробный мир на лодках или кораблях по подземной (или небесной) реке ли, по морю. Отсюда олицет-

ворение корабля / лодки с жизнью либо смертью, а также с осуждением, карой [Маковский, 1996, с. 194–195].

Наиболее традиционными вариантами мифологемы корабля являются корабль-судьба, корабль-душа, корабль-человек, корабль-человечество. Все они в той или иной мере представлены в романе «Моби Дик». В произведениях Хемингуэя и Астафьева мифологема корабля присутствует обычно в виде лодки. При этом у последнего она возникает не явно, а лишь как подтекст, поскольку значимость, эпичность ситуации бросает отсвет и на лодку, превращая ее в скрытый символ жизненного пути человека. В то же время нельзя не отметить неоднократное проявление данной мифологемы в параллели «охотничья избушка / корабль», неразрывно связанной с другой параллелью – «тайга / море». Так, в «Бойе» читаем: «...снега полого и бескрайно лежат, среди них избушка одиноким челном плывет, ни берега вокруг, ни пристанища – пустота кругом!» [Астафьев, 1997, с. 25]. В рассказе «Сон о белых горах» Аким «никак не мог решиться сделать первый шаг в глубь немеряной, настороженной тайги – отвалить от избушки, словно сойти с покинутого корабля в пустынное море» [Там же, с. 386]. Семантика образа избушки здесь близка семантике мифообраза корабля / лодки, ассоциируясь, как отмечает Е.М. Букаты, «не со статичным, а с подвижным элементом пространства» [Букаты, 2002, с. 110].

В творчестве Хемингуэя аналогичная метафора «дом-корабль» возникает в романе «Острова в океане». Жилище Томаса Хадсона, построенное на самом высоком месте узкой косы между гаванью и открытым морем, прочно, как корабль, способно выдержать любую бурю, из всех окон его видно море. Герой любит свой дом, более того, как подчеркивает Хемингуэй, «в мыслях дом был для него живым существом, как корабль для моряка» [Хемингуэй, 1982, с. 290].

В повести «Старик и море» мифологема лодки используется иносказательно, как метафора человеческой жизни, активной, как у Сантьяго, или инертной. Интересное рассуждение по этому поводу можно найти на одном из американских литературных сайтов. Его автор цитирует следующий отрывок: «...на большей части лодок царило молчание, и оттуда доносился лишь плеск весел. Выйдя из бухты, лодки рассеялись в разные стороны, и каждый рыбак направился туда, где он надеялся найти рыбу. Старик заранее решил, что уйдет далеко от берега; он оставил позади себя запахи земли и греб прямо в свежее утреннее дыхание океана» [Там же, с. 17], и указывает, что «в жизни есть люди, которые участвуют в ней, и люди, которые наблюдают жизнь, когда она проходит мимо, точно так же, как в океане, где есть лодки, которые не испытывают своих границ. <...> Старик проверяет свои пределы, он бросает вызов океану и гребет, куда хочет, а не куда океан хочет взять его» [Blaine]. На взгляд исследователя, одна из идей Хемингуэя состоит в том, что чем дальше человек отходит от таких сторонних наблюдателей, тем свободней он будет, тем более что в жизни, подобно морским штормам, нередко происходят неожиданные столкновения. «Те, кто живет самой полной жизнью, будут наименее затронуты этими штормами, так как они имеют силу и знание управлять ими, но наблюдатели или обитатели суши будут уничтожены, поскольку они не имеют власти управлять разрушением, которое причинят штормы» [Там же].

Мелвилл же через плавание китобойного судна раскрывает перед читателем «движение человечества в универсуме» [Шогенцукова, 1995, с. 114]: «Воистину, мир – это корабль, взявший курс в неведомые воды открытого океана» [Там же, с. 88]. Американский исследователь Густаф Ван Кромпхоут видит в плавании «Пекода» «мелвилловскую версию романтической трансформации фаустианского

этоса», который характеризуется «безграничными стремлениями, экспансионизмом, идентификацией знания с силой, попыткой подчинить себе природу, жаждой контроля над собственной судьбой» [Cromphout, 1988, с. 239]. Измаил же, вместе с кораблем устремленный в «безземелье» («landlessness»), безграничное пространство, воплощает собой квинтэссенцию романтического фаустианства – осознание того, что «целью путешествия жизни является опыт самого путешествия» [Там же, с. 250].

Это не первая попытка Мелвилла уподобить человечество кораблю. В предшествующем «Моби Дику» романе «Белый Бушлат, или Мир военного корабля» (1850) возникает зеркальное сопоставление – корабль уподобляется человечеству. Там оно носит скорее экспериментальный, но уже достаточно развернутый характер: военный корабль представляет собой «не что иное, как этот наш старомодный мир на плаву с людьми самого различного склада и исполненный самых странных противоречий» [Мелвилл, 1973, с. 319]¹. Данный образ создается постепенно. Сначала писатель сравнивает корабль лишь с малой частью человечества, одним населенным пунктом – городом: «Поистине, военный корабль – это плавучий город с длинными проспектами (только вместо деревьев по сторонам его красуются пушки), с многочисленными тенистыми переулками, дворами и проходами; шканцы – прекрасная площадь, парк или плац-парад с большим питтсфилдским вязом в виде грот-мачты с одной стороны и с дворцовым фасадом коммодорского салона – с другой» (с. 65). Иногда, если уподобление не является всесторонним, корабль в «Белом Бушлате» сравнивается лишь с отдельным домом – не абстрактным, а вполне определенным: доходным домом, поставленным вверх ногами (когда речь идет об условиях пребывания на корабле разных членов его экипажа), либо трехэтажным домом в «сомнительной части города» с подозрительными личностями в окнах при описании ряда портов с выглядывающими из них дулами орудий (с. 66).

Так как в указанном произведении автор ставил перед собой двойную задачу – не только создать модель человечества, представив читателю «военный корабль как образ мира» (с. 132), но и глубоко и всесторонне раскрыть мир самого военного судна, – то и созданные в нем аналогии порой носят характер, противоположный тому, что мы видим в «Моби Дике». Более того, пацифист Мелвилл видел в военном корабле «картину всего того, что в человеческой природе имеется тиранического и отвратительного» (с. 172). Однако уже здесь мы обнаруживаем и образ корабля как Ноева ковчега, и аналогичную шекспировской метафору «корабль-театр»: «...если где-либо на свете и имеется театр, не перестающий играть ни днем, ни ночью, и притом без антрактов, то военный корабль и являет собой такой театр, а палубный настил его и есть эти самые подмости» (с. 78). В «Заключении» же Мелвилл создает наиболее глубокий образ всего произведения, близкий тому, что появится в «Моби Дике» год спустя – «корабль-Земля», сочетающий в себе одновременно традиционную идею рока, детерминированности человеческих судеб и достаточно смелый для своего времени (хотя и выдвигавшийся натурфилософами еще в эпоху Ренессанса) постулат о множественности миров. По мнению писателя, «все мы, смертные, находимся на борту быстроходного, неспособного утонуть фрегата – планеты нашей, – строителем коего был господь бог; но Земля – всего один корабль во флоте Млечного пути, генерал-адмиралом которого яв-

¹ В дальнейшем ссылка на это издание с указанием страниц в тексте.

ляется тот же всевышний. Порт, откуда мы начали свой путь, навеки остался позади. И хотя мы давно уже потеряли из виду сушу, мы веками продолжаем плыть с запечатанным приказом, и назначение наше остается загадкой для нас и наших офицеров; однако конечная наша гавань была предопределена еще до того, как мы соскользнули со ступеней мироздания» (с. 325).

Еще одно значение мифологемы корабля и плавания на нем возникает в «Моби Дике» в проповеди отца Мэппла – бегство от Божьего взора, от своего предназначения, попытка человечества самовластно управлять своей жизнью. Мудрый проповедник говорит об Ионе: «Он думает, что корабль, построенный людьми, перенесет его в такие страны, где владычествует не Бог, а Капитаны Земли» (с. 89). Таким Капитаном Земли и пытается стать непокорный Ахав, именуемый в одной из глав не иначе как «хан морей, и бог палубы, и великий повелитель левиафанов» (с. 173), что, впрочем, на поверку оказывается полной иллюзией. Как справедливо отмечает британский исследователь А.Р. Ли, образ «Пекода» несет двойное значение: абсолютно живого корабля дураков и одновременно корабля смерти [Lee, 1978, с. 99]. Он в определенной степени близок романтическому образу проклятого корабля – «Летучего голландца», однако если второму суждено вечное странствие, то плавание первого – это неотступное стремление к концу. И традиционный для романтизма свой, особый путь эволюции сознания личности, ее становления проходят скорее не персонажи романа, но его читатель.

Заново открывший Мелвилла Д.Г. Лоуренс видел в «Пекоде» не только «корабль души американца», но и символ всего цивилизованного мира, «корабль Великой Белой Души» [Lawrence, 1981, с. 248, 257, 259]. Моби Дик же был для Лоуренса «нашей глубочайшей кровной природой», которую мы преследуем «выше лежащим сознанием и идеальной волей». По убеждению писателя, Мелвилл знал, что его раса, великая белая эпоха и он сам обречены. Гибнут и те, кто соприкасается с нашим духовным сознанием: негр, индеец, полинезиец, парс... Но если все уже кончено, если «Большой Белый Кит потопил корабль Великой Белой Души в 1851 г., то что же происходит с тех пор?», – спрашивает Лоуренс. Повидимому, посмертные воздействия, отвечает он на свой вопрос. И это закономерный результат покушения на Моби Дика, ибо в первых веках нашей эры, напоминает писатель, «Иисус, Искупитель, был Китом, Левиафаном. И все христиане были его маленькими рыбками» [Там же, с. 258–259].

За эволюцией данного мотива интересно проследить, вновь сопоставив мелвилловский шедевр с романом «Белый Бушлат», в котором моряки провозглашают себя и свои корабли повелителями стихий, способными противостоять любым катаклизмам: «если бы произошел новый потоп и покрыл водами сушу; какое зло мог бы он ему причинить? – поднял бы его судно еще выше и дал ему возможность пронести гордый флаг его родины над всеми столицами враждебных государств. Тогда мачты поднялись бы выше шпильей, и все человечество, наподобие китайских лодочников в Кантоне, жило бы на флотилиях и флотах и находило бы себе пищу в море» [Мелвилл, 1973, с. 33]. В «Моби Дике» подобная самонадеянность жестоко карается. Уже с первых глав романа непокорный Ахав всей логикой повествования оказывается обреченным на гибель, судьбу его должен разделить и его корабль со всем экипажем. Весьма символично и название судна (как, впрочем, и всех остальных у Мелвилла). Измаил поясняет, что «Пекод» – это «название знаменитого племени массачусетских индейцев, ныне вымерших, подобно

древним мидянам» [Мелвилл, 1987, с. 116]¹ (данный этнос был полностью истреблен пуританами в XVII в).

В ярчайшем описании «Пекода» «вся система метафор сближает корабль с человеком» [Шогенцукова, 1995, с. 104]. У этого судна есть лицо, черты которого имеют явное сходство с чертами его капитана. Корпус его темен, «как лицо французского гренадера, которому приходилось сражаться и в Египте, и в Сибири», нос «порос почтенной бородой», палубы «ветхи и испещрены морщинами» (с.116). И если искусственная нога Ахава вырезана из китовой кости, то из этого же материала изготовлен и румпель «Пекода». В то же время облик старого корабля прямо говорит о его предназначении. «Все судно было увешано трофеями – настоящий каннибал среди кораблей, украсившийся костями убитых врагов. Его открытые борта, словно огромная челюсть, были унизаны длинными и острыми зубами кашалота, которые служили здесь вместо нагелей, чтобы закреплять на них пеньковые мышцы и сухожилия судна» (с.117).

Мифологема корабля в «Моби Дике» интересна еще и тем, что в романе присутствуют два параллельных и взаимоосвещающих ряда типов познания мира: первый нашел свое воплощение в образах мелвилловских персонажей, второй – в живописной галерее китобойных судов, с которыми «Пекод» встречается во время плавания. Это было отмечено в 1950 г. американским литературоведом У.Х. Оденем [Auden, 1977, 10–11], а в конце столетия подробно рассмотрено Н.А. Шогенцуковой [Шогенцукова, 1995, с. 96–98]. Исследователь указывает, что «Альбатрос», выбеленный волнами за четыре года безуспешного плавания, с угрюмо молчащими моряками и капитаном, из рук которого выпадает рупор в тот самый момент, когда он собирается ответить Ахаву на его вопрос о Моби Дике, по мнению исследователя, воплощает непостижимую загадку бытия. Трагическая история, произошедшая на судне «Таун-Хо», впервые в романе раскрывает удивительный дар Белого Кита вершить *«Господний приговор, по временам наступающий иных людей»* (с. 315). (Курсив наш. – В.Д.). «Иеровоам», на котором Моби Дика объявили инкарнацией Бога, олицетворяет саморазрушительный религиозный фанатизм. «Юнгфрау» («Дева») и «Розовый бутон», на которых даже не знают о существовании Белого Кита, символизируют неопытность и невежество. «Сэмюэл Эндерби», капитан которого, не имея представления о том, что Моби Дик не является обычным китом, в схватке с ним лишился руки и отказался от преследования кита, воплощает уравновешенность и благоразумие. Веселящийся «Холостяк», экипаж которого не верит в Моби Дика, – индифферентное сознание, не утруждающее себя поисками истины. «Рахиль» и «Восхитительный», отважившиеся напасть на Белого Кита, лишились большей части экипажа, включая подростка – сына капитана. Кошунственно покусившись на «Божьего заместника на земле»², они становятся последними предвестниками неминуемой гибели Ахава и его судна. Сам же многострадальный «Пекод» – это корабль-безумец, подобно увлекающему его в губительную пучину капитану. И так как океан-познание позволяет героям лишь до определенной черты перемещаться по его просторам, то уничтожение Ахава и его экипажа становится неотвратимой расплатой за покушение на запредельное.

Через сходные архетипы и типологически близкие мифологемы (рыбак, корабль / лодка) каждый из трех рассмотренных нами авторов попытался осмыслить динамическую зависимость человека от природных и божественных сил, его

¹ В дальнейшем ссылка на это издание с указанием страниц в тексте.

² Выражение Дж. Гарднера [Цит. по: Шогенцукова 1995, с. 92].

способность к постижению окружающего мира и своего места в нем. Описанный как реальный объект, как факт, в контексте литературных аллюзий корабль / лодка каждый раз обретает свой / собственный вариант реализации мифологемы, органично вливаясь в систему образов данного произведения.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6: Царь-рыба. Красноярск: Офсет, 1997. 431с.
2. Букаты Е.М. Поэтика художественного пространства в прозе В.П. Астафьева («Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты»): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 197 с.
3. Вишневская Н.А., Сапрыкина Е.Ю. Еще одна вечная метафора в романтическом контексте // Романтизм. Вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 7–9.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
5. Мелвилл Г. Белый Бушлат: роман / пер. с англ. и прим. И.А. Лихачева; послесл. Ю.В. Ковалева. Л.: Наука, 1973. 392 с. (АН СССР. Лит. памятники).
6. Мелвилл Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Моби Дик, или Белый Кит: роман / пер. с англ. И. Бернштейн; вступ. ст., послесл. Ю. Ковалева. Л.: Худож. лит., 1987.
7. Струкова Т.Г. Пространство корабля как эстетическая категория морского романа // Романтизм и его исторические судьбы: материалы межд. науч. конф. (VII Гуляевских чтений) 13–16 мая 1998 г. Тверь, 1998. С. 78–82.
8. Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4: Старик и море; Опасное лето; Праздник, который всегда с тобой; Острова в океане / пер. с англ.; послесл. А. Старцева. М.: Худож. лит., 1982. 735 с.
9. Шогенцукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. Э. По, Г. Мелвилл, Д. Гарднер. М.: Наследие, 1995. 232 с.
10. Auden W. H. The Romantic Use of Symbols // Twentieth Century Interpretations of Moby-Dick: A Collection of Critical Essays / ed. by M. T. Gilmore. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1977. P.9–12.
11. Blaine. Old Man and The Sea. URL: <http://www.allfreeessays.com/essays/Old-Man-Sea/729.html>.
12. Crophout G. Van. Moby-Dick: The Transformation of the Faustian Ethos // On Melville. The Best from American Literature / ed. by L. J. Budd, E. H. Cady. Durham; L.: Duke Univ. Press, 1988. P. 238–253.
13. Lawrence D. H. Selected Essays. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 351 p.
14. Lee A. R. Moby-Dick: The Tale and the Telling // New Perspectives on Melville / ed. by F. Pullin. Edinburgh, 1978. P.86–127.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП: КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Словообразовательный тип, фрейм, пропозициональная схема, пропозиция.

Антропоцентрическая, психологическая и когнитивная линии развития науки о языке, ясное осознание большой объяснительной силы и научной перспективы, которые стоят за функциональным подходом к анализу языковых единиц, моделей и явлений языка, привели учёных к критическому переосмыслению многих лингвистических проблем, которые казались уже окончательно решёнными. Сказанное в полной мере относится и к единицам словообразовательного уровня языка, как простым (производные слова), так и комплексным (словообразовательные типы, словообразовательные категории, словообразовательные гнезда).

В рамках когнитивного направления словообразовательные единицы определяются нами как имеющие не одну, а две основные функции: они трактуются не только как единицы, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как порождающие концептуальный и языковой мир знания. На наш взгляд, к анализу комплексных единиц дериватологии могут быть успешно применены понятия «фрейм», «слот», «пропозиция», разработанные для систем интеллектуальной обработки информации. Вслед за М. Минским мы понимаем под фреймом структуру языкового знания, организованного вокруг некоторого понятия, в которой «ассоциирована информация разных видов» [Минский, 1979, с. 7]. Слот (в терминологии М. Минского – терминал) – это элемент фрейма, ориентированный на конкретизацию какого-либо одного аспекта фрейма посредством заполнения «характерными примерами или данными» [Там же]. Слот определяет адекватные условия, способствующие раскрытию фрейма, а эти условия, в свою очередь, порождают конкретные суждения. Суждения же, включенные в определенную логическую модель и рассматриваемые как элементы знания, опираются на пропозициональные структуры.

Принимая во внимание положение, согласно которому предложение и слово строятся по одинаковым глубинным образцам – пропозициональным структурам [Арутюнова, 1971], – мы понимаем под ними структурно-логические схемы, на которые опираются значения производных слов, а конкретные реализации этих слов называем пропозициями. В основе пропозициональной структуры и пропозиции находятся предикат (чаще всего глагол) и его распространители (актанты).

Использование таких понятий, как фрейм, слот, пропозициональная структура, пропозиция для анализа комплексных единиц словообразования, дает возможность рассматривать деривационные единицы как иерархически организованные структуры данных, как способы хранения информации, заключенной в базовом слове и производных.

Учитывая, что именно в совокупности комплексные единицы словообразования образуют словообразовательную систему языка, центральной проблемой характеристики единиц этой системы является разработка единого подхода к их анализу и единых методов описания. Решение данной проблемы позволит, на наш взгляд, дать более полное и более систематическое описание деривационных единиц, ко-

торые активно участвуют в формировании языковой картины мира. Перспективной в этом плане видим разработанную нами методику фреймовой пропозиционально-семантической организации единиц деривации.

Когнитивная методика фреймовой пропозиционально-семантической организации, вбирая идеи разных направлений, имеет свои установки: дериваты, объединяясь в группы по наличию общих признаков, организуются во фреймы – сетевые модели, узлы (слоты) которых опираются на пропозициональные структуры. Семантическое наполнение этих структур – лексико-семантические, варианты – связанные между собой отношениями разной степени близости; одни из них соответствуют всем прототипичным признакам категории (являются «лучшими образцами»), другие обладают лишь некоторыми признаками, составляя тем самым периферию этой категории. Несмотря на наличие полного или частичного набора признаков конкретной категории, все ее единицы связаны по принципу «фамильного сходства» (Л. Витгенштейн). Главным средством связи ЛСВ выступают метонимия и метафора.

Объектом фреймового моделирования, на наш взгляд, может выступать как любая из комплексных единиц словообразования (категория, тип, гнездо), так и простая (многозначный дериват), которые демонстрируют изоморфизм в организации. В качестве основной единицы фреймового моделирования нами выбрана пропозиционально-семантическая структура, составляющая основу каждого значения деривата (а также ЛСВ полисеманта) и моделирующая микроситуацию. В совокупности эти микроситуации, связываясь между собой по принципу сети, образуют фрейм. Каждая из деривационных единиц имеет свою основу фреймовой организации. Так, базой фреймовой организации полисемичного деривата является производящее слово, словообразовательного гнезда – его вершина. Объединения дериватов словообразовательного типа (и категории) образуются на основе мотивирующих слов, соединяющихся в тематические фреймы, каждая из которых подразделяется на ряд субфреймов (например: фрейм «человек» подразделяется на субфреймы «соматические объекты» (органы, части тела, части частей тела и др.), «родственные связи», «болезни» и др.). Каждый из них вбирает в себя ряд лексических субфреймов: «органы» – глаз, сердце, грудь и др.

В такой фреймовой модели для нас важным является смысловое наполнение пропозициональных структур, их реализация в виде значений слов, так как связь, сцепление между собой дериватов можно проследить именно на уровне семантики. Попутно отметим: в рамках когнитивного подхода внутренняя организация гнезд однокоренных, ориентированных на пропозиционально-фреймовое моделирование, активно разрабатывается лингвистами кемеровской дериватологической школы под руководством проф. Л.А. Араевой (см. работы: [Араева, Образцова, 2006; Осадчий, 2009 и др.]).

Применение методики фреймовой пропозиционально-семантической организации единиц словообразовательной системы покажем на примере субфрейма «соматические объекты» (фрейм «человек») словообразовательного типа «основа существительного + формант – *ниц* (*a*)» (далее – СТ «*C* + – *ниц* (*a*)»).

В последнее время значительно возросло внимание исследователей к проблеме человеческого фактора в языке. В лингвистической литературе существуют разные классификации соматизмов (см., например, работы: [Апресян, 1995; Кочеваткин, 1999; Крейдлин, Летучий, 2006]). В данном исследовании за основу принята классификация, предложенная группой лингвистов, разрабатывающих семиотическую концептуализацию тела и его частей под руководством Г.Е. Крейдлина.

В словообразовательном типе «С + – ниц (а)» участвуют 30 названий соматических объектов – непроизводных единиц, которые называют (1) части тела (*грудь, голова, брюхо, шея, спина, нога, рука, зад*), (2) части частей тела (*ухо* – часть головы, *локоть, перст*, – части руки, *пятка* – часть ноги, *затылок* – часть головы), (3) особые места человеческого тела (*мышка, пупок*), (4) органы человека (*сердце, печень, глаз*), (5) кости (*зуб, кость*), (6) звуки (*икота*), (7) жилы (*нервы*), (8) вещества (*мозг*), (9) жидкости (*пот, кровь*), (10) покровы (*кожа, волосы*), (11) суставы (*сустав, колено*), (12) инородные образования (*грыжа = кила*). Наименования этих реалий и являются базой для создания дериватов.

На основе указанных непроизводных слов образовано 35 дериватов, реализующих 47 значений. Все эти лексико-семантические варианты объединяет не только принадлежность к одному субфрейму – «соматические объекты», но и существующие между объектами внутренние пропозиционально-смысловые связи. Образованию этих значений способствуют, главным образом, заложенные в базовых словах (соматизмах) потенции, которые формируют специфичные ситуации – слоты, которые отражают ряд признаков. Так, соматические объекты предполагают действия, или операции, которые можно обозначить следующими предикатами: *брать, держать, смотреть, слушать, стучать, хлопать, лечить, заговаривать, болеть, травмировать, перерезать, расшатать, выделяться, состоять (в родстве), вызывать, хранить, надевать, подкладывать* и многими другими. Каждая из названных операций имеет пропозициональную структуру, в основе которой лежат предикаты, которым свойственен тот или иной (вообще говоря, для каждого свой) набор актантов – субъект, место, инструмент, результат и пр. В дериватах, образованных от соматизмов в составе словообразовательного типа «С + – ниц (а)», как мы покажем ниже, реализуется только часть ситуаций, остальные либо конституируют другие словообразовательные типы, либо используются в языковых и неязыковых контекстах.

Так, в субфрейме «соматические объекты» СТ «С + – ниц (а)» всего выделяется 9 пропозициональных структур: (1) «субъект – предикат – объект» (*ушнiца* ‘лор’, *кбжница* ‘дерматолог’ и др.), (2) «субъект – предикат – результат» (*икбтница* ‘колдунья, вызывает икоту посредством колдовства, ворожбы’ и др.), (3) «результат – предикат – объект» (*глазнiца, груднiца* ‘болезнь, названная по органу’ и др.), (4) «результат – предикат – результат» (*потнiца* ‘раздражение кожи из-за повышенного потоотделения и замедленного испарения пота’), (5) «средство – предикат – объект» (*сердечница, суставница* ‘растение, которым лечат больной орган’ и др.), (6) «место – предикат – объект» (*мозговница* ‘голова – место нахождения серого вещества – мозга’, *глазнiца* ‘углубление в черепе’), (7) «средство – предикат – место» (*головнiца* ‘повязка’, *перстанiца* ‘перчатка’), (8) «результат – предикат – средство» (*волоснiца* ‘одежда из волос в виде вериг, которую носили в качестве испытания себя’ и др.), (9) «объект (его часть) – предикат – объект» (*локбтница* ‘часть руки от локтя до запястья’). Актанты в левой части указанных пропозиций (субъект, объект, место, результат и средство) конкретизируют в дериватах формант – *ниц(а)*, а актанты в правой части (объект, результат, место и средство) характеризуют мотивирующее слово, в качестве которого выступают имена разных соматических объектов.

Прототипичными для анализируемого субфрейма являются пропозициональные структуры (1) «субъект, названный по объекту» (14 дериватов), (3) «результат, названный по объекту» (9 дериватов) и (5) «средство, названное по объекту» (7 дериватов). При этом пропозициональная структура (1) допускает разнообразное

наполнение, реализуя слоты *лечить, заговаривать, болеть, травмировать, любить набивать, любить работать, расшатывать, выделяться, состоять в родстве* примерно в равном количественном соотношении. Для структуры (3) характерно одно словообразовательное значение 'заболевание, названное по соматическому объекту'. В организации пропозициональной структуры (5) участвуют три слота (*лечить, хранить, называть*), продуктивным из которых является *лечить* (ЛСЗ 'растение, при помощи которого лечат какой-либо соматический объект' – 4 деривата).

Тесные семантические связи в структуре субфрейма «соматические объекты» обусловлены существованием близких друг к другу слотов, что можно объяснить разнообразным смысловым спектром ассоциативно взаимосвязанных значений: 'лицо, у которого болит / травмировано что-либо' (*сердечница, шейница* и др.), 'лицо, лечащее / заговаривающее что-либо' (*кожница, гры'жница* и др.), 'растение, которым лечат что-либо' (*зубница, сердечница* и др.). Именно эти весьма близкие в смысловом отношении связи формируют ядро субфрейма «соматические объекты».

Среди выделенных выше слотов, имеющих пропозициональную базу, дериваты словообразовательного типа «С + – *ниц(а)*», образованные от имен соматических объектов, отражают лишь такие предикаты, как *лечить, заговаривать, болеть, травмировать, перерезать, любить набивать, любить работать, расшатывать, выделяться, состоять в родстве, называть, вызывать, возникать, хранить, находиться, надевать, подкладывать, сделать, напоминать*. Другие слоты «встроены» в дериваты, наполняющие иные словообразовательные типы. Например, в СТ «основа глагола + формант – *ун*» достаточно активны дериваты, образованные от соматизмов, называющих звуки и содержащие в глубинной структуре пропозиции вида «субъект, издающий звук»: *болтун, ворчун, крикун, свистун, сопун, храпун, хрипун, шептун* и др. Та же пропозиция в других СТ менее продуктивна (ср. *плакса, рёва, смехач, шептуха* и нек. др.) и не представлена совсем в СТ «С + – *ниц(а)*». Этот факт еще раз подтверждает высказанное нами положение, согласно которому каждый СТ в русском языке имеет с свойственное исключительно ему семантическое наполнение.

Лексико-словообразовательные значения дериватов, опирающихся на мотивирующие слова, называющие соматизмы, представляют в пределах словообразовательного типа «С + – *ниц(а)*» языковые знания, онтологически свойственные человеку. Покажем, каким образом прослеживается логико-семантическая связь пропозиций. (При описании подчеркиванием фиксируем лексико-словообразовательное значение производных слов, представленных в скобках; внутри многозначных образований отдельные лексико-семантические варианты отмечаются индексами 1, 2 и т. д.)

Человек – живое существо, у которого может болеть что-либо, и язык фиксирует названия людей по болящему органу (*сердечница 1*), по распатынным нервам (*нервница*), а также инородному образованию на органе (*гры'жница 1*). Есть люди с травмированной частью тела (*шейница 1* 'с травмой шеи', *спинальница* 'с травмой спины'). Могут возникать заболевания из-за жидкости, выделяемой человеческим телом (*потница* 'раздражение кожи из-за повышенного потоотделения и замедленного испарения пота'). Выделяются названия болезней по органам, частям тела, костям (*ушница 1, глазница 1, грудница, шейница 2, брюшница, спинница, головница, ножница, костьница 1*; например, в текстах заговоров встречаем: «<...> Ты, ножница, заколись! Ты, брюшница, брысь! Ты, спинница, закатысь! Ты, головница, сварись!»).

Болезни частей тела, покровов лечат специально обученные люди (*ушница 2, кожница*). Есть люди, которые заговаривают инородные образования на органах

(*гры'жница 2, килья'чница*). В целях оказания помощи, например, при родах, люди могут перерезать особые места человеческого тела (ср. *пупóчница* 'повитуха').

Выделяются также средства для лечения болезней разных соматических объектов: органов, костей, суставов, инородных образований (*гры'жница 3, сердёчница 2, печёночница, зубн́ица 1, сустáвница* 'растения').

Зафиксированы в языке и названия людей, вызывающих звуки – болезненные проявления у человека (*икóтница* 'колдунья').

Человек, любящий набивать (наполнять пищей) часть тела, может быть поименован по этой части тела (*брюш́инница 1*). Его могут называть по выделяемой части тела, ср. *брюш́инница 2* 'женщина с большим брюхом – животом'. Называют людей и по состоянию в родстве по крови (*крóвница* 'родственница').

Функционально значимой частью тела может выступать *пятка*. Так, женщина-скалолазка, любящая работать пяткой (цепляться ею за специальные зацепы в отвестной стене), получила особое наименование в языке – ня'точница, ср. «Я – "пяточница" – очень люблю работать пяткой там, где она нужна. <...> я взяла старт, отпустила полочку, положила туда пятку (почти к ушам) и как бы притянула себя ногой к стене».

На части тела, имеющие поверхности, можно что-то надеть (*головн́ица* – повязка, *перста́ница* 'перчатка'). По некоторым особым местам человеческого тела называют приспособления на одежде (*мы'шница* 'вставка на одежде'). Под некоторые телесные объекты можно подкладывать приспособления (ср. *заты'лочница* 'подушечка особой формы').

Отдельные соматические объекты, являясь частью других, помещены в эти другие объекты, так вещества и части тела человеческого организма могут иметь определенные хранилища (ср. *мозгóвница* 'голова', *глазн́ица 2* 'углубление в черепе'). Существуют специальные приспособления, в которых хранят кости (скелетированные останки) в культовых целях (*кóстница* 'ящик, урна'), и места – музейные помещения, где кости человеческого тела хранят как экспонаты (*костя'ница 2*).

Из некоторых покровов человеческого тела могут изготавливать одежду (*волосян́ица, власян́ица* 'одежда из волос в виде вериг, которую носили в качестве испытания себя', ср. «Третий Иоанн святой Креститель <...> кроме всякаго стяжания, не ядый мяса и вина не пив, одежду плачевную нося волосяницу» (Из рукописного сборника «Кадес». Странники).

По части человеческого тела называют человека (ср. *за́дница 1* и *задница 2*) и животных (*локóтница 2* 'щука размером от локтя до запястья руки взрослого человека'), а также приспособления (*ручн́ица* 'мушкет, ручная пушка длиной с руку – ладонь, 22–24 см').

Отдельные части растений могут напоминать покровы, суставы человеческого тела (ср. *волóсница* 'растение с метельчатым цветорасположением', *колéнница* 'растение с коленчато приподнимающимися стеблями').

Представленный здесь языковой материал показывает, что мотивирующие единицы стремятся к реализации заложенных в них семантических потенций, а это способствует порождению как ядерных, так и периферийных дериватов. Эта антиномия вызывает определенную подвижность смысловой организации СТ.

Подобный фреймовый анализ может быть применен при характеристике других комплексных единиц дериватологии – словообразовательных категорий и словообразовательных гнезд. В частности, каким образом происходит сцепление всех дериватов гнезда в один фрейм, мы показывали в работе [Евсеева, 2008].

Подведем итог. Когнитивный подход к анализу комплексных единиц словообразовательной системы позволяет выделить следующие положения.

1. Причинно-следственная связь между ядерными и периферийными ЛСВ производных слов наглядно демонстрирует, каким образом в конкретном СТ (в нашем случае – его фрагменте – субфрейме «соматические объекты») отражается характер пропозиционально-смысловых связей. По сути дела, представленные дериваты в их взаимосвязи отражают работу одного из типов долговременной памяти человека, в которой понятие выступает как «узел», всегда или почти всегда связанный какими-то отношениями с другими «узлами» и образующий семантическую сеть.

2. Смысловая организация дериватов конкретного субфрейма (а также всех фреймов) словообразовательного типа опирается на когнитивную схему – фреймовую структуру, в которой пропозитивные смыслы логически сцеплены друг с другом. Лексико-семантические варианты дериватов, благодаря присущим им семантическим связям, предопределяют друг друга, и актуализация одного из них затрагивает всю систему отношений.

3. Несмотря на принципиальные отличия одной комплексной словообразовательной единицы от другой, они обладают рядом общих характеристик, которые связаны с иерархическим устройством, формальной и смысловой выводимостью производных слов, с непрерывностью смыслового пространства, организованного системными семантическими и словообразовательными связями между значениями производных единиц. Последовательность лексико-словообразовательных значений производных слов, наполняющих словообразовательный тип, равно как и словообразовательное гнездо и категорию, образует некий текст, представляющий собой конкретный фрейм-тип, фрейм-гнездо или фрейм-катеорию, что позволяет говорить о дискурсивной организации этих единиц. Рассмотрение комплексных единиц с общих теоретических позиций ярко демонстрирует их принадлежность к одной языковой подсистеме.

Библиографический список

1. Араева Л.А., Образцова М.Н. Гнездо однокоренных слов как проявление дискурсивности и мифологичности мышления (на материале словообразовательных гнезд «пчела», «мед», «пасека», «рой») // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 323–328.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Том II. 767 с.
3. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63–73.
4. Евсеева И.В. Диалектные дериваты в толково-словообразовательном словаре // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы междунар. науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 96–100.
5. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: Лингвогеографический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07. Саранск, 1999. 16 с.
6. Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Русский язык в научном освещении, 2006. № 12 (2). С. 80–115.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний / под ред. д-ра техн. наук Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
8. Осадчий М.А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 304 с.

ВЕРБАЛЬНО-ЗНАКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ АДРЕСАНТА ТЕКСТОВЫХ МИРОВ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ

Дискурс, текстовый мир, адресант, русскоязычная реклама, англоязычная реклама.

Проблема стратификации дискурса является сложной и недостаточно разработанной в отечественной лингвистике по причине многозначности широко используемого термина и отсутствия общепризнанного определения. Вместе с тем исследования уровневой организации дискурса активно ведутся зарубежными учеными в рамках «Теории текстовых миров», впервые сформулированной в трудах голландского ученого П. Верта [Werth, 1995; 1999] и его последователей [Gavins, 2000; 2005; 2007; Hidalgo Downing, 2000; Lahey, 2004; Pitkanen, 2001; Semino, 1997; Stockwell, 2002].

Настоящая статья продолжает цикл работ, выполненных в русле обозначенной теории [Кушнерук, 2008; 2009; 2009; 2010]. Объектом исследования являются текстовые миры рекламы, предметом – лингвистические средства презентации позиций адресанта текстовых миров и их коммуникативная характеристика. Цель статьи – проанализировать основные вербально-знаковые формы представления адресанта в современной русскоязычной и англоязычной рекламе в сопоставительном аспекте. Достижению поставленной цели способствует применение описательно-сопоставительного метода, включающего приемы наблюдения, обобщения и когнитивной интерпретации.

Термин «дискурс», как он понимается сторонниками теории текстовых миров, считается сложным социопсихолингвистическим феноменом, который включает процесс языковой деятельности, вписанной в определенный социальный контекст, и ее результат, вербально-знаковую форму – текст. Если дискурс динамически разворачивается во времени, отражая изменения в характере коммуникации, то текст – статический компонент, «квинтэссенция» дискурса. По метафорическому высказыванию П. Верта, текст – это «язык в сердце дискурса». Однако без информации, предоставляемой дискурсом, он похож на человека, лишённого сенсорного контакта с миром, – несет разрозненные значения и не интерпретируется [Werth, 1999, с. 149–150].

В процессе совместной языковой деятельности продуциент и реципиент выстраивают «миры», или ментальные репрезентации, благодаря которым происходит осмысление поступающей информации. При этом в концептуализации дискурса выделяются два взаимодополняющих уровня – дискурсивный мир и текстовый мир. Они являются ментальными конструктами в том смысле, что создают концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* – контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел. В дискурсивном мире фигурируют участники, в текстовом мире – действующие лица.

Действующими лицами мы называем адресантов и адресатов текстовых миров. Под *адресантом* понимается не рекламодатель, а то лицо, которое выступает с

рекламным обращением. Адресант как репрезентированный языковыми единицами субъект референции выступает в качестве отправной точки интерпретации рекламного произведения. Выделим эксплицитные способы его представления в русскоязычной и англоязычной рекламе.

От лица организации или торговой марки

Рекламное обращение исходит от организации, имеющей официальное название, которая готова продать товар или предоставить услугу. Действующее лицо маркирует рекламное имя в сочетании с глаголами 3 л. ед. или мн. числа. Апеллируя к термину «рекламное имя», мы имеем в виду название любого товара в самом широком смысле этого слова [Крюкова, 2003, с. 4]. Ср.: *Бытик «Business&Casual» предлагает полный спектр гардероба современного мужчины – от нижнего белья до верхней одежды...; Уютное кафе «Утес» на ЧМЗ приглашает отпраздновать любое ваше торжество...*

Анализ контекстов позволяет сделать вывод об однотипности данной формы презентации позиции адресанта в русскоязычной и англоязычной рекламе. Ср.: *Wendy's makes everything at night the same way they make it during the day: fresh. So you can eat great, even late* (реклама гамбургеров в ресторанах быстрого обслуживания «Wendy's»). *From smooth, creamy shakes to rich, chewy bars, ChoiceDM makes snacks that make your mouth water* (реклама пирожных).

Рекламное имя намечает прагматическую перспективу восприятия адресанта, поскольку соотносится с конкретной реальией и вызывает ассоциации по линии энциклопедических знаний. В креолизованных текстах невербальными знаками организации выступают изображения, например, фотографии, рисунки, а также логотипы – визуальные символы, обозначающие товары компании.

От лица компании или коллектива людей

Отправитель обращения ассоциируется с неким коллективом или группой людей, предоставляющих товары и услуги. Вербальными средствами манифестации адресанта выступают местоимения 1 лица множественного числа. Местоимения *мы / we* формируют расширенный символ говорящего. Они предполагают наличие некоторого множества лиц, в число которых могут входить адресант речи, третье лицо / лица, а также адресат сообщения. В зависимости от того, включается или исключается адресат, из множества выделяются **инклюзивное** (от англ. *inclusive* – включающий) и **эксклюзивное** (от англ. *exclusive* – исключаящий) употребления [Myers, 1994].

Инклюзивное местоимение создает личностно ориентированное отношение к целевой аудитории, подчеркиваются единение с адресатом, групповая солидарность, сплоченность. При этом адресат не эксплицирован в тексте. Указание на него относится к пресуппозиции. Ср.: *У нас общие интересы* (ежедневная газета «Известия»); *Нам всегда по пути!* (газета «Клаксон»). Такие примеры оказываются более многочисленными в русскоязычной рекламе по сравнению с англоязычной. Можно предположить, что это обусловлено воспетыми советской эпохой приоритетами коллективизма, которые по сей день находят выражение в речевой культуре. Однако предпочтительнее полагать, что это универсальный рекламный ход, применяемый для реализации стратегии убеждения. Ср. в англоязычной рекламе инклюзивное «we»: *Together we are stronger* (страховая компания

«Norwich Union»); *Venture Finance. Together we make the difference* (финансовая компания).

Эксклюзивное использование местоимений – более частотная форма презентации позиции адресанта текстовых миров. Проектируется персонализированный образ компании как группы людей, объединенных целью предоставить рекламируемую услугу или произвести товар. Ср.: *Мы рушим для вас все стереотипы: занимайтесь, сколько хотите и когда хотите. У нас новые инструкторы и новые абонементы* (реклама фитнес-клуба). *You know that trip you've been dreaming about? Make it happen with Expedia. We have the most travel options anywhere...* (реклама туристической компании).

Эксклюзивное *мы / we* также используется в слоганах как самостоятельных структурных единицах, наиболее емко передающих смысловую нагрузку. Ср.: *Мы первые в автомобиле* («Авторадио»); *Сейчас мы готовим* (ресторан); *We have to earn our wings every day* (авиакомпания «Eastern Airlines»); *Centurion bank. We value your time* (банк).

Важно подчеркнуть, что представленные модели реализации позиции адресанта могут сочетаться в рамках одного рекламного произведения. Так, например, во многих случаях рекламист подчеркивает принадлежность коллектива людей к известной компании. Ср.: *At Dove, we believe real beauty comes in many shapes, sizes, colors and ages. Help us redefine beauty and you could be awarded \$20000 in U. S.* (компания «Dove»).

От лица среднестатистического потребителя, который купил товар или воспользовался услугой

Адресантом сообщения является человек, который формирует благоприятное представление о рекламируемом продукте на основе собственных впечатлений от его использования. Характеристики, даваемые товару, часто имеют психологическую природу и нацелены на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик. Для этого широко используются слова с эмотивно-оценочной коннотацией. Ср.: *Он такой, как я хотела... Нежный, соблазнительный, изысканный... Только для меня... В день святого Валентина... Торт от «Пенки»* (реклама кофейни). *McDonalds. I'm lovin' it* (рестораны быстрого обслуживания).

В англоязычной рекламе многочисленны случаи описания успешного применения рекламируемого продукта, где фигурируют известные пользователю персонажи. Ср.: *My dad hates using firelighters because of the strong smell but he'll love the fact that you can get odourless ones. I can't wait to ring him and let him know the good news* (набор для растопки).

По нашим наблюдениям, описываемый тип презентации адресанта особенно востребован в семиотически осложненных (поликодовых) текстах, в которых воздействие на сознание адресата усиливают паралингвистические средства, влияющие не столько на интеллект, но на эмоции и чувства.

От лица знаменитостей, которые покупают или пользуются товаром / услугой

Повышенный интерес рекламистов к образам знаменитостей поддерживают представления о том, что личность, заработав репутацию и уважение в конкретной области, становится хорошо известной большинству представителей соответ-

ствующей лингвокультуры или мировой цивилизации. Она приглашается в рекламу в качестве ролевой модели. Обладая значительным авторитетом, высоким уровнем популярности и «кредитоспособности», знаменитость ненавязчиво завоевывает доверие целевой аудитории, открывая людям частичку личной жизни, делясь секретами и рецептами красоты, чистоты, здоровья и пр., в которых неизменно фигурируют рекламируемые продукты. Ср.: **Ева Лонгориа**: *«Я просто влюбилась в этот оттенок Розовый Кристалл с перламутровыми отблесками, который так гармонично сочетается с моей матовой кожей. Эта помада Колор Риш Секреты Звезд всегда со мной, и днем и вечером».*

В подобных примерах корреляции между рекламируемым продуктом и образом звезды устанавливают как вербальные, так и невербальные средства. Фотографическое изображение демонстрирует сам продукт, а вербальная составляющая связывает его с популярной личностью, чтобы выгодно выделить бренд на фоне других. Откровения кумиров, которые преуспевают в сокрытии своего «реального» возраста, позитивно сказываются на имидже рекламируемых косметических средств и придают им дополнительную психологическую ценность. Признания могут подаваться в форме третьего лица. Это не мешает им звучать как руководство к действию для людей, стремящихся быть похожими на ту или иную личность. Ср.: *Новая помада Lipfinity Colour & Gloss от Max Factor: устойчивый глубокий цвет и сияние блеска. Звезды сделали свой выбор! Оксана Федорова, телеведущая, выбирает Lipfinity Colour & Gloss 550 Reflective Rubi. Laetitia Casta is wearing Colour Juice Lip Gloss in Berry Burst and True Match Makeup in № 3 Natural Buff* (блеск для губ фирмы L'OREAL).

От лица специалиста, профессионала

Рекомендация профессионала не вызывает сомнений у целевой аудитории, так как предполагается, что «для себя» знающий человек всегда выберет самое лучшее: автогонщик – лучшую машину, врач – лучшую зубную пасту, а визажист – лучшую косметику. Важно отметить, что позиция адресанта «от лица специалиста» чаще всего манифестирована в креолизированных текстах, где вербальный и иконический компоненты интегрированы друг в друга. То есть либо изобразительные средства «вмонтированы» в словесный ряд, либо они служат фоном для вербальной части.

В англоязычных рекламных произведениях высокий статус и авторитет специалиста, от которого исходит рекламное обращение, подчеркивается не просто указанием на его род деятельности, но на конкретные работы, которые подтверждают его профессионализм. Ярким примером того, как утилитарные свойства рекламируемых товаров связываются с профессиональной сферой, служит история косметической индустрии «Max Factor», которая первоначально создавала обворожительные женские образы на киноэкране, но со временем стала обслуживать простых покупательниц. Ср.: *«Some volumizing mascaras can weigh your lashes down. Lash Lift creates full but lifted lashes for an open, vibrant look».* **Morag Ross. Chief Make-up Artist «The Aviator»** (реклама туши для ресниц «Max Factor»). Необыкновенный успех кассового фильма М. Скорсезе, получившего несколько «Золотых глобусов» и 5 премий «Оскар», добавляет «весомости» словам главного визажиста, обращающегося к миллионам женщин, чтобы завоевать место в их сердцах и косметичках.

От лица вымышленного персонажа

Персонифицированным адресантом текстового мира может выступать вымышленный персонаж. Это усиливает игровую тональность рекламного обращения. Прием чаще всего используется в дорогостоящей телевизионной рекламе, совмещающей изображение, звук, движение и цвет, с целью внедрить в сознание потребителей ощущение особой ценности бренда. Благодаря одновременному действию всех четырех элементов, рекламист имеет лучшую возможность продемонстрировать продукт, апеллируя к эмоциям и чувствам потенциальных покупателей. С течением времени персонажи становятся неотделимы от бренда. Полюбившиеся герои также фигурируют на страницах газет и журналов, где легко узнаются читателями.

Когда бренд без каких-либо сильных изменений предлагается на разных локальных рынках, он считается глобальным. Например, «*Mr. Proper*» ассоциируется с чистящими и моющими средствами для уборки помещений. Это глобальный бренд, принятый аудиториями разных стран, символом которого является образ бывалого моряка – крепко сложенного лысого мужчины с серьгой в ухе. Первоначально он воплощал в себе идею «уборка одной левой». По данным компании «P&G», персонаж стал восприниматься потребителями не как моряк, а как сказочный джинн, который появляется из ниоткуда и в мгновение ока делает уборку в комнате. Рекламисты успешно эксплуатируют героя по всему миру, играя с фамилией, которая по-разному звучит в зависимости от языка, но обозначает *чистый / соответствующий*: в США это «*Mr. Clean*», в Австрии, Германии, Швейцарии – «*Mr. Proper*», в Испании – «*Don Limpio*», в Мексике – «*Maestro Limpio*», в Италии – «*Mastro Lindo*». В России, как известно, с 2003 года принят вариант «*Mr. Proper*».

По нашим наблюдениям, обсуждаемая форма представления позиции адресанта преимущественно характеризует рекламу глобального и общенационального уровней, поскольку создание и поддержание бренда требуют времени и больших финансовых затрат. Очевидно, что только транснациональные корпорации и крупные национальные компании могут осуществлять эту комплексную и долгосрочную деятельность.

От лица рекламируемого продукта

Адресант текстового мира обозначается через неодушевленный предмет, рекламируемый продукт. В текстовом мире рекламы он наделяется способностью к общению – сам говорит о своих возможностях. Ср.: *Я убираю полы и ковры. Я убираю вдоль стен и вокруг углов. Я прохожу под мебелью. Я убираю пыль, грязь, мусор. Я – Roomba. Я – робот, который пылесосит автоматически* (реклама пылесосов).

Личные местоимения маркируют адресанта текстового мира англоязычной рекламы. Так же как и в отечественной рекламе, формат «адресант-продукт» чаще всего встречается в креолизированных текстах. Соотношение кодов обеспечивает восприятие продукта как «голоса», передающего рекламную идею в следующих примерах. Ср.: *In the world of printing, I can deliver accuracy, quality and consistency that will always be in style. The CANON Imagepress C1* (реклама принтера). *It's a small world after all. Thanks to my amazing wireless technology. Intel Centrino Duo* (реклама процессоров).

Жесткие финансовые условия как один из экстралингвистических факторов рекламы накладывают ограничения на массовость презентации позиций «адресанта-персонажа» и «адресанта-продукта». В условиях борьбы брендов за пред-

почтение потребителей побеждает тот, кто делает большие капиталовложения в наиболее эффективное средство распространения рекламных произведений – телевидение.

Образ адресанта текстовых миров моделируется с целью вызвать у потенциального покупателя определенное ментальное или эмоциональное состояние. Сходство в способах демонстрации позиции адресанта отражает единую коммуникативную стратегию увещивания, которой подчинен весь комплекс вербально-знаковых средств. Выявленные способы представления позиции адресанта носят регулярный характер в русскоязычной и англоязычной рекламе. Наблюдаемые аналогии, как нам представляется, объясняются единой психологической сущностью рассматриваемого типа коммуникации, а также заимствованием принципов технологии производства рекламы российскими специалистами в западной индустрии. Выбор тех или иных средств подчеркивает гибкость, с которой рекламист привлекает внимание разных целевых групп, незаметно внедряя в их сознание рекламную идею.

Библиографический список

1. Крюкова И.В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие. Волгоград: Перемена, 2003. 100 с.
2. Кушнерук С.Л. Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рекламе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36 (137), вып. 27: Филология. Искусствоведение. С. 85–89.
3. Кушнерук С.Л. Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: материалы междунар. конф. 19–21 июня 2009 г. М., Ярославль: Ремдер, 2009. С. 254–258.
4. Кушнерук С.Л. Образ президента – визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010. Вып. 3 (33). С. 87–92.
5. Gavins J. Absurd Tricks with Bicycle Frames in the Text World of *The Third Policeman* // Nottingham Linguistic Circular. 2000. № 15. P. 17–33
6. Gavins J. (Re) thinking Modality: A Text-world Perspective // Journal of Literary Semantics. 2005. 34(2). P. 79–93.
7. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh University Press, 2007.
8. Hidalgo Downing L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. Stamford, CA: Ablex Publishing Corporation, 2000.
9. Lahey E. All the World's a Sub-World: Direct Speech and Sub-World Creation in «After» by Norman Craig // Nottingham Linguistic Circular 18, 2004. P. 21–28.
10. Myers, G. Words in Ads. London; Melbourne; Auckland, 1994.
11. Pitkanen K. K. The Role of Concept-Derivable Knowledge in Constructing Space-Related Textual Meaning GAGL. 2001. Vol. 44. P. 148–158.
12. Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts: London; New York: Longman, 1997.
13. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London: Routledge, 2002.
14. Werth P. «World Enough, and Time». Deictic Space and the Interpretation of Prose // Twentieth-Century Fiction: From Text to Context. New York: Routledge, 1995. P. 181–205.
15. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999. P. 390.

НАЗВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОМОЩИ СОСЕДЯМ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Этнолингвистика, русские народные говоры, мотивационный анализ, бесплатная коллективная помощь соседям, народная культура.

Настоящая статья посвящена рассмотрению мотивационных моделей, реализованных в обозначениях одного из значимых для русской крестьянской культуры явлений – коллективной помощи соседям (помочи).

Мотивация таких слов затрагивалась ранее в научной литературе в связи с прояснением происхождения отдельных лексем в русском и других славянских языках. Так, Илона Янышкова представляет свои наблюдения над лексикой чешского языка, привлекая данные других славянских языков, в том числе отдельные русские лексемы [Янышкова, 2008]. Ж.Ж. Варбот, объясняя происхождение слова *орава*, приводит родственное кашубское *orava* ‘взаимная соседская помощь при пахоте’ [Варбот, 1997, с. 645]. В то же время этот феномен крестьянской жизни, известный историкам, этнографам, лингвистам, пока не получил целостного осмысления через призму мотивации его обозначений.

Исследование проводится на материале лексики русских народных говоров. Целью статьи является реконструкция наивно-языковых представлений носителя народной культуры о феномене коллективной помощи в русской деревне. В задачи статьи входят выявление семантических моделей и экспликация мотивов, которыми руководствовался носитель языка при создании обозначений помочи, ср. устар. и обл. *помочь* ‘работа всей крестьянской общиной в помощь кому-л. за угощение’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1205].

Лексика будет представлена далее в соответствии с мотивами, актуализированными во внутренней форме рассматриваемых номинаций.

1. Ряд наименований, в том числе зафиксированное в словаре литературного языка слово *пóмочь*, содержит во внутренней форме прямое указание на назначение такого общественного явления, как коллективная работа вне ситуации внешнего принуждения. В данном случае совместный крестьянский труд инициирован побуждением членов общины *помóчь* кому-либо из них в таких обстоятельствах, когда дело составляет трудность для одной семьи.

Сема «помощь» включена и в дефиниции слов, называющих этот вид общинной крестьянской работы: свердл. *помочá* (мн. ч.), *пóмоць*, *пóмочь*, *пóмочи*, *помо́гушка* ‘коллективная помощь, помочи’ [ЭИС, 2000, с. 171–172], калин. *помо́г*, семипалат. *помога́*, моск., омск., алт. *пóмого́*, омск., пенз. *пóмоча*, краснояр. *помочáна*, перм., костром., арх. *помóчка* и др. ‘коллективная работа в помощь кому-либо (за угощение)’ [СРНГ, вып. 29, с. 217, 226, 227], среднеобск. *спóмочь* ‘то же’ [СРНГ, вып. 40, с. 217] и др.

В качестве производящего глагола используется глагол *пособлять* (устар. и простореч. *пособлять* ‘оказывать помощь, поддержку; помогать’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1503]): свердл. *подсо́бина*, *пособля́нки* ‘коллективная помощь, помочи’

[ЭИС, 2000, с. 172], перм. *посóбинцы* 'то же' [СПГ, вып. 2, с. 183], кемер. *посóбка* 'коллективная работа в помощь кому-л.' [СРНГ, вып. 30, с. 190] и др.

2. Внутренняя форма слов, обозначающих коллективную крестьянскую помощь, с высокой степенью регулярности содержит указание на вид совместно выполняемых хозяйственных работ. Существуют специальные названия для помощи в вывозе навоза (свердл. *навóзницы*, *назёмницы* [ЭИС, 2000, с. 173], сиб., верхнелен. *назымы́* [СРНГ, вып. 19, с. 281]), в кладке печи (олон. *печебítь* [СРНГ, вып. 26, с. 346]), в заготовке дров (свердл. *лесору́б* [ЭИС, 2000, с. 175], перм. *дровору́бка* [СРНГ, 8, с. 192]), в прополке сорняков (вост. *полоту́шка* и сиб., перм. *полóтушки* [СРНГ, вып. 29, с. 125]), в квашении капусты (свердл. *капу́стка*, *капу́стник* [ЭИС, 2000, с. 175]), в мытье полов (сиб. *помывáлка* [СРНГ, вып. 29, с. 235]) и т. д.

Особо отметим многочисленность обозначений помощи в обмолоте зерновых культур (свердл. *молотяги* и *отмолóт* 'коллективная помощь на молотье' [ЭИС, 2000, с. 172], ленингр. *молочáнка* 'коллективный обмолот зерновых у одного хозяина' [СРГК, вып. 3, с. 253], яросл. *смола́чивание* 'объединение нескольких семей для совместной молотьи' [СРНГ, вып. 39, с. 26] и др.) и коллективной помощи в жатве (свердл. *отжéнка* и *пожатúха* 'коллективная помощь на жатве' [ЭИС, 2000, с. 172], ставроп., пск. *пожéнки* 'коллективная помощь во время жатвы' [СРНГ, вып. 28, с. 296] и др.).

Но особенно много в русских говорах слов, называющих разные этапы цикла коллективной обработки льна. Большинство из них производны от глаголов *колотить*, *мять*, *трепать*, *чесать*, *прясть*: перм. *колотúха* 'коллективная обработка льна' [СПГ, вып. 1, с. 407], волог. *вóтмять* 'совместная работа, когда у всех по очереди мнут лен мялкой' [СГРС, т. 2, с. 192], свердл. *помяту́шка* 'коллективная помощь при мятье льна' [ЭИС, 2000, с. 174], свердл. *помяту́хи*, *потрепу́хи*, *потрепу́шка*, *потрепу́шки*, *почесу́хи* 'коллективная помощь при трепании льна' [ЭИС, 2000, с. 174], арх. *дотрёпки* 'совместные работы по обработке льна' [СГРС, т. 3, с. 261], горьк. *прядíльница* 'коллективная помощь в прядении льна' [СРНГ, вып. 33, с. 78], свердл. *попрудúха*, *сúпрядка*, *сúпрядки* 'то же' [ЭИС, 2000, с. 175], перм. *сúпрядка* 'собрание женщин для совместного прядения в помощь одной из них' [СПГ, вып. 2, с. 420] и др.

Другие лексемы мотивированы словом *копоть*, поскольку при очищении льна поднимается пыль: перм. *копотúха* 'коллективная помощь при трепании льна для кудели' (*Копотиху-то в бане делали. Пыли было столько!*) [СПГ, вып., с. 414], свердл. *копотúха*, *копотúха* 'то же' [ЭИС, 2000, с. 174].

Этнографические сведения о традиции помочи и более полный список ее специальных (частных) обозначений приводятся в материалах И.А. Букринской, О.Е. Кармаковой [Букринская, Кармакова].

Выявляемый в ходе анализа лексики «перечень» хозяйственных работ вскрывает две причины установления традиции помочи. Обмолот, жатва, кладка глинобитной печи и подобные работы выполняются совместно из потребности облегчить физический труд, непосильный для одной семьи или одинокого человека. Однако помощь в прядении не вполне объясняется фактором трудоемкости работы. Наряду с необходимостью преодоления объективных сложностей здесь имеет значение фактор другого рода.

Помочи являются не только способом исполнения сезонных работ, но и социально-организующим феноменом жизни деревни. Коллективная работа выполняет в этом случае не столько прагматическую функцию взаимопомощи, сколько

коммуникативную, т. е. предоставляет возможность для взаимодействий: «Супрядки делали: собираются женщины к одной, сидели, пряли, варили пиво, песни пели» [ЭИС, 2000, с. 175]. Работа сопровождалась общением, обычным для посиделок, о чем свидетельствует дальнейшее развитие семантики слова *супрядка*, ср. волог. *супрядка* 'разговор' [СРНГ, вып. 42, с. 268], арх. *супрядки* 'долгие разговоры, болтовня' [КСГРС]. Кроме того, показательна внутренняя форма свердл. *посѣдка*, *посѣдки*, *посидѣнка*, *посидѣнки*, *посидѣнок*, *посѣдка*, *посѣдки*, *бесѣдка*, *бесѣдки* 'коллективная помощь при прядении льна' [ЭИС, 2000, с. 174–175], отсылающая к ситуации долгого сидения за разговорами. В этой связи любопытна этимология слова *беседа*: праслав. *běseda* первоначально означало 'сидение' [ЭССЯ, вып. 1, с. 212].

3. Мотив созывания работников, вербализованного обращения к людям реализуется посредством привлечения глаголов говорения в качестве производящих основ: перм., челяб. *звѣнки* 'коллективная работа в помощь крестьянину, толока' [СРНГ, вып. 11, с. 210], свердл. *звѣнки* 'коллективная помощь при прядении льна' [ЭИС, вып. III, с. 175], волог. *позовушки* 'обращение за коллективной помощью' [СРГК, вып. 5, с. 33], яросл., волог., перм. *позовушка* 'совместная работа соседей, товарищей в помощь кому-либо; помочь' [СРНГ, вып. 28, с. 336]. В производящих глаголах заложена позиция активного деятеля, который совершает речевое действие, инициирующее ситуацию коллективной помощи: вят. *окликать* 'созывать на помощь в какой-либо работе' [СРНГ, вып. 23, с. 127], горьк. *пѣмочь скрычатъ* 'позвать односельчан на работу в помощь кому-либо (за угощение)' [СРНГ, вып. 38, с. 144].

4. Коалиционные мотивы появляются при номинировании помочи вследствие того, что основным способом организации работы является объединение множества людей в коллектив.

В основе обл. *толока* 'работа всей деревней или частью деревни в помощь кому-л.; помочь' [ССРЛЯ, т. 15, с. 559], моск. *потолока* 'коллективная работа в помощь кому-либо за угощение' [СРНГ, вып. 30, с. 290], брян. *талака* 'совместная уборка урожая в виде помощи' [СНГЗБ, с. 258] лежит сема множества: «Этимологически эти наименования родственны глаголу *толочь* 'давить', от которого образованы и слова *толчея*, *толкотня*, *сутолока* (скопление народа). С ними по значению соотносима и *толока* – работа, в которой принимает участие много народа» [Букринская, Кармакова]. Ср. литер. устар. разг. *толока* 'суета, толкотня' [ССРЛЯ, т. 15, с. 559].

Сема объединения реализуется в мотивах сосредоточения людей в одном месте (производящие основы – *собирать*, *сгонять*), сложения (производящие основы – *складывать*, *слагать*, *составлять*) и общинности (производящие основы – *мир*, *артель*, *общий*).

В силу отсутствия в лексикографических источниках контекстов, способных прояснить денотацию лексем, не всегда можно с уверенностью судить о том, имеет ли отношение каждая номинация этой группы к явлению крестьянской помочи. Отдельные языковые факты обозначают не собственно помочь кому-либо в деревне, а работу на паях, т. е. систему взаимопомощи, при которой каждый участник совместной деятельности получает свою долю от результатов сделанной работы либо труд помощников оплачивается. Ср. яросл. *собирать пѣмочь* 'приглашать родных и соседей для помощи в какой-либо работе за угощение' [СРНГ, вып. 39, с. 160] и перм. *сборище* 'коллективная работа за плату' (*Мне, молодой, часто приходилось ходить на сборища: деньги надо было на налоги*) [СРНГ, вып. 36, с. 181].

У производных от глагола *сгонять* в особенности сильна семантика принудительности, не свойственная обозначениям крестьянской помощи: свердл. *сгоницина* ‘коллективная помощь в сельскохозяйственной работе’ [СРНГ, вып. 37, с. 36], смол., сарат. *сгон* ‘работа, выполняемая всеми жителями села, деревни (барщина, сенокос и т. п.)’ [Там же, с. 32], пск., твер., зап., южн., сарат. *сгоном жать, косить, везти, работать* ‘всей крестьянской общиной, сообща’ (*Навоз сгоном везли*) [Там же].

Как правило, каждый приходил на помощь со своим инвентарем – косой, плугом, серпом, прялкой и прочим. Совместное использование орудий труда отражено в кубан. *составной плуг* ‘объединение людей, имеющих скот или инвентарь, для совместной обработки земли’ [СРНГ, вып. 27, с. 163], зап., южн., сиб., новосиб. *складыня* ‘коллективная работа с совместным использованием орудий труда’ [СРНГ, вып. 38, с. 22], енис. *складыцы* ‘коллективная взаимопомощь в работе’ [СРНГ, вып. 38, с. 20], сарат., куйбыш. *складыни* ‘коллективная работа (всей общиной или соседями) для совместной обработки или уборки полей’ [СРНГ, вып. 38, с. 17], брян. *окладычина* ‘коллективная помощь в работе (при уборке урожая, строительстве дома и т. д.)’ [СРНГ, вып. 23, с. 123], олон. *слога* и *слогá* ‘работа сообща; артель’ [СРНГ, вып. 38, с. 297] и др.

Среди мотивировочных признаков активны также обозначения сообщества людей (*мир*) и трудового объединения (*артель*): волог. *мирицина* ‘работа сообща, всей деревней’ [СРГК, вып. 3, с. 241], новг. *мирицина* ‘общая работа в деревне’ [СРНГ, вып. 18, с. 174], арх. *артельно брать* ‘делать что-либо сообща’ [СГРС, т. 1, с. 23]. Наконец, совместный характер работ обусловил привлечение корня *общий* в его фонетических вариантах: калуж., том. *сообщаться* ‘объединяться для совместных действий, работы’ [СРНГ, вып. 39, с. 326] (ср. диал. *общий* ‘общий’ [СРНГ, вып. 22, с. 265]), сев. – двин. *вопшинá* ‘коллективно обрабатываемый общий сенокос, пашня’ [СРНГ, вып. 5, с. 97].

5. Помощь не предполагает денежного вознаграждения работников, однако она устраивается на определенных условиях, о чем свидетельствует свердл. *отработка* ‘бесплатная помощь соседям, коллективная взаимопомощь’ [ЭИС, 2000, с. 171], свердл. *отраблываться* ‘отрабатывать помощь’ (*За супрядку надо идти отраблываться, прясь*) [ЭИС, 2000, с. 174] и др.

Значение возмещения имеет приставка *за-* в печор. *заёмно* ‘в уплату за сделанную работу’ (*Байну срубите, а я заёмно сетку достану; Гот прожыла, этот дом-от ставили, люди пособлели сколько-ле, потом заёмно отраблывали*) [СРГНП, т. 1, с. 234], свердл. *замолáчивать* ‘молотить, отрабатывая помощь’ [ЭИС, 2000, с. 173].

Наряду с ней активность проявляет префикс *от-*. В перм. *отмолóт* ‘помощь кому-л. в молотье в отплату за такую помощь’ [СПГ, вып. 2, с. 58], свердл. *молотить в отмолóт, отмолáчивать* ‘молотить, отрабатывая помощь’ [ЭИС, 2000, с. 173], карел. *отминáть* ‘мять лен у кого-нибудь в ответ на помощь’ и волог. *ходить на отмин* ‘обрабатывать, мять лен сообща, в несколько рук’ [СРГК, вып. 4, с. 308], свердл. *отминáть* ‘отрабатывать помощь при обработке льна’ [ЭИС, 2000, с. 174] приставка аналогична по значению приставке в слове *отдать*, и словообразовательную структуру приведенных глаголов можно толковать так: «расплатиться хозяйственными работами, обозначенными корневой морфемой», т. е. расплатиться участием в помочах.

Дело в том, что каждый случай коллективной помощи жителю деревни находится в определенном соотношении с другими подобными событиями в этой де-

ревне, и совокупно они образуют систему поочередных актов. Если брать во внимание одно такое событие вне системы, то он характеризуется как акт бескорыстной помощи. Так, в волог. *богпомочь* 'коллективная помощь в сельскохозяйственных работах' (*У кого нечѣ сеять, дак на богпомочь ходили, за спасибо работали*) [СГРС, т. 1, с. 130] релевантна коннотация 'безвозмездно, удовлетворяясь благодарностью'. Это подтверждается способностью конструкции *бог помочь*, к которой апеллирует внутренняя форма вологодского факта, служить обозначением благодарности и сочетаться со словами *отдавать, воздавать*: симб., костром. *бог помочь отдавать, бог на помочь воздавать* (*Из-за лесу добрый молодец идет, Бог на помочь красной девке воздает*) [СРНГ, вып. 29, с. 228]. Однако если взглянуть на помощь как часть стройной системы взаимопомощи, то становится ясно, что она вписана в прагматический контекст традиционной народной культуры.

Кроме того, трудовые обязательства могут быть логическим продолжением других социальных взаимодействий, в частности гощения. Так, коллективная помощь предлагается в качестве расчета за найм помещения для проведения вечеров, что отражено в яросл. *зажинать за беседы* '«хозяевам того дома, в котором собирались зимой беседы, девицы всей деревни оплачивают тем, что в один из праздничных дней собираются жать ихнюю рожь»' [СРНГ, вып. 10, с. 87] (диал. *беседа* 'посиделки' [СРНГ, вып. 2, с. 262]).

Мотивационный анализ бытующих в русских народных говорах обозначений помочи помогает воссоздать представления об этом исчезнувшем феномене в тех его чертах, которые релевантны для языкового сознания носителя крестьянской культуры, во многом утраченной на сегодняшний день. Внутренняя форма слов хранит основные семы, смыслы, составляющие это понятие, подчеркивая назначение этого явления крестьянского быта (*спомочь, пособка*), его содержание (*дроворубка, пожатуха, печебитье* и др.), инициирование (*званки, позовушка*), способ организации (*сгонщина, складцы, мирщина*), системность организации, основанную на взаимности (*заемно, отмолот, зажинать за беседы*) и условие безвозмездности, отсутствия денежных расчетов (*богпомочь*).

Если составить характеристику помочи по результатам мотивационного анализа ее обозначений в русских народных говорах, то выяснится, что это *коллективная неоплачиваемая помощь в трудоемких хозяйственных работах по просьбе одного из членов крестьянской общины, входящая в ряд других случаев объединения жителей одной деревни (или хутора, починка, села) для единовременной помощи какой-либо семье*.

Прагматичный настрой народного менталитета заключается в «обменном» характере помощи, который компенсирует условие бесплатности работы. Человек в числе прочих помогает соседу или любому другому жителю деревни, а тот позднее возвращает «долг» также участием в помочах. При этом работник не ставит никаких условий, а хозяин не дает обещаний участвовать в помощи семье каждого работника. Отсутствие предварительной договоренности и каких-либо гарантий делает этот способ организации хозяйственных работ даже более устойчивым: ни отъезд одной семьи, ни смерть человека не может нарушить такую систему. «Ответное» участие в таких помочах выглядит не как исполнение долга перед конкретным человеком, помогшим когда-то, а как исполнение долга перед самим крестьянским сообществом одной деревни.

Участниками временного «трудового объединения» решается в первую очередь задача преодоления трудностей другой семьи, а параллельно с этим – задача преодоления возможных трудностей каждого из них для своей семьи. При всем том

что отсутствуют принуждение, контроль, условия, договор, такая форма взаимопомощи представляет собой эффективную стратегию, обеспечивающую выживание в трудных обстоятельствах.

Кроме обозначений помочи, к описанию этого явления причастна еще одна группа лексических единиц – обозначения угощения, которым завершается такая коллективная работа: пск., твер. *накóрмлины* ‘стол у хозяина, которому оказывается коллективная помощь в работе’ [СРНГ, вып. 19, с. 341], том. *отпóй* и *отпóйка* ‘угощение вином за помощь в работе’ [СРНГ, вып. 24, с. 274], печор. *на (под) вино́* ‘за угощение в виде оплаты какой-нибудь работы; говорится о коллективной помощи кому-либо’ [ФСРГНП, т. 2, с. 7] и др.

Название блюда, которым хозяева расплачивались с работниками, зафиксировано во внутренней форме волог. *пирóжница* ‘одна из разновидностей коллективной помощи в деревенских работах’ (*Сосед пригласит на пирожницу помочь*) [СРГК, вып. 4, с. 516], волог. *назёмные пироги́* ‘пироги, предназначенные для тех, кто вывозит навоз во время коллективной возки’ [СРНГ, вып. 19, с. 282], ср. об *отжéнной каше*: «В Онежском, Холмогорском и Пинежском уездах каша составляет главное угощение на празднествах по случаю окончания жатвы, особенно если дело не обходится без помочи; поэтому говорят, например: Севодни у дяды Власа каша, т. е. звали на помочь, а потом будут угощать кашей» [Подвысоцкий, 1885, с. 64] и др.

Очевидно, что угощение участников помочи нельзя считать оплатой, поскольку она «не соразмерна» работе, хотя может быть неподъемна для некоторых членов крестьянской общины, ср. контекст к перм. *почесúха* (*Раньше потрепухи, почесухи, помочи делали, а мы бедно жили, дак позовушки-то не ладили*) [СРНГ, вып. 31, с. 8]. Угощение как знак благодарности хозяев и празднование окончания работы составляют важную часть жизни крестьянской общины, предоставляя «сцену» для взаимодействий между людьми.

Поводом к общению служит, безусловно, не только угощение, но и сама работа. Собственно общение и «окупает» приложенные усилия и время, потраченное на заботы о чужом хозяйстве. От развития соседских отношений на этой «арене» общественной жизни зависело распределение социальных ролей в замкнутом крестьянском социуме русской деревни.

Библиографический список

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Обычай коллективной помощи в русской деревне / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200500203>
2. Варбот Ж.Ж. Этимология // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 643–647.
3. Востриков О.В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (ЭИС). Екатеринбург, 2000. Вып. III: Народная эстетика – Семья и родство – Обычай и обряды.
4. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (КСГРС) УрФУ (Екатеринбург).
5. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

6. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (СНГЗБ): материалы для истории словарного состава говоров / ред. Е.М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
7. Словарь говоров Русского Севера (СГРС) / под ред А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2009. Т. 1–4.
8. Словарь пермских говоров. (СПГ). Пермь: Книжный мир, 1999–2002. Вып. 1–2.
9. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК): в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.
10. Словарь русских говоров Низовой Печоры (СРГНП): в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.
11. Словарь русских говоров Сибири (СРГС): в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
12. Словарь русских народных говоров (СРНГ). М.; Л.: Наука, 1965–2007. Вып. 1–41.
13. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ). М.: Наука; Л.: Издательство АН ССР, 1948–965. Т. 1–17.
14. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры (ФСРГНП): в 2-х т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т; сост. Н.А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.
15. Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ): праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1974–2009. Вып. 1–35.
16. Янышкова И. О названиях бесплатной помощи соседям в чешском языке // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светланае Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 433–439.

АРГУМЕНТАЦИЯ ПРАВА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XV–XVII вв.

Древнерусские политические тексты XV–XVII вв., аргументация для обоснования права на власть.

Обоснование права на верховную власть в русском государстве XV–XVII вв. было весьма актуально, русское общество в его различных слоях и группах остро обсуждало проблему самодержавного царствования, и в целом ряде текстов книжники совместно с представителями власти целенаправленно формировали понятия о царе и его власти как необходимые и фундаментальные для православной Руси. При этом среди многих аспектов одним из важнейших видится изучение номинаций верховной власти и дискурса, связанного с обсуждением различных оснований для них. В настоящей работе обсуждается ряд аргументов, используемых книжниками при обосновании права московского князя на верховную власть на Руси. Выявляются приемы иерархизации древнерусского общества.

В период со второй половины XV по начало XVII вв. происходит завершение формирования основных представлений русской средневековой культуры. Со времен начала христианства уже сформированы и эксплицированы в Начальной русской летописи, в «Слове о Законе и Благодати» и др. текстах представления о судьбе Русской земли и ее предназначении в мировой истории. Во второй половине XV в. началась другая важная эпоха в эволюции представлений русского общества о власти. Центральным пунктом всей тогдашней полемики, борьбы школ и течений стало отношение к государству. Представители разных групп связывали свое будущее с тем или иным идеалом государственности, по-разному осмысливая не только сущность верховной власти, но и место в ее структуре церкви, духовной иерархии.

Создание централизованного государства на Руси и «собрание» Руси отвечало интересам широких слоев русского общества. Уже ко времени княжения Иоанна III Васильевича, по мнению С.М. Соловьева, «дело собирания Северо-Восточной Руси могло считаться уже законченным... Отношение всех частей народонаселения ко власти княжеской издавна уже определялось в пользу последней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданиями, доставшимися в наследство от Византийской империи, чтоб высказать яснее эти отношения, дать им точнейшее определение» [Соловьёв, 1961, с. 58]. Появление Соборного Уложения 1649 г. резюмирует развитие представлений православного российского царства о сущности верховной власти.

Тема обоснования царской власти и выяснения ее пределов стала главной в идеологических исканиях русской мысли XV–XVII вв. Не случайно такие тексты, как ответы Анастасия Синаита «О поставлении властелем, яко не вся власти поставляет Богъ, всеми же действует», получают распространение именно в это время. Анастасий Синаит проповедует учение о Богоустановленности власти, а недостойные цари и князья поставляются вследствие «недостойнства» людей. Как считает М. Дьяконов, «политическая практика московских объединителей... не раз подавала повод к пропаганде этой идеи» [Дьяконов, 1889, с. 44]. Сопряженной задачей стало обоснование, наряду с богоустановленностью власти, особой ответ-

ственности царей и князей перед Богом, связанной с их особым саном. Несправедливый суд, правление не «по правде», жалобы населения вызывают внимание книжников, которые опираются на церковное законодательство Византии. Интерес к византийскому церковно-правовому порядку актуализировал и политическую теорию, согласно которой император является высшим блюстителем чистоты правоверия. Впервые эта мысль в русском коммуникативном пространстве появилась в двух посланиях митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, а в период московского царства, особенно после Флорентийской Унии и падения Константинополя, эта идея становится популярной. Великий князь московский становится единственным блюстителем правоверия, вследствие чего русские книжники начинают называть Ивана III «Царем истинных вѣры православия».

Вассиан Рыло, автор «Послания на Угру», убеждая великого князя выступить против Ахмата, одновременно создавал в тексте идеальный образ правителя Русской земли. Положительная оценка Ивана III в большой мере «опережает» развитие личности царя. Пышная титуляция Ивана III показывает, какими понятиями оперирует автор: богоизбранность, богоустановленность великокняжеской власти: ... Благовѣрному и христолюбивому, благородному и богомъ вѣнчанному, богомъ утвержденному, в благочѣстїи вся вселенныя вѣсавѣшууму, наипаче же въ царѣхъ прсвѣтлѣишему и прѣславному государю великому князю Ивану Васильевичу вся Руси, богомолец твои, господине, архіепископъ Васіанъ Ростовскїи, благословляя и челомъ бью... [ПВУ, 1982, с. 522].

Древнерусские писатели готовили общество и власть к осознанию необходимости принятия князем титула царя. По мнению А.И. Филюшкина, «попытки трактовать применительно к русскому средневековью ту сферу, которую мы привыкли в современной метасистеме именовать *политикой*, в политико-правовых категориях, должны быть крайне осторожными. Мы не можем обойтись без трактовки, истолкования данных терминов, поскольку их семантика гораздо более многозначна, чем в наше время. Но перед нами не просто лингвистическая замена одних вербальных обозначений правовых понятий на другие, а иная система отношений, которую современному человеку улавливать сложно» [Филюшкин, 2006, с. 14].

Представляется, что правильнее будет говорить об общих корнях данных категорий, использовавшихся в Византии, на Руси, в Европе, – и эти корни искать в христианских текстах, ибо один источник порождал одинаковое прочтение и использование в обществах, находящихся примерно на одной стадии развития. Можно говорить, что корни надо искать как в сфере политической практики эпохи (прецеденты), так и в Св. Писании и святоотеческих текстах [Филюшкин, 2006, с. 23–24].

Принятая в обычном праве отсылка на прецедент оказывается главным аргументом в «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород», в котором говорится об окончательном подчинении Новгорода московской великокняжеской власти в 1471 г. (формально уничтожение Новгородской республики произошло в 1478 г.).

Уговоры верных Москве новгородцев и самого князя московского основываются на той мысли, что якобы Новгород *издавна* принадлежит как вотчина великим князьям московским. Непризнание этого есть нарушение издревле принятого и освященного традицией закона: «... Мнози же <...> глаголаху къ нимъ: "Не лѣзѣ люди тако быти яко же глаголите за короля нам дати ся и архіепископа поставити от его митрополита, латинина суца. А из начала отчина есмы <...> И от того <...> за латиною есмя не бывали и архіепископа от нихъ не поставливали себѣ, яко же вы нынѣ хотите ставити от Григорія, называюща ся митрополитом Руси, а ученик-то Исидоровъ суци латининъ"... [ПВУ, 1982, с. 378].

Знаменательно, что великий князь московский Иван III Васильевич использует подобные же аргументы: ... «Отчина моя есте люди новгородьстїи из начала: отъ дѣдъ, от прадѣдъ нашихъ, от великаго князя Владимира, крѣстивъшаго землю Руськую, от правнука Рюрикова, от първаго великаго князя в земли вашей...» [Там же].

Далее следует идеологически обоснованный обман: «...*И отъ того Рюрика, да иже и до* (здесь, видимо, в значении 'доже'='вплоть до...' – Т. М., А. М.) сего дњи знали *единъ* (sic!) родъ тѣхъ великихъ князеи, преже кїевскихъ, до великаго князя Дмитръя Юрьевича, Всьволода Владимирьскаго, а от того великаго князя до иже и до мене родъ ихъ, мы *владѣемъ* вами и *жалуемъ* васъ, и *боронимъ* отвѣлѣ, а и *казнити волны же есмы*, коли на нас не по старинѣ смотрити почнете... [Там же].

Способ оценки «с давних пор это было так» – по сути, риторический способ убеждения, при том что новгородская независимость к XV в. стала для московских князей значительной проблемой, ведь и после официального присоединения в 1478 г. новгородская проблема не была решена окончательно [Соловьѣв, 1961, с. 45–63; Зимин, 1982, с. 76–92]. Однако в титуле главы русского государства именно после завоевания Новгородской земли появился термин «князь Руси», да и в придачу ещё и «всея». «Это местоимение не столько констатировало факт, сколько обнародовало притязания главы княжества» [Хорошкевич, 2003, с. 58].

По мнению средневековых дипломатов, ссылка на прецедент – сильный аргумент во время титулатурных споров. Например, во время переговоров 1549 г. с Литвой русской стороне не удалось добиться признания царского титула. При оформлении перемирия грамоты, в котором участвовали дьяк Бакака Карачаров, Иван Висковатый и литовский писарь Глеб Есман, произошёл непредвиденный боярами казус: писарь Глеб Есман отказался титуловать Ивана IV царём, ссылаясь на то, что в предшествующем перемирии такого титула не было. Карачаров и Висковатый утверждали, что титул весьма древний, восходящий к Владимиру Мономаху. Возможно, именно этот эпизод положил начало использованию «Сказания о князьях Владимирских» в международной практике для обоснования царского титула [Дьяконов, 1889, с. 52–83; Хорошкевич, 2003, с. 65–78].

Обращение к «старине», к традициям как к сильному аргументу в обосновании властных номинаций характерно для текстов времён Смуты.

Главным свидетельством истинности, «тождества» русского православного царя как Помазанника Божия должно быть доказательство богоустановленности его власти. Поэтому не случайно «цуть» прихода к власти того или иного царя очень подробно обсуждается во всех Повестях Смутного времени. Как уже отмечалось, подлинная царская власть понимается как власть, установленная свыше. Повести Смутного времени представляют разные способы доказательства этого положения. Например, Иван Тимофеев ставит знак равенства между сотворением Адама и Евы и «поставлением» над «всякой тварью» царя: «...Иже рукою Божиею древле праотцы наши сотворены быша, супругъ первыи Адамъ со Евою,... тѣмъ же сеи (т. е. царь. – Т.М., А.М.) надо всѣми бывшими яко царь самовластенъ поставися твари всеи, ему же птицы, зверіе же и гады вси страхомъ повиновахуся въ покорение, яко же своему Сотворителю, Владыцѣ всѣхъ и Господу» [ВИТ, 1909, стлб. 261].

Очевидно, главным в престолонаследии было соблюдение «древних благоустановлений законных» и соблюдение «добрых обычаев». Этим обстоятельством вызваны подробные описания «корня по коленству» благочестивого царя. Важно отметить, что при соблюдении «добрых обычаев» условие законности власти (законности не в социально-политическом смысле, а с точки зрения закона Всевышнего), оценка царя как «благочестивого», «доброго», «благого» и еще ряд положитель-

ных оценок присутствуют в презумпции высказываний книжника. Благочестивым, по представлениям, например, дьяка Ивана Тимофеева, царь является не потому, что он действительно вел исключительно благую жизнь (точнее, это и было так для Ивана Тимофеева, но не было релевантно), а потому, что он был царь, данный России Богом («хороший» царь – законный царь, «прямой»). Ср.: «...благоданну царю сына, иже всего великого Росією господствующа, государя Василия Ивановича, великаго князя и царя корень по колѣнству и мужъ прародителей своихъ прозябения готовъ, помазанъ къ царству на столъ его и не проходень до здѣль и конецъ отъ рода в родъ, вѣчное благородіе ему бѣ отческое... [ВИТ, 1909, стлб. 269]; «...но отъ самого Августа Цесаря Римскаго и обладателя вселенною, влечахуся во своя роды, яко день днесъ, паче же сроднаго естества причтесе по благочыстии преже его благовѣрнымъ бывши; благочестивыхъ благочестивнѣиши законно же и святолѣпно сынови отъ отецъ поднесъ происхождаху...» [ВИТ, 1909, стлб. 270].

Здесь указания на древность происхождения царя и непрерывность царственных поколений доходит почти до крайности, впадая, во-первых, чуть ли не в язычество, поскольку Цезарь был римским императором-язычником, во-вторых, в неправдоподобие по отсутствию каких-либо письменных и исторических свидетельств, которые бы оправдывали подобные пассажи.

Кроме законного наследования власти, в текстах Смутного времени обсуждаются и способы нелегитимного получения власти. Так, в «Повести о том, како восхыти неправдою на Москве царство Борис Годунов...» присутствует оценка, выраженная и ситуативно, и через отдельные лексемы «восхыти», «неправдою». Книжник использует прием историко-логического доказательства, который ранее использован в положительной оценочной ситуации: обращение к библейской и общей истории с уподоблением и ситуаций, и персонажей и последующим сравнением. Человек, по воле своей возжелавший царского земного престола, так же порицается, как осуждается архангел-Денница, возжелавший престола небесного. Такое приравнивание действий «непрямого» претендента понятно, так как власть царя на земле в целом подобна власти Бога во вселенной: «...Аки сатана возжелалъ подобень быти небесному царю и сей Борисъ восхотѣлъ царскаго имени себѣ получитьи...» [ВИТ, 1909, стлб. 758].

В этом же ряду уподоблений сравнение самозванца с антихристом: «...врагъ же обаче, а не человекъ бывая словеснаго существа оболкся въ плоть антихристь...» [Там же, стлб. 366].

Как видим, система доказательств законности номинации власти включает в себя прецедент и аналогию. Регулярно используется и обращение к христианским этическим законам. Теократического типа христианство развивается в России как стремление к гармонии духовной и светской власти («симфония властей»). Государственная власть понимается как священная миссия. Власть должна принять на себя церковные задачи. Именно поэтому церковная мысль занимается построением национальной идеологии. Это представление о симфонии властей вырастает из общего теократического принципа христианства и понимается «в духе мистического реализма как учение о двойственном строении мирового (и исторического) бытия» [Зеньковский, 1989, с. 46]. Б.А. Успенский не раз подчёркивал, что, «восстанавливая Византийскую империю в Московском государстве, русские ориентировались не на реально существующую традицию, но на своё представление о теократическом государстве: идеология при этом играла куда более важную роль, чем реальные факты» [Успенский, 2000, с. 27].

Московское царство, подобно византийскому, – оплот православия. И потому властитель царства есть защитник правоверия [Зеньковский, 1989, с. 49–50]. К

примеру, в московских текстах о походе князя на Новгород жестокое подавление новгородцев обосновывается необходимостью защиты православной веры от латинян. То, что защита православия считалась главной задачей и государственной политики, подтверждается тем, что русские послы в общении с протестантами должны были в титуляции царя использовать слово «православный». Русский посол в Швеции И.Е. Шарапов, согласно наказу от июля 1557 г., должен был именовать Ивана IV «православным царём русским», что в сношениях с другими государствами встречается не так часто [Хорошкевич, 2003, с. 61].

Титул «царь» меняет перспективу русского государства. Происходит смена политико-культурной ориентации, корректируется прошлое страны, выстраивается новый образ русского православного царства, формируется новое русское единое общество. Русский политический дискурс XV–XVII вв., связанный с титуляцией верховной власти, использует богатый арсенал аргументов для обоснования истинности верховной власти русского правителя.

Источники

1. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (ПВУ) // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. М.: Художественная литература, 1982.
2. Временник Ивана Тимофеева (ВИТ) // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Изд. 2-ое. СПб., 1909. Т. XIII.

Библиографический список

1. Дьяконов М.А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. 224 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 1. 469 с.
3. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 336 с.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1961. Кн. V. (Т. 9–10). 756 с.
5. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 140 с.
6. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянск-Архео, 2006. 256 с.
7. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М.: Древлехранилище, 2003. 620 с.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ

Концепт, когнитивная модель, языковая репрезентация, репрезентативная модель, когнитивный признак, жанр.

Статья основывается на материалах диссертационного исследования, посвященного изучению концепта «движение», одного из основополагающих концептов в языковой картине мира, являющегося связующим звеном в концептуализации пространства и времени. Как показывают специальные исследования на материале современного французского языка, основу данного концепта составляет физическое движение, включающее такие смысловые компоненты, как перемещение и изменение положения тела в пространстве. Данный вид движения является базовым для метафорического отражения аспектов жизнедеятельности человека, происходящих на эмоциональном, ментальном и социальном уровнях [Димитренко, 2005; Круговец, 2007].

Наш научный интерес сосредоточен на изучении языковых средств выражения концепта «движение» в диахронических текстах, относящихся к прототипическому периоду становления французского языка, каковым является старофранцузский период (IX–XIII вв.). Источником материала исследования послужили тексты шести произведений старофранцузского периода: «Песнь о Роланде», «Нимский обоз», «Осада Барбатра», принадлежащие к жанру героического эпоса, «Житие святого Алексея», «Странствия святого Брендана», образцы агиографического жанра и куртуазный (рыцарский) роман К. де Труа «Сказание о Граале, или Роман о Персевале».

В работе мы основываемся на том, что языковые концепты устроены прототипически и пытаемся выявить основные когнитивные модели, отражающие универсальные прототипические смыслы движения в различных концептуальных сферах. Под когнитивной моделью мы, вслед за Э.М. Рянской, подразумеваем схему обобщённой (типовой) ситуации-инварианта, представляющую «вербально-понятийную реконструкцию окружающей действительности». В общей схеме когнитивной деятельности следующим за когнитивной моделью является этап репрезентации знаний в языке. Для того чтобы представить переход от «референциального мира» к выражению в языке, воспользуемся термином «репрезентативная модель» (далее – РМ), под которым подразумевается конкретизация когнитивной модели в отдельном языке [Рянская, 2008, с. 77, 78]. Это позволит сопоставить схемы когнитивного моделирования и средства конкретного языкового наполнения концепта «движение» в исследуемом периоде истории французского языка.

Анализ репрезентативных моделей на уровне морфологии и синтаксиса выявляет, что главным элементом для выражения когнитивных признаков концепта «движение» является предикат (сказуемое), который репрезентируется с помощью глагола. Наряду с синтетическими способами глагольной репрезентации предиката

ката (простые времена *présent, passé simple, imparfait, futur simple*), активно используются аналитические модальные и каузативные конструкции, конструкции с неличными формами глагола, зарождается такое время, как *futur immédiat*.

Результаты нашего исследования показывают, что в произведениях разных жанров глагольные репрезентативные модели выражают как общие, так и специфичные когнитивные признаки концепта «движение». Рассмотрим их подробнее.

В эпосе мы наблюдаем частое использование конструкции глагола «*aler+инфинитив*», что показывает, как базовое понятие движения участвует в определённой степени в выражении временной ситуации «приближающегося вступления в процесс»: 1551 Par grant vertu *vait ferir* le paien (Rol.) (*С большой силой идет наносить удары по язычнику*).

В данной конструкции реализуются такие когнитивные признаки фазисного характера, как намеренность начинательности, ожидаемое (предстоящее) вступление в определённую ситуацию, готовность к вступлению в определённый процесс, неизбежность. В эпических поэмах, со свойственными им повторами, мы видим повторяющееся использование РМ «*aler + инфинитив глагола ferir*» в описании битвы, что отражает постоянную готовность французских богатырей нанести удар по врагу: 777 *Vait ferir* un paien, et puis un autre après (*Идет разить язычника, потом другого*) (Barb.).

Прогрессия процесса, его поступательность и динамичность выражаются с помощью РМ «*aler + неличная форма глагола на – ant*», рассматриваемая исследователями как *gérondif* или *participe présent*: 1138 *Tiacre frere, quel avoir vas menant?* (*Брат Туакр, какой товар везешь?*) (Ch. de N.).

Дорога, движение являются лейтмотивом эпических жест. Ведущими когнитивными моделями концепта «движение» в жанре эпоса являются модели, обладающие признаками активности движения, готовности к действию на пути реализации христианских идеалов.

В произведении «Житие святого Алексея» ключевыми являются РМ с модальными и каузативными конструкциями. Аналитическая репрезентативная модель «*estouvoir (falloir, être nécessaire) + aler*», так же как и РМ с глаголом *porter*, показывает долженствование, смирение, предопределённость судьбы: 193 *Andreit Tarson espeiret ariver, Mais ne puet estra, ailurs l'estot aler, Andreit a Rome les portet li orez* (*Прямо в Тарсон надеется попасть, но не может это случиться, в другое место надо плыть, ветер несёт их прямо в Рим*).

РМ «*deveir + глагол s'en aler*» вербализует когнитивную модель с признаком долженствования: 279 *Or set il s'en deit aler* (*Тогда он должен уйти*). Движение святого по его пути обусловлено долгом, смирением и подчинением воле Божьей. Когнитивные модели с такими признаками движения, как вынужденность, долженствование, смирение и подчинение, вербализуются в РМ «*faire + aler* или *venir*», где побудителем движения является всевышний, который действует через икону: 171 *Co dist l'imadena: «Fai l'ume Deu venir...»* или через пономаря собора: 181 *Sil vait, sil quert, fait l'el muster venir*.

Когнитивный фон, создаваемый воплощением концепта «движение», состоит в том, что Алексей движется к Богу, удаляясь, уходя от всего мирского, земного, суетного.

Главный герой романа «Сказание о Граале, или Роман о Персевале» относится к «персонажам-путникам», в самом имени *Perce-val* (пронзаю долину) подчеркивается странствующий, ищущий характер, этот герой находится в движении «для достижения совершенства, расцвета в потустороннем мире, который делает ему

знак» [Ribart, 1984, p. 83]. В истории Персеваля отражается медленное духовное воспитание рыцаря, движение, происходящее как в плане физического, так и в плане его духовного развития. Это движение, духовный рост, происходит параллельно с физическими перемещениями Персеваля. Странствия героя в поисках подвигов осознаются одновременно как жизненные странствия, путь возмужания и формирование героя и тем самым определяют когнитивный фон произведения.

Следующие аналитические репрезентативные модели передают когнитивное своеобразие романа. РМ «(s'en) aler + participe présent / gérondif» и РМ «aler + infinitif» актуализируют когнитивные признаки активности движения: 1265 Et li vallez sans nul arest *vait chevauchant* par la forest (*И молодой человек без остановки скачет на лошади через лес*), 3565 Qui vont en ces forez *berser* (*Которые идут в эти леса стрелять из лука*).

РМ «(se) faire + infinitif» вербализует когнитивные модели, связанные с отношениями «господин – подчиненный»: 1558 Si li fist porter en pressant chemise et braies de chansil (*Он приказал принести ему в подарок рубашку и портки из тонкого льна*). РМ «laisser + infinitif» употребляется в ситуациях, связанных с неотъемлемой частью рыцарской жизни: с оружием, с лошадьми, турнирами: 3852 Lors *laissent corre* les chevaus li uns vers l'autre sanz plus dire (*Тогда они отпускают коней навстречу, больше не разговаривая*). Данная каузативная конструкция, так же как и РМ «(se) faire + infinitif», отражает и межличностные отношения в рыцарской среде: господство и подчинение между королем и рыцарем, сеньором и вассалом. Этой же цели служит РМ «il covient + infinitif», вербализующая когнитивную модель поведения, предписывающую, как подобает себя вести рыцарю в той или иной ситуации: 4178 Sire, fait il, *il vos covient venir* au roi (*Господин, вам следует пойти к королю*).

Отличительной чертой употребления аналитических РМ в куртуазном (рыцарском) романе можно считать большое число конструкций с модальными глаголами *voleir*, *poveir*, *saveir*. Они вербализуют когнитивные модели, выражающие желания, намерения героя: 883 *Je vuel*, fet il, a cort *aler*, au roi ces armes demander (*Я хочу, говорит он, идти ко двору просить это оружие у короля*), умение и неумение героя управляться с оружием, доспехами, лошадью: 94 Et cil qui bien *lancier* *savoit* des javeloz que il avait (*И который умел бросать свои дротики*), возможность или невозможность движения: 2935 Si qu'il ne pot avant *aler* (*Так что он не может идти вперед*).

Таким образом, материал исследования показывает, что в произведениях эпического жанра наиболее употребительными являются репрезентативные модели с неличными формами глагола, вербализующие когнитивные модели с такими признаками, как активность и готовность к самостоятельному действию, в произведениях агиографического жанра превалируют модальные и каузативные конструкции, репрезентирующие когнитивные модели с признаками зависимости, смирения и предопределённости движения, а в рыцарском романе на первый план выходят модальные и каузативные модели, актуализирующие межличностные отношения, правила поведения, кодекс чести рыцаря. Движение, путь к Божьему Царству, является общим смыслом жизни героев произведений эпического, агиографического и куртуазного жанров. Но если герои эпического произведения активны, самостоятельны, постоянно готовы к решительным действиям во имя христианской веры, то герой жития на этом пути проходит через отречение, физическое страдание и смирение, материальные лишения, помощь нуждающимся и подвиг добровольной нищеты. Главные герои куртуазного романа про-

ходят долгий путь обучения, самовоспитания, подчиняясь многочисленным правилам, условностям в поисках смысла земного существования и обретения Царства Небесного.

Библиографический список

1. Димитренко Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: структура и лексическая объективация: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 20.06.05. Воронежский гос. пед. ун-т. Воронеж, 2005. 21 с.
2. Круговец В.С. Функционально-семантические особенности категории движения во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 26.09.07 / РГПУ. СПб.: ЛЕМА, 2007. 19 с.
3. Рянская Э.М. Когнитивный аспект лингворегиональных исследований: монография. Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гос. гум. ун-та. 2008. 98 с.
4. Ribard J. Le moyen âge. Littérature et symbolisme. Paris: Honoré Champion, 1984. 167 p.

ИЕРОГЛИФИЧНОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Поэтический перевод, эстетическая информация, формально-содержательный комплекс, иероглифичность, идиоматичность, стратегии перевода.

Отличительной особенностью художественных текстов является эстетическое содержание, воплощенное не только в отдельных словах, словосочетаниях, фразах и других элементах или фрагментах текста, а в формально-содержательном континууме всего художественного произведения. Именно эстетическое содержание и делает данные тексты литературным явлением, мировым и национальным культурным достоянием. Ю.М. Лотман пишет: «Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, который не понимает этого и ищет идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стенах, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – ее реализация» [Лотман, 1972, с. 37–38]. Таким образом, эстетическая информация представлена не только в содержании художественного текста, но и в его формальных параметрах, а если быть более точным, то в изоморфном формально-содержательном комплексе художественного текста. Форма и содержание художественного текста, и прежде всего текста поэтического, представляют собой монолитное сверхсвязанное и сверхсемантизированное единство, в котором содержание есть логическое и гармоничное продолжение формы, а форма обладает очевидной способностью эксплицировать эстетическое содержание. Каждая языковая единица, каждый структурный элемент, вплетенный в поэтическую ткань, обладают также и регулярной полифункциональностью. Посредством структурно-семантических единиц и элементов происходит как кодировка индивидуальных авторских смыслов и эстетических переживаний, так и дешифровка эксплицитных и имплицитных смыслов поэтического текста читателем.

Размышляя об особенностях поэтической ткани, Ю.Н. Тынянов вводит понятие «единства и тесноты стихотворного ряда» и отмечает, что стихотворение является своеобразным «сверхсловом», обладающим трансформированным, обновленным и обогащенным смыслом. «Слова оказываются внутри стиховых рядов <...> в более сильных и близких соотношении и связи» [Тынянов, 1965, с. 33]. Особенность языковой ткани поэзии отмечает и М.М. Бахтин: «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо стороны его напряжены до крайности; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин, 1975, с. 46]. При рассмотрении вопросов художественной семантики М.Я. Поляков приходит к выводу о том, что в поэзии представлена сложная система организации контекстов: контекста слов, контекста образов, идейно-эмоционального контекста. На всех уровнях слова (звуковом, семантическом, грамматическом, синтаксическом), включенного в поэтическое произведение, действуют законы пере-

сечения и взаимодействия указанных контекстов, работает механизм контактности слова [Поляков, 1978].

Таким образом, помимо собственно содержательной (семантической) специфики, поэтический текст обладает особой структурной организацией, включающей такие элементы, как строфы, строки, характер и расположение рифм, последовательность и схемы взаимодействия языковых элементов, относящихся к различным уровням языка, – особой поэтической формой. Структурная организация элементов поэтического текста напрямую связана с его содержанием и, как уже отмечалось, в определенной степени детерминирует содержание. Все вышесказанное позволяет исследователям утверждать, что регулярными формально-содержательными признаками поэзии являются цельнооформленность и идиоматичность, выражающиеся в отсутствии вариативности плана выражения поэтического текста и полном (или частичном) изоморфизме формы и содержания при наличии высокой степени вариативности последнего [Казарин, 2004, с. 41]. Исследователи проблем литературного текста также отмечают, что смысл текста, заключенный в формально-содержательном комплексе, носит определенный иероглифический характер и имеет несколько уровней восприятия: уровень естественного языка, риторический – уровень идей, образов и символический уровень [Нестеров, 2002; Рымарь, 2004]. Такая смысловая многослойность предполагает поэтапное и рекуррентное снятие эстетической информации, заключенной в поэтических текстах, что и имеет своим результатом неоднозначность в восприятии такого рода текстов читателями. В определенном смысле художественный текст обладает регулярной иероглифичностью, которая является отражением несомненной иероглифичности сознания человека. Иероглифичность как научная категория представлена в различных гуманитарных областях: в психологии при исследовании чувственной ткани сознания и проблем перцепции (А.Н. Леонтьев); в поэтическом творчестве представителей русского авангардизма, метаметафоризма и метареализма (В. Хлебников, В. Маяковский, А. Введенский, К. Кедров, Е. Кацюба, В. Мельников, А. Тавров); в семиотике при изучении особого типа символизации – создании символического «значения» (Р. Барт, У. Эко, М.К. Мамардашвили); в теории машинного перевода (М.В. Архипов, Ю.А. Шрейдер); в пушкинистике при описании особенностей творческого процесса гениального поэта, в основе которого лежит создание художественного символа, сочетающего в себе свойства вербального и иконического знака, создание специальной промежуточной «идеографической» письменности – графических смыслообразований, рисунков-размышлений (К. Баршт); в теории литературы как принцип организации поэтики, тип художественной символизации и философского дискурса, как функция элементов притчи и басни (А.Н. Рымарь); в грамматологии для выделения иероглифического письма как особого типа письменности и описании иероглифичности отдельных букв алфавитного письма (И.Е. Гельб, Л.Р. Зандер); в изобразительном искусстве как правило конструирования изображения (живопись Древнего Египта, русская иконопись); в архитектуре (творчество А. Гауди).

Приведенные выше взгляды на рассматриваемую категорию позволяют сделать вывод о том, что иероглифичность обладает содержательными и формальными параметрами, находящимися в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Содержательная иероглифичность поэтического текста соотносима с распространенным понятием идиоматичности предполагающей несведение значения целого к значению составляющих его частей. **Иероглифичность отдельных элементов поэтического текста иррадирует в поэтической ткани и делает все по-**

этическое пространство стихотворения иероглифичным, что имеет своим результатом такое важное для переводоведения обстоятельство, что единицей перевода становится все поэтическое произведение (своеобразная гиперединица перевода). Формальная иероглифичность носит гетерогенный характер, представленный несколькими существующими формами такого текста: литературной, языковой и графической. Литературная форма является универсальной для всех языков мира и имеет стихотворную (поэтическую) и нестихотворную (прозаическую) разновидности. В историческом плане литературная форма является вторичной формой литературного текста. Первичной формой выступает форма языковая – совокупность планов выражения единиц языка в поэтическом тексте (фонетическая, лексическая, грамматическая и пр.). Форма художественного произведения имеет две основные функции: функцию выражения содержания (без неё художественное произведение не может существовать в принципе и не может быть воспринято читателем) и функцию эстетического воздействия (отсутствие у текста данной функции делает невозможным его принадлежность к литературе и культуре). Содержание художественного текста само по себе не может быть в строгом, эстетическом смысле прекрасным или безобразным – это свойства, возникающие исключительно на уровне формы [Есин, 2000]. Помимо литературной и, соответственно, языковой формы, поэтический текст обладает и такой важной разновидностью формы, как форма графическая: алфавитное или иероглифическое письмо; строфика; фигурная, изобразительная графика; шрифт; цвет графем и частей текста; графический рисунок и т. п.

Одним из наиболее выразительных и сложных видов графической формы является визуальная поэтическая графика, представляющая собой формальное текстовое явление, органически связанное с содержательной (смысловой) системой поэтического текста. Основные вопросы визуальной графики рассматриваются в работах, посвященных описанию русских поэтических текстов авангардного и постангардного характера [Бирюков, 2001]. Визуальные поэтические тексты известны уже с IV века до н. э. В специальной литературе отмечается, что истоком европейской визуальной поэзии явилась восточная традиция иероглифической каллиграфии поэтических текстов. В России появление визуальной поэзии связано с древнерусской традицией каллиграфии, с лубочной живописью, в которой текст надписи является содержательным, а иногда и формальным дополнением и логическим продолжением рисунка [Бадаев, 2005]. А. Белый отмечал, что цель визуальной или графической поэзии состоит в поиске оптимального способа выражения среди возможных форм и в отражении такого выражения в особой словесной расстановке без учета метрической формы [Белый, 1994, с. 54–143]. Визуальные поэтические тексты функционируют исключительно в письменной (печатной) форме. В графической поэзии текст становится текстом-картинкой, текстом-иероглифом. Таким образом, графическая поэзия также имеет в своей основе категорию иероглифичности.

Адгерентная формально-содержательная иероглифичность поэтического текста и объективные трудности межъязыкового перевода такого рода текста породили популярную идею о принципиальной непереводаемости. Отражение данной идеи можно найти в работах теоретиков и практиков поэтического перевода [Nabokov, 1955; Jakobson, 1959]. Рассуждая о крайних случаях переводческих трудностей, Г. Рабасса также затрагивает проблему непереводаемости и, прежде всего, проблему непереводаемости текста поэтического. Исследователь пишет, что перевод никогда не является механическим воспроизведением, копией оригинала и именно

невозможность передачи при переводе некоторых характеристик оригинального текста делает в первую очередь непереводаемыми тексты поэтические. Поэтические тексты еще более являются удаленными от воспроизведения в другом языке и в другой культуре, чем любые другие тексты [Rabassa, 1984]. В теории и практике перевода существует и более оптимистическая точка зрения на возможность поэтического перевода. Весь многовековой успешный опыт поэтического перевода является неоспоримым тому доказательством. Признавая, что единицей поэтического перевода может выступать формально-содержательное единство оригинального поэтического текста [Разумовская, 2010], что и делает поэтический перевод крайне трудной задачей для переводчика, теории и практики поэтического перевода ориентируются на поиск особых принципов и стратегий данного вида художественного перевода. Полное воспроизведение содержания, формы и изоморфного результата их взаимодействия на практике удается крайне редко, хотя и является теоретически и практически возможным [Попова, 1984].

М.Л. Лозинский считает, что существует два основных типа стихотворных переводов: перестраивающий (содержание, форму) и воссоздающий (воспроизводящий с возможной полнотой и точностью содержание и форму) [Лозинский, 1987]. Необходимо отметить, что М.М. Лозинский не говорит о воссоздании формально-содержательного единства поэтического текста, но данное понятие представлено в его научных работах и переводах имплицитно. Особенно трудную задачу в данном контексте представляет перевод в неродственной языковой паре: русский и китайские языки. Китайский язык обладает исконной (примарной) иероглифичностью, обусловленной традициями китайской письменности. Китайский иероглиф (логограмма) содержательно «многослоен», поскольку сложные иероглифы составлены из более простых элементов, имеющих самостоятельные значения и определенным образом влияющих на восприятие текста читающим. Восприятие читающего напрямую зависит и от внешней формы иероглифа, которая несет обязательную эстетическую нагрузку, значимую для образованного китайца (иероглифические надписи являются одними из традиционных украшений интерьера). Китайское стихотворение воспринимается, прежде всего, визуальное. На первом этапе восприятия читатель созерцает графическую форму, «считывает» эстетическую информацию и испытывает эстетическое переживание. На следующем этапе восприятия поэтического текста читатель проникает в предметный и эстетический смысл стихотворения в соответствии со своим индивидуальным культурным и эмоциональным опытом. Причем каждый иероглиф, включенный в графическую стихотворную ткань, может иметь и самостоятельный эстетический смысл. Дополнительным смыслом способны обладать как сами иероглифы, так и те элементы, из которых они состоят (ключи), вызывающие определенные ассоциации у носителей языка.

Размышляя о проблемах перевода китайской поэзии на русский язык, Н.И. Конрад, в свою очередь, отмечает, что существуют три основных пути перевода. Первый путь заключается в стремлении переводчика адекватно передать китайское стихотворение на общечеловеческом фоне; переводчик воспринимает поэтическую наполненность стихотворения и выражает результат своего интуитивного познания в оболочке переводящего поэтического языка (перестраивающий тип стихотворного перевода по М.Л. Лозинскому). Второй путь предполагает сохранение оригинального механизма китайского стихотворения (сохранение реальных и формальных элементов китайского текста, делающих его стихотворением, а не «поэтической прозой»), передачу китайского стихотворения в органи-

чески соответствующей ему русской оболочке (воссоздающий тип стихотворного перевода по М.Л. Лозинскому). Третий возможный путь перевода (синхронизирующий тип) предполагает синхронизацию китайских и русских поэтических в контексте «культурных кругов», поиски «синхронизмов», моментов полной адекватности поэтических текстов [Конрад, 1977]. Авторский подход к переводам китайских текстов, не ставящий задач художественного перевоплощения, но содержащий детальное исследование оригинального поэтического текста, можно найти у В.М. Алексеева: 1) стремление к передаче звуковых форм китайской поэтики; 2) визуализирующий перевод (визуализация слов до степени иероглифов); 3) развернутые пояснения и комментарии [Алексеев, 1978]. При переводе китайского поэтического текста на русский язык обнаруживается устойчивая тенденция к асимметрии формы оригинала и перевода, обусловленная фонетическими и графическими различиями языковых систем.

При рассмотрении поэтического текста (оформленного любыми существующими типами графики) как некоего иероглифического символа, являющегося единицей перевода, переводчику необходимо учитывать не только двоичную структуру данного символа (означаемое и означающее), но и структуру троичную, в которой главным являются не сам символ и не символизируемое (означаемое), а возможные интерпретации, порождаемые особенностью **поэтического текста как особого символа. Такой особенностью является** регулярная информативная неоднозначность, обеспечивающая многочисленные интерпретации текста как в пределах собственной культуры и языка, так и при перекодировании текста средствами других языков и культур. Неоднозначность лежит в основе таких категорий художественного перевода, как неисчерпаемость оригинала и переводческая множественность [Чайковский, Лысенкова, 2001], предполагающих потенциальную поливариантность и полилингвальность художественного текста, генерирующего возможные внутриязыковые и межъязыковые переводные варианты.

Иероглифическая уникальность оригинального поэтического текста не может быть воссоздана в переводе во всех мельчайших деталях. Однако применение идеи изоморфного формально-содержательного единства поэтического текста и метода переводческой синхронизации (содержательной, формальной, культурной, эстетической и пр.) могут способствовать созданию эффективной стратегии поэтического перевода, позволяющей сохранять и воссоздавать в переводе принципиальную иероглифичность и обязательную эстетическую информацию оригинального поэтического текста. Вторичный поэтический текст (текст-перевод) становится не точной копией текста-оригинала, воспроизводящей оригинал в мельчайших деталях, а его функциональной моделью, обладающей основными содержательными и формальными характеристиками оригинала, и прежде всего идиоматичностью и иероглифичностью. Идиоматичность и иероглифичность определяют эстетизм переводного поэтического текста, а также неоднозначность восприятия вторичного поэтического текста читателями, принадлежащими «чужой» лингвокультуре.

Библиографический список

1. Алексеев В.М. Китайская литература. М.: Наука, 1978. 596 с.
2. Бадаев А.Ф. Функциональные типы поэтической графики: на материале русской поэзии XVII–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2005. 227 с.

3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Белый А. Эмблематика смысла // Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 478 с.
5. Бирюков С.Е. Поэзия русского авангарда. М.: Руслана Элинина, 2001. 280 с.
6. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2000. 248 с.
7. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 432 с.
8. Конрад Н.И. Синология: сб. ст. М.: Наука, 1977. 621 с.
9. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С. 91–106.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
11. Нестеров А.Ю. Проблема символа в литературном произведении: текст и читатель в акте моделирования эстетического объекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Самара, 2002. 22 с.
12. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Советский писатель, 1978. 446 с.
13. Попова И.Ю. «Свинцовое эхо» Дж. М. Хопкинса. К проблеме перевода «сложной» поэзии // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1984. Вып. 21. С. 48–56.
14. Разумовская В.А. Формально-содержательное единство поэтического текста как переводческая задача // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы II Междунар. науч.-практич. конф. (28–30 апреля 2010 г., г. Салоники). М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 453–457.
15. Рымарь А.Н. Иероглифический тип символизации в художественном тексте: на материале поэтики Александра Введенского.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Самара, 2004. 214 с.
16. Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965. 300 с.
17. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис, 2001. 211с.
18. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation / On Translation ed. R. A. Brower. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 232–239.
19. Nabokov V. Problems of Translation: Onegin in English // Partisan Review 1955. № 22.
20. Rabassa G. If This Be Treason: Translation and Its Possibilities // Translation: Literary, Linguistic and Philosophical Perspectives. London; Toronto: Associated University Press, 1984. P. 21–29.

ПРОБЛЕМА БЫТОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОРДОВИИ

Поэзия, философская лирика, лирический герой, лирический сюжет, поэт-философ, жанр, метажанр, сюжетные оппозиции, поэтическая мысль, национальная литература, эстетический идеал.

Недостаточная исследованность проблемы бытования философской лирики в современной поэзии Мордовии остается существенным пробелом в мордовском литературоведении. Для ее разрешения необходимо определить место философской лирики в системе лирических жанров, ее видовую специфику, место в поэтической культуре мордовского народа. В статье мы придерживаемся мысли о том, что путь к пониманию сущности жанра лежит через исследование его внутренней содержательности, которая и будет являться для нас определяющим жанровым критерием.

Говоря о возникновении и эволюции философской лирики Мордовии, нельзя обойти стороной проблему сущности самой лирики как рода литературы, основных аспектов лирического способа типизации, ее бытования в обществе в целом.

За последние десятилетия определение «философская» применительно к лирике Мордовии стало общераспространенным. Трудно назвать современного поэта, в чьем творчестве не нашлось бы философских раздумий, философской сосредоточенности, философской медитации и т. п. Подобные факты свидетельствуют о полном принятии художниками слова этого понятия и его смысловой очевидности. Однако есть и определенные проблемы. Говоря о бытовании философской лирики в регионе, мы сталкиваемся с целым рядом парадоксов, которые имеют место во всей общероссийской литературе. Во-первых, еще относительно недавно к понятию «философская поэзия», или «философская лирика», было достаточно настороженное отношение. Так, А. Михайлов в книге «Сила и тайна слова» пишет: «Философской лирику называть почему-то стесняются, заключая это слово в иронические кавычки или сопровождая не менее ироничным "так называемая"…» [Михайлов, 1989, с. 216]. Признавая существование философской лирики, исследователи причисляют к ее представителям совершенно разноплановых по своим художественным принципам поэтов. А. Михайлов, говоря об особенностях философской лирики, в качестве примера приводит творчество А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, А. Твардовского и др.

Так или иначе, но более удачный термин не был найден литературоведами, именно он вошел в литературный и литературоведческий обиход. Но существовал и второй парадокс. В специальных словарях долгое время не давалась трактовка понятия «философская лирика», или «философская поэзия». Зачастую говорилось лишь о медитативной лирике, которая определялась как жанрово-видовая разновидность поэзии определенной культурно-исторической эпохи. Понятие «философская лирика» упоминалось лишь как разновидность дидактической поэзии времен античности. Складывается впечатление, что ставилась под сомнение правомерность применения термина «философская лирика» к современному ис-

куству поэтического слова. Возник некий замкнутый круг: стремясь охарактеризовать специфику некоторых поэтических разновидностей, литературоведы шли путем вычленения их из философской лирики, не давая при этом определения ей самой.

Следуя мысли о том, что поэзия есть акт познания, можно вести речь об особенностях и способах мировоззрения художника слова. В то же время, акцентируя внимание на специфике индивидуально-поэтического мышления автора, невозможно выявить основные параметры различных типов сознания, одни из которых, например, близки научному, другие более отдалены от него и т. д.

Своеобразно к решению этой проблемы подошел А. Павловский. В книге «Русская философская поэзия» автор пишет: «Философская лирика в основе своей всегда размышление, цепь умозаключений, с логической, подчас достаточно обнаженной последовательностью подводящих к определенному выводу. Вместе с тем подлинно поэтическое произведение философского склада, чтобы оставаться художественным произведением и не перейти в трактат, должно заключать и развивать в себе не просто мысль, но мысль-образ, мысль-чувство, мысль-картину, а значит, порождать в душе читателя широкую цепь эмоционально-смысловых ассоциаций, не сводящихся к однозначному выводу» [Павловский, 1988, с. 243]. На сегодняшний день, на наш взгляд, это одно из самых удачных определений философской лирики, так как, в отличие от любой другой поэзии, в философской должно обязательно присутствовать мысль, логически подводящая к какой-либо идее.

В современном литературоведении не менее остро стоит вопрос и относительно того, какое стихотворение может называться философским, то есть быть отнесенным к философской лирике. Обратимся к стихотворению Л. Мартынова «Вода благоволила литься...». Это, по мнению М. Мамардашвили, «всего лишь еще один образец "учительской" поэзии» [Мамардашвили, 1996, с. 211]. И далее он же продолжает: «В том, что дистиллированная вода безжизненна, никакого открытия нет. В том, что бесплотно искусство, лишенное связи с жизнью? тоже нет ничего нового. Читая произведение подлинно философской лирики, мы как бы соучаствуем в постижении поэтом некой высшей истины» [Там же]. Однако это же произведение в трудах других литературоведов определяется как подлинный образец «поэзии мысли» и одновременно «философское». Причем одно нередко растворяется в другом, сливаясь в определении индивидуально-авторской манеры художника. Именно в нем «автор с удивительной точностью вскрыл оболочку обыденности и, проникнув в самое существо явления, освободил от скорлупы банальности тайну истины» [Утков, 1999, с. 119].

В качестве не менее спорной приведем ситуацию со стихотворением мордовского поэта А. Терентьева «Мой пращур мозг работой расшевеливал...». Казалось бы, и название произведения, и рационалистичность его содержания говорят о возможности отнесения его к философской лирике. И с этим трудно не согласиться, так как в нем автор предпринимает попытку глубокого развития темы антагонизмов жизни. С одной стороны, природа – «мир дремучий», «огромный мир противоречий». Это мир, в котором нет «разумной соразмерности» и «правильных созвучий», и в этом мире царит «дикая свобода, где "от добра неотделимо зло"» [Терентьев, 2000, с. 23]. Но с другой – в антагонизмах мира природы заложен пусть еще только прообраз, но все же разумной человеческой мысли, намечается стремление человека к переходу к более высокой форме бытия, когда он «смотрит в иллюминатор звездолета» и «на звездной карте отмечает путь» [Там же]. В финале стихотворения автор задается вопросом: «Но как нас примет человек с ог-

нем? / Там, с будущим не ожидая встречи, / Минувшее стоит, как тень с копьем» [Там же]. Тем самым автор поднимает «вечную» проблему «связи времен», ответственности человека перед своим прошлым и еще не наступившим будущим.

Сравнив стихотворения двух совершенно разных авторов, мы приходим к выводу о том, что одно из них направлено на внедрение в сознание читателя уже готовой, четко выверенной автором истины. Второе предполагает в качестве читателя сознательного, активного оппонента, способного к рефлексии, критическому восприятию не уже постигнутого, а самого процесса. И тем не менее мы видим, что оба стихотворения вполне самостоятельны, наделены широкими художественно-эстетическими качествами и поэтому вполне могут быть причислены к философским.

Небезынтересным определением философской лирики, очередной раз доказывающим факт ее существования, является утверждение А. Науменко-Порохина о том, что: «философская лирика – искусство познания, постижения мира, она немислима без экспериментаторства, нацеленности автора на создание новой художественной системы. Истоки таковой могут лежать в классической литературе или фольклоре – но поэт-философ обязательно создает свою модель мира, отличную от уже существующих» [Науменко-Порохин, 2003, с. 325]. Более того, следуя мысли ученого, заметим, что истинный художник слова не должен говорить языком поэзии о каких-либо давно известных философских постулатах, так как такая поэзия не будет являться философской, а скорее назидательной, дидактической.

Известно, что всякое теоретическое обобщение (в нашем случае это выявление характерных черт философской лирики) невозможно без научно-практического изучения проблемы, причем не в частных ее проявлениях, а на протяжении всего ее существования. Учитывая то, что специальных научных исследований, посвященных изучению различных аспектов философской лирики, в мордовском литературоведении еще не было, работу в этом направлении следует начать с обозначения общих ее признаков, которые помогут обнаружить новые качества изучаемого нами явления.

Учитывая синкретичность любой из национальных литератур, мы не считаем правильным при изучении своеобразия философской лирики Мордовии исходить лишь из ее жанровой дифференциации. Намного перспективней, с нашей точки зрения, исходить из такого понятия, как «метажанр», разновидностью которого и является философская лирика. Под метажанром мы понимаем структурно выраженный, нейтральный по отношению к литературному роду, устойчивый инвариант целого ряда способов художественного моделирования мира, объединенных общим предметом изображения. Философский метажанр, в свою очередь, есть ничто иное, как структура, во многом свойственная философской лирике, изображающая субъективное авторское восприятие действительности в разрезе всеобщей человеческой жизни.

Будет нелишним определить и в отношении специфики сюжета философской лирики, выраженного в характере сюжетобразующих оппозиций, элементов и логики авторской мысли. Остановимся на некоторых характерных чертах сюжетообразования современной поэзии Мордовии. Известно, что в основе любого сюжета лежит некое движущее его противоречие. В лирике в силу отсутствия в сюжете фактического действия оно редко выливается в открытое столкновение сил, позиций, идеологий и гораздо чаще имеет форму противопоставления различных понятий. При этом только в лирике с ее органичной связью отдельного стихотворения и всей лирической системы в одном произведении не всегда налицо оба чле-

на оппозиции. Один из них вполне может находиться за его рамками и присутствовать лишь как оспариваемая автором точка зрения.

В основе сюжета философской лирики современных поэтов Мордовии лежат, как правило, нравственно-философские, натурфилософские либо социально-философские оппозиции. Сюжет многих лирических произведений строится на сопоставлении понятий, которые отличаются общезначимостью своего содержания, обозначают разные субстанциальные начала. Степень всеобщности их содержания, таким образом, и обуславливает отчетливость выражения философской тенденции в структуре стихотворения.

Все из перечисленных нами сюжетобразующих оппозиций представлены в лирике мордовского поэта В. Гадаева. В качестве оппозиции у него выступают такие субстанциальные начала мироздания, как человек и природа («Три ветлы», «Радуга – ворота счастья», «Барский сад» и др.), личность и общий закон бытия («Кто я? Что я? И зачем...»), «С верой в благое», «Мордвин Трошка» и др.), жизнь и смерть («Апрель», «Пляска на фоне крестов», «На смерть Твардовского и др.), гармония и хаос («Непонимание», «Мысли, думы да вопрось», «Сижу среди равнины русской» и др.). При этом в творчестве В. Гадаева встречаются стихотворения, построенные на оппозициях, не имеющих, казалось бы, какого-либо четко выраженного субстанциального смысла. Так, к примеру, в стихотворении «Дума у Черного моря» сюжет построен на противопоставлении психологических состояний человека. С одной стороны, его вера в себя, свои силы, готовность к активной жизни, с другой – страх перед завтрашним днем, слабование, пессимизм. В ряде стихотворений В. Гадаева центральную образующую основной лирический сюжет оппозицию составляет глубоко душевная, чувственно-эмоциональная реакция лирического героя и его же сугубо практическая оценка жизни («По законам Шариата», «Не судите за уединенье, «Митинг на Арбате» и др.). В стихотворениях «Женщина в слезах, как из тумана...», «Не спешите русских хоронить», «Сельское кладбище» и др. поэтическая мысль В. Гадаева приходит в движение благодаря противопоставлению жизни и смерти. Жизнь и смерть представлены поэтом в форме противопоставления динамики – застою, несвободы – воле, приходящего – вечному и т. д. Но нередко понятия, лежащие в основе сюжетных оппозиций В. Гадаева, не обладают всеобщностью содержания. Так, например, трудно отнести к философской лирике стихотворение поэта «Над тихим прудом не шелохнется ива». Лирический сюжет В. Гадаева образуется с помощью приема противопоставления истинной любви сиюминутному увлечению. Не менее интересно в этом плане и стихотворение В. Гадаева «Тайна». Дружба, взаимная поддержка и взаимопонимание в нем противопоставлены одиночеству, несчастьям, тяготам судьбы. В стихотворении намечается тенденция возведения этой оппозиции к философской. Дружба ассоциируется с жизнью, одиночество – со смертью. Но эта тенденция пока лишь только намечена автором, и поэтому оппозиция по своему характеру является еще больше нравственной, чем философской, как и в стихотворении «Мы с юности млели...», где дружбе противостоит отсутствие друзей, которых ничто не заменит.

Лирика В. Гадаева в большинстве лучших ее образцов – философская. Но может сложиться впечатление, что философский характер сюжетных оппозиций входит в обязательное требование художественности и поэтому присущ любому лирическому произведению. Однако верно и то, что на нравственно-психологических, социальных и культурно-исторических оппозициях построены многие замечательные стихотворения современных поэтов Мордовии. К примеру, в стихот-

ворении В. Гадаева «Хулят Отчизну, топчут все родное...» развенчивается современное поэту поколение демагогов, «хвалящих все, что там, за рубежом» [Гадаев, 2004, с. 419], но не с позиции естественной человеческой природы, а в сопоставлении их со старшим поколением людей, «страшащихся перенимать чужое / И протестующих всем своим нутром» [Там же]. Как видим, субстанциальный характер подобных сюжетобразующих оппозиций не является единственным признаком цельности лирического произведения, а скорее лишь определяет его принадлежность к философской лирике. Иное дело, что в контексте творчества многих поэтов нравственно-психологические, социально-этические и т. п. произведения воспринимаются читателями как философские. В немалой степени это становится возможным потому, что философия как наука включает в себя и область естественных знаний, и культуру, и эстетику.

Обращение философской лирики к духовному миру человека открыло новые возможности в мордовской литературе. За последние десятилетия в ней определился процесс, который отмечается во всем общероссийском литературном процессе. В центре философской лирики современных поэтов Мордовии стоят раздумья о сложных проблемах бытия, познания мира, накопления нравственного и культурно-исторического опыта. В орбиту их поэтической мысли вовлекаются морально-этические и социально-политические категории, но возникшая мысль непременно должна быть согрета сердечным теплом и участием. Своеобразие рассматриваемого нами явления заключается в том, что мордовская лирика не отрывает философию от предметно-изобразительной основы, не увлекается абстрактным мышлением, отвлеченными рассуждениями-выводами.

Таким образом, современная философская лирика Мордовии, сохраняя свою жанровую и стилистическую специфику, расширяет возможности познания человеком мира, используя разные приемы письма, не абстрагируется от предметной реальности, а, выходя на иные рода литературы, в пределах лирического произведения концентрирует действие, наслаивает на него диалоги с оппонентами, монологи-обращения к миру, эпохе, Родине. Это лирика, которая пытается расширить свою жанровую ограниченность, чтобы лучше понять и глубже выразить мысленно и эмоционально нашу современность.

Библиографический список

1. Гадаев В.А. Мое мироздание: стихотворения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 512 с.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1996. 362 с.
3. Михайлов А.А. Сила и тайна слова. М.: Сов. писатель, 1989. 362 с.
4. Мусатов В.В. Художественные традиции в современной поэзии. Л.: Наука, 1992. 271 с.
5. Науменко-Порохин А.Г. Основные тенденции развития русской лирической поэзии. М.: Академия, 2003. 421 с.
6. Павловский А.И. Русская философская поэзия. Л.: Наука, 1988. 372 с.
7. Терентьев А.Н. Заветная звезда: избранная лирика. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. 144 с.
8. Утков В.Н. Как этот самый мир возник. М.: Изд-во НГУ, 1999. 218 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНИЯ ПОСТУПКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Актант, действие, концепт, поступок, предикат, пропозиция, языковая картина мира.

Исследования в области моделирования картины мира на основе лингвистических данных ведутся достаточно давно и имеют различные решения. Примером формального подхода к языку могут служить высказывания Л. Блумфилда, который критиковал представителей «менталистских взглядов», отрицая присутствие «народного духа», но признавая, однако, что «ограниченные группы людей строят свои высказывания, используя один и тот же запас лексических и грамматических конструкций» [Блумфилд, 1968, с. 52]. В последнее время все более актуальной становится противоположная точка зрения с пониманием природы языка «как зеркала культуры» [Толстой, 1995]. Исследования в этой области ведутся уже с XIX столетия – это выделение «народного духа» (В. фон Гумбольдт), идея структурного сходства языка и мира Л. Витгенштейна, философско-поэтическая герменевтика М. Хайдеггера; работы французских структуралистов (К. Леви-Стросс; Р. Барт), теория лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа и т. д. Таким образом, язык существует в культуре и культура познается через язык, поэтому изучение языка как модели понимания мира приобрело в современном языкознании значимость. Единицей описания картины мира в данной работе является концепт, определяемый нами как устойчивое понятие культуры, связующее звено между культурой и языком по типу «Культура – Концепт – Язык», где «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997, с. 40].

Понятие *поступок* достаточно актуально и значимо для современной русской картины мира и может быть описано с различных позиций: как факт, событие; форма реальности или культуры, которую воспринимает человек; как концепт (понятие), способ освоения человеком данной ему реальности; как лексема, единица языка, посредством которой в сознании человека констатируется фрагмент реальности. Значимость данного концепта для русской культуры подтверждают и многочисленные исследования. М.М. Бахтин в работе «К философии поступка» говорит о мире человеческого действия, который называет «миром события», «миром поступка», «вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок» [Бахтин, 1986, с. 83]. Д.А. Леонтьев, обращаясь к теме *поступка*, соотносит понимание *поступка* в философии (М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили, К. Войтыла) и психологии (В.В. Петухов, В.В. Столин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.). Опираясь на работы исследователей, автор рассматривает *поступок* как действие над порогом ситуативной необходимости и выделяет следующие характеристики поступка: полимотивированность поступка; осознанный характер поступка; соотнесенность поступка целостной личностью. Поднимая вопрос «об основаниях, согласно которым субъект осуществляет свой ответственный выбор возможностей, реализующийся в совершении поступка», Д.А. Леонтьев приходит к выводу, что содержание *поступка* раскрывается при обращении к

этимологии слова *поступок* и связывает его со словом *ступать*, основанного на метафоре движения по некоторому пути. Поступок всегда в определенном смысле продвигает субъекта как личность, в отличие от действия, которое в лучшем случае приближает к цели [Леонтьев].

В большей части лингвистических работ слово *поступок* рассматривается в сравнении с другими словами событийного ряда, в частности с *действием*.

С.Л. Сахно толкует *поступок* «как сознательное действие, акт нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку» и соотносит *поступок* с действием с точки зрения говорящего («свой мир» / «чужой мир»), «совершение поступка предполагает преодоление некоторой нормативной границы в поведении», в отличие от совершения действия [Сахно, 1992, с. 94]. Ф. Фичи Джусты, сравнивает русское слово *действие* с его итальянским эквивалентом *azione*, которое в большинстве случаев переводится русским *поступок* [Джусты Фичи, 1992, с. 136]. Разницу между действием и поступком автор видит в том, что в языке *действие* «соотносится и с источником, и с результатом», то есть точкой отсчета для его рассмотрения будет «результат». Поступок является целенаправленным процессом, то есть «в «поступке» сохраняется отношение к действующему лицу, которое утрачивает «действие» [Джусты Фичи, 1992, с. 136]. Л.А. Бушуева, рассматривая имена поступка в русском и английском языке, приходит к выводу, что имена поступка отличаются от имен действия тем, что содержанием поступка становится оценка с этической или нормативной точки зрения. С позиции оценки автор распределяет имена поступков в пять групп: 1) слова, выражающие только положительную оценку (благодетение, помощь, подвиг); 2) слова, выражающие только отрицательную оценку (гадость, донос, предательство); 3) слова, выражающие оценку с позиции «справедливо / несправедливо» (месть, возмездие, осуждение); 4) базовые имена поступков (акт, дело, деяние, поступок); 5) слова, называющие поступки, оценка которых зависит от ситуации (побег) [Бушуева, 2006, с. 146].

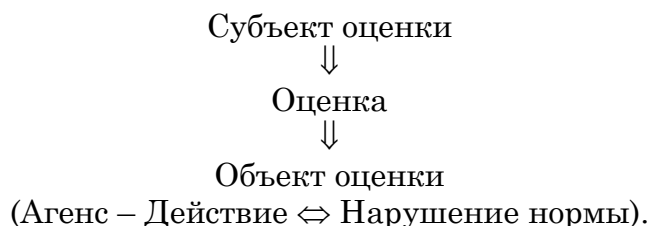
Итак, можно выделить следующие семантические признаки, присущие *поступку*: соотнесенность с действующим лицом; целенаправленность процесса; наличие оценочной семантики; значимость нормативного аспекта. Таким образом, лексема *поступок* может выполнять текстообразующую функцию, выступая в качестве предиката предложения.

Предикат (как правило, эксплицируемый глаголом) определяет структуру пропозиции и несет в себе существо, «положение дел» – признак предмета или отношение между предметами [Белошапкина, 1989, с. 686], на функции предиката базируется пропозитивная семантика [Арутюнова, 1976, с. 79]. Элементом пропозиции является семантическая валентность (актант, участник, семантическая роль, аргумент, семантический падеж). «Глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании, описывает некую ситуацию. Тем самым лексема (или говорящий с помощью данной лексемы) концептуализует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать «концепт ситуации», и этот концепт включает определенный набор участников» [Падучева, 2004, с. 52].

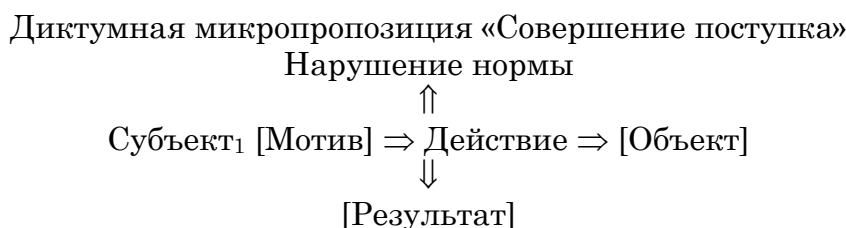
В настоящей статье мы рассмотрим семантическую модель совершения *поступка* в русском языке.

Совершение поступка предполагает как минимум два компонента: 1) совершение действия (событийный компонент); 2) определение этого действия как поступ-

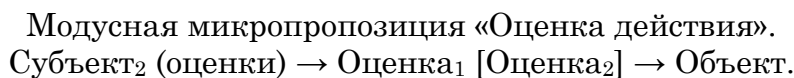
ка и его оценивание (оценочный компонент). В общем редуцированном виде структура поступка выглядит следующим образом:

В соответствие с компонентами поступка мы выделяем в структуре поступка две микропропозиции: диктумную / событийную (совершение поступка) и модусную / оценочную. Каждая микропропозиция включает свой набор участников (актантов).

Субъект₁ (Агенс) совершает действие, нарушая социальную или личную норму. Мотив, Объект и Результат являются в данной микропропозиции факультативными участниками.

Субъект оценки (Наблюдатель, Автор текста) дает оценку действию, совершенному Субъектом₁ (Агенсом), во-первых, определяя данное действие как поступок (Оценка₁) и, во-вторых, характеризуя поступок (Оценка₂), действие же становится объектом оценки.

Рассмотрим общую структуру поступка на примере.

Впервые в истории человеку удалось выжить [Результат] после падения в Ниагарский водопад [Нарушение нормы]. 40-летний Кирк Джонс [Субъект₁] на глазах у десятков туристов перелез через ограждения и вошел в реку Ниагара на границе между Канадой и США [Действие]. Совершив небольшой заплыв, он вместе с бурлящим потоком упал с 55-метровой высоты.

Через несколько минут любитель экстремального купания самостоятельно выплыл у подножия водопада. Однако власти [Субъект₂] расценили героический [Оценка₂] поступок [Оценка₁] Джонса [Субъект₁] как незаконные действия [Результат]. И теперь ему грозит штраф в 10 тысяч долларов [Результат] [http://www.korrespondent.net].

Диктумная микропропозиция

Субъект₁ (Кирк Джонс) → Действие (перелез через ограждения и вошел в реку Ниагара) → Нарушение нормы ('не каждому удастся выжить после прыжка в Ниагарский водопад') → Результат (удалось выжить после падения в Ниагарский водопад).

Модусная микропропозиция

В рассматриваемом нами тексте два Субъекта оценки: во-первых, Автор текста (не эксплицирован) [Субъект₂ оценки] оценивает *прыжок в Ниагарский водопад* [Действие / Объект оценки] как *героический* [Оценка₂] *поступок* [Оценка₁]; во-вторых, *Власти* [Субъект₃ оценки] *расценивают поступок Джонса как незаконные действия* [Оценка₂]. *И теперь ему грозит штраф в 10 тысяч долларов* [Результат].

Итак, в модели совершения *поступка* реализуются как минимум два действия: первое эксплицировано через событийный предикат с соответствующими актантами (диктумная микропропозиция), второе эксплицировано как оценочное (модусная микропропозиция). Это означает, что семантической структуре поступка изоморфна синтаксическая структура текста.

Таким образом, лексема *поступок* является семантическим центром, или семантическим ядром, которое получает свое семантическое распространение в контексте. Каждая из значимых сторон *поступка* (событийная, оценочная) занимает определенное место в тексте так, что лексема *поступок* не всегда напрямую сообщается с ними, наблюдается сложное соотнесение семантики слова и его «валентностей», текстовых связей. Анализ пропозитивной модели поступка показал, что *поступок* предполагает не только совершение какого-либо действия со своими актантами / участниками, но и оценивание поступка, то есть совершение оценочного действия, которому соответствуют другой набор актантов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. Белошапкова В.А. Синтаксис язык // Современный русский язык: учебник для филол. спец. ун-тов / под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. С. 532–772.
4. Блумфилд Л. Язык. Л. Блумфилд. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
5. Бушуева Л.А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языке // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 143–147.
6. Джустини Фичи Ф. «Действие» в русском и итальянском языках // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 135–138.
7. Леонтьев Д.А. К психологии поступка [Электронный ресурс] // Экзистенциальная традиция: Философия, Психология, Психотерапия. URL: <http://www.existradi.ru>
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
9. Сахно С.Л. Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 90–96.
10. Степанов Ю.С., Проскурин, С.Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 5–14.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
12. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 27–41.
13. URL: [<http://www.korrespondent.net>]

ИСТОРИЯ

Э.А. Бабаев

КАНАДА И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международные экономические отношения, Канада, Великобритания, ФРГ, Франция, ЕЭС, Евратом.

В современных условиях глобализации большое значение приобретают международные торгово-экономические связи. Для России важнейшим экономическим партнером являются страны Европейского союза. Зарубежный опыт сотрудничества со странами этого региона нам представляется весьма важным, но недостаточно изученным в отечественной историографии. Основы современных канадо-европейских экономических отношений были заложены в 70-е гг. XX в. Поэтому целью данной статьи является исследование связей Канады и стран Западной Европы, установленных именно в этот период.

В начале 1970-х гг. во взаимодействии со странами Европы канадские лидеры первостепенное значение стали уделять развитию торгово-экономических связей, а не военно-политических, как это было ранее. В правительственной программе – Белой книге «Внешняя политика для канадцев» – по поводу этого отмечалось, что «канадские торговые интересы лежат в укреплении отношений со странами Европы через либерализацию мировой торговой системы и подразумевают наращивание усилий по продвижению канадских товаров на европейский рынок» [Foreign..., 1970, p. 20].

Сначала канадское руководство решило «договориться» с Европейским экономическим сообществом. Первыми официальными контактами стали двусторонние консультации министра иностранных дел Канады М. Шарпа с руководителями ЕЭС, которые он провел в апреле 1971 г. во время своего визита в Брюссель. В ходе этих консультаций министр заверил европейских лидеров в том, что его страна связывает будущие надежды на расширение внешней торговли не с Соединенными Штатами, а с Западной Европой. Однако поначалу руководители Европейского сообщества не проявили особого дружелюбия и не показали значительного интереса к подобным идеям М. Шарпа [Granatstein, Bothwell, 1990, p. 162].

В течение двух последующих лет в штаб-квартиру ЕЭС в Брюсселе было направлено несколько канадских делегаций с целью заключить широкое торгово-экономическое соглашение. В 1973 г. М. Шарп апеллировал к чувствам лидеров европейских стран: «В наших отношениях с Европой имеются политические, эконо-

мические, культурные и языковые элементы уникального характера. Может быть, если проводить сравнение, наши отношения с Западной Европой имеют для нас более важное значение, чем отношения Соединенных Штатов с Европой для американцев. Почти 42 % наших эмигрантов продолжает прибывать из Европы. Безопасность Канады неотделима от безопасности Европы. Наш экспорт в Европу составляет 2,8 % нашего валового национального продукта, в то время как экспорт Соединенных Штатов в Европу составляет 1,3 % валового национального продукта США» [Хасбулатов, 1977, с. 128].

Однако и в тот раз все предложения канадской стороны европейцами были отвергнуты. С одной стороны, руководители Европейского экономического сообщества были насторожены проамериканской репутацией Канады, опасались, что она может стать «тройным конем» Соединенных Штатов, которые попытаются прорваться на рынок объединенной Европы. Поэтому возможность предоставления Канаде каких-либо торговых преимуществ была исключена. С другой стороны, лидеры ЕЭС не хотели вызвать недовольство американцев установлением тесных связей с Канадой, целью которых было ослабление влияния Соединенных Штатов на канадскую экономику [Канада..., 1979, с. 364].

Следует заметить, что не самый радушный прием, оказанный европейцами, канадское правительство не смутил. Внутри страны его представители дали понять, что были к этому готовы: «Мы приготовились к тяжелому и длительному диалогу с европейскими лидерами... Я обязан заявить, что этот конструктивный диалог продолжается. На следующей неделе в Оттаву придут официальные представители ЕЭС» [Canadian..., 1980, p. 224].

Отсутствие положительных результатов побудило канадское правительство максимально поднять уровень переговоров – к ним подключился премьер-министр Канады Пьер Трюдо. В октябре 1974 г. П. Трюдо посетил с официальным визитом Францию и штаб-квартиру ЕЭС в Брюсселе, а весной 1975 г. – ФРГ, Италию, Великобританию, Ирландию, Голландию и Данию.

Во время своего визита в Париж премьер-министр Канады добивался улучшения канадско-французских отношений, которые во второй половине 1960-х гг. переживали не лучшие времена из-за открытой поддержки де Голлем квебекских сепаратистов. Французское руководство было крайне заинтересовано в получении канадского урана, поэтому в качестве предварительного условия потребовало открыть доступ к природным ресурсам Канады. Однако это условие противоречило намерению правительства П. Трюдо повысить в экспорте страны долю промышленных товаров за счет доли сырья. В результате канадская делегация отказалась предоставить Европейскому экономическому сообществу особые преимущества в получении канадского сырья, мотивируя это тем, что она не может пойти на реальные уступки в весьма важной области для развития страны в обмен на привилегии чисто символического свойства [Канада..., 1979, с. 367].

Руководство Великобритании было озабочено антиамериканским характером политики диверсификации. Оно опасалось, что поощрение сотрудничества между ЕЭС и Канадой в Вашингтоне могут расценить как поддержку этого курса правительства П. Трюдо, что, в свою очередь, могло нанести вред «особым отношениям» Лондона и Вашингтона. По поводу этого канадский премьер-министр заявил своему британскому коллеге Г. Вильсону: «Наша политика диверсификации не является антиамериканской. Она направлена на уменьшение зависимости от рынка Соединенных Штатов не путем сокращения поставок на него, а посредством расширения экспорта в другие страны» [Granatstein, Bothwell, 1990, p. 167].

В марте 1975 г., будучи в Лондоне, П. Трюдо произнес знаменитую речь «Договорная связь – канадский взгляд на кооперацию». В ней премьер-министр Канады дал подробное описание своего представления механизма, на базе которого должны строиться взаимоотношения между Канадой и Европейским сообществом. «Для того чтобы наши отношения развивались успешно в будущем, – говорилось в выступлении, – нам необходимо проявить политическую волю. Нам следует подготовить договорно-правовую базу для того, чтобы стимулировать развитие торгово-экономических отношений» [Canadian..., 1980, p. 225].

Европейские страны НАТО, и особенно ФРГ, негативно восприняли смену приоритетов в военной политике Канады, произошедшую в начале 1970-х гг. Тогда на Канаду посыпались обвинения в том, что она, сокращая свой воинский контингент в Европе, не выполняет своих обязательств по НАТО. В Бонне от П. Трюдо потребовали увеличения канадского вклада в Североатлантический альянс, а именно восстановления численности военного контингента до 10 тыс. человек и его переоснащения современным оружием и снаряжением [Dobell, 1972, p. 24].

Здесь П. Трюдо вынужден был пойти на уступки и пообещал сначала переоснастить канадские вооруженные силы, расположенные на территории Западной Германии, а затем увеличить их численность. Это было выполнено в 1975 и 1977 гг. соответственно.

Когда все политические разногласия были устранены, Европейская комиссия рекомендовала Совету министров начать переговоры о заключении торгово-экономического соглашения. Комиссия рекомендовала заключить недискриминационное соглашение в духе классической торговой политики. Переговоры, начавшиеся в мае 1975 г., завершились подписанием в июле 1976 г. между Канадой и ЕЭС Общего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, которое предусматривало снижение тарифов на ряд товаров, содействие увеличению инвестиций на взаимной основе, содействие промышленному и научно-техническому сотрудничеству.

Таким образом, несмотря на определенные трудности, правительство П. Трюдо на институциональном уровне добилось поставленной цели. Ведь одной из основных задач канадского руководства было установить доверительные отношения с Европейским сообществом и таким образом добиться ослабления экономической, а если удастся, и политической зависимости от Соединенных Штатов.

В свою очередь, лидеры ЕЭС видели в соглашении средство повышения престижа и влияния организации на международной арене путем расширения компетенции Сообщества. Так, включение в текст этого документа вопросов экономического сотрудничества, регулирование которого не входило в компетенцию ЕЭС, расширяло его полномочия и создавало юридический прецедент для новых шагов в международной политике [Комкова, 1984, с. 27]. Поэтому европейцы решили на институциональном уровне закрепить выгодные для себя моменты. В Оттаве было открыто официальное представительство Европейского экономического сообщества, а его руководитель был представлен в ранге посла [Trudeau, Head, 1995, p. 275].

Канадская общественность высоко оценила Общее соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. В периодической печати было опубликовано множество хвалебных статей в адрес правительства страны. Заключение этого соглашения в Канаде называли «триумфом канадской дипломатии и лично премьер-министра П. Трюдо, который посетил европейских лидеров и склонил их от оппозиции к поддержке канадской инициативы» [Granatstein, Botwell, 1990, p. 175].

В результате в течение первых пяти лет после заключения соглашения (1976–1980) экспортно-импортные операции Канады со странами ЕЭС возрастали стабильными и устойчивыми темпами (табл.). Товарооборот между ними увеличился почти вдвое, а доля стран Европейского сообщества в канадском экспорте и импорте стабилизировалась [Алехин, Комкова, 1986, с. 149].

Таблица

Канадская торговля со странами ЕЭС (млн. долл.)

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1970	1994	1189	805	384
1976	7660	4519	3141	1378
1980	15 108	9531	5577	3954

Однако соглашение не предусматривало никаких конкретных действий по стимулированию торгово-экономических отношений, так как в вопросе о структуре будущих торговых связей стороны преследовали противоположные цели: если Канада намеревалась «облагородить» свой экспорт путем повышения удельного веса готовых изделий, то европейские страны упорно стремились сохранить ее в качестве надежного поставщика сырья. Несмотря на значительный рост товарооборота, договорная основа не стала залогом эффективности развития торгово-экономических связей Канады со странами Западной Европы: доля стран ЕЭС в период с 1976 по 1980 гг. по сравнению с периодом с 1971 по 1975 гг. сократилась с 13 до 11 % в стоимости экспорта и с 11 до 8,5 % в стоимости импорта. А их доля в товарообороте Канады упала с 12 до 10 % [Комкова, 1984, с. 32].

Главным фактором, затруднившим реализацию политики диверсификации, стал экономический кризис середины 1970-х гг., в результате которого страны Западной Европы имели во второй половине десятилетия ограниченную покупательную способность. Кризис середины 1970-х гг., когда экспортные рынки Канады (особенно европейский) значительно сократились, буквально толкал канадцев в объятия США, внутренний рынок которых сохранил свою устойчивость и видимость надежности.

Развитию канадо-европейских отношений мешали и противоречия политико-экономического характера, острейшим из которых стал «атомный кризис» конца 1976 г., возникший из-за решения правительства П. Трюдо с декабря наложить эмбарго на экспорт ядерного топлива в страны Западной Европы. С 1959 г., когда было подписано межгосударственное соглашение между Канадой и Евратомом, страны Европы являлись крупнейшими канадскими партнерами в этой области. Так, европейские частные и государственные компании к концу 1970-х гг. вложили более 1 млрд. дол. в разработку урановых месторождений Канады. В одном только 1980 г. канадцы продали странам – членам Евратома более 3,5 тыс. т урана на 225 млн. дол. [Алехин, Комкова, 1986, с. 152].

В результате прекращения ядерных поставок правительству П. Трюдо удалось добиться от европейских потребителей принятия целого ряда требований, направленных на исключение распространения ядерных технологий и материалов. В январе 1978 г. между Канадой и Евратомом было подписано новое соглашение, которое зафиксировало следующие положения.

1. Европейские страны были обязаны проводить предварительные двусторонние консультации с канадским правительством в отношении операций по переработке и обогащению урановой руды, поставляемой из Канады.

2. Вводился обязательный контроль МАГАТЭ за всем продаваемым ядерным оборудованием и сырьем.

3. Франция брала на себя обязательство не использовать канадские ядерные материалы в военных целях и установить контроль Евратома и МАГАТЭ за всем канадским сырьем, применяемым во французских реакторах [Canadian..., 1994, p. 24].

Вследствие подписания этого соглашения, канадское эмбарго было отменено. По подсчетам канадских обозревателей урановая промышленность Канады в результате эмбарго потеряла свыше 500 млн. дол. Вместе с тем руководство страны сумело продемонстрировать принципиальность в вопросах нераспространения ядерных технологий и материалов.

В целом итоги экономических отношений Канады со странами Западной Европы 1970-х гг. нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, усилия канадских дипломатов привели к значительным результатам в институциональной сфере: были подписаны соглашения с ЕЭС, Евратомом, отдельными странами (Великобритания). Удвоился объем двусторонней торговли. С другой – в силу объективных причин – канадцам не удалось решить такие важнейшие задачи, как снижение зависимости от рынка США и улучшение структуры канадского экспорта в Европу.

Библиографический список

1. Алехин Б.И., Комкова Е.Г. Канада в мировой торговле. М.: Наука, 1986. 346 с.
2. Канада на пороге 80-х годов / отв. ред. Л.А. Баграмов. М.: Наука, 1979. 389 с.
3. Комкова Е.Г. Канада – ЕЭС: цели и реальности «третьей альтернативы» // США: ЭПИ. 1984. № 4.
4. Хасбулатов Р.И. Экономика современной Канады. М.: Наука, 1977. 317 с.
5. Canadian Foreign Policy 1966–1976. Selected Speeches and Documents. Ottawa, 1980. 364 p.
6. Canadian Foreign Policy 1977–1992. Selected Speeches and Documents. Ottawa, 1994. 386 p.
7. Dobell P. Canada's Search for New Roles. Foreign Policy in the Trudeau Era. Toronto, 1972. 274 p.
8. Foreign Policy for Canadians. Europe. Ottawa, 1970. 52 p.
9. Granatstein J., Bothwell R. Pirouette. Pierre Trudeau and Canadian Foreign Policy. Toronto, 1990. 421 p.
10. Trudeau P., Head I. The Canadian Way. Shaping Canada's Foreign Policy 1968–1984. Toronto, 1995. 368 p.

ТЕРРИТОРИЯ ДЕЙСТВИЯ ТУРУХАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В 1850–1871 гг.

Миссия, походная церковь, территория действия походной церкви.

Одной из функций деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Восточной Сибири в целом и в Туруханском крае в частности стала ее миссионерская работа по христианизации коренных народов Российской империи, возведенная в ранг государственной политики и представляющая интерес не только с точки зрения распространения православия среди коренного населения, но и с точки зрения цивилизационного влияния православия на регион.

До сих пор остается очень много малоизученных территорий и тем, касающихся различных аспектов истории края. К таким темам по праву можно отнести историю миссионерской деятельности на территории Приенисейской Сибири. Если, юг и центр края в этом отношении уже изучены [Асочакова, 2005], то разработка данной тематики в отношении северных районов только начинается. В соседних регионах миссионерская деятельность Русской православной церкви до революции 1917 г. активно изучается на протяжении последних десятилетий. Исследуется как история распространения православия на Алтае [Крейдун, 2008], в Якутии [Сафронов, 1997], Западной Сибири [Софронов, 2007], так и различные ее составляющие – межконфессиональные отношения [Дулов, 1998], эволюция верований местного населения под влиянием христианства [Дулов, 2005], история изучения миссионерской деятельности [Юрганова, 2007]. Относительно же истории христианизации севера Приенисейской Сибири (Туруханского края) работы стали появляться только в начале 2000-х гг. [Anderson, Orehova, 2002; Выдрин, 2009].

Целью данной статьи является рассмотрение территории действия Туруханской миссии в 1850–1860-е гг.

До середины XIX в. церковные иерархи искали более приемлемые способы и формы крещения местного населения (это, к примеру, были и подвижники-одиночки, и строительство монастырей в отдаленных сверенных краях и т. д.). В 40-х гг. XIX в. в Сибири прошла церковная ревизия, одной из целей которой был анализ миссионерской деятельности РПЦ. В итоге правительство пришло к неутешительным выводам относительно состояния распространения православия среди сибирских народов. Поэтому именно с середины 1840-х гг. по всему северу Сибири началась организация походных церквей. Так, в 1844 г. походная церковь была открыта в Якутии, в 1854 г. была возобновлена деятельность Обдорской (Низовой) духовной миссии. С 1846 г. началось организационное оформление Туруханской походной церкви, которое завершилось в 1850 г. [Выдрин, 2009, с. 21].

К этому времени в Туруханском крае миссионерской деятельностью заведовал благочинный всего края, а непосредственно крещением инородческого населения занимались приходские священники, которых было пять. Территория Туруханского края достаточно обширна и по площади не уступает территории Якутии и территории всего Русского Севера. Поэтому закономерен вопрос: в каком же именно районе огромного Туруханского края действовала Туруханская походная церковь?

Вопрос о территории действия походных священников в Туруханском крае был неоднозначно решен в самом указе об учреждении Туруханской походной церкви: «обстоятельства, по которым крайне затруднительным избрать место построить церковь в местожительства Тунгусских Орд, Таймурской и Нижнечумской, принявших христианство, как для утверждения сих Орд в правилах Веры, так и для просвещения остальных инородцев, кочующих в Туруханском крае, учредить походную церковь» (ГАТО. Ф.170. Оп. 11. Д. 801. Л. 1–1об.). То есть правительство одновременно и обозначило конкретную территорию для действия церкви (места проживания нескольких тунгусских «орд» по р. Нижняя Тунгуска), и вверило ей всю территорию Туруханского края.

Из-за двоякого толкования указа начались распри между священниками и местным начальством. К тому же до учреждения Енисейской епархии в 1861 г. гражданская и церковная власть в Туруханском крае были территориально разделены. Местное начальство в 1850-е гг. пыталось не пустить священников дальше местности по р. Нижняя Тунгуска, апеллируя тем, что так написано в императорском указе. К примеру, в 1857 г. священник И. Зеленецкий запросил у туруханского отдельного заседателя Сутягина информацию о численности инородцев по всему Туруханскому краю, на что был дан следующий ответ: «...другие инородцы [...] рассеяны по всему пространству Туруханского края, о сугланах сих, а равно и численности Отдельное Управление считает излишним Вам сообщать, так как это не относится до вверенной Вам походной церкви, учрежденной собственно для тунгусов, блуждающих по реке Нижней Тунгуске» (ГАТО Ф. 170. Оп. 11. Д. 987. Л. 115, 118).

Несмотря на то что Туруханская Троицкая походная церковь была учреждена в 1850 г., ее функционирование началось только в 1853 г., когда был набран штат и священнослужители прибыли в г. Туруханск. В конце ноября – середине декабря 1853 г. священник И. Новоспасский совершил только одну поездку к хлебному магазину Баишенскому, расположенному в 135 верстах от г. Туруханска по р. Енисею (ГАТО. Ф. 170. Оп. 11. Д. 801. Л. 199–201об.).

В 1854 г. тот же священник И. Новоспасский совершил уже три поездки для крещения инородцев и исполнения богослужебных треб: в марте – на станок Ангутский (35 верст от г. Туруханска), в июне – на станок Монастырский (близ Туруханского Троицкого монастыря) и в августе – декабре к магазину Таймурскому. Причем последняя поездка была сопряжена с большим количеством трудностей: священников отказывались брать на судна, идущие по р. Нижняя Тунгуска, а обратный путь в декабре (длившийся 22 дня) священник с причтенником проделали пешком (!).

В 1855 г. священник И. Зеленецкий впервые предпринял попытку выйти за территорию Таймурской и Нижнечумской тунгусских орд, совершив в июле поездку на озеро Мантуйское, расположенное в 280 верстах севернее г. Туруханска. В то же время была совершена поездка к Таймурскому магазину. В тот же 1856 г. второй священник И. Новоспасский с помощником Туруханского отдельного заседателя проехал практически по всему Туруханскому краю, в частности побывав в Курейском и Карасинском магазинах, в с. Дудинка, на Толстом Носу и в с. Хатанга. В общей сложности объехал путь в 3668 верст.

Познакомившись с инородцами Туруханского края, священники пришли к выводу, что остается еще очень много некрещеного местного населения. И в 1857 г. они вышли с рапортом на имя епископа Томского Парфения, в котором предлагали следующее: «Походный причт с церковью, при удобном ее состоянии, посещал бы, начиная с 15 Ноября сначала Орду Таймурскую при магазине того же назва-

ния при устье р. Летней в расстоянии двух дней пути от г. Туруханска; потом озеро Мантуйское от устья р. Летней в прямую линию на четыре дня пути по непробитой дороге в количестве около полутора верст, а чрез г. Туруханск до 300 верст; от села на озеро Хантайское, с которого приняли Христианство уже до 50 человек, до 400 верст, потом еще куда нибудь (ибо дальнейшее еще неизвестно), а к окончанию зимы или началу весны на Толстый Нос, в расстоянии 300 верст от озера Хантайского, и там, передвигаясь по островам, смотря по тому, где будет стечение инородцев, с половины лета обращался бы вверх по р. Енисею, по главному тракту, и в конце августа возвращался бы в г. Туруханск. Это принесет великую пользу как инородцам, обо без внешнего Богослужения ясного понятия о Вере Христианской внушить им трудно, так и коренным христианам – русским, обитающим по станкам по р. Енисею, которые по отдаленности от своих церквей почти огрубели в понятиях Верь» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 11. Д. 987. Л. 30–30 об.).

Данный проект так и не был осуществлен из-за сопротивления местных властей. Дело в том, что местные власти, о чем прямо пишут походные священники, собирая ясак с коренного населения, часть утаивали и присваивали себе. Проникновение же походной церкви в отдаленные территории края и разъезды причта по всему Туруханскому Северу грозили потерей громадных прибылей как местному казначеству, так и местному начальству. Но здесь нельзя не сказать и о личных качествах некоторых служителей Туруханской походной церкви, которые зачастую также мешали конструктивному диалогу и продуктивной работе по крещению инородцев края. В частности, священник Иоанн Зеленецкий вел постоянную переписку с епископом Томским и местными властями. Причем его рапорты отличаются достаточной обширностью. В отличие от него, священник Илия Новоспасский практически не оставил после себя рапортов с жалобами на местные власти.

Ситуация стала меняться с учреждением в 1861 г. Енисейской епархии с центром в г. Красноярске. К сожалению, на данный момент точно определить территорию действия миссии в 1860-е гг. не представляется возможным, так как путевые дневники священников не обнаружены. Можно с уверенностью сказать только одно: соединение гражданской и духовной власти в одном центре привело к положительным результатам.

К примеру, если обратиться к Клировым ведомостям, в которых указывалось количество крещеных и их местоживание, то видно, что уже в 1862 г. прихожанами походной церкви числились тунгусы, проживающие на оз. Мантуйском и Хантайском, и даже 63 тунгуса с оз. Ессей. А в 1868 г. священник и настоятель Туруханского монастыря Иоанн Кожевников совершил первую поездку на это озеро «с крещением 105 младенцев, 56 взрослых» (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 522. Л. 49–49 об.). Пред закрытием миссии в 1871 г. прихожан с оз. Ессей при церкви числилось 283 тунгуса и 132 якута (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1027. Л. 14 об.).

В целом, несмотря на неоднозначное определение территории действия Туруханской походной церкви в императорском указе, ее работа распространялась на отдаленные местности Приенисейского Севера, куда подолгу (иногда и по несколько лет) не заглядывали местные священники. Естественно, это давало положительные результаты не только для гражданского и церковного начальства в виде увеличения числа паствы, но и было положительным для местных народов, так как священники несли просвещение, ведь они, кроме крещения и исполнения треб, изучали быт и нравы, язык и культуру коренного населения.

Работа священников Туруханской походной церкви была сопряжена не только с трудностями природного и климатического характера, но и с сопротивлением местных властей, особенно в 1850-е гг., чего мы не наблюдаем ни в одном из ре-

гионов действия других походных церквей, в частности в Якутии и на Обдорском Севере. Это объясняется разделением церковной и гражданской власти до 1861 г. В это время территория действия Туруханской миссии ограничивалась практически только бассейном р. Нижняя Тунгуска, хотя были попытки выхода за эту территорию. После учреждения Енисейской епархии в 1861 г. туруханские походные священники распространили свою деятельность и на Дудинский, и на Туруханский приходы, вплоть до оз. Ессей, куда до этого приезжали только якутские священники.

Если попытаться ответить на вопрос «Где действовали походные священники за весь период существования Туруханской походной церкви?», то можно сказать, что их работа распространялась на правый берег р. Енисей от р. Нижняя Тунгуска на юге до мыса Толстый Нос на севере.

В исследовании истории миссионерской деятельности на севере Приенисейской Сибири до сих пор остается много «белых пятен». Изучение различных аспектов работы священников по крещению местного населения поможет составить наиболее целую и объективную картину процессов, происходивших в церковной жизни Туруханского края в XIX в., и связать их с этнографическими, культурными, экономическими и иными изменениями.

Список сокращений

1. Государственный архив Томской области (ГАТО).
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Библиографический список

1. Асочакова В.Н. Русская православная церковь в истории Хакаско-Минусинского края в XVIII – первой половине XIX вв. Абакан, 2005.
2. Выдрин Е.В. Походные церкви на севере Сибири во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения: материалы VIII Межд. конф. Горно-Алтайск, 2009. С. 19–24.
3. Выдрин Е.В. Миссионерская деятельность в Туруханском крае в 1845–1850-е гг. // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск. 2009. С. 288–291.
4. Дулов А.В. Иркутская епархия в XVIII – начале XX вв. Деятели, события, факты // Апостол Аляски: материалы науч. конф., посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова. Иркутск, 1998. С. 16–26.
5. Дулов А.В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX веков // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX веков: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/index.html
6. Крейдун Г. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. Барнаул, 2008. 200 с.
7. Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. М., 1997. 240 с.
8. Софронов В.Ю. Христианизация Тобольского севера. Тобольск: 2007. 105 с.
9. Юрганова И.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутском крае // Русская Америка: материалы III Межд. науч. конф. «Русская Америка». Иркутск. 2007. С. 526–535.
10. Anderson David G., Orehova N. A. The Suslov legacy: the story of one family's struggle with Shamanism // Sibirica. 2002. Vol. 2. № 1. P. 88–112.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ПРИЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ, В РАБОТАХ ЭТНОГРАФОВ КОНЦА 1930-х гг. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Прикладной аспект советской этнографии, государственный заказ, Эвенкия, советское строительство.

Известно, что существование советской этнографической школы всегда протекало в русле государственной политики страны. И помимо решения сугубо научных проблем, этнографическая наука, не зря характеризующаяся как государственная, стояла в авангарде решения задач ускоренной интеграции коренных народов в экономическую, социальную и политическую структуру СССР.

С каждым годом история отечественной этнографии XX в. вызывает все больший интерес. Поднимается ряд проблемных вопросов, касающихся взаимоотношения государства и науки: какова степень государственного заказа в работах советских этнографов? прикладной аспект советской этнографии: плохо или хорошо? и т. д.

Наиболее глубоко данная проблема разрабатывается в зарубежной историографии: работы Д. Дж. Андерсона, Ю. Слэзкина, И. Шанты, Дж. Форсайта, П.П. Швейцера, Н. Ссорин-Чайкова и многих других. Авторы пытаются по-новому взглянуть на исследовательские методы и подходы советских этнографов, обратиться в проблемных аспектах их работы, играющей, по мнению большинства историков, роль легитимизации научно-политических интересов власти. Так, например, по мнению Юрия Слэзкина, одна из главных проблем состояла в том, что «полезность этнографов в деле построения социализма состояла в их способности вскрывать классовые структуры, задача же их как ученых заключалась в изучении обществ, которые по определению не имели классов» [Слэзкин, 1993, с. 116]. В отечественной историографии этнографии хоть и поднимаются проблемы прикладного аспекта советской этнографической науки, например, тема «изобретения» тех или иных наций на территории Советского Союза учеными-этнографами (С.Н. Абашин, В.А. Шнирельман, В.А. Тишков и др.), но основной корпус всё же составляют работы об отдельных институциях («с явным преобладанием юбилейных публикаций» [Соловей, 2004, с. 17], научных школах и персоналиях (А.Б. Ишполитова, А.М. Решетов, А.А. Сирина и многие другие). В общем же отечественная историография советской этнографической науки весьма фрагментарна. Редкой попыткой составить целостный взгляд на историю советской этнографии является работа Т.Д. Соловей «Власть и наука в России» (2004).

Весьма полярны и мнения о характере самой работы советских этнографов. Ю. Слэзкин считает, что во главе этнографической дисциплины постепенно становятся радикалы-марксисты, пережившие чистки и действующие в духе сталинской политики [Слэзкин, 1993, с. 122]. Д. Дж. Андерсон, хотя и называет советскую этнографию государственной, тем не менее не вкладывает в эти слова никакой нега-

тивной оценки: само соединение науки и государственности рассматривается исследователем как интересный социально-политический феномен, отчасти и сделавший советскую этнографию «возможной и уникальной» [Андерсон, 2004, с. 25–28]. Т.Д. Соловей имеет схожее мнение, считая, что советская этнология сформировалась как целая и завершенная система только благодаря советской власти [Соловей, 2004, с. 345].

Конкретной целью нашего исследования стала попытка решить достаточно узкий вопрос: насколько достоверно освещался процесс социалистического строительства профессиональными этнографами? Для этого нами был проведен сравнительный анализ опубликованных и неопубликованных материалов по советскому строительству в Эвенкийском национальном округе. Таким образом, данные источники являются предметом нашего исследования, а объектом, становятся этнографические исследования севера края в общем.

Использованные нами источники можно разделить на неопубликованные: полевые материалы и официальные партийные документы; и опубликованные: научные труды, периодика. Заметим, что в рассматриваемый предвоенный период количество исследовательских публикаций по северу края значительно сократилось. Видимо, это объясняется тем, что на тот момент уже прошли две масштабные волны государственных переписей (середины 1920 и 30-х гг.) и практически закончились основные шаги по соцстроительству – мероприятия, давшие новый импульс проведению этнографических исследований и определившие их прикладной характер: советские этнографы не только изучали коренные народы, но и напрямую создавали их «категории самосознания и социально-экономические категории» [Андерсон, 2004, с. 28].

Уникальным источником является хранящийся в фондах КККМ неопубликованный полевой материал так называемой «Северной экспедиции», организованной Б.О. Долгих на территории Таймырского и Эвенкийского национальных округов в 1938–39 гг. По сути, именно он и определил хронологические и географические рамки (материал по Таймырскому н / о в данной работе не рассматривается) нашего исследования. Борис Осипович Долгих (1904–1971) – один из наиболее выдающихся советских этнографов-сибиреведов – заведовал этнографическим отделом КККМ с 1937 по 1944 гг. Кроме самого Б.О. Долгих, в исследованиях принимали участие фотограф Иван Иванович Балуев и молодой комсомолец Марк Сергеевич Струлёв.

Полевой материал Северной экспедиции несет в себе как несомненную научную ценность, так и как нельзя лучше характеризует специфику работы этнографов предвоенного периода.

Заметим, что сам Б.О. Долгих уже в начале 30-х гг. стал жертвой сталинских репрессий: за крамольные мысли по поводу проводившейся коллективизации в 1929 г. он был осужден на четыре года ссылки в Сибирь на р. Лену [Вайнштейн, 1999, с. 289]. Это испытание не изменило жизненных установок ученого, но научило осторожности. Не случайно, видимо, Б.О. Долгих организовал экспедицию в 1938 г. – в период развернувшихся арестов среди интеллигенции. Поэтому и нельзя найти в его личных полевых дневниках высказываний собственного отношения к властям (КККМ. О/ф 7886 / ПИр 216. Тетр. № 8, 9).

Интересен и другой момент – Б.О. Долгих не был официальным руководителем отряда: эти функции выполнял партиец М.С. Струлёв; а поддержку идея организации экспедиции получила благодаря официально заявленным целям изучения процесса социалистического строительства.

Единственным существенным для раскрытия нашей темы источником из всего экспедиционного архива является рукописный фонд совсем непрофессионального этнографа, 25-летнего М.С. Струлёва. Данный архив представлен обширным статистическим материалом, освещающим практически все аспекты строительства новой социальной, экономической и политической жизни севера края (КККМ. О/ф 7886 / 223, 227). В Эвенкийском н/о им были собраны сведения по простейшим производственным объединениям (ППО) (состав хозяйств, доходы и их распределение); отчеты ОКРЗО; были составлены отдельные таблицы по оленеводству, сельскому хозяйству, товарообороту, народному образованию, здравоохранению и другим сторонам жизни (КККМ. О/ф 7886 / 227-2. Тетр. № 12).

Интересно, что М.С. Струлев не собирал, а только переписывал, не комментируя, сведения в архивах местных партийных организаций. Его личных дневников обнаружить нам пока не удалось, хотя косвенные свидетельства об их наличии имеются (КККМ. О/ф 7886 / ПИр 222. Тетр. № 3. Л.12). Поэтому и неудивительно, что сведения М.С. Струлева практически полностью совпадают с данными, обнаруженными нами в официальных архивных документах.

Дневники же И.И. Балужева дают лишь подробную картину экспедиционного быта, всё остальное обходится стороной (КККМ. О/ф 7886 / ПИр 222).

Второй блок используемых (по большей части, для проверки достоверности предоставленной краеведами и этнографами информации) нами архивных источников представляет собой справки и докладные записки работников Эвенкийского окружного комитета ВКП (б), отосланные когда-то в краевой центр и ныне хранящиеся в ГАККе.

Говоря о периодике, мы имеем в виду только газету «Красноярский рабочий». Уже упоминалось о некоем вакууме, существовавшем в вопросе освещения ситуации на севере в конце 1930-х гг. В первую очередь речь здесь идет о научно-популярной периодике. Выпуск журнала «Советская этнография» тогда был приостановлен, а другие научно-популярные издания («Жизнь национальностей», «Сибирская живая старина», «Советский Север», «Северная Азия», «Сибирские огни», «Краеведение» и т. д.) уже прекратили свое существование. Номера газеты «Советская Эвенкия», издававшейся с 1934 г. (до 1945 г. – «Эвенкийская новая жизнь»), нами не были обнаружены. Потому и этот материал мы можем привлекать только как вспомогательный.

Большой интерес представляет четвертая группа источников: научные работы краеведов и профессиональных этнографов, освещавших процесс соцстроительства. Но здесь, как и в ситуации с периодикой, стоит отметить существующий пробел: необходимую информацию по Эвенкийскому округу на конец дают только вышедший в 1939 г. труд «Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков» 1939 г. этнографа Николая Петровича Никульшина, бывшего работника краеведческого пункта Туринской культбазы, и книги 1958, 1971, 1984 гг. историка и государственного деятеля Василия Николаевича Увачана. Остальные этнографические исследования того периода были посвящены другим аспектам жизни коренного населения (шаманизм, традиционный быт, культура) и нами не рассматриваются (А.Ф. Анисимов, Г.М. Василевич, И.М. Суслони др.).

Итак, для того чтобы оценить степень достоверности в описаниях процесса соцстроительства на севере мы попытались наглядно сравнить сходный материал разных групп источников. Результат, полученный нами, назвать однозначным нельзя.

Например, описывая состояние школьного образования в Эвенкийском округе, М.С. Струлёв приводит общеизвестные цифры: «...на 1 января 1939 г. ... общий процент охвата всех детей 96 %» (КККМ. О/ф 7886 / 227–2. Тетр. № 12. Л. 31 об.), но о том, что в погоне за цифрами власти посадили за парты больных туберкулезом детей, М.С. Струлёв не упоминает, и эту информацию дают уже другие архивные документы: «...больше половины учащихся заражены начатками туберкулеза» (ГАКК. Ф.П-35. Оп. 5. Д.7. Л. 57). В другом случае Марк Струлёв о существующих проблемах говорит, но поверхностно: «Школьный инвентарь ... его не хватает... наглядных пособий нет.... На ремонт школ отпускается мало средств...» (КККМ. О/ф 7886 / 227-2. Тетр. № 12. Л. 32 об.). А из сообщений окружного комитета партии и окрисполкома можно узнать более конкретно, что на 1937 / 38 учебный год всего на школы было отпущено 40900 рублей, когда только на одно отопление требуется 92950 рублей; а ремонт закончен в 40 % школ ... в остальных задерживается в связи с отсутствием средств (ГАКК. Ф.П-35., Оп. 3., Д.18., Л.17). В монографии Н.П. Никульшина вообще никаких точных данных конкретной информации нет, только «красивые» слова об «успехах ленинско-сталинской национальной политики, обеспечившей ... быстрые темпы развития грамотности, образования, культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию». Ссылается ученый и вовсе на статьи «Красноярского рабочего» [Никульшин, 1939, с. 93].

Вот другая ситуация: Н.П. Никульшин пишет, что в 1936 г. в Байките противники советской власти сожгли школу и вместе с нею 20 учеников-эвенков [Никульшин, 1939, с. 93]; у В.Н. Увачана речь идет уже о 26 детях, причем школу, по его данным, сжег бывший поп в сговоре с шаманами и кулаками [Увачан, 1958, с. 158]; в записях М.С. Струлева и ряде других архивных документов об этом и вовсе не говорится, а указывается только то, что построенная «вредительски ... на болоте» в 1937 г., Байкитская школа уже в том же году пришла в негодность (КККМ. О/ф 7886 / 227–2. Тетр. № 12. Л. 32 об.; ГАКК Ф.П-35. Оп. 5. Д. 7. Л. 57).

Положительную оценку Н.П. Никульшин дает культурному строительству: «...растет количество библиотек, клубов, кино... В 1937 г. 1 кино, 3 кинопередвижки, 3 клуба, 3 библиотеки, 3 красных чума и 25 Домов промышленника» [Никульшин, 1939, с. 93–94]. Но в одном из докладов работников Эвенкийского окрисполкома от 2 июля 1939 г. читаем: «...клубных зданий нет, помещаются в непригодных помещениях. Звуковые кинопередвижки при Байкитском и Туринском клубах снабжаются картинками плохо, а две немые кинопередвижки (в Ванаваре и Туре) вообще не работают за отсутствием работников» (ГАКК. Ф.П-35. Оп. 5. Д. 7. Л. 51).

Схожая ситуация в освещении социалистических успехов в области здравоохранения. Так, Н.П. Никульшин пишет о том, что «...антисанитарные условия в чуме сменились для рожениц необходимыми для благополучных родов больничными условиями» [Никульшин, 1939, с. 95] – кратко и «по-существу»! Про некую «сеть родильных домов» упоминает и В.Н. Увачан [Увачан, 1958, с. 164; 1971, с. 248]. То же и в «Красноярском рабочем»: «В Полигусовском кочевом совете на днях открывается родильный дом на 10 коек»; а в другом номере, в речи М.Г. Юрьева, секретаря эвенкийского окружкома ВКП (б), говорится о том, что в округе имеются 3 родильных дома и 6 яслей [Красноярский рабочий. № 154 (5979), с. 4; № 156 (5981), с. 3]. Зато у М.С. Струлева читаем совсем о другом положении вещей: «...строятся 3 родильных дома: [в] Туре, Ванаваре и Полигусе. Сейчас родотделения помещаются при больницах. Родильных коек всего 8 на округ: 3 в туринской больнице, 3 в Чунской и 2 в Байките. И на весь округ имеется

3 акушерки...» (КККМ. О/ф 7886 / 227-2. Тетр. № 12. Л. 49). Специфика ситуации в датировках данных сообщений: Н.П. Никульшин не мог взять сведения позднее 1939 г., М.С. Струлев был в Эвенкии в том же 1939 г., а указанные номера газет вообще вышли в начале июля 1938 г. Видимо, за родильные дома сходили и просто отделения, если вообще не строительные площадки.

Интересную информацию можно найти по организации ПОСов (промыслово-охотничьих станций). Н.П. Никульшин сообщает, что охотничьи бригады в Эвенкии стали организовывать с 1932–33 гг., и к зиме 1933–34 гг. в них состояло 90 % охотников округа. Тогда же начинается и массовая заброска товаров в охотничьи избушки, построенные в каждом кочевом совете [Никульшин, 1939, с. 107, 109]. Вместе с тем в докладной записке о состоянии работы в Усть-илимпейском нацсовете от 1 июля 1939 г. говорится о том, что «до приезда представителей из нашего округа в Илимпее не было создано ни одной охотничьей бригады... нет оборудованных домов охотников. ... нет масла, сахара, готовой одежды ... посылали в Ербогачи за товаро-продуктами, но в продуктах было отказано...» (ГАКК. Ф.П-35. Оп. 5. Д. 5. Л. 3–4). О невыполении ПО Сами своей прямой задачи пишет и М.С. Струлев (КККМ. О/ф 7886 / 227–2. Тетр. № 12. Л. 44 об.).

Статистические данные по динамике посевных площадей, развитию оленеводства, колхозного строительства во всех источниках практически полностью совпадают. Но как видно из приведенных выше примеров, такое сходство данных еще требует тщательной проверки.

Итак, становится очевидным, что за частными вопросами, отдельными цифрами скрывается отношение исследователя к происходящему, что важнее для него: угодить власти, умолчать негативные моменты или дать объективную картину – сразу разглядеть сложно.

Научная ценность многих работ также понимается лишь с течением времени. Например, интересна та высокая оценка, которая дается Н.П. Никульшину как современными, так и советскими учеными. Б.О. Долгих пишет Николаю Петровичу в отзыве на монографию: «Это, по-моему, первая работа о народах севера Красноярского края, затрагивающая не только этнографические, но и актуальные вопросы социалистического строительства... То, что во многих произведениях, отчасти моих, было общей фразой ... у Вас с удивительной тщательностью и большой глубиной проработано на "мелочах"...» [Решетов, 2004, с. 76].

Характеризуя опубликованные работы данного периода в целом, можно выделить общее: реальная обстановка на севере, истинное отношение коренных народов к соцстроительству не освещались – все работы, пусть и в разной степени, несли на себе отпечаток сталинской эпохи и были, по сути, политически ангажированы. Классическим в этом плане является известный фундаментальный труд М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера», хотя написан он был уже в 1955 г. Несмотря на использование очень обширного фактического материала и большой временной и географической охват, данная работа ценна скорее как показатель эпохи, чем как научный труд. То же можно сказать и о книгах В.Н. Увачана.

В целом, оценивая работы 1938–39 гг., нельзя забывать о том, что этот период – время максимальной централизации власти и жесткого пресечения даже мнимого сопротивления воле партии годы. Что касается собственно «Северной экспедиции», то на её примере хорошо видно, как отразилось на исследователях давление того времени: внешнее – государство, власть, «государственный заказ»; и внутреннее – опасение, с одной стороны, и желание использовать любую возможность экспедиционных исследований – с другой. Государственное давление отра-

жается и в работе Н.П. Никульшина, где можно увидеть интересное сочетание исполнения «политического заказа» с добросовестным научным исследованием.

Таким образом, очевидно, что и в оценке научной работы этнографов 1930-х гг., и во вложении той или иной смысловой нагрузки в термин «государственная этнография» исследователю необходимо быть более осторожным и в то же время менее категоричным, помня о специфике той непростой и тяжелой эпохи.

Список сокращений

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Библиографический список

1. Красноярский рабочий. № 154 (5979); № 156 (5981). С. 4.
2. Андерсон Д. Дж. Б.О. Долгих и Приполярная перепись 1926–1927 гг. Статистика на службе у государственной этнографии // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы межд. науч.-практич. конф.: в 2 ч. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. Ч. 1. С. 19–38.
3. Вайнштейн С.И. Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. М.: Вост. Лит., 2002. Вып. I. С. 284–307.
4. Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 143 с.
5. Решетов А.М. Борис Осипович Долгих и ленинградские сибиреведы (к постановке вопроса) // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы межд. науч.-практич. конф.: в 2 ч. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. Ч. 1. С. 73–79.
6. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / АН СССР. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Наука, 1955. Т. 27. 569 с. (Новая серия).
7. Слёзкин Ю. Советская этнография в нокдауне // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 112–122.
8. Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.) / М.: Прометей, 2004. 498 с.
9. Увачан В.Н. Переход к социализму малых народов Севера: по материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов. М., 1958. 180 с.
10. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. М., 1971. 391 с.

МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ

Музыкальное образование, музыкальная культура, детская музыкальная школа, эвакуация, Западная Сибирь, Великая Отечественная война.

Серьезным фактором, обеднявшим музыкальную жизнь Западной Сибири вплоть до середины 1930-х гг., являлось отсутствие развитой сети начального музыкального образования. При наличии двух специализированных техникумов (училищ) – Государственной консерватории (Высшей музыкальной школы) и Сибирской государственной консерватории (Единой музыкальной школы) – в регионе к 1933 г. имелись лишь три детские музыкальные школы: в Омске, Томске и Барнауле, что не только ограничивало возможности отбора в музтехникумы наиболее одаренных, но и нередко ставило под угрозу набор как таковой. «Столица Западной Сибири, – писал в июне 1932 г. один из наиболее активных энтузиастов развития музыкального образования в регионе М.А. Невитов, – не имеет даже музыкальной школы... В городе строится грандиозный Дворец науки и культуры, в котором значительное место будет отведено оперным постановкам и концертам. Однако подготовка кадров для этого совершенно не ведется» («Советская Сибирь». 1932. 11 июня).

Между тем тяга к получению музыкального образования была большой. В Барнаульскую школу, к примеру, ежегодно подавалось от 200 до 300 заявлений – в 1,5–2,5 раза больше ее возможностей, ограниченных небольшим и неприспособленным помещением, малочисленным и малоквалифицированным составом преподавателей (Алтайская правда. 1937. 22 декабря). Аналогичное положение сложилось и в Омской ДМШ, еще в конце 1930-х гг. проводившей занятия в помещении одной из общеобразовательных школ. Почти два года после открытия в 1934 г. первой школы Новосибирска занятия с учащимися здесь велись в основном на квартирах педагогов. «Великий перелом» произошел лишь во второй половине 1930-х гг. В октябре 1936 г. школа получила собственное здание с библиотекой и залом на 400 мест, что позволило расширить набор специальностей, наладить концертную деятельность и организовать несколько новых исполнительских коллективов, включая детский симфонический оркестр. В два раза – со 133 человек в 1935 г. до 350 – в 1940 г. – увеличилось количество ее учащихся [Шуряк, 1988, с. 120]. В январе того же года в Новосибирске была открыта еще одна музыкальная школа – ДШМ № 2. Одна за другой школы начальной музыкальной подготовки появлялись в городах Кузбасса: Сталинске и Прокопьевске (1936), Кемерове и Анжеро-Судженске (1938) [Историческая..., 2009, с. 403]. Обладая весьма ограниченными материальными и кадровыми возможностями, они отличались небольшим количеством обучающихся и педагогов. Даже самая большая из них – Сталинская – насчитывала 78 учащихся. 39 учеников и три преподавателя составляли в 1939 г. коллектив Кемеровской школы, 10 учеников и два преподавателя – Анжеро-Судженской, 20 учеников и два преподавателя – Прокопьевской. Несмотря на то что во всех кузбасских музыкальных школах, кроме Сталинской,

занятия велись только по классу баяна, ежегодные конкурсы здесь составляли от 10 до 15 человек на место [Мохонько, 1996, с. 10].

В приведенных фактах нашли отражение два взаимосвязанных обстоятельства: значительно возросший в 1930-е гг. интерес к общеобразовательной музыкальной подготовке детей и подростков, обусловленный характерным для этого периода ростом городского населения, повышением уровня его образованности и культуры, и сопутствовавший этому процессу острый дефицит кадров в системе музыкального образования, покрыть который Томский и Омский техникумы были не в состоянии. Ведь одновременно с открытием новых ДМШ курсы и студии создавались при Домах народного творчества, клубах, Домах и Дворцах культуры, Домах пионеров. Некоторые из них по набору специальностей и материальной базе превышали возможности музыкальных школ – подобные студии с классами скрипки и фортепиано работали, в частности, при Дворце культуры металлургов в Сталинске и клубе меланжевого комбината в Барнауле. Дефицит преподавательских кадров был столь велик, что с целью хоть немного исправить ситуацию тридцати лучшим учащимся ДМШ № 1 Новосибирска в 1939 г. была дана возможность досрочно окончить школу [Шуряк, 1988, с. 121]. Коллектив той же школы, возглавлявшейся профессором А.Ф. Штейном и М.А. Невитовым, совмещавшим директорство с должностью инспектора отдела народного образования Западно-Сибирского края, а затем Новосибирской области, взял на себя функцию регионального научно-методического центра. Каждую весну здесь проходили конференции и семинары, собиравшие музыкантов-педагогов со всей Западной Сибири [Музыкальная..., 1997, с. 114].

Нехватка преподавательских кадров во многом объяснялась «болезнью роста». Однако нельзя не усмотреть здесь и «след» проводившихся в стране репрессий, коснувшихся и самых заметных в сибирском регионе представителей музыкального образования и воспитания. «Как же руководят школой?» вопрошала в 1937 г. «Алтайская правда», критикуя действительно серьезное положение, сложившееся в тот период в Барнаульской школе им. А. Глазунова. И тотчас находит ответ: «Продолжительное время в школе орудовал наемник троцкистско-бухаринской нечисти, враг народа Марцинковский. Вся его подлая работа была направлена на срыв развития искусства в нашей стране. Враг народа заглушал молодые таланты, умышленно задерживал их рост» (Алтайская правда. 22 декабря 1937). (Речь в данном случае шла о человеке, закладывавшем основы музыкального образования на Алтае еще в 1920-е гг. – З.С.)

Более других разрушительные последствия репрессий ощутило на себе Томское музыкальное училище: только в 1937 г. были арестованы 18 его преподавателей и учащихся [Музыкальная..., 1997, с. 115], что фактически подкосило коллектив. «Педагогическим составом, – отмечалось в отчете за 1938 / 1939 г., – училище укомплектовано недостаточно. Нужны (имелись в виду преподаватели соответствующих специальностей. – З.С.): скрипач, трубач, волторнист, тромбонист, флейтист, гобоист, преподаватель методических дисциплин. Кроме того, в училище только один педагог-теоретик» (ГАТО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Поскольку в следующем учебном году кадровая ситуация только ухудшилась (помимо незанятых должностей, вакантными стали также места преподавателей по гармонии и истории музыки, анализу музыкальных произведений, методике детского музыкального воспитания), училище покинуло 90 % учащихся (Там же. Л. 1). Остальные, судя по отчету за 1939 / 1940 учебный год, основное время уделяли не столько учебе, поскольку обучать их фактически было некому, сколько внеучеб-

ной работе, успев за год дать более 130 выездных концертов (Там же. Л. 2). С арестом не только лучших преподавателей, а в их лице и высокопрофессиональных исполнителей, составлявших немногочисленные музыкально-творческие силы Томска, качество «училищных» концертов значительно снизилось, а с ним – и уровень музыкальной жизни города.

Образовавшийся в середине 1930-х гг. и в последующем лишь обострившийся по тем или иным причинам дефицит кадров в системе музыкального образования Западной Сибири перестал быть проблемой в процессе эвакуации в регион значительного числа музыкальных работников, пополнивших не только местные концертные коллективы и организации, но и преподавательский состав училищ и школ. Только в штат Томского музыкального училища были зачислены 12 прибывших в город педагогов, в том числе композиторы, музыковеды, пианисты, скрипачи, многие из которых ранее трудились в московских, ленинградских, киевских и одесских училищах и консерваториях, совмещая преподавание с индивидуальным или коллективным концертным выступлением. 15 преподавателей, в своем большинстве также выступавших до того на концертной сцене, укрепили педагогический коллектив Омского училища, которым с июля 1941 по 1946 гг. руководила московский педагог музыкант И. Марголина. Четверо из них пополнили фортепианное отделение, трое – класс скрипки, пять – класс вокала. Удалось «закрыть» также музыкально-педагогический и теоретический циклы, курс музыкальной литературы [Музыкальная..., 1997, с. 154, 158]. В Кузбассе к преподаванию в музыкальных школах привлекались не только эвакуированные сюда музыкальные педагоги, включая работавших в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова, но также актеры, режиссеры и оркестранты Московской оперетты, Николаевского и Черниговского музыкально-драматических театров. В меньшей степени этот процесс коснулся Алтайского края, где эвакуированных педагогов могла принять лишь ДМШ им. А. Глазунова [Мохонько, 1996, с. 19].

Во всех перечисленных и аналогичных случаях удавалось решить триединую задачу: восполнения кадровых потерь, которые в последние предвоенные годы и в начале войны понесли музыкальные учебные заведения; трудоустройства эвакуированных музыкальных педагогов и исполнителей; продолжения обучения оказавшихся в Сибири учащихся музыкальных школ и училищ, расположенных в оккупированных или прифронтовых районах страны. Не исключено, что именно благодаря эвакуации в Западную Сибирь большого числа преподавателей и учащихся музыкальных учебных заведений, необходимости дать работу одним и возможность продолжить учебу другим удалось сохранить оба местных музыкальных училища и все ДМШ, имевшиеся здесь в довоенные годы и находившиеся одно время под угрозой закрытия.

В наиболее сложном положении оказалось Томское училище, решение о ликвидации которого Новосибирский облисполком принял 11 августа 1941 г., одновременно с постановлением о переводе всех имевшихся в области детских музыкальных школ на хозрасчет, что, помимо прочего, означало возложение платы за обучение на плечи родителей (ГАНУ. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 42. Л. 109). «Остаться в живых» училищу позволило Постановление СНК СССР от 25 августа того же года, обязавшее Новосибирский облисполком отменить свое решение двухнедельной давности (Там же. Л. 131). Училищу лишь пришлось «покинуть помещение», которое было передано Комиссариату торговли, а затем возвращено в таком состоянии, что заниматься в холодное время приходилось в пальто, шапках и рукавицах, а инструментальные уроки проводить на квартирах преподавателей.

Тогда же здание Омского училища отошло областной прокуратуре, а Новосибирской музыкальной школы № 1 – военному госпиталю. Лишились своих помещений также Кемеровская и Прокопьевская ДМШ [Марченко, Шейхот, 1977. с. 294; Мохонько, 1996, с. 10]. В условиях прекратившегося государственного финансирования в сложном положении оказались руководители музыкальных школ, которым на скудные средства, полученные в виде платы за обучение, было необходимо не только обеспечивать выплату зарплаты, но и ремонтировать помещения и инструменты, закупать уголь и дрова.

В целом, однако, изменения, происходившие в сфере музыкального образования Западной Сибири в начальный период войны и продолжавшиеся в дальнейшем, были однозначно позитивными. Помимо беспрецедентного укрепления кадрового состава музыкальных школ и училищ, здесь даже было отмечено нетипичное для военного времени расширение сети образовательных учреждений. Сначала в Томске, а начиная с осени 1943 г. и вплоть до реэвакуации в Новосибирске шли занятия на музыкальном отделении Ленинградского театрального института (ГАО. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19. Л. 10). На основе классов скрипки и фортепиано перебазированной в Ленинск-Кузнецкий Ленинградской школы искусств в городе была открыта пятая в Кузбассе детская музыкальная школа, в которой учился будущий известный советский композитор А. Петров. С помощью эвакуированных музыкальных работников такая же школа появилась в г. Куйбышево Новосибирской области (ГАО. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 96. Л. 17). Серьезные качественные изменения наблюдались и в местной преподавательской среде. Высокий уровень профессионализма эвакуированных педагогов способствовал значительному повышению квалификации ранее работавших здесь преподавателей музыки. Как посредством передачи опыта «из рук в руки», так и путем организации методических курсов и семинаров, проводившихся, в частности, на базе Омского музучилища. В круг «семинаристов» входили и руководители самодеятельных коллективов – подобное, к примеру, практиковала барнаульская музыкальная школа, при которой был открыт постоянно действующий семинар руководителей хоров («Алтайская правда». 1942. 18 апреля). Внедрение обновленных учебных планов и программ, апробированных ранее в учебных заведениях европейской части страны и в разумных пределах приближенных к консерваторским, позволило повысить качество профессиональной подготовки выпускников училищ. В ряде случаев была расширена организационная структура учебных заведений. В Томском училище открылось отделение общего музыкального образования, в Омском – курсы для взрослых и отдельно для демобилизованных [Музыкальная..., 1997, с. 158, 159].

Таким образом, в последнее предвоенное пятилетие, а затем и в годы войны ситуация в системе начального и среднего музыкального образования Западной Сибири характеризовалась преимущественно поступательными процессами, применительно к данной сфере отличающимися этот период от предшествующих лет. Несмотря на типичные трудности военного времени, в наибольшей мере отразившиеся на материальной базе музыкальных учебных заведений, удалось сохранить не только систему в целом и все ее учреждения, но и прирастить имевшийся до войны потенциал, что в последующем явилось основой для создания в регионе полноценной трехзвенной системы музыкального образования, окончательное оформление которой пришлось на середину 1950-х гг.

Список сокращений

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
2. Государственный архив Томской области (ГАТО).

Библиографический список

1. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири». 2009. Т. 2. 808 с.
2. Марченко Ю.Г., Шейхот М.Г. Из истории музыкальной культуры Сибири в военные годы // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С. 292–295.
3. Мохонько А.П. Кузбасс музыкальный. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 386 с.
4. Музыкальная культура Сибири: очерки: в 3 т. Т. 3: Музыкальная культура Сибири XX века. Кн. 1: Музыкальная культура Сибири с 1917 г. до середины 1950-х гг. XX в. Новосибирск: Изд-во НГК им. М.И. Глинки, 1997. 240 с.
5. Шуряк М.Г. Особенности развития музыкальной культуры в Западной Сибири в предвоенные годы // Художественная культура Сибири: особенности освоения и развития. Новосибирск: Наука, 1988. С. 120–127.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ КАК ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Маскулинность, мужская культура, гендерная деформация, мужская феминизация, кадет.

Одной из проблем современной России (и мира в целом) является быстрая потеря значения мужчин в обществе. В связи с этим большую актуальность приобретает поиск инструментов по восстановлению значимости мужского поведения в общественном сознании.

Критических статей, связанных с оценкой падения значимости мужчин и мужского поведения в российском обществе, в последние годы вышло довольно много: работы И.С. Кона, Л.П. Репиной и др. Однако в большей их части авторы ограничиваются просто констатацией проблемы, не предлагая конкретных выходов из ситуации. При этом кадетские корпуса традиционно рассматриваются как способ получения новой элиты, компенсации социальной неустроенности мальчиков в неполных семьях, но совершенно не учитывается резерв возможностей кадетских корпусов как значимого педагогического инструмента для выработки позитивной оценки маскулинности в российском общественном сознании.

Что такое маскулинность? В словаре по сексологии Л.Л. Каталымова (2007) это понятие определяется как «совокупность физиологических, соматических (телесных), психических и поведенческих признаков, определяющих принадлежность индивидуума к мужскому полу, отличающих мужчину от женщины». Психологический словарь И. Кондакова (2002) дает более развернутое определение: «Маскулинность – это комплекс характерологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам. К этим особенностям относятся сила, стремление к успеху, самоуверенность, жестокость, интерес к предметным отношениям, ограниченная эмоциональность, заторможенная аффективность».

Тем не менее, несмотря на наличие множества определений, понятие «маскулинность» до сих пор остается спорным и многозначным. Его нередко отождествляют с «мужественностью». Однако мужественность является характеристикой исключительно положительной и в меньшей степени гендерно-ориентированной, нежели маскулинность.

Вопрос о содержании понятия «маскулинность» несомненно влечет за собой другой, более житейский вопрос: каким должен быть настоящий мужчина? Представления о положительных мужских качествах, как ни странно, не претерпевают изменений с течением времени. К ним испокон веков относят смелость, ум, силу, решительность и т. д. Представления же о типично мужских недостатках не так однозначны. Если совсем недавно к ним относили грубость, авторитаризм, излишний рационализм (иными словами, гипертрофированные положительные мужские качества), то теперь современные женщины все чаще называют пассивность, трусость, слабость и другие подобные качества, являющиеся абсолютными антиподами маскулинной натуры. Такое явление вряд ли можно назвать положительным, так как упадок «мужской» культуры ведет к расшатыванию не только

института семьи, но и гражданской позиции мужского населения России, а следовательно, к утрате патриотизма среди мужчин, что несет в себе немалый риск, так как мужское население на сегодняшний день все же продолжает являться основой военной безопасности Российской Федерации и ее политики.

Кризис маскулинности на сегодняшний день ярче всего проявляется в процессе социализации мальчиков. Воспитание мальчиков, в отличие от девочек, на протяжении всей истории человечества никогда не ограничивалось родительской семьей. Институты мальчишества, которые в той или иной форме существуют в любом человеческом обществе, являются важнейшим источником формирования мужского самосознания.

Мужская социализация в мужских коллективах еще древних обществ традиционно происходила по двум направлениям – вертикальном (взрослые мужчины воспитывают мальчиков) и горизонтальном (общение со сверстниками, которое является гарантом социально-возрастной автономии мальчиков) [Кон, 2010, с. 26]. И если в современной российской школе в условиях совместного обучения с горизонтальным направлением мужской социализации проблема стоит не так остро (спонтанные мужские группировки – явление обыденное и для сегодняшней системы образования), то вертикальное направление социализации находится в состоянии глубочайшего кризиса.

Всегда считалось, что воспитание мальчиков – не женское занятие. Еще в древней Спарте сыновей рано отделяли от матери, передавая их в руки воспитателей-мужчин. Необходимость присутствия взрослого мужчины рядом с мальчиком понимали и в старой России. В дворянских семьях с самого рождения за младенцем мужского пола, помимо нянек, ухаживал еще и крепостной дядька, а к мальчикам школьного возраста приглашали не гувернанток, а гувернеров [Шишова, 2006, с. 32]. В семьях же из низших сословий мальчишки в силу жизненных обстоятельств сами быстро окунались в мужскую среду и приобщались к мужским делам.

Таким образом, принцип «мужчина воспитывает мальчика» был закреплен человеческим обществом исторически. Однако сегодня мы столкнулись с проблемой феминизации школ и вообще всей образовательной системы, которая, увы, пока не имеет ни теоретического, ни практического решения [Кон, 2010, с. 28].

Острая потребность в мужчинах-воспитателях находит решение лишь в призывах и декларациях, которые, в свою очередь, блокируются низкой заработной платой, а также гендерными стереотипами, в связи с которыми мужчина, связывающий свою жизнь с детьми, нередко навлекает на себя подозрения в гомосексуализме и педофилии. В такой ситуации остается лишь надеяться на семью, но и в семье не у всех имеется положительный образ мужчины перед глазами, к тому же число неполных семей с каждым годом растет.

Своеобразным решением проблемы мужской социализации и воспитания маскулинности является реорганизация в России системы кадетского образования.

Историческая справка. Российское кадетское образование берет начало в XVIII веке и связано с именем императрицы Анны Иоанновны, племянницы Петра I. Первый кадетский корпус, открытый 17 февраля 1732 года, получил название «Корпус Кадет Шляхетных детей» и должен был готовить молодых людей как к военной, так и гражданской службе. При дальнейшей трансформации системы образования и появлении все большего числа кадетских организаций были сформированы основные принципы воспитания кадет: гражданственность, приоритет

общественно-национальных интересов над личными, патриотизм, гуманизм и т. д.

Попытка перенести данную систему ценностей в наши дни при помощи реанимации кадетских учреждений была ознаменована открытием в 1992 году в Новочеркасске первого со времен революции кадетского корпуса. В то время возрождение кадетского образования было ориентировано не столько на гендерные, сколько политические приоритеты и стало ответом на определенный «социальный заказ», так как в переломные 90-е годы общество остро нуждалось в восстановлении духовных и интеллектуальных ценностей.

Несмотря на то что по отношению к кадетству в России нет единой государственной политики, данная образовательная система успешно функционирует и развивается уже 19 лет. Перечислим основные плюсы кадетского подхода к воспитанию маскулинности.

В первую очередь это сведение угрозы мальчишеской феминизации до минимума за счет активного участия в образовательном процессе мужчин. И не просто мужчин, а «мужчин в форме», имеющих непосредственное отношение к воинской профессии и тем самым ориентирующих своих воспитанников на культивирование таких неразделимых с маскулинностью качеств, как сила и мужество.

Во-вторых, обучение в кадетском корпусе построено на уважительном отношении к нашей стране и ее историческим деятелям, чем вносит свою лепту не только в реанимацию утерянного патриотизма в российском обществе, но и учитывает необходимость ключевого момента воспитания мужчины, а именно темы героизма.

Значение возрождения патриотизма в современном российском обществе не так давно было отмечено в речи В.В. Путина, обращенной к преподавательскому составу одного из кадетских корпусов: «То, что делаете вы, и то, что делают ваши офицеры, это одна из важных на сегодняшний день проблем, перед которыми стоит страна, – патриотическое воспитание. И речь идет не о каком-то «квасном патриотизме», о котором часто любят говорить, замкнуто, в узких национальных рамках. Речь идет об уважении и любви к своей собственной стране, к своей семье, к своему народу, к своей истории, к своим ценностям, к тому, что и делает нас единым народом» [<http://ria.ru/politics/20020322/97806.html>].

В-третьих, в процессе обучения в кадетском корпусе мальчики постоянно пребывают в детском коллективе и получают колоссальный социальный опыт общения со сверстниками. А культивирование товарищеских отношений помогает свести до минимума такие проявления подростковой агрессии, как школьное насилие, буллинг (травля) и хейзинг (дедовщина) [Кон, 2010, с. 33]

В-четвертых, существующие в системе кадетского образования всевозможные институты самоуправления дают возможность для развития лидерской позиции у воспитанников, умения принимать решения и брать на себя ответственность за их выполнение. А это, безусловно, является важной составляющей мужского характера.

В-пятых, в процессе обучения кадеты в большей или меньшей степени изолированы от женского общества. Сам вопрос отдельного обучения является очень дискуссионным: психологи, педагоги, социологи приводят множество аргументов «за» и «против». Однако грамотно выстроенная половая дифференциация в рамках кадетского образования, которая предполагает отдельное обучение, но общее воспитательное пространство и совместную внеучебную деятельность с воспи-

танницами, к примеру, женских гимназий, может оказать лишь благотворное влияние на дальнейшее взаимоотношение мальчиков с противоположным полом.

А рыцарское отношение к даме, которое прививается кадетам, способствует формированию положительных маскулинных стереотипов у будущего мужчины.

И, наконец, в-шестых, в кадетских корпусах уделяется большое внимание физической подготовке воспитанников. А это имеет огромное значение, так как в детстве по состоянию здоровья мальчики зачастую слабее девочек, и систематическая физическая нагрузка не только полезна, но и необходима для поддержания здоровья будущего мужчины.

Таким образом, развитие кадетского образования в условиях социального кризиса в России на сегодняшний день является, на наш взгляд, одним из наиболее очевидных путей возрождения позитивной оценки маскулинности в общественном сознании. Анализ форм и методов дореволюционного воспитания кадет и их реализация на основе современных социальных реалий способны помочь нашему государству выработать единый оптимальный подход к кадетскому образованию сегодня.

Библиографический список

1. Вершинина Д.Б. Маскулинность как политическая ценность в контексте гендерного дискурса // Полис: политические исследования. 2007. № 4. С. 100–112.
2. Змеев В.А. К воинскому искусству: обучать потребным наукам. Первые кадетские корпуса России // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 49–53.
3. Козлова Г.Н. Воспитание «корпоративной чести» в кадетском корпусе // Педагогика. 2001. № 2. С. 43–47.
4. Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25–35.
5. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.
6. Федосеева Н. Проблема гендерного неравенства // Преображение. 1996. № 4. С. 5–19.
7. Шишова Т.Л. Воспитание мальчиков // Виноград. 2006. № 1. С. 32–40.
8. URL: <http://ria.ru/politics/20020322/97806.html>

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Государственно-конфессиональная политика, Русская православная церковь, 1000-летие крещения Руси.

Во второй половине 1980-х гг. постепенно цементируется фундамент для принципиально новых государственно-конфессиональных отношений, поскольку власти необходимо заручиться широкой поддержкой курса «перестройки» со стороны Русской православной церкви и верующих. Переломным стал 1988 г., что было связано с празднованием 1000-летия крещения Руси, которое позиционировалось в контексте государственного реформирования не только как церковное мероприятие, но и достаточно серьезное общественно-государственное событие.

Ситуация накануне празднования складывалась весьма неоднозначно: с одной стороны, продолжались активные атеистические мероприятия, с другой – оказывались «реверансы» в сторону Церкви: «... В стране для празднования тысячелетия были образованы две комиссии: при Патриархии и идеологическом отделе ЦК. Первая – для торжеств, вторая – для их всемерного умаления и ограничения» [Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991), 1995, с. 203].

Наблюдение за подготовкой православных общин к празднованию юбилея было выделено в отдельное направление деятельности уполномоченных Совета в регионах. Так, уполномоченный Совета по Пензенской области А.С. Васягин докладывал в столицу: «Особое внимание обращалось на изучение процессов, тенденций, намечаемых мероприятий православными религиозными организациями в связи с 1000-летием введения христианства на Руси», уточняя при этом, что «в проповедях все чаще звучит тема празднования 1000-летия введения христианства на Руси и значения этого события в распространении культуры, искусства, письменности среди русского народа» (ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 125. Л. 2).

Задача атеистической пропаганды заключалась в минимизации значения Русской православной церкви в российской истории и культуре: «Идеологи современного русского православия воспользовались чисто церковным юбилеем для религиозно-апологетических целей, далеко выходящих за рамки отмечаемого юбилея. В докладах, статьях, проповедях ... дается искаженное, религиозно-идеалистическое освещение исторического прошлого нашей страны и места в нем русского православия» [Гордиенко, 1986, с. 3].

В прессе можно было прочесть: «Однако позитивные акции церкви в нерелигиозной сфере вовсе не означают позитивной роли ее религиозной деятельности. Там, где церковь выполняла свои мировоззренческие функции, ее деятельность всегда была реакционная и нередко выливалась в инквизиторство» [Наука и религия, 1985, № 6, с. 43–45].

И все же, публикации в средствах массовой информации, даже в консервативных изданиях, имели, главным образом, благожелательно-информативный ха-

рактер – сведения о подготовительной работе к торжествам и ходе празднования, восстановлении исторических и художественных памятников православия и т. п. Приобретают популярность «круглые столы» и дискуссии между религиозными деятелями и учеными-марксистами по вопросам, связанным с оценкой места и роли православия в истории России, положения РПЦ в советском обществе. Постепенно общий тон подачи информации меняется с осторожного на более приветливый, пресса начинает формирование в общественном сознании нового – лояльного отношения к религии. Между тем если в светской прессе советское прошлое осуждалось все активнее, то церковная печать весьма сдержанно реагировала на это, придерживаясь обтекаемой формулировки «тяжелые времена» [ЖМП, 1990, № 1, с. 8–11].

Еще в сентябре 1985 г. Секретариатом ЦК КПСС было принято секретное постановление «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси», в котором подчеркивалась отрицательная роль христианства как разновидности религиозно-идеалистического мировоззрения, оправдывавшей социальную несправедливость, и предлагалось активизировать контрпропагандистские действия. Особую активность в этот период проявлял 4-й отдел 5-го Управления КГБ СССР, утверждавший перечень основных агентурно-оперативных мероприятий по подготовке к 1000-летию Крещения Руси.

Предпринимаемые со стороны Церкви попытки поставить вопрос о необходимости коренных изменений в сфере государственно-церковных отношений не находили понимания у руководителей государства. 17 декабря 1985 г. в адрес М.С. Горбачева было направлено письмо управляющего делами Московской патриархии Таллинского митрополита Алексия (Ридигера, впоследствии патриарх Алексей II) с предложением о пересмотре устаревшего религиозного законодательства. В ответ на это обращение Совет по делам религий при Совете Министров СССР не рекомендовал затрагивать подобного рода вопросы.

В свою очередь, РПЦ продолжала линию лояльности и поддержки политики властей. Так, главы и представители Церквей в СССР в обращении к религиозным деятелям и пастве по поводу 70-летия Октябрьской революции отмечали, что «процесс перестройки оказывал положительное влияние также и на развитие жизни Церквей... Исключительно важное направление в нашей деятельности – служить углублению вовлеченности верующих в процесс перестройки» [Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991), 1995, с. 214–215].

Постепенно и в официальных заявлениях стали звучать другие мотивы: «Верующие поддерживают курс партии на коренное обновление нашего общества. Они видят в перестройке заботу партии, государства о ... сохранении мира, об утверждении принципов социальной справедливости, о чистой нравственной атмосфере общества» [Наука и религия, 1987, № 2, с. 4]. Подчеркивалось, что верующие «правильно» понимали курс партии на ускорение социально-экономического развития страны, объективных процессов – «придание социализму человеческого лица» (ГА РФ. Ф.А-661. Оп. 1. Д. 6. Л. 41).

Раньше, в октябре 1987 г., по рекомендации Совета Министров СССР ЮНЕСКО на XXIV Генеральной конференции приняло резолюцию «О 1000-летию введения христианства на Руси» как крупного события европейской и мировой истории и культуры. 159 государств – членов ЮНЕСКО были призваны поддержать данную инициативу и в течение 1988–1989 гг. проводить соответствующие мероприятия.

Выступая перед преподавателями Высшей партийной школы в марте 1988 г., председатель Совета по делам религий К.М. Харчев сказал: «По Ленину, партия должна держать под контролем все сферы жизни граждан, а так как верующих никуда не денешь, и наша история показала, что религия всерьез и надолго, то искренне верующего для партии сделать верующим также в коммунизм. И тут перед нами встает задача: воспитание нового типа священника; подбор и постановка священника – дело партии» [Горбачев, 1988, с. 216]. В отношении Русской Православной церкви К.М. Харчев сказал следующее: «Наибольших успехов в контроле над религией и в подавлении ее инициативы мы достигли в среде священников и епископов Русской Православной Церкви. Сначала это радовало, а сейчас это грозит обернуться непредвиденными обстоятельствами. Несмотря на то что деятельность Русской Православной Церкви контролируется и ограничена и ее инициатива не вызывает опасений (хотя, впрочем, даже у забитой дворняжки терпение безгранично), беспокойство вызывает усиление других конфессий...» [Русская мысль, 1988, с. 4].

Определенным доказательством смены вектора в государственно-православных отношениях стала встреча М.С. Горбачева 29 апреля 1988 г. по инициативе К.М. Харчева с патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви, на которой прозвучала новая концепция этих взаимоотношений: во-первых, отношение к церкви, к верующим должно определяться интересами укрепления единства всех трудящихся, всего народа; во-вторых, вместе с осознанием всей глубины мировоззренческих различий необходимо реалистически учитывать существующую ситуацию, поскольку верующие, которых не один десяток миллионов, – это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои интересы; в-третьих, в таких сферах, как миротворчество, охрана памятников культуры, нравственное совершенствование общества и его членов, и марксисты, и верующие имеют точки для плодотворного диалога [Огонек, 1988, № 21, с. 5]. Руководитель СССР заявил о разработке нового закона о свободе совести, отражающего интересы и религиозных организаций. Это, по словам М.С. Горбачева, явилось реальным плодом нового подхода к государственно-церковным отношениям в условиях перестройки и демократизации общества. Сохранение, по признанию М.С. Горбачева, принципиальных мировоззренческих различий между Советским государством и Церковью не должно было препятствовать их сотрудничеству в деле гуманистического и нравственного оздоровления общества [Горбачев, 1988].

10 июня 1988 г. 15 иерархов Русской православной церкви во главе с патриархом Пименом наградили государственными орденами за миротворческую активность и в связи с 1000-летием Крещения Руси. 11 июня в Кремле состоялась встреча председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко со Святейшим патриархом Пименом и участниками празднования, где высказался в целом о позитивном отношении к возможности осуществления религиозными организациями благотворительной деятельности. А.А. Громыко заметил, что рассматривается вопрос о предоставлении Русской православной церкви прав юридического лица. В свою очередь, патриарх Пимен выступил с ответным словом: «Мы особо оценили созданные нашим государством самые благоприятные условия для проведения празднования, позволившие каждому члену Русской Православной Церкви осуществить свою сопричастность к юбилею и нашему обществу, отметить многие замечательные стороны жизни Отечества, связанные с 1000-летием христианства в нашей стране» [ЖМП, 1988, № 9, с. 4, 9, 21, 25, 31, 39].

Как продолжение на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 г. от М.С. Горбачева последовали «реверансы» в адрес верующих – фактически это было официальное закрепление нового курса партии по отношению к религии: «Мы не скрываем своего отношения к религиозному мировоззрению как нематериалистическому, ненаучному. Но это не основание для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей и тем более – применения какого бы то ни было административного давления для утверждения материалистических воззрений. Все верующие, независимо от того, какую религию они исповедуют, являются полноправными гражданами СССР. Подавляющее большинство их активно участвует в нашей производственной и общественной жизни, решении задач перестройки» [Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 1988, с. 41–42].

Торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси явились свидетельством укрепления позиций Русской православной церкви в стране. Государство передало Церкви Козельскую Введенскую Оптину пустынь (Калуга), Толгский монастырь (Ярославль), Киево-Печерскую лавру, мощи из Московского Кремля. В Москве началось строительство храма в честь 1000-летия Крещения Руси, при закладке первого камня патриарх Пимен сказал: «Итак, заложен первый камень в основание будущего храма ... в память всех наших соотечественников, жизнь свою положивших при защите священных пределов нашей Родины в Отечественных войнах» [МЦВ, 1988, № 11, с. 7]. Но патриарх Пимен все еще «осторожничает» в своих публичных выступлениях. В одном из своих интервью в 1988 г. он сказал: «... Чада РПЦ, являющиеся гражданами Советского Союза, живут в условиях социалистического общества, программа которого, по нашему мнению, действительно высокогуманна и тем близка христианским идеалам» [Известия, 1988, с. 3].

Подводя итог торжествам, председатель республиканского Совета отмечал, что священнослужители несколько преувеличивали роль православия в отечественной истории, стремились усилить идеологическое влияние православия, но в целом, «празднование церковного юбилея явилось наглядным свидетельством восстановления ленинских принципов государственной политики в отношении религии и церкви, новых подходов к ее реализации в условиях демократии и гласности во всех сферах обществ» (ГА РФ. Ф.А-661. Оп. 1. Д. 7. Л. 20, 22–23).

Итак, в период «перестройки» были сформулированы новые приоритетные цели в сфере конфессиональной политики государства. На их основе планировалось заручиться широкой поддержкой курса на «перестройку» со стороны Русской православной церкви и верующих. Но инерция и консерватизм, сопротивление в самом государственно-партийном руководстве по поводу задач и способов реформирования, что задвигало религиозные проблемы на второй план, не позволили быстро и мобильно приступить к выработке принципиально новой платформы во взаимоотношениях между РПЦ, обществом и государством. Следует согласиться с М.И. Одинцовым, что «религиозный вопрос» везде стал заложником политических и идеологических столкновений властных элит, партийно-номенклатурных игр, решался зачастую в угоду «злобе дня» [Одинцов, 2010, с. 23]. И празднование 1000-летия крещения Руси наглядно продемонстрировало, что, с одной стороны, власть осознавала необходимость изменения отношений с РПЦ, с другой – у нее отсутствовало единство в понимании данного процесса.

Список сокращений

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Библиографический список

1. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: ИПЛ, 1988. 272 с.
2. Гордиенко Н.С. Крещение Руси: Факты против легенд и мифов (полемиические заметки). Л.: Лениздат, 1986. 285 с.
3. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1988–1990.
4. Известия. 1988. 9 апреля.
5. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 года. М.: Политиздат, 1988. 160 с.
6. Московский Церковный Вестник (МЦВ). 1988. № 11.
7. Наука и религия. 1985–1987.
8. Огонек. 1988. № 21.
9. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. 444 с.
10. Русская мысль. № 3725. 1988. 20.05.
11. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штиккер. М.: ПроPILEI, 1995. Т. 2. 400 с.

ОРУЖИЕ ДЛЯ ФРОНТА: ИЗ ИСТОРИИ ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНОГО И СТАЛЕДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ижевские оружейный и сталелитейный заводы, производительность, Первая мировая война.

19 июля 1914 г. Россия вступила в кровопролитную и одну из самых масштабных войн в мировой истории XX в. – Первую мировую войну [Собрание узаконений..., 1915, с. 3009–3010]. Обеспечение постоянно растущих потребностей армии и фронта в оружии стало важнейшей задачей государства в период Первой мировой войны (1914–1918).

Изучение истории военной промышленности России в годы Первой мировой войны имеет давнюю традицию. В 1920-е гг. появились работы Е.З. Барсукова, А.А. Маниковского, в которых была дана характеристика состояния военной промышленности накануне и в период Первой мировой войны и приведены основные сведения об изготовлении вооружения на русских заводах, о закупках его за рубежом и о снабжении им действующей армии [Барсуков, 1926; Маниковский, 1937]. Сведения, приведенные Маниковским, базируются на подлинных документах, поскольку он в мае 1915 – феврале 1917 гг. был начальником Главного артиллерийского управления, и, бесспорно, вызывают доверие. С некоторыми положениями его труда можно не соглашаться, но в целом это серьезное исследование. Содержательным трудом о развитии военной промышленности в 1900–1917 гг. остаются «Очерки по истории военной промышленности» В.С. Михайлова, изданные в 1928 г. для служебного пользования. В «Очерках» сосредоточены богатые и систематические сведения. Но в то время книга Михайлова была практически недоступной и только в 2007 г. «Очерки» были переизданы [Генерал В.С. Михайлов, 2007].

Важное значение имеют работы Я.М. Букшпана и Г.И. Шигалина, которые дали относительно объективную характеристику постановки производства оружия [Букшпан, 1929; Шигалин, 1956]. Недостатком этих работ является то, что провал материально-технического снабжения армии авторы объясняли отдельными ошибками и промахами царского правительства, а не всей социально-политической структуры России того времени.

Огромное значение для изучения военных усилий России в годы Первой мировой войны имеет труд генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, написанный и опубликованный им в эмиграции в 1939 г., но ставший доступным российскому читателю только в XXI в. Автор приходит к выводу, что довоенных представлений о войне как общественном явлении недостаточно для успешного руководства обществом и армией [Головин, 2001, с. 5]. Впервые Н.Н. Головин провел анализ социологических и социально-психологических причин проблем, с которыми пришлось столкнуться военной промышленности России в годы Первой мировой войны.

Характеристике военно-экономического потенциала России в период империализма посвящена работа Л.Г. Бескровного [Бескровный, 1986].

Современное состояние литературы по истории военной промышленности определяется существованием многих значительных работ, в которых предмет освещен с разных сторон на основании серьезных архивных изысканий. Сохраняют свое значение исследования А.Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны», ряд статей В.И. Бовыкина, И.Ф. Гиндина и др. На рубеже XX–XXI вв. появились новые диссертационные исследования, посвященные изучению отдельных предприятий военной промышленности России, военной промышленности отдельных регионов [Жук, 2000; Шумкин, 2002].

Место военного производства в системе государственных органов России и роль, которое оно играло в экономической и политической жизни страны, отражены в сборнике документов «Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917)» под редакцией Р.Ш. Ганелина, выпущенном в 2004 г. [Военная промышленность..., 2004].

Вопросы развития оружейного производства в Удмуртии, эволюция освоения и выпуска основных видов, образцов и типов вооружения и военной техники в XIX–XXI вв. рассматривались в монографии Н.А. Родионова [Родионов, 2009]. Им были показаны значение Ижевских оружейного и сталелитейного заводов (Ижевских заводов) как одних из крупных промышленно-оружейных центров России, их место в поддержании и упрочении национальной безопасности государства.

Круг источников по истории деятельности Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в годы Первой мировой войны достаточно широк. Выявленные письменные источники отложились в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), Государственного архива Кировской области (ГАКО), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР). Территориальная и ведомственная разбросанность обширных фондов источников и материалов по Ижевским оружейному и сталелитейному заводам затрудняет поиск информации о деятельности заводов, изменении структуры производства в условиях Первой мировой войны. В составе комплекса архивных источников можно выделить документы органов государственной власти, отразившие деятельность государственных структур по совершенствованию Ижевских заводов, фактическое состояние военного производства и его мобилизационную готовность, выпуск военной продукции, особенности и трудности работы заводов в годы Первой мировой войны.

Целью данной статьи является рассмотрение вклада Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в дело обеспечения русской армии необходимым вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны.

В условиях Первой мировой войны после потери важнейших промышленных районов, оккупированных австро-венгерскими войсками, экономическая база военного производства существенно сократилась, одновременно увеличилось значение восточных тыловых центров страны. Одним из таких крупных тыловых военно-экономических центров становится Уральский регион, где особенно выделяется производство вооружения и боеприпасов Ижевскими оружейным и сталелитейными заводами.

Оружейное производство на Ижевском оружейном заводе к началу Первой мировой войны имело длительную историю. Уже в начале XIX в. он стал кузни-

цей российского оружия. Накануне войны на предприятии выпускались все разновидности винтовки системы С.И. Мосина: пехотная, драгунская, казачья, а также кавалерийские карабины, стальные кинжалы «Бебут», патронные обоймы, охотничьи ружья. Производство Ижевского сталелитейного завода было ориентировано главным образом на выпуск стали для изготовления винтовок, инструментальной стали и инструмента, стальной ленты для патронных обойм, заготовок винтовочных стволов и ствольных коробок не только для Ижевского, но и для Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов, и объем выпуска стал определяться потребностями этих заводов.

В докладной записке Военно-технического комитета Ижевских заводов члену Государственной думы С.А. Калинину в марте 1917 г. указывалось, что «ввиду обстоятельств военного времени Ижевские оружейный и сталелитейный заводы занимают среди других заводов, работающих на оборону, положение особой важности. Помимо непосредственной связи его с фронтом как поставщика целого ряда предметов вооружения для подвижных починочных мастерских (пружины, щиты и т. п.), помимо самостоятельной роли его как оружейного завода, изготавливающего ежедневно до 2 тыс. винтовок, – значение Ижевских заводов удесятворяется вследствие той неразрывной, кровной связи их, которая существует между ними и целым рядом других учреждений артиллерийского ведомства» (РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 112. Л. 117–117 об.).

Ошибки военного руководства в планировании объемов мобилизационных запасов оружия и боеприпасов привели после первых четырех месяцев Первой мировой войны к кризису вооружения русской армии. Запас винтовок к началу войны исчислялся количеством 4,3 млн. единиц. Но пришлось констатировать, что масштабы мобилизации новобранцев в первый год войны исчерпали его полностью, и к ноябрю 1914 г. потребность в винтовках возросла до 870 тыс. [Китанина, 2003, с. 79]. Срочно нужны были винтовки, пушки, патроны, снаряды, гранаты. Задача по поднятию максимальной производительности заводов, поставленная Военным ведомством в начале Первой мировой войны, оказалась сорванной, поскольку приобретенное перед войной оборудование и имеющиеся производственные площади уже не могли обеспечить требуемого армией количества винтовок. Военное ведомство принимало энергичные меры по завершению реконструкции Ижевского оружейного и сталелитейного заводов, приобретению новых станков, расширению энергетической базы.

Серией государственных распоряжений во второй половине 1914 г. предприятиям, занятым в производстве предметов вооружения, был предоставлен ряд существенных льгот по размещению военных заказов. Так, согласно постановлению Совета министров от 4 сентября 1914 г. «О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов», предприятия, выполнявшие военные заказы, освобождались «от всякой перед заказчиками, кроме Военного и Морского ведомств, ответственности, в случае невозможности исполнения в срок заказов, вызванной необходимостью удовлетворения потребностей этих ведомств» [Собрание узаконения..., 1915, с. 3582–3583]. Главное артиллерийское управление предписанием от 30 сентября 1914 г. за № 50846 сообщало Ижевским заводам, что «во избежании задержки в исполнении казенных нарядов принимать лишь те частные заказы, которые отнюдь не могут повлиять на срочность исполнения казенных заказов». Если в 1913 г. завод исполнил частных заказов на сумму 821 898 руб. 24 3/4 коп., то в 1914 г. – только на 473 725 руб. 21 1/4 коп. валовой стоимости (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4565. Л. 1 об.).

Реорганизационные меры и дополнительные кредиты правительства в начале Первой мировой войны привели к увеличению объемов производства стрелкового оружия к концу 1914 г. в 3–4 раза (свыше 20 тыс. шт. винтовок в месяц) (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4544. Л. 357–357 об.). Выпуск изделий в 1914 г. на Ижевских заводах составил 157 тыс. черновых стволов для винтовок, 290 тыс. прапнелей и 20 тыс. гранат, в том числе были исполнены наряды по изготовлению щитов к орудиям, зарядным ящикам и пулеметным станкам [Военная промышленность..., 2004, с. 489]. В 1914 г. Ижевским оружейным заводом было изготовлено продукции на сумму 8 511 828 руб. (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 958. Л. 48–49).

Обеспокоенное кризисом вооружения русской армии в конце 1914 г. руководство Главного артиллерийского управления провело подготовительную работу по расширению казенных оружейных заводов и увеличению производства винтовок. В начале 1915 г. ежемесячная потребность фронта в винтовках для восполнения убыли определялась в 200 000 шт. [Головин, 2001, с. 189]. В октябре 1914 г. производство винтовок достигло 30 000 шт. в месяц, а в апреле 1915 г. – 40 000. В январе – феврале генерал А.А. Маниковский проводил инспекцию оружейных заводов и в своем рапорте от 6 февраля 1915 г. председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, написанном в Ижевске, настаивал на немедленном «без потери одного дня» проведении экстренных мероприятий по расширению завода, «иначе Ижевский завод, – писал он, – являющийся "маткой" для всех остальных заводов, не сдвинется сам с мертвой точки и по-прежнему будет тормозить и Тулу и Сестрорецк» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 84. Л. 37). К рапорту был приложен перечень экстренных мероприятий для Ижевских заводов, необходимых для изготовления 100 000 винтовок ежемесячно на всех заводах.

Ввиду острой потребности русской армии в стрелковом оружии руководитель А.А. Маниковский и председатель Особой распределительной комиссии по артиллерийской части великий князь Сергей Михайлович обязали оружейные заводы еженедельно выдавать сведения о количестве изготовленных стволов и винтовок в Главное Артиллерийское управление и начальнику канцелярии Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части с тем, чтобы отслеживать динамику производства оружия. Примером могут служить сведения о количестве стволов и винтовок, изготовленных Ижевскими заводами в марте – июне 1915 г. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47 / 1. Д. 8 (Т. 1). Л. 91, 138, 182, 234, 271, 321; Там же. Д. 8 (Т. 5). Л. 3, 44, 92, 142, 137, 190, 370, 380, 430, 431).

К середине 1915 г. оружейные заводы России превзошли установленное им еще в 1913 г. задание по выпуску 525 тыс. винтовок в год. Всего за 1915 г. оружейники страны выпустили 739446 винтовок, 131842 револьвера, 4263 пулемета, 65522 казачьих пики, отремонтировали 119208 винтовок [Маниковский, 1937, с. 271]. Тогда же была поставлена новая задача: довести выпуск стрелкового оружия до 1 млн. в год. Этот уровень к марту 1916 г. (100 тыс. в месяц) был достигнут. Несмотря на неблагоприятные условия, на Ижевском оружейном заводе выпускалось ежедневно до 2200 винтовок [Родионов, 2009, с. 56].

В январе 1916 г. Ижевский оружейный завод получил наряд Военного ведомства на изготовление 30 млн. патронных обойм, в феврале – 1000 пулеметных станков и 2000 щитов к ним, 47 тыс. шт. кинжалов «Бебут», в марте – апреле – еще на 20 тыс. кинжалов и 6 млн. шт. патронов, в июле – 360 шт. щитов к трехдюймовым горным пушкам со сроком исполнения 3 месяца, в августе – 12 млн. обойм (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4572. Л. 13, 16, 17–17 об., 22–22 об., 26–26 об., 38–39 об., 74, 82–82 об., 97, 125, 133–133 об., 143, 166–166 об.).

Производство оружия достигло наивысшего уровня к январю 1917 г., когда за один месяц оружейными заводами России было выпущено 130000 винтовок. В 1917 г. в Ижевске было изготовлено 506 тыс. винтовок. К 1917 г. Ижевский оружейный завод увеличил выпуск производства винтовок по сравнению с 1914 г. примерно в 6 раз. Производительность Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в годы Первой мировой войны показана в таблице.

Таблица

Динамика выпуска основных видов оружия и металла на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах за 1914–1917 гг.

Наименование продукции	Выпущено изделий за период				Всего за период 1914–1917 гг.
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	
Новые винтовки (тыс. шт.)	82 121	3 129 281	504 871	505 863	1 405 783
Исправленные винтовки (тыс. шт.)	97 897	65 936	9900	4200	177 033
Выплавка стали (пуд.)	268 000	431 000	610 000	-2	1 309 000

Источники: ЦГА УР. Ф.Р-543. Оп. 14. Д. 315. Л. 109 об.; Липина С.А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.). Ижевск, 2010. С. 63.

При общем снижении выплавки стали в России за три года войны Ижевский сталелитейный завод увеличил объем выпуска стали. Так, удельный вес Ижевского сталелитейного завода в общероссийской выплавке стали в 1914 г. составил 0,11, в то время как в 1916 г. – 0,30 [Бескровный, 1986, с. 70].

В годы войны Ижевские заводы, кроме винтовок, выпускали ствольные заготовки для винтовок и пулеметов. Кроме того, за годы войны Ижевскими заводами было выпущено свыше 100 000 пудов колючей проволоки.

Около половины всего стрелкового оружия, выпущенного в России в годы Первой мировой войны, – 48 % (по другим данным, 43 %) – было изготовлено на Ижевском оружейном заводе. По остальным группам изделий удельный вес был еще выше, по винтовочным стволам он составил 52 %, по исправленным винтовкам – 61 %, по пулеметным стволам – 79 %. Всего за этот период ижевские оружейники выпустили полтора миллиона винтовок. По имеющимся в современных исследованиях данным, Ижевский оружейный и сталелитейный заводы также являлись единственными предприятиями в стране, где изготавливались патронные обоймы. В 1917 г. выпуск этой важной продукции составил 543 млн.

Высокая производительность на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах была достигнута посредством напряжения трудовых усилий рабочих и специалистов, повышения рабочего дня (11–12 часов), увеличения числа занятых дней в месяце (до 27–28), привлечения административных ресурсов. Однако полностью удовлетворить заказы фронта в стрелковом оружии заводам не удалось.

¹ Количество выпущенных новых винтовок Ижевским оружейным заводом в 1915 г., согласно данным, приведенным Л.Г. Бескровным в книге «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала», составляло 306 529 шт.

² Данные о выпуске стали Ижевским сталелитейным заводом отсутствуют.

Библиографический список

1. Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л.: Воениздат, 1926. 320 с.
2. Бескровный Л.Г. Армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с.
3. Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.; Л.: Госиздат, 1929. 541 с.
4. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917): сб. док. / под ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.
5. Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 424 с.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
7. Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
8. Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика: в 2 ч.: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. Ч. 1. 146 с.
9. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Изд-во военной литературы, 1937. 363 с.
10. Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск: Удмуртия, 2009. 320 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Пг., 1915.
12. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.
13. Шумкин Г.Н. Военное производство на Урале в конце XIX – начале XX вв. (1891 – июль 1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЯ, ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Российская экономика, конкурентоспособность, условия конкурентоспособности, социально-экономическое реформирование России, текущее состояние, мероприятия государства, приватизация.

Вся история человечества представляет собой непрерывную конкуренцию между государствами, нациями, выражающуюся не только в соперничестве экономических потенциалов стран, но и в соревновании национальных идеологий, ценностей, способов мышления и деятельности, хозяйственных укладов и культур. Россия в этом отношении в силу совокупности причин, в том числе и природно-климатических условий, оказывалась в неизмеримо худшей ситуации в сравнении со странами Западной Европы и США. На единицу конечного продукта нашей стране приходилось и приходится затрачивать в несколько раз больше ресурсов, чем другим странам.

Изначально Россия по многим объективным причинам оказалась в менее благоприятных условиях конкурентоспособности, чем наши экономические соперники. В то же время наличие огромного, в обозримом будущем неисчерпаемого запаса природных ресурсов создавало положительный экономический фон по сравнению со странами Западной Европы и одновременно заставляло ориентироваться преимущественно на добычу и экспорт полезных ископаемых, в меньшей мере развивая передовые технологии как фактор, обеспечивающий межгосударственную конкурентоспособность.

На протяжении истории развития человечества наблюдалась борьба за сохранение национального фактора, национальной идентичности, в которой каждая нация, государство чувствуют себя наиболее комфортно, адекватно самим себе, способствуют достижению максимальных успехов в сфере конкурентоспособности. Иллюзия неисчерпаемости природных ресурсов, огромные территории, человеческий потенциал создали исторически в России хозяйственный уклад, который можно обозначить как затратно-растратный, при котором субъект управления не заинтересован в сохранении, возобновляемости и приумножении природных, людских и иных ресурсов. Таким образом, сложившиеся условия хозяйствования за годы так называемых демократических и рыночных преобразований хозяйствования в целом не способствовали повышению конкурентоспособности государства.

Яркий пример сохранения национального как фактора конкурентоспособности – Япония, потерпевшая поражение во Второй мировой войне, но через 20 лет, используя национальности ценности и традиции, вышедшая в число лидеров мирового промышленного производства [Литвак, 2009].

Исходя из вышесказанного, детальная проработка различных аспектов направлений и конкретных мероприятий в области реформирования и регулирования экономики современной и будущей России представляет собой крайне важную задачу. Её особенность состоит в том, что реализация данных мер должна

прежде всего опираться на прежний исторический опыт, внутреннюю специфику и практическую целесообразность.

Начавшие в 1992 году социально-экономические преобразования экономисты и политики, выбрав монетаристскую модель, предложенную западными экономистами Дж. Саксом, Р. Лайардом и другими, не учли столь противоречивого состояния российской экономики, исходили в первую очередь из экономики цивилизованных рыночных моделей, предлагали российской экономике традиционный путь вхождения в рынок. Однако реформаторы совершенно не приняли во внимание советский характер российской экономики, и прежде всего ее монополизм. Присутствие в российской экономической системе естественных монополий, таких как РАО ЕЭС, Газпром, Роснефть и др., свело на нет усилия правительства по либерализации цен как начального этапа становления рыночной модели. Как отмечает Е.Г. Ясин, пятикратное повышение цен на нефть и нефтепродукты задало нижнюю планку повышения цен на остальные товары. Не будь этого, по словам Е.Г. Ясина, цены выросли бы не в 26, а в 8–10 раз [Ясин, 2003, с. 429]. Рост цен на энергоносители в условиях экономического монополизма постоянно стимулировал скачки цен во всех сферах экономики. Положение в этой области остается без изменений и в настоящее время. На последующих этапах развития экономики России неблагоприятная обстановка в сфере производства и реализации нефтепродуктов на внутреннем рынке продолжала сохраняться. Отметим, что такое положение крайне негативно отражается на ходе экономического развития как в текущий момент, так и в обозримой перспективе, поскольку цены на внутреннем рынке на различные виды моторного топлива напрямую влияют на ценообразование по большинству групп товаров и продукции.

По данным социологических опросов населения, некачественный и дорогой бензин, наряду с недоступным жильем и низкооплачиваемой работой, замыкает тройку самых болезненных современных российских проблем. Если обратиться к цифрам 2010 года, то добыча нефти составила у нас астрономические 505 млн тонн (по 3,5 тонны на каждого жителя России, или более 2000 долларов от их реализации на россиянина), из них 249 млн тонн было переработано российскими НПЗ. Из данного количества сырой нефти в переработку на выпуск бензина пришлось только 15 %, т. е. 36 млн тонн, и в основном устаревшего А-92. Все остальное – солярка и топочное топливо-мазут. Это говорит о массовом использовании в России категорически устаревших технологий неглубокой переработки сырой нефти.

В то же время в США было добыто чуть больше 350 млн тонн, т. е., всего по тонне на американца, а бензина (с учетом импорта) вышло 500 млн тонн. Дело в том, что американцы, начиная с нефтяного кризиса 1970–1980 гг., стали использовать на своих НПЗ вторичную переработку – каталитический крекинг, каталитический риформинг, гидроочистку, гидрокрекинг, коксование и т. д. Опыт их радикальной модернизации показал, что глубина переработки нефти запросто обеспечит выход бензина на 42 %-ном уровне. Кстати, именно поэтому «нефтянка» в США оценена в разы больше российской. Так, по данным СМИ, капитализация ExxonMobil по итогам 2010 года составила 417,166 млрд долларов при запасах нефти 11,8 млрд баррелей нефти, а «Роснефть» стоит всего 99 млрд долларов, хотя контролирует 18 млрд баррелей. По мнению экспертов топливной отрасли, реальное технологическое обновление НПЗ в России даст российскому рынку в три раза больше бензина, чем сейчас, – 420 литров с тонны нефти после реконструкции против 120 литров бензина на сегодняшний день [Ситников].

Таким образом, без внесения существенных преобразований в порядок и механизм деятельности части российской нефтеперерабатывающей промышленности будет крайне затруднительно реализовывать на практике планы по дальнейшему динамичному, поступательному развитию всего государства в целом.

Конкурентоспособность как феномен социально-экономического развития в условиях рынка неизбежно порождает отношения собственности. Одной из стратегических задач рыночного реформирования стала задача формирования частной собственности и собственника, а на этой основе обеспечения максимально благоприятных условий для конкурентоспособности как средства преодоления монополизма.

По данным Всемирного экономического форума, место России в рейтинге конкурентоспособности постоянно снижалось. В 1999 году страна занимала 59-е место, в 2002 году – 66-е, в 2003 году – 70-е место [Конкурентоспособность..., 2004, с. 291]. К факторам, отрицательно влияющим на конкурентоспособность, следует отнести коррупцию, взяточничество, криминал, уклонение от уплаты налогов.

Экономика России по-прежнему и во все возрастающей степени зависела от таких случайных, конъюнктурных факторов, как мировые цены на сырьевые экспортные товары, а эти цены не могли держаться длительное время на высоком уровне и обеспечивать стабильность экономического роста. Российская экономика все в большей степени превращалась в экспортно-сырьевую модель со всеми вытекавшими негативными последствиями. Более того, как показали исследования общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Россия стала единственной страной, которая из индустриальной экономики превращалась в сырьевой придаток развитых стран [Модернизация..., 2010, с. 72].

Главным источником национального богатства стал не рост производительности труда (по этому показателю Россия отставала от развитых стран в 3–5 раз), а природная рента – экспорт сырья и продуктов его первоначальной переработки. Данное обстоятельство создавало благоприятные условия для предприятий сырьевого сектора, повышавших норму прибыли, инвестиции, размеры государственной поддержки. В благоприятной ситуации оказались также и предприятия банковского сектора, аккумулировавшие финансовые средства для перераспределения сырьевых доходов. Суммарная выручка 500 крупнейших российских компаний равнялась объему ВВП России [Там же].

В 2000-е годы российская экспортно-сырьевая модель достигла пределов своего роста по доле в структуре ВВП и по абсолютной величине генерируемого ею дохода. Ежегодная добыча нефти в Западной Сибири сокращалась на 4–5 %, а выручка крупных компаний в сырьевом секторе перестала расти [Там же, с. 73–74].

В настоящий момент с целью изменения сложившейся опасной структуры некоторых ключевых отраслей российской экономики и увеличения эффективности ряда отраслей правительством РФ прорабатывается ряд мероприятий. Самой значимой по своим последствиям является программа приватизации государственного имущества. Осенью 2010 года правительство одобрило программу приватизации, согласно которой доля государства в этих активах должна быть снижена до контрольной. По оценке Минфина, доходы государства в течение ближайших пяти лет от продажи госактивов составят примерно 10 млрд долларов ежегодно. Однако, по мнению администрации президента, дальнейшее снижение участия государства в этих активах благоприятно скажется на инвестиционном климате.

Фактически речь идет о продолжении приостановленной в конце 90-х годов прошлого века практики акционирования и последующей приватизации государственной собственности. В план приватизации на 2011–2013 годы включены более 850 госкомпаний, а совокупная стоимость выставляемых на торги пакетов акций составит более 30 млрд. долларов. Об этом во время своего визита в США на II Форум развивающихся рынков заявил вице-премьер Сергей Иванов. По его словам, в число приватизируемых компаний войдут ВТБ, «Совкомфлот», «Объединенная зерновая компания», РусГидро, Сбербанк, Роснефть, Росагролизинг, Россельхозбанк, РЖД и другие. Также приватизировать планируется и крупнейшую российскую судоходную компанию «Совкомфлот». «В этом году на торги будут выставлены 25 % ее акций, еще столько же будут реализованы в 2012–2013 годах», – отметил чиновник. По его данным, «Совкомфлот» насчитывает около 150 судов, общим дедвейтом 11 млн тонн [Иванов, Суханов].

Власти России планируют довести в 2012 году доходы от приватизации до 450 млрд рублей, увеличив их в 1,5 раза по сравнению с тем, что было запланировано. Об этом заявил помощник Президента РФ Аркадий Дворкович в ходе экономического форума в Санкт-Петербурге, передает РИА Новости. Ранее в ходе форума президент России Дмитрий Медведев сообщил, что поручил правительству до 1 августа 2011 г. скорректировать график приватизации, поскольку нынешние планы слишком скромны. Данное предложение не касается программы приватизации на 2011 год [Программу приватизации...]. Также Президент РФ отметил, что более осторожный подход в рамках планируемой к реализации программе приватизации требуется только в отношении инфраструктурных монополий и предприятий, необходимых для обеспечения военной безопасности государства.

Итак, 1 августа 2011 года первый вице-премьер И. Шувалов направил президенту согласованный с премьером В. Путиным обновленный список госкомпаний, которые планируется приватизировать.

Государство собирается полностью продать госпакеты акций четырех стратегических компаний. Если прежде правительство планировало снизить долю в «Роснефти» до контрольного пакета в 50 %, то сейчас оно готово продать 75,16 %, из 75,5 % акций ВТБ продадут уже не 35,5 %, а все. Из 60 % бумаг «РусГидро» власти собирались расстаться лишь с 7,97 %, оставив контроль в руках государства, но сейчас решили продавать полностью, вместе со всеми 14,79 % «Интер РАО». Алмазную компанию «Алроса» (50,93 % – у РФ, 32 % – у Якутии) теперь тоже передадут частным инвесторам, причем не оставят 50 % в руках государства и региона, как это предполагалось более ранним вариантом программы приватизации. При этом планировалось, что государство оставит за собой так называемую «золотую акцию» компаний «Роснефти», «РусГидро», «Зарубежнефти», ОЗК и «Алрось», теоретически позволяющую их контролировать [Гладунов].

По мнению доктора экономических наук, заведующего лабораторией анализа и прогнозирования микроэкономических процессов ИНП РАН Д. Кувалина, предлагаемые к реализации мероприятия не только не принесут должного и ожидаемого результата, но и могут нанести значительный ущерб российской экономике в долгосрочной перспективе. А главное, под сомнением находится основной аспект данной программы – привлечение в страну иностранных инвесторов. «Дело в том, что у нас уже есть опыт предыдущих приватизаций – 90 и 2000-х годов, когда продавались пакеты акций той же «Роснефти», «Сбербанка», ВТБ и приватизировалась РАО «ЕЭС». Тогда тоже ожидалось большие потоки западных инвес-

тиций в страну, но ничего подобного не происходило, и почему сейчас произойдет по-другому, совершенно непонятно. Но даже если и так, все эти выигрыши от продажи госкомпаний, например в части пополнения дефицитного бюджета, сводятся к нулю потерей стратегического управления российской экономикой со стороны государства. К тому же, продать акции и получить за них деньги в бюджет можно только один раз, а дальше что?» [Там же].

Таким образом, руководство страны активно занимается поиском путей и решений для улучшения, оптимизации экономической ситуации, инвестиционного климата с целью реализации одной из важнейших задач – повышения конкурентоспособности как отдельных отраслей хозяйства, так и экономики в целом. В то же время предлагаемые к реализации мероприятия, в частности последняя редакция программы приватизации государственных компаний, представляются либо недостаточно эффективными, либо негативными для отечественной экономики в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Gladunov O. Список Шувалова: Умом правительство не понять. URL: <http://www.svpressa.ru/economy/article/46354/>
2. Иванов Д., Суханов Ю. Гайдариномика, как это было. Приватизация 90-х как «окно возможностей» для нужных людей может повториться. URL: <http://svpressa.ru/society/article/42013/>
3. Конкурентоспособность и модернизация экономики: / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2004. Кн. 2.
4. Литвак Б.Г. Япония: управленческий прорыв. М.: Экономика, 2009.
5. Модернизация экономики России: кардинальное улучшение инвестиционного климата // Вопросы экономики. 2010. № 10.
6. Программу приватизации в России расширят в полтора раза. URL: <http://lenta.ru/news/2011/06/17/цр/>
7. Ситников А. Модернизация НПЗ обрушит доходы олигархов. Российская «нефтянка» отстает от американской на полвека. URL: <http://www.svpressa.ru/economy/article/46091/>
8. Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

ЗНАЧЕНИЕ СССР В БОРЬБЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ЗА НМЭП

Развивающиеся страны, СССР, «Север», «Юг», Запад, ООН, резолюция о НМЭП, борьба с неокOLONиализмом, международное разделение труда.

Тема данной статьи – анализ значения СССР для борьбы развивающихся стран за установление между «Севером» и «Югом» нового международного экономического порядка (НМЭП). Временные рамки исследования – от разработки будущих идей НМЭП в 1960-е гг. до заключения между США и международными финансовыми органами Вашингтонского консенсуса в 1989 г. [Trade and Development Report, 2006, с. 46], по сути отрицающей формально действующую и ныне Декларацию о НМЭП. Борьба развивающихся стран за НМЭП, их провал и международная позиция СССР по НМЭП в отечественной научной литературе подробно изучены. Но менее подробно исследованы связи политической позиции СССР в отношениях «Север – Юг» и разделение труда между СССР и развивающимися странами. Их выявление – цель этой статьи.

Политическая система колониализма распалась, но основы международного неэквивалентного разделения труда, отсталость формально освободившихся стран, ориентация их экономик на внешние интересы и засилье иностранного капитала остались. Но политическая независимость позволила им бороться за реальный суверенитет: со схожих позиций выступать в ООН, создавать группы коллективной экономической дипломатии, организации стран – экспортёров сырья. Страны очень разные, но объединённые, кроме марионеточных режимов, борьбой с неокOLONиализмом за реальный суверенитет. Разрыв между Западом и Югом душевых доходов рос и после политического краха колониализма, но медленнее [Развивающиеся страны... 1983, с. 33–34]. Третий мир в 1950–70-е гг. добился крупного роста экономики, особенно промышленности, созданы новые для него отрасли [Болотин, Шейнис, 1988, с. 353–358, 423–440]. Это требовало укрепления госуклада хозяйства и установления для руководства им явных и неявных авторитарных режимов не только в странах социалистической ориентации [Развивающиеся страны, 1974, с. 234]. Национализм ещё недавно подавленных народов окреп. В третьем мире преобладал оптимизм взглядов на будущее, поэтому неокOLONиализм вызывал сильное неприятие, возникли теории периферийности и зависимости, но до 1980-х гг. многие теоретики считали эти явления преодолимыми [Общественная мысль... 1988, с. 70–113].

Страны ОПЕК в арабо-израильскую войну 1973 г. повысили цены на нефть [Нефтегазовая промышленность... 1981, с. 221] (у чего были и объективные причины), выкупив на эти деньги у ТНК главную отрасль. Число сырьевых союзов, желающих это повторить, росло [Кофанов, 1988, с. 75–77; Левин, 1988, с. 131]. Росла активность стран третьего мира в ООН. Они добились созыва в 1964 г. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [Обминский, 1981, с. 38]. Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) для помощи ему в отсталых странах в 1966 г. [About UNIDO]. ГА ООН, где нет права вето, приняла, благодаря голосам развивающихся и социалистических стран, резолюцию о НМЭП, главной победой назвав ликвидацию колониализма и признав неокOLONи-

ниализм «в числе крупнейших препятствий полному освобождению и прогрессу развивающихся стран и всех затронутых этим народов... существующий международный экономический порядок находится в прямом конфликте с текущим развитием международных политических и экономических отношений» [Резолюция 3201(S-VI) от 1 мая 1974 г. ..., 1981, с. 605–606]. Поэтому выдвигалась цель создания НМЭП на основе 19 принципов:

«а) суверенное равенство государств, самоопределение всех народов... территориальная целостность и невмешательство во внутренние дела других государств; с) полное и эффективное участие на основе равенства всех стран, с учётом необходимости обеспечить ускоренное развитие всех развивающихся стран...; d) каждая страна имеет право принять... экономическую и социальную систему, которую она считает наиболее подходящей для её собственного развития, и не должна подвергаться в результате этого... дискриминации; е) полный неотъемлемый суверенитет каждого государства над своими природными ресурсами и всей экономической деятельностью... включая право национализации или передачи владения своим гражданам... Ни одно государство не может быть подвергнуто... любому... виду принуждения с целью помешать свободному и полному осуществлению этого... права; g) регулирование и надзор за деятельностью межнациональных корпораций путём принятия мер в интересах национальных экономик стран, в которых действуют такие... корпорации, на основе полного суверенитета этих стран; j) справедливое и равноправное соотношение между ценами на сырьё, сырьевые товары, готовые изделия и полуфабрикаты, экспортируемые развивающимися странами, и ценами на сырьё, сырьевые товары, промышленные товары, импортируемые ими...; k) оказание... международным сообществом активной помощи развивающимся странам без каких-либо политических или военных условий; l) обеспечение того, чтобы одной из главных целей преобразованной международной валютной системы было содействие развитию развивающихся стран и достаточный приток в них реальных ресурсов; n) по мере возможности преференциальный и невзаимный режим для развивающихся стран во всех областях международного экономического сотрудничества; p) предоставление развивающимся странам доступа к достижению современной науки и техники и содействие передаче технологии и созданию местной технологии...; t) содействие той роли, которую могут играть ассоциации производителей в рамках международного сотрудничества» [Резолюция 3201... 1981, с. 606–609].

Объяснение позиции СССР и европейских стран СЭВ по каждому пункту НМЭП требует понимания их связей с развивающимися странами в мировом разделении труда. На момент расширения социалистического строя за пределы СССР после Второй мировой войны и распада политической колониальной системы между двумя группами не было разделения труда. В принятой XXII съездом программе КПСС в октябре 1986 г. утверждалось, что «социализм противопоставляет империализму новый тип международных отношений» [Из программы КПСС... на XXII съезде, 1986, с. 22]. В развивающихся странах стратегия СССР была непохожа на стратегию развитых капиталистических стран, и не только на старте почти с нуля, далее расхождение только росло.

СССР 1 января 1965 г. [Из заявления делегации СССР..., 1985, с. 195] и европейские страны СЭВ отменили на товары развивающихся стран пошлины (высокие пошлины и иные ограничения на Западе были для 65 % их изделий вне сетей ТНК), соответствуя пункту n. Развивающиеся страны, недовольные малым импортом их товаров СССР и всем СЭВ, требовали от них наиболее благоприят-

ного режима. СССР не вывозя капитал и вывозя мало для огромной страны товаров, не имел излишка денег, имея машинотехнический потенциал сравнимый с США [Экономическое и техническое содействие СССР... 1987, с. 19]. СССР делал больше США много видов машин и оборудования: турбин, металлорежущих станков (включая с ЧПУ), тракторов и др. Но машинный экспорт СССР в 1980-е гг. – 1,5 % в мире: 12,1 млрд. дол. в 1985 г., Япония: 108, США: 94,3, ФРГ: 84,5, Канада: 32,5, Великобритания и Франция: по 32, Италия: 24,9 [СССР и зарубежные страны, 1988, с. 35, 1990, с. 280, 283]. Страны, кроме текущей продукции, используют всё накопленное за много лет национальное богатство. У СССР, отставшего от развитых капиталистических стран до рубежа 1970–1980-х гг. по душевому выпуску многих видов промышленной продукции, оно было меньше. СССР наращивал основные фонды, ликвидируя отставание за счёт текущего выпуска, превосходя Запад по норме накопления [наш расчёт по: НХ СССР, 1988, с. 290, 585; Экономическое положение..., 1989, с. 158; WEO Database, 2010]. Это мешало вывозу оборудования в страны Юга и ввозу их потребительских товаров, как и самообеспечение СССР по ним. Например, в 1980-е гг. СССР делал более 800 млн. пар обуви: больше США в 3,8 и Японии в 8,4 раза, в 3,3 и 3,6 раза на душу населения [СССР и зарубежные страны, 1989, с. 187; Мир в цифрах, 1993, с. 219]; в 2007 г. в США сделано 39 млн. пар [Россия и страны мира, 2008, с. 173].

Темпы промышленного роста стран СЭВ были выше среднемировых, но их значение для торговли развивающихся стран не росло. Импорт развивающихся стран из стран СЭВ очень превышал экспорт в них – они меньше дополняли хозяйство стран СЭВ, чем наоборот. Экспорт промышленных товаров СССР и европейских стран СЭВ в развивающиеся страны в 5,2 раза превышал импорт оттуда в 1970 г., в 1980 г. – в 6,7 раза, в 1981 г. – в 6,1 раза: развивающемуся миру пришлось от нехватки валюты ужимать импорт из всех стран [Верников, 1989, с. 80, 83]. В эти годы постепенно сравнялся экспорт и импорт промышленных изделий (около 40 %) развивающихся стран в остальной мир. Экспорт изделий развивающихся стран в СЭВ в 1970–1986 гг. вырос в 4,4 раза, а его доля упала с 4,7 до 1,1 %: в развивающиеся страны – в 14,6 раза, в капиталистические страны – в 20 раз (всё в текущих ценах). По определению статистики СЭВ, в импорте стран СЭВ из развивающихся стран доля промышленных изделий в 1970–1986 гг. снизилась с 15,8 до 13,1 %; по классификации ЮНКТАД – выросла с 26,1 до 27,5 % в 1984 г. [Верников, 1989, с. 87]. Значит, СССР от борьбы развивающихся стран за НМЭП экономически не терял и не получал, но имел политические выгоды, чтобы «подорвать позиции империализма и сузить сферу его влияния» [Аваков, 1994, с. 64]. «Совпадение интересов в борьбе против общего врага стало реальной основой сближения» [Дзасохов, 1997, с. 60–61] СССР и третьего мира. В политико-экономической литературе Запада в 1974–1976 гг. возникла идея «взаимозависимости» [Обминский, 1977, с. 190] всего Запада, а на неравных условиях – всего мира [Войтоловский, 2007, с. 183–191, 198–199], нужная Западу для сокрытия неокOLONиализма и «общей ответственности» с СССР и европейскими социалистическими странами за беды «Юга», где распространилась концепция «богатого Севера и бедного Юга». Большинство руководителей третьего мира считало, что «мир разделён на индустриально развитые и слабо развитые страны» [Общественная мысль... 1988, с. 32], не всегда разделяя два лагеря «Севера», но Западу предъявляли претензий больше. СССР обе концепции категорически не устраивали.

4 октября 1976 г. правительство СССР заявило: в «программе установления нового международного экономического порядка» находят своё выражение закон-

ные устремления – распространить процесс ликвидации колониализма на экономическую сферу, покончить с эксплуатацией индустриальными державами Запада..., чтобы развивающиеся страны смогли преодолеть... экономическую отсталость... Нет... оснований... предъявления к Советскому Союзу и другим социалистическим государствам... требований, которые... предъявляют к развитым капиталистическим государствам, включая требование об обязательной передаче... фиксированной доли ВВП. Во-первых, эти государства не несут ответственности за экономическую отсталость развивающихся стран, доставшуюся... от колониального прошлого. Во-вторых, они никогда не осуществляли и не осуществляют экономической эксплуатации каких-либо стран. В-третьих, социалистические страны никак не причастны к ... тяжёлым последствиям для развивающихся государств, которые вызываются экономическими кризисами... в капиталистической системе. Помощь социалистических государств развивающимся странам – не возмещение ущерба ... это помощь друга и союзника в борьбе против общего противника – империализма, колониализма, неоколониализма» [О перестройке международных экономических отношений, 1976, с. 105–107]. На V сессии ЮНКТАД делегации БССР, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, УССР, ЧССР 21 мая 1979 г. назвали ТНК материальной базой неоколониализма: «системы международных отношений, основанной на неравноправии, диктате и эксплуатации» [Транснациональные корпорации ... 1985, с. 139]. «Факты показывают, что эта система международного разделения труда не только не сокращает, но... ещё больше увеличивает разрыв в уровнях экономического развития между развитыми капиталистическими государствами и развивающимися странами» [Негативные последствия... 1985, с. 144].

Страны СЭВ, особенно СССР, в третьем мире имели мало совместных предприятий (более ста в 1979 г.); страна размещения имела право их полного выкупа [Международные экономические отношения..., кн. 2, 1981, с. 207–209]. Из созданных СССР за границей в середине 1940 – конце 1980-х гг. 210 смешанных обществ, свыше 90 – на транспорте, свыше 70 – в торговле, около 20 – в рыболовстве; единой цепочки не было [Экономическое и техническое содействие СССР..., 1987, с. 124]. Приток инвестиций из капиталистических стран в развивающиеся в 1970–1980 гг. 62,6 млрд. долларов, вывоз прибылей 139,7 млрд. [Неоколониализм... 1987, с. 134]. Условия кредитов СССР также были значительно лучше. Наиболее активно СССР поставлял оборудование и материалы на объекты содействия в неевропейские социалистические страны: Вьетнам, КНДР, Куба, Лаос, МНР и страны третьего мира: Алжир, Ангола, Афганистан, Бангладеш, Гвинея, Египет, Индия, Ирак, Иран, ЙАР, Кампучия, Конго, Ливия, НДРЙ, Нигерия, Пакистан, Сирия, Тунис, Турция, Эфиопия [Внешняя торговля СССР, 1988, с. 47–48]. Социалистической ориентации были не все эти страны третьего мира, но все имели цель импортозамещения: формы содействия СССР с ним хорошо сочетались; но очень малы связи СССР и экспортных экономик Бразилии, Мексики, Гонконга, Сингапура, Малайзии [Верников, 1989, с. 151]. СССР чаще, чем ТНК, строил однотипные со страной происхождения предприятия: монополия внешней торговли СССР и их импортозамещающая роль взаимовыгодно помогали избегать конкуренции: СССР был из основных индустриальных стран наиболее готов выполнять пункт НМЭП о передаче развивающимся странам технологий. После ввода в строй объектов содействия СССР в стране третьего мира по выпуску ранее ввозимого ей товара экспорт в неё падал. В 1985 г. впервые в текущих ценах абсолютно упал товарооборот СССР и развивающихся стран [Внешняя

торговля СССР, 1986, с. 8]. СССР имел соглашения на строительство 5135 (2727 в промышленности) объектов за границей, включая в развивающихся странах 1519 (622 в промышленности); на 1 января 1990 г. соответственно из них введено 3609 и 905 (1994 и 380 в промышленности) [СССР и зарубежные страны, 1990, с. 306]. Вывозя в развивающиеся страны технологию, ТНК капиталистических стран избегая конкуренции, вводили запрет улучшения технологии, регламент количества и качества продукции, запрет её выпуска по иной технологии, сбыт по ценам и через сеть лицензиара, обязанность закупок его деталей [Мировое капиталистическое хозяйство..., 1988, с. 69–70].

В 1950–1970-е гг. на Западе был экономический подъём, и он вынужденно шёл на компромиссы с третьим миром для стабильности процесса мирового воспроизводства. В кризисе в США и Западной Европе в 1980-е гг., в Японии в 1990-е гг. норма накопления снизилась и не выросла [WEO Database, 2010]. Мотив экономического воспроизводства у Запада снизился: вырос нажим на получившую отражённый кризис периферию. Борьба за НМЭП его смягчила [«Третий мир»... 1990, с. 161], но её инициаторы признали провал [Пребиш, 1992, с. 182]. В 1980–1990-е гг. Запад вынудил третий мир провести нарушающие экономический суверенитет неолиберальные реформы. Влияние СССР – одна из причин политического краха колониализма в 1940–1960-е гг. В 1980-е гг. абсолютно и относительно Запада индустриальная и военная мощь СССР была больше, чем тогда, хозяйство росло до 1990 г. Объяснение рядом зарубежных авторов миросистемных перемен его упадком с 1970-х гг. [Франк, 1992, с. 9] неверно [Российский статистический ежегодник, 1995, с. 310–311]. Но изменить чужую систему разделения труда СССР не мог, если не было иных нужных условий: готовности Запада на уступки периферии и её твёрдости: там усилились неоконспирадоры, ищущие не выход из кризиса, а шанс расхищения экономик своих стран вместе с Западом. У СССР и развивающихся стран не было «взаимозависимости», упоминание о которой страны Запада смогли включить в декларацию о НМЭП.

Источники

1. Внешняя торговля СССР в... году. М., 1980–1988.
2. Из заявления делегации СССР на второй очередной сессии экон. и соц. совета ООН «Об экономических отношениях СССР с развивающимися странами». Женева, 12 июля 1982 г. // СССР и международные экономические отношения: сб. документов и материалов. М., 1985.
3. Из программы Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXII съезде КПСС, октябрь 1961 г. // СССР в борьбе против колониализма и неоколониализма. 1960 март 1986: документы и материалы. М., 1986. Т. I.
4. Мир в цифрах. М., 1992; 1993.
5. Народное хозяйство СССР в ... г. М., 1980–1990.
6. Негативные последствия деятельности иностранного частного капитала в развивающихся странах: документ, представленный делегациями БССР, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, УССР, ЧССР на V сессии ЮНКТАД. Манила, 1 июня 1979 г. // СССР и международные экономические отношения... М., 1985.
7. О перестройке международных экономических отношений. Заявление Советского Правительства. 4 ноября 1976 г. // Там же.
8. Резолюция 3201(S-VI) от 1 мая 1974 г. Декларация об установлении нового международного экономического порядка // ООН. Организация Объединенных Наций: сб. документов. М., 1981.

9. Российский статистический ежегодник. Офиц. изд. М., 1994–2008.
10. Россия и страны мира. Офиц. изд. М., 2008.
11. СССР и зарубежные страны. 1987–1989. М., 1988–1990.
12. Транснациональные корпорации и расширение торговли полуфабрикатами: документ, представленный делегациями БССР, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, УССР, ЧССР на V сессии ЮНКТАД. Манила, 21 мая 1979 г. // СССР и международные экономические отношения... М., 1985.
13. Четвёртая конференция неприсоединившихся стран (г. Алжир, 5–9 сентября 1973 г.) // Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1975.
14. About UNIDO. URL: // www.unido.org
15. Trade and Development Report, 1996–2009. URL: // www.unctad.org
16. World Economic Outlook (WEO) Database, 1999/ April, 2010. URL: // www.imf.org

Справочники

1. Болотин Б.М., Шейнис В.Л., Экономика развивающихся стран в цифрах. 1950–1985, М., 1988.
2. Нефтегазовая промышленность зарубежных стран. 1938–1978 гг. М., 1981.
3. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за ... год и начало ... года. М., 1980–1990.

Библиографический список

1. Аваков Р.М. Россия и третий мир в новой геополитической обстановке // Глобальные процессы и перспективы взаимодействия России и третьего мира. М., 1994.
2. Верников А.В. Социалистические и развивающиеся страны: разделение труда в промышленности. М., 1989.
3. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщённость Запада. М., 2007.
4. Дзасохов А.С. Становление и эволюция постколониального мира. М., 1997.
5. Кофанов И.Т. Минеральное сырьё в экономике развивающихся стран. М., 1988.
6. Левин Ю.Л. Межгосударственное регулирование рынков сырья. М., 1988.
7. Международные экономические отношения развивающихся стран // под ред. И.О. Фаризова. М., 1980. Кн. 1; 1981. Кн. 2; 1982. Кн. 3.
8. Мировое капиталистическое хозяйство и развивающиеся страны: закономерности воспроизводственного процесса. М., 1988.
9. Неоколониализм: сущность, формы, методы / отв. ред. М.Я. Волков. М., 1987.
10. Обминский Э.Е. Группа 77. М., 1981.
11. Обминский Э.Е. Концепции международного экономического порядка. М., 1977.
12. Общественная мысль развивающихся стран / отв. ред. К.Л. Майданик; рук. авт. кол. Р.М. Аваков. М., 1988.
13. Пребиш Р. Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива? М., 1992.
14. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы / отв. ред. Р.М. Аваков, К.Л. Майданик; рук. авт. кол. В.Л. Тягуненко. М., 1974.
15. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс / отв. ред. В.Л. Шейнис, А.Я. Эльянов. М., 1983.
16. «Третий мир» и судьбы человечества / отв. ред. М.Я. Волков, В.Г. Хорос. М., 1990.
17. Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6.
18. Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам / под ред. А.И. Качанова. М., 1987.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – АРЕНА МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Страны Центральной Азии, геополитический и геоэкономический интерес, углеводородное сырьё (нефть и газ), стратегия, Газпром, трубы транснационального газопровода, транскаспийский газопровод, Россия, США, Китай, ЕС, Индия.

В последнее время Центральноазиатскому региону (ЦАР), где расположены такие страны, как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, уделяется большое внимание. Центральноазиатский регион играет всё большую роль в мировом политическом процессе. Это обусловлено целым рядом причин, главными из которых являются географическое положение данного региона в центре Евразии, его расположение на стыке евроазиатских транспортных коридоров, наличие широкой транспортно-коммуникационной сети и сосредоточение в ЦАР природных ресурсов мирового значения, прежде всего углеводородного сырья. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан располагают значительными запасами нефти и газа. Например, только Туркменистан занимает четвертое место в мире по разведанным запасам природного газа, которые оцениваются в 24,6 трлн. куб. м [British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2007].

Понятно, что при таком положении дел многие мировые и региональные державы, в особенности страны ЕС, Россия, США и Китай, стремятся оказывать влияние на ЦАР.

Исходя из устойчивых геополитических и экономических интересов страны, региональных процессов в мировой экономике, тенденций в международной системе энергообеспечения, Россия преследует следующие цели:

- сохранить влияние на ключевые отрасли экономики, прежде всего на нефтегазовый комплекс ЦАР;
- диверсифицировать экспортные поставки за счет переориентации части потоков нефти из Западной Сибири с «перегретого», в основном стагнирующего, европейского рынка на динамичные азиатско-тихоокеанские рынки (КНР, Япония, Республика Корея и др.) при увеличении транзита через свою территорию на атлантическом направлении (Генуя, Марсель, Роттердам и др.) казахстанской и туркменской нефти;
- получить долгосрочные гарантии по закупкам нефти по высоким ценам (не ниже уровня цен североазиатского рынка при трубопроводных поставках на нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), а в случае выхода на открытый рынок – к портам Тихого океана – выше североазиатского рынка с учетом «азиатской премии»);
- контролировать полностью или частично транзитную и транспортную инфраструктуру на территории стран – новых крупных покупателей российской нефти (КНР, Япония, Республика Корея и др.);
- получить прибыль от реализации нефти и нефтепродуктов на территории стран АТР.

Вместе с тем интересы России в Центральноазиатском регионе пересекаются с интересами других крупных мировых держав.

Соединенные Штаты Америки уже давно хотели бы взять на себя роль универсального «регулирующего» на евразийском перекрестке. Данный регион важен для них прежде всего в качестве объекта приложения долговременных военно-стратегических, политических и энергетических интересов, несмотря на его значительную географическую удаленность от американского континента. Район Центральной Азии играет важную роль в американской глобальной стратегии по трём основным причинам: 1) в силу его близости к России, Китаю, Индии, Пакистану, Ирану и другим ключевым региональным державам; 2) из-за его этноконфессионального состава; 3) богатых запасов нефти, газа, угля и урана.

Цели США по отношению к ЦАР входят в американскую концепцию «Большой Центральной Азии», подразумевающую превращение Центральной и Южной Азии в единое военно-стратегическое и геополитическое целое, вывод региона из-под влияния России и Китая, навязывание ему внешнего управления в виде некоей мягкой формы протектората.

Среди «незадекларированных» приоритетов Вашингтона в Центральной Азии значится обеспечение гарантированных и бесперебойных поставок из региона нефти и газа, как это было сформулировано им давно применительно к «традиционному» району получения углеводородного сырья – району Ближнего Востока и зоне Персидского залива.

Политическими целями Евросоюза в Центральноазиатском регионе являются следующие: 1) противодействие угрозам региональной безопасности и контролирование межгосударственных границ; 2) расширение диалога по вопросам укрепления правопорядка и основам демократии, защиты прав человека; 3) развитие кооперации в области энергоснабжения и транспорта; 4) диверсификация торгово-экономических связей и отмена торговых барьеров между странами региона; 5) противодействие наркобизнесу и организованной преступности; 6) совершенствование системы образования.

В апреле 2008 года ЕС объявил о готовности оказать Центральной Азии содействие в реализации различных инвестиционных проектов на сумму 314 млн. евро в таких областях, как обеспечение региональной безопасности и эффективное энергоснабжение [Совместный отчет..., 2007]. Страны Евросоюза пытаются разыгрывать в Центральной Азии собственную «энергетическую карту», делая акцент на «серьезном недостатке», заключающемся в том, что три государства, являющиеся ведущими поставщиками энергоносителей: Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, используют в основном российскую территорию для транзита практически всего объема углеводородного сырья, предназначенного на экспорт. Руководство ЕС подталкивает страны Центральной Азии «к диверсификации маршрутов поставок энергоресурсов, минуя Россию» (уже известны четыре таких альтернативных маршрута).

Одним из относительно новых направлений «заботы» ЕС о Центральной Азии стала проблема рационального водопользования и выработки такого количества электроэнергии, которое удовлетворяло бы потребности региона в этих двух жизненно важных продуктах, производство которых распределяется неравномерно.

В государствах региона уже давно ощущается нехватка воды как для удовлетворения каждодневных потребностей населения, так и для сельскохозяйственных нужд [Сидорова Л., 2008]. Эксперты Евразийского банка развития отмечают, что масса ледников, которые питают большинство рек Центральной Азии, за последние 20 лет сократилась на 25–30 %. Это уже сказалось на водных ресурсах основных рек региона – Амударьи и Сырдарьи, объем которых только в 2007 г. сокра-

тился на 10 %. Это, в свою очередь, влечет за собой дальнейшее обмеление Аральского моря, уровень воды в котором по сравнению с 1960 годом упал более чем на треть, а соленость достигла таких параметров, что практически превратило его в мертвое озеро [<http://www.ekois.net>].

Проводя свою внешнюю политику по отношению к Центральноазиатскому региону, Китай в основном придерживается традиционной для китайского государства сдержанной внешнеполитической тактики, учитывая следующие основные национальные интересы:

1) обеспечение стабильности на своих беспокойных западных границах и в пограничных районах; в частности эта проблема решается в рамках международной организации ШОС [Клименко, 2009];

2) создание необходимых условий для воплощения планов развития западных районов КНР, в частности, снижение разрыва в экономическом развитии прибрежных и внутренних районов;

3) обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для своей растущей промышленности. По оценкам экспертов, регион является третьей нефтегазовой базой в мире после Ближнего Востока и Западной Сибири, нефте- и газопроводы из этого региона для Китая менее протяженные и более безопасные, чем альтернативные маршруты;

4) формирование надёжных транспортных коридоров для выхода на рынки стран СНГ и Европы. Территория стран Центральной Азии является важным сухопутным коридором и одним из наилучших транспортных каналов для осуществления товарообмена со странами СНГ и Европы. Учитывая темпы развития китайской промышленности, КНР весьма заинтересована в реализации широкого спектра транспортных коридоров через Центральноазиатский регион;

5) стремление оказать противодействие однополярной системе и доминирующему положению США на геополитическом, геоэкономическом и военно-политическом уровнях за счет распространения своего влияния в Центральной Азии.

Таким образом, в Центральноазиатском регионе Россия сталкивается с серьёзным геополитическим противодействием.

С 2009 г. торговые газовые операции с государствами региона перешли в новую фазу, которая уже не будет приносить «Газпрому» прежних сверхприбылей и не позволит ему наращивать объёмы газового импорта в случае необходимости. До этого момента стоимость газа определялась ежегодно на прямых переговорах с национальными концернами Центральноазиатских стран, которые каждый год поднимали цену, ссылаясь на рост цен на основное нефтегазовое оборудование, трубы и материалы. «Газпром» закупал газ на границе этих государств и тут же с выгодой перепродавал его швейцарскому трейдеру «Росукрэнерго», в котором имеет 50 % участия. Посредник «накручивал» свою маржу, подгоняя окончательную стоимость сырья под европейский уровень цен. В результате центральноазиатский газ дорожал почти вдвое.

Дальнейшее увеличение объёмов закупок из ЦАР возможно лишь после того, как будут построены планируемые Прикаспийский газопровод (30 млрд. кубометров) и новая ветка САЦ [Подписание соглашения..., 2007] (26–30 млрд. кубометров) с неопределёнными сроками строительства.

Газпромский проект поставки природного газа в Китай оказался неосуществимым. Проект Генеральной схемы развития газовой отрасли РФ до 2030 года по причине неконкурентоспособности и экономической нецелесообразности его отверг. По сути, решающую роль в провале этого проекта сыграли страны Цен-

тральной Азии, согласившиеся поставлять в Поднебесную природный газ на более выгодных для Китая условиях, чем Россия.

«Газпрому» также не удается остановить стремление стран Центральной Азии самостоятельно выйти на газовый рынок Европы в обход России. Переговоры о строительстве Транскаспийского газопровода и поставках через Nabucco туркменского и казахстанского природного газа продолжают неослабевающими темпами. В пику России ЕС готов выделить на эти цели 2 трлн. евро.

Неосуществимой мечтой для «Газпрома» остается возможность установить контроль над трубопроводной системой в Центральной Азии. Узбекистан, Казахстан и Туркменистан сохраняют государственное управление своими трубопроводами и не соглашаются на предложения «Газпрома» стать хотя бы их совладельцами. А вот Китаю удалось добиться более прочных позиций в трубопроводной инфраструктуре Центральной Азии. Строительство первой трубы транснационального газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай было завершено в декабре 2009 г. Летом 2010 г. была введена в строй вторая нитка газопровода. В данный момент ведётся строительство третьей ветки газопровода. Новая ветка потребовалась для того, чтобы перекачивать еще больше топлива с месторождений, которые были разведаны позднее. Как ожидается, её пропускная способность будет достигать 25 млрд. куб. м газа ежегодно. По предварительным оценкам, проект строительства третьей нитки газопровода потребует вложений более 1 млрд дол. Финансирование прокладки трубы будет обеспечено за счет средств китайского кредита. Цена казахстанского транзита туркменского газа в КНР составляет около 4 дол. на 100 км без учета НДС [<http://www.chinapro.ru>].

Ситуация для «Газпрома» осложняется и другим фактом: 11 декабря 2010 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия, т. е. в перспективе (ожидается, что проект будет завершён к 2014 г.) туркменский газ будет уходить не только в Китай, но и в Индию, которая станет ещё одним конкурентом России на арене борьбы за ресурсы Центральной Азии [<http://www.iimes.ru>].

Хотя в настоящее время «Газпром» контролирует более 85 % газового экспорта Узбекистана, вопрос с транспортировкой узбекского газа в среднесрочной перспективе для российского монополиста остается открытым. Соглашение с Ташкентом действует до 2012 г., а заключить новое пока не удастся, что увеличивает риски России при крупном инвестировании в производственные проекты республики.

Тактика сохранения монопольного права на транспортировку центрально-азиатского газа оказалась успешной лишь на краткий период. На данный момент прогнозы для России неутешительны: после 2015 г. ожидается, что «Газпром» будет контролировать не более половины поставок, причём по высоким европейским ценам.

Библиографический список

1. Болгова И.В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление / под общ. ред. А.В. Мальгина. М.: Навона, 2008.
2. Жизнин С. Энергетическая дипломатия России: экономика политика, практика. М.: ООО «Ист Брук», 2005.
3. Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009.

4. Подписание соглашения о расширении мощностей системы газопроводов Средняя Азия – Центр, 2007. URL: <http://www.easttime.ru>
5. Сидорова Л. Государства Центральной Азии: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2008. с. 92–103. № 1 (55)
6. Совместный отчет о прогрессе, подготовленный Советом и Европейской комиссией для Европейского совета по вопросу исполнения стратегии ЕС по Центральной Азии, 2007. URL: [http:// eeas.europa.eu](http://eeas.europa.eu)
7. British Petroleum Statistical Review of World Energy in 2007 (Oil and Gas Production Charts). URL: www.bp.com
8. URL: <http://www.chinapro.ru>
9. URL: <http://ec.europa.eu>
10. URL: <http://www.neonomad.kz>
11. URL: <http://www.ng.ru>
12. URL: <http://www.ekois.net>
13. URL: <http://www.iimes.ru>

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАДРОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ГУЛАГ (НА ПРИМЕРЕ ГУ «ЕНИСЕЙСТРОЙ» МВД СССР)

Научно-техническая интеллигенция, труд ГУЛАГа, кадровая политика, геология Красноярского края и Тувы.

В последнее десятилетие выделяется в отдельное социально-экономическое направление истории изучение труда в системе ГУЛАГ. Опубликованные на сегодняшний день статьи и другие материалы [Экономическая история..., 2004, с. 177–233; Политические репрессии, 2009, 136–276; Экономическая история..., 2009, с. 258–296; ГУЛАГ: экономика..., 2008] больше затрагивают экономические аспекты. В социальной и социально-экономической истории трудовых отношений и кадровой политики ГУЛАГа ещё остаётся немало белых пятен. Есть они и в истории Главного Управления «Енисейстрой» МВД СССР.

В период апогея сталинской эпохи (1945–1953) на территории Центральной Сибири в системе ГУЛАГ МВД СССР действовало крупное подразделение горно-геологической специализации (ГАКК. Ф. П-2816; Р-1929). Главное Управление «Енисейстрой» МВД СССР. Управлению были поставлены следующие основные задачи: поиски и разведка на территории Красноярского края и Тувы месторождений полезных ископаемых, проектирование и строительство металлургических комбинатов, организация добычи руд черных, цветных, благородных и редких металлов, важных для СССР.

Для выполнения данных масштабных задач, и особенно во время Великой Отечественной войны, требовалось большое количество высококвалифицированных специалистов различных профессий. Особенно остро не хватало инженеров [Международный научно-практический форум..., 2008, т. II, III], т. е. представителей классической научно-технической интеллигенции. Как раз по этой причине некоторые специалисты получали бронь в 1941 – сентябре 1944 гг., а в октябре 1944 г. специальными Постановлениями Государственного Комитета Обороны от 1 октября 1944 г. «Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций» и от 10 октября 1944 г. «О плане производства чугуна, стали, проката, кокса и добычи руды по Наркомчермету на IV квартал 1944 г. и о мероприятиях по обеспечению бесперебойной работы предприятий черной металлургии» были отозваны с фронта геологи, горняки, энергетики [www.soldat.ru/doc/gko/gko1944.html]. Кроме того, были значительно упрощены вступительные испытания и увеличен план набора на горно-геологические и связанные с энергетикой специальности в высшие и средние специальные учебные заведения. Студентам предоставлялись льготы, выдавались усиленные продуктовые пайки, обмундирование (еще несколько десятилетий после войны эти отрасли считались полувоенными), приоритетным порядком решались жилищные проблемы [Международный научно-практический форум..., 2008, т. II].

Несмотря на предпринимаемые усилия, кадровый голод в вышеуказанных отраслях и через пять лет не был утолен (ГАКК. Ф. П-2816. Оп. 3. Д. 34. Л. 93; Ф. Р-1929). Это особенно остро чувствовалось в Восточных регионах страны, где в это же время идет процесс реэвакуации. Возвращаются в европейскую часть Советского Союза многие специалисты, которые добровольно уезжали поднимать военную промышленность в Сибирь.

Именно поэтому созданное в 1949 г. Главное Управление «Енисейстрой» МВД СССР было наделено огромными полномочиями по привлечению нужных ему специалистов. Являясь составной частью ГУЛАГа, «Енисейстрой» имел возможность привлекать их любыми способами, из любых регионов страны, любых отраслей народного хозяйства.

Ярким примером реализации этих полномочий являлось комплектование штатного расписания одного из интеллектуальных подразделений «Енисейстроя» – Особого Технического Бюро № 1 (ОТБ-1). ОТБ-1 решало главные задачи по проектированию и научно-инженерному сопровождению всех усилий по освоению сырьевой базы Центральной Сибири (ГАКК. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

В соответствии с приказом от 28 августа 1949 г. Министра Внутренних Дел СССР по ГУ «Енисейстрой» в ОТБ-1 должно было трудиться 200 квалифицированных специалистов: геологов, проектировщиков, строителей, горняков, обогатителей, металлургов. Собрать их следовало по подразделениям Министерства Внутренних Дел Советского Союза [www.memorial.krsk.ru]. Вместе с тем к началу 1950 г. в ОТБ – 1 трудились всего 50 заключенных специалистов. Среди них не было ни геологов, ни проектировщиков, ни горняков. В то же время, например, 27 высококвалифицированных ученых-геологов находятся под следствием по «Красноярскому делу», а несколько сотен отстранены от профессиональной деятельности. Летом 1950 г. заочным судом особого следственного отдела МВД СССР фигурантам «Красноярского дела» – геологам – были присуждены сроки от 10 до 25 лет по разным пунктам 58 статьи УК РСФСР. Это не помешало «Енисейстрою» привлечь 20 ученых-геологов для работы в ОТБ-1.

К 1 июля 1951 г. в ОТБ-1 должно было работать 118 специалистов, из них 52 должности инженерно-технических работников и руководящих кадров были вакантны. Недоукомплектованность другого интеллектуального подразделения «Енисейстроя» – Геологического управления – составляла 39 штатных единиц из 296 положенных (ГАКК. Ф. П-2816. Оп. 3. Д. 4. Л. 148).

В целом для выполнения задач «Енисейстроя», которые никто не отменял по причине отсутствия необходимых кадров, не хватало огромного количества инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Специалистов соответствующего профиля в Сибири было ничтожно мало, из европейской части СССР добровольно сюда мало кто приезжал.

Анализ имеющихся материалов, как опубликованных, так и не опубликованных, показывает, что кадровый «голод» «Енисейстроя» ликвидировался следующими основными методами:

- добровольная вербовка;
- принуждение к «добровольному» сотрудничеству;
- арест специалистов и направление их на работу в качестве заключенных;
- привлечение к работе ссыльных, спецпоселенцев, чьим местом пребывания была территория в данном случае Красноярского края и Тувы.

Добровольная вербовка осуществлялась специальными бригадами отдела кадров ГУ «Енисейстрой» (ГАКК. Ф. П-2816. Оп. 3, Д. 4. Л. 148–150). Они выезжали в другие регионы страны на подведомственные МВД учреждения. Основной целью поездок была вербовка инженерно-технических кадров. Набор проводился в Новосибирской, Горьковской, Свердловской, Томской, Молотовской, Актюбинской и Ленинградской областях, Украинской и Киргизской Республиках и Алтайском крае. Привлеченным специалистам обещались повышенные зарплаты, предоставление жилья, устройство детей в ясли и детсады, трудоустройство членов семей и ряд других пунктов «социального пакета». Результатом вербовочной кампании за первое полугодие 1951 г. стал прием 94 человек, из них практиков – 45, «со среднетехническим» образованием – 16, с высшим образованием – 33.

К «добровольному» сотрудничеству привлекались особо ценные специалисты, в том числе известные в СССР и даже за рубежом инженеры и ученые. Именно эти специалисты могли возглавить наиболее ответственные участки работы: поиски и разведку месторождений, разработку технологий обогащения руд, проектирование сложных производств. Таким методом были принуждены к работе в Сибири И.В. Лучицкий, А.Д. Смирнов, С.А. Салун и еще несколько десятков известных ученых-геологов, горняков, проектировщиков [Кренделев, Лучицкая, 2004, с. 61]. Технология склонения к «добровольному» сотрудничеству была во всех случаях примерно одинакова. Нужный специалист вызывался в отдел кадров учреждения, с ним беседовал сотрудник 4-го спецотделения МВД СССР. В ходе беседы человеку предлагалось покинуть Москву в определенные сжатые сроки, что часто в те годы означало разрыв с родственниками и привычным кругом общения, потерю столичной прописки, невозможность дать хорошее образование детям и другими реалиями, ухудшающими социально-экономическое положение всей семьи. Альтернативой было ехать осваивать богатства Центральной Сибири с направлением на определенную должность, чаще всего в подведомственные Министерству внутренних дел предприятия. Причем на отъезде к месту работы убеждаемого специалиста со всей семьей представители 4-го спецотдела МВД СССР настаивали не всегда, что становилось решающим в принятии устраивающего обе стороны решения о вербовке кадров на очередную стройку века.

Универсальной методикой привлечения кадров для системы ГУЛАГ в послевоенные годы стал и арест необходимых специалистов. Количество арестов в Советском Союзе было одним из плановых показателей ее работы, а премиальные вознаграждения выплачивали за их превышение. Таким образом, инженеров, техников и квалифицированных рабочих зачастую брали под стражу не по причине преступной их деятельности, а для «галочки» в отчете. Государство же таким способом ликвидировало кадровый дефицит для индустриального строительства в Сибири.

В некоторых подразделениях «Енисейстроя» в 1952 г. заключенные составляли костяк коллективов. Например, в упомянутом ОТБ-1 из 641 единицы руководящего и инженерного состава трудилось 258 заключенных (ГАКК. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1. Л. 82), то есть почти 50 %. Из них такие специалисты, как М.П. Русаков, В.М. Крейтер, М.М. Тетяев и еще несколько десятков человек, составляли элиту советской и даже мировой геологической науки. Кроме энциклопедических знаний, колоссального научно-производственного опыта, большинство из них «объединяла» 58 статья УК РСФСР (ГАКК. Ф.Р-1929. Оп. 1. Д. 1. Л. 83).

Большинство высококвалифицированных специалистов попадали в закрытые научно-исследовательские и проектные институты через арест по политическому

делу. Типичным формальным поводом для него был организованный донос завистников или псевдопатриотов, таких как специальный корреспондент газеты «Правда» по Красноярскому краю, сотрудник 4-го спецотделения МВД СССР А.Ф. Шестакова, «рудознатцы» И.Г. Прохоров, Н.В. Суриков [Международный научно-практический форум..., 2008, т. II, с. 418–421].

Еще одним способом привлечения нужных исследователей и проектировщиков был перевод заключенных инженеров из одной «шарашки» в другую [www.memorial.krsk.ru/svidet/mgeras.htm], как это было, например, с геологом и физиком Д.И. Мусатовым. Его перевод из ОТБ-862 (подмосковный г. Загорск) в ОТБ-1 (ГУ «Енисейстрой» МВД СССР) ознаменовал собой организацию в последнем геологического отдела. Необходимо заметить, что переводы происходили как вследствие принуждения, так и в результате вербовочных кампаний, проводившихся также и в подразделениях системы ГУЛАГ. Перевод с общих лагерных работ на службу в структуру 4-го спецотдела МВД СССР был огромным благом для физически и морально истощенных ученых. Поэтому многие высококвалифицированные специалисты, узнав, что организуется конструкторское бюро по их специализации, писали заявление или подписывали «записано с моих слов верно» под заготовленным администрацией лаготделения документом и ставили свою подпись (ГАКК. Ф. Р-1929. Оп. 4. Д. 13. Л. 65).

Не менее важным в решении кадрового вопроса ГУЛАГа длительное время было принудительное привлечение к работе спецпоселенцев и ссыльных. Например, известные и многие из эксплуатирующихся в настоящее время месторождений Центральной Сибири (Татарское, Сорское, Советское...) осваивались этой категорией специалистов. Высланные из европейской части СССР кулаки, подкулачники, служители культа, бывшие военнопленные, освобожденные из-под стражи, расконвоированные вынуждены были устраиваться на работу там, где им определили жить. А жить система определяла там, где нужен был их труд – на разведке и освоении месторождений полезных ископаемых, на строительстве новых горно-обогатительных комбинатов, карьеров и шахт. Однако вольные изъятия спецпоселенцев и ссыльных при приеме на работу по специальности не всегда принимались в расчёт (ГАКК. Ф. Р-1929. Оп. 4. Д. 13). Периодически специалисту с высшим образованием и опытом работы по специальности в двадцать пять-тридцать лет отказывали в разрешении переезда из одного сибирского региона в соседний, в котором появлялось высокотехнологичное производство, где проситель мог бы работать согласно основной профессии.

Несмотря на предпринимаемые усилия кадровых служб остается проблема отсутствия вольнонаемных специалистов на ряде должностей. Например, большинство начальников и главных геологов полевых партий были расконвоированными заключенными, ссыльными, спецпоселенцами и людьми, у которых имелись компрометирующие анкетные данные (ГАКК. Ф. П-2816. Оп. 3. Д. 34, 35). Это, по мнению партийной организации, тормозило работу по созданию минерально-сырьевой базы Центральной Сибири, поэтому постоянно стоял вопрос о замене этих специалистов вольнонаемными. При результативных вербовочных акциях, последипломных распределениях в вузах и техникумах действительно на место опытных сотрудников ставились молодые специалисты. А при них в качестве консультанта или ассистента, часто в должности рядового сотрудника, оставался репрессированный представитель научно-технической интеллигенции.

Эту проблему более активно начинают решать в апреле 1953 г., после смерти И.В. Сталина. Во второй половине 1953 – начале 1954 гг. с процессом передачи

ОТБ-1 и других подразделений ГУ «Енисейстрой» МВД СССР в Министерство металлургической промышленности начинается массовый набор вольнонаемных специалистов всех профессий и квалификаций на должности освобождавшихся заключенных специалистов.

В отчетных документах других интеллектуальных подразделений Главного Управления «Енисейстрой» МВД СССР не всегда указывались методы и приемы привлечения и подбора кадров, например Иркутского научно-исследовательского института редких металлов (ГАКК. Ф.П-2816. Оп. 4. Д. 86. Л. 90–91). Именно поэтому однозначно сказать, каким приемом пользовались работники службы кадров этого НИИ, нельзя. Однако в 1951 г. учреждение ощущало нехватку научно-технического персонала, состоящего из 48 штатных единиц. В связи с этим отдел кадров института в этом же году увеличил количество научно-технической интеллигенции на 26 специалистов. В 1952 г. отдел кадров, при содействии партийного аппарата, «провел значительную работу», которая позволила привлечь еще пятерых высококвалифицированных научных работников.

В официальных документах часто отсутствуют прямые указания на методы, использованные различными официальными органами и их кадровыми службами при вербовке и наборе нужных определенному Главку системы ГУЛАГ специалистов. И не всегда есть детали и прямые указания на то, какими принципами и приемами пользовались сотрудники этих подразделений при проектировании штатного расписания и его исполнении в каждом конкретном случае, даже в документах личного характера.

Применявшиеся методы привлечения научно-технической интеллигенции позволили сформировать коллектив Главного Управления «Енисейстрой» МВД СССР из свыше 5000 научно-технических и руководящих работников, хотя и этого было мало для решения поставленных задач в обозначенные сжатые сроки (ГАКК. Ф.П-2816. Оп. 3. Д. 4. Л. 149). Вольнонаемных же представителей научно-технической интеллигенции, пришедших на добровольных началах в данное Управление, не хватало.

Таким образом, основными кадрами для масштабных строек и ударных кампаний развития того или иного региона СССР, обычно подведомственных Министерству внутренних дел, долгое время оставались высококвалифицированные специалисты, подвергшиеся репрессиям, а основными методами – принудительные.

Список сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Библиографический список

1. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 400 с.
2. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 254 с.
3. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородкин и др. М.: РОССПЭН: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 315 с.
4. Гусарова М.Н. Становление нового типа научно-технической интеллигенции (проблема идентификации и позиционирования) // Власть. 2009. № 7. С. 45.

5. Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в отечественной высшей школе в 30–40-е гг. XX в. // Власть. 2010. № 4. С. 169–173.
6. Кренделев Ф.П. Лучицкая А.И. Игорь Владимирович Лучицкий. М.: 2004
7. Международный научно-практический форум «Минерально-сырьевая база Сибири»: материалы науч.-практич. конф.: в 3 т. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2008.
8. Никитина Б.С. Формирование научно-технической интеллигенции // Власть. 2009. № 4. С. 63.
9. Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2009. 338 с.
10. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: СО РАН, 2005. 447 с.
11. Экономическая история России: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. 600 с.
12. Экономическая история России: Ежегодник. 2008. М.: РОССПЭН, 2009. 479 с.
13. URL: www.memorial.krsk.ru/svidet/mgeras.htm
14. URL: www.soldat.ru/doc/gko/gko1944.html

Н.Ф. КАТАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Н.Ф. Катанов – исследователь, востоковед, просветитель, путешественник, тюркские народы, методологическая культура, исторические и этнокультурные сведения.

В современных переходных условиях обращение к историко-педагогическому наследию ученых и просветителей прошлого имеет огромное значение, помогает осмыслить актуальные противоречия жизни, выстроить взаимосвязи теоретических знаний и практики, в конечном итоге совершенствует нашу образовательную и культурную среду. Н.Ф. Катанов (1862–1922) – выдающийся российский ученый, востоковед, тюрколог-полиглот, путешественник, музеевед, педагог, просветитель – внес огромный вклад в теорию и практику востоковедения, трудясь в качестве исследователя и преподавателя казанских вузов в конце XIX – начале XX столетий. Его вклад в отечественную науку и просвещение сопоставим с вкладом известного миссионера, просветителя Н.И. Ильминского и других российских просветителей. В данной работе покажем одно из главных направлений обширной деятельности ученого – исследование тюркских народностей Сибири, Востока, Северного Китая и Монголии (Восточного Туркестана). Исследовательский талант начинающего ученого ярко проявился именно во время первого длительного путешествия в практически неисследованные глухие районы Сибири, Востока в 1888–1892 гг.

Архивные сведения показывают, что 30 мая 1888 г. Н.Ф. Катанов успешно окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата. Катанов, оставленный в должности профессорского стипендиата университета, был по предложению своего наставника В.В. Радлова командирован Академией наук и Императорским русским географическим обществом (ИРГО) в Сибирь и Восточный Туркестан для исследования тюркских языков и быта народов Востока. До этого времени не было проведено настоящих исследований многих коренных племен Сибири и Востока, за исключением нескольких экспедиций В.В. Радлова, В.И. Вербицкого и других западных путешественников. Отношение российских властей к народам восточных окраин страны было несколько пренебрежительным, поэтому добиться необходимого финансирования для научно-исследовательских экспедиций, не сулящих скорых доходов, было трудным делом [Султанбаева, 2009, с. 42].

Н.Ф. Катанову предстояло провести комплексное изучение быта, культуры и тюркских языков как специально подготовленному лицу. Являясь представителем одного из коренных народов Сибири (выходцем из хакасской семьи), проявив большое усердие и научные способности, молодой Катанов горел желанием служить науке и своему народу. Прекрасно осведомленный в языках, обычаях, традициях своего народа, он применил к ним научно-исследовательский подход. Иначе говоря, объектом научного анализа он выбрал этнические явления и процессы: этнокультурные традиции быта, религиозные убеждения тюркских племен, фольклорные произведения народов и др. Получив великолепное европейское образование, овладев несколькими десятками языков, Николай Федорович, несомненно, заявлял о себе как потенциальный ученый-исследователь.

В сентябре 1888 г. молодой исследователь выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь, уже через некоторое время он сообщил в своем первом письме-отчете председателю ИРГО о прибытии в г. Минусинск и поездке в верховья Енисея к соянцам, где изучал язык урянхайцев (соянцев, сойотов) – тувинцев. Письма Катанова из Сибири и Восточного Туркестана, присылаемые регулярно в адрес ИРГО с апреля 1889 г., дают представление о широте и сложности экспедиции ученого [Султанбаева, 2009, с. 43].

Молодой исследователь использовал любую возможность для научных целей. Катанов находил среди своих родственников велеречивых информаторов, опирался на сведения односельчан, имевших широкие социальные связи. Сохранившиеся дневниковые записи сегодня дают сведения о роде занятий, возрасте, этнической принадлежности разных людей. Им подробно зафиксированы информаторы из различных социальных слоев и профессий: купцы, торговцы, портные, священнослужители (православные, мусульмане), официальные чиновники и другие, что дает представление о социальной структуре дореволюционных сибирских народов. Полученное фундаментальное образование в университете сформировало в Николае Федоровиче высокую научную культуру, определенный стиль мышления и вооружило методологией исследовательской деятельности. Об этом свидетельствует огромный объем собранной и систематизированной информации о жизни разнородных племен Минусинского округа, Восточного Туркестана и Северного Китая, отложившейся в дневниках путешествий (НАРТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 8. Л. 333; Д. 9. Л. 95; Д. 10. Л. 241).

Материалы дневниковых записей позволяют говорить об исследовательской системе Катанова. Исследовательская система ученого, на наш взгляд, строилась на основе интеллектуальных умений транслировать теоретические знания в сферу жизненных реалий и, наоборот, в отдельных нестандартных событиях жизни проявлялось умение видеть специфическое в контексте типичного. Об этом говорят образцы народных преданий, сказаний, примет, пословиц, загадок и других жанров фольклора тюркских народностей, собранных ученым. Немаловажное значение имели природная чуткость к языковым явлениям, специальная тренировка и самоорганизация мысли, огромная трудоспособность, готовность «докопаться до истины», выработанные и доведенные до совершенства Николаем Федоровичем еще в студенческие годы. Итак, какие идеи и методы лежали в основе его исследовательской системы?

Прежде всего, ученый изучал общую статистику о жителях обследуемого края по официальным источникам: архивам Степной думы соединенных разнородных племен в административном центре – с. Аскиз, с. Усть-Есь и др. Встречи с официальными представителями власти – волостными старостами, писарями – дополняли статистические данные о сагайцах, бельтирах Аскизской думы. Чиновники царской России особым уважением к инородцам не отличались. Однако для сбора налогов в казну, нередко и для личных целей вели подробную статистику о численности, личном скоте, о земельном наделе, семье, вероисповедании каждого взрослого инородца [Катанов, 2001, с. 26, 30, 33].

Н.Ф. Катанов входил в непосредственные контакты с представителями разных племен инородцев. В живом общении, ведя неторопливые беседы, подмечал особенности речи, вникал в содержание рассказов. Ему удавалось записать сведения, отражающие даже интимные стороны жизни инородцев, не говоря о серьезных родовых сказаниях, сакральных легендах. Очевидно, что одним из секретов его обаяния являлось умение вести беседу в соответствии со всеми этикетными

нормами общения каждого народа. Аналитический отбор эмпирического материала, содержавшего сведения о культуре, быте инородцев, присутствовал в качестве обязательного метода исследовательской работы.

В ходе беседы выявлялись богатые историческими сведениями фольклорные произведения, сопровождаемые порой импровизацией со стороны рассказчика. Для Катанова как лингвиста-тюрколога особый интерес представляли языковые формы, части речи, фонетика, также и семантические контексты не только отдельных слов, но в целом разговорной речи местных жителей. Ни в коем случае он не отступал от своей главной научной цели, хотя попутно им отмечены такие проблемы, как социальное положение абаканских татар, взаимоотношения членов семьи, взаимоотношения русских и соянцев (совр. тувинцев), состояние начальных школ, отношение местных священнослужителей к вопросам просвещения и верованиям местных «татар» и др.

Особое внимание было уделено Н.Ф. Катановым проблеме просвещения инородцев Сибири. В каком бы крае он ни находился, всегда интересовался состоянием народных училищ, школ и ролью грамотных людей в просвещении инородцев. К сожалению, мало утешительного находил он даже в родном «гнезде» – селе Аскиз. Состояние народного образования среди нерусских народов Сибири в конце XIX в. было далеко не блестящим. В дневниковых записях Николая Федоровича даны сведения, например, о том, насколько эффективна деятельность миссионеров – учителей В.Е. Суховского в с. Аскыс, Н.Ф. Катанова (брат. – К.С.) в с. Усть-Есь (НАРТ. Ф. 969, ОП. 1. Д. 8. Л. 333). Он подверг критике этих деятелей, поскольку искоренение «языческих обычаев» понималось ими на уровне отбирания шаманских костюмов и бубнов. Первый же общался с местными жителями через переводчика, не владея инородческим языком, что снижало его просветительское влияние на народные массы.

Обобщая сказанное, можно выделить следующие исследовательские направления во время путешествия Катанова по Сибири и Востоку.

1. Язык, его всевозможные проявления в речи носителей тюркских народностей.
2. Фольклор, его жанры: сказки, предания, легенды, басни, сказания, песни, загадки, поговорки, пословицы, народные приметы, высказывания.
3. Религия, философские взгляды тюркских племен; отношение к православию.
4. Материальная культура, быт, предметы хозяйствования; культовые предметы и вещи.
5. Социально-культурные, товарно-денежные отношения племен.
6. Социальная структура племен, управление, их родственные, родоплеменные отношения.
7. Элементы психологии народов, межличностные, межэтнические отношения.
8. Педагогические взгляды отдельных племен [Султанбаева, 2009, с. 45].

В процессе работы с полевыми материалами Катановым были использованы достаточно эффективные методы и приемы научного исследования, в частности метод сравнительно-сопоставительного изучения, что позволило ему практически овладеть родственными наречиями, диалектами тюркских языков в считанное время. В «Письмах из Сибири и Восточного Туркестана» в период с 17.04.1889 по 23.02.1891 гг. дано описание Н.Ф. Катановым особенностей урянхайского диалекта, в отличие от сагайского, бельтирского, качинского и др. Сегодня тувинские ученые по праву гордятся трудами Катанова, где он, по сути, увековечил урянхайский (тувинский) язык, доказав его родственность с тюркской группой языков в рассматриваемый исторический период.

Одним из важнейших методологических подходов ученого следует назвать принцип комплексного изучения языковых феноменов. В его работах практически отсутствуют изолированные языковые факты, почти все они отражают этнографические, исторические события или образ мыслей, мировоззренческие взгляды разных тюркских племен. Комплексность изучения этнографии и языка народа проявлялась и в том, что Катанов обнаруживал общие контексты применения тех или иных языковых форм у родственных этносов.

В одном из его писем читаем: «...записал названия родовые, некоторые обычаи сойотов (свадебные, погребальные), узнал кое-что о религии буддийской и шаманских верованиях, об отношениях сойотов, как подданных, к китайцам и прочее. Слов записано около 1200, предложений из разговорной речи около 90 и три песни» [Катанов, 2001, с. 26]. Полевые записи производились в определенной системе: названия родовые (в т. ч. самоназвание племени), религиозные воззрения и верования, структура родов, родоначальники, история племени, фольклорное творчество (песни, сказания, предания, легенды, басни, сказки, загадки, пословицы, поговорки, сведения из народной медицины), товарно-денежные отношения и т. п.

Н.Ф. Катанову впервые среди востоковедов в конце XIX в. удалось на основе фактического языкового материала уточнить и доказать следующие положения.

1. Различные племена Урянхайского края (соврем. Тува) принадлежат к одной тюркской языковой группе. Следовательно, они имели в прошлом общие культурно-исторические корни.
2. Процессы взаимодействия урянхайцев (сойотов, соянцев), различных племен минусинских татар с русскими, китайцами усиливаются, в результате чего в языках местных племен появляются новые русские слова, как собственные, так и нарицательные. «В наречии татар, живущих по русскому тракту (Минусинск, Каптырево, Означенная, Бейское, Табат, Таштып), сильно заметно влияние русского языка, сказавшееся преимущественно в заимствовании русских неизменяемых частиц (наречий, союзов и междометий)» [Султанбаева, 2009, с. 47]. Можно утверждать, что на территории современного Саяно-Алтайского края активные межэтнические связи к настоящему времени насчитывают свыше 150 лет, здесь исторически сложилась своеобразная этнокультурная среда, свои региональные традиции и устои благоприятного сосуществования этносов.
3. По образу жизни как урянхайцы, так и минусинские татары преимущественно скотоводы, земледелием занимается незначительная часть этих племен. Отмечена приверженность тюркских племен к собственным традициям ведения хозяйствования. К концу XIX – и началу XX столетия почти все сибирские татары придерживались исконно традиционного верования – шаманизма, а урянхайцы – буддизма. Однако с введением православия и крещением минусинских татар началось развитие двоеверия, что имеет место и в настоящее время среди современных хакасов.

Речи о вымирании сибирских инородцев среди отдельных ученых России оказались необоснованными, на что указывал Н.Ф. Катанов в своих выводах, построенных на основе комплексного изучения инородцев. Напротив, собранные им материалы свидетельствовали о наличии самобытной культуры, древней истории этих народов. Конкретно ученый указывал на вымирание двух племен: карагасов и камасинцев.

Первая 4-летняя исследовательская экспедиция молодого Катанова в Сибирь и другие регионы Востока с целью комплексного изучения тюркских народов неоп-

ровержимо доказала его убеждение о необходимости просвещения и образования «инородцев» на основе глубокого научного исследования их языков и культур. Катанов последовательно проводит мысль о том, что обучением детей инородцев следует заниматься подготовленными учителями из представителей самих народов или людям, владеющим инородческими языками наряду с русским. Подобный взгляд продиктован потребностями практики обучения инородцев в Сибири, и он аналогичен прогрессивным взглядам К.Д. Ушинского, И.Я. Яковлева.

С высоты достижений современных гуманитарных наук труды Катанова приобретают большую значимость. Историческое развитие коренных народов Сибири доказало гениальность, прозорливость ученого в отношении тюркских народностей. Он всемерно доказывал современникам необходимость комплексного изучения народностей Сибири, научно обосновывал идеи сохранения самобытной культуры нерусских народов России. Для чего следовало развивать просвещение и образование малых народностей Сибири и России в целом. Катанов рассматривал широкую просветительную деятельность среди соплеменников в тесной взаимосвязи с русским языком и культурой, о чем он постоянно напоминал в своих трудах.

В работах, посвященных вопросам народного просвещения, и письмах начинающим исследователям он указывал на необходимость взаимодействия с лучшими представителями русской интеллигенции, являвшимися наглядным примером бескорыстного служения народу. Н.Ф. Катанов выражал искреннюю озабоченность низкой грамотностью земляков. Желая каким-то образом помочь своему народу, в непосредственном общении он призывал земляков обучать детей и убеждал в необходимости развития школьного образования. Понимая, что отсутствие специальных учебников, методических и наглядных пособий, словарей, собственной письменности является серьезным препятствием для народных учителей, ученый плотно работал и в этом направлении, создавая свои пособия для студентов и учителей, изучавших востоковедение в Казани.

Не менее интересны содержательные отчеты ученого по Уфимской губернии, Поволжскому краю в течение летних каникул 1896–1898 гг. и 1901–1905 гг. В 1897 г. (27.05–20.08.) Н.Ф. Катанов исследовал быт и язык «башкир-мусульман и крещеных татар», периодически привлекая свою жену, так как, по его наблюдениям, в более богатой и выразительной речи женщин лучше хранятся особенности народного языка. Специфика отношения царских властей и консервативной части интеллигенции к вопросу об «инородцах» постоянно вынуждала Катанова доказывать необходимость проведения научного исследования тюркских народов России. Комплексную научную оценку описанных Катановым лингвистических, этнокультурных, фольклорных сведений дали отечественные тюркологи, востоковеды, лингвисты (Г.С. Амиров, Н.Г. Доможаков, В.Е. Майногашева, К.М. Патачаков, Ш.Ч. Сат, Я.И. Сунчугашев, Д.Г. Тумашева, П.А. Трояков и др.).

Таким образом, научно-творческое наследие ученого, его дневниковые записи, опубликованные труды, архивные материалы дают возможность современникам получить наглядное представление о состоянии языка, культуры современных хакасов, тувинцев, казахов, башкир, татар и других тюркских народностей в конце XIX в. Его фундаментальный труд «Опыт исследования урянхайского языка» до сих пор служит источником развития тувинского языка. Многочисленные статьи, заметки ученого содержат много этнографического материала, отражающего этническую психологию народов Сибири и Востока. По прошествии целого столетия содержание многих рукописей приобретает не только культурно-историческое

значение, но собственно рукописи представляют самостоятельную ценность как реликвии прошлого и становятся отражением духа времени. Полевые исследовательские материалы Николая Федоровича представляют собой сведения «из первых рук», что доказывает их историческую ценность и достоверность. Важнейшими исследовательскими принципами ученого следует признать системность, объективность, достоверность, комплексность, целостность изучаемых явлений, взаимосвязь теории и живой практики.

Для современников, несомненно, его письменное наследие является источником, содержащим особый историко-культурный и этнический дух народов. Как исследователь собственного и родственных ему народов Н.Ф. Катанов открыл для других культур и народов своеобразный тюркоязычный мир, приблизил к европейским цивилизациям «дикий Восток», показав уникальную культуру и этническую самобытность народов Сибири и Востока на рубеже XIX–XX вв.

Список сокращений

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).

Библиографический список

1. Катанов Н.Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2001. 260 с.
2. Султанбаева К.И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель: монография. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2009. 144 с.

БИОЛОГИЯ

Н.Ю. Бикаева

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ МАССОВЫХ ВИДОВ ПТИЦ г. ЗЕЛЕНОГОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)

Массовые виды птиц, различные типы местообитаний, сезонная динамика населения птиц.

В последние десятилетия естественная природная среда претерпела существенные изменения, что привело к появлению новых антропогенных ландшафтов. Одной из разновидностей таких ландшафтов являются города, на территории которых формируется своеобразная структура биоценозов. Неотъемлемой ее частью являются птицы. Изучение городской авифауны, в частности массовых видов птиц, позволяет выявить механизмы их адаптации к происходящим антропогенным изменениям природной среды [Чурсинова, 2010]. В районе г. Зеленогорска подобные исследования не проводились. Город Зеленогорск относится к небольшим городам России с населением 68 тыс. человек, располагается в 150 км к северо-востоку от г. Красноярска в лесном массиве Канской лесостепи. Городские кварталы находятся на левом берегу р. Кан. К городу с различных сторон примыкают хвойные, смешанные и лиственные леса. Жилые кварталы имеют густое искусственное озеленение. Застройка разнообразная, представлена каменными и деревянными зданиями различной этажности. С восточной стороны к городу примыкают территории садоводств. Мозаичность городских биотопов создает возможность для заселения города разнообразными видами птиц. Однако основу авифауны формируют виды с широкой экологической пластичностью [Рахимов, 2006], что позволяет им достигать высокой численности в антропогенных ландшафтах.

Цель данной работы – выявление характера размещения массовых видов птиц в условиях г. Зеленогорска.

Сбор информации проводился в 2006–2010 гг. на постоянных маршрутах в различных типах местообитаний (селитебных ландшафтах, садоводствах, поймах рек, лесопарках). К массовым отнесены виды, которые являются многочисленными или обычными во всех выделенных местообитаниях города. Многочисленные виды – виды, плотность населения которых варьирует от 1,1 до 10 ос / га. Обычные виды – виды, плотность населения которых варьирует от 0,1–1 ос / га.

Всего за период исследований в черте города зарегистрировано 79 видов птиц, из них массовыми являются 9 (табл.).

Таблица

**Средняя плотность населения массовых видов и их доля
в общем населении птиц г. Зеленогорска**

№ п/п	Виды	Летний сезон		Зимний сезон	
		Средняя плотность населения (ос. / га)	Доля в общем населении птиц, %	Средняя плотность населения (ос. / га)	Доля в общем населении птиц, %
1	Полевой воробей	6,2	43,3	4,9	34,6
2	Домовый воробей	2,1	14,8	2,6	18,1
3	Сизый голубь	1,7	12,1	1,2	8,5
4	Черная ворона	1,0	7,4	2,07	14,5
5	Маскированная трясогузка	0,5	3,6	-	-
6	Обыкновенная горихвостка	0,4	3,0	-	-
7	Большая синица	0,3	2,4	1,1	8,0
8	Свиристель	-	-	1,1	7,8
9	Обыкновенный снегирь	-	-	0,3	2,7
	Итого		86,6		94,2

1. Полевой воробей *P. montanus* – оседлый вид. В районе исследования многочислен во всех выделенных местообитаниях в течение всего года. В основном предпочитает районы с деревянной застройкой, также селится в садах, парках. Так, наибольшая плотность полевого воробья в течение всего года наблюдается в д. Орловка: 9,9 ос / га зимой и 7,6 ос / га летом. Это объясняется тем, что на территории деревни более богатая кормовая база и благоприятные условия для сооружения гнезд. Гнезда птицы устраивают под крышами домов, за наличниками и карнизами, а также в искусственных гнездовьях. Высокая плотность населения полевого воробья отмечается и в п. Октябрьский: 8,31 ос / га зимой и 7,0 ос / га летом. В селитебных ландшафтах г. Зеленогорска наибольшая плотность вида отмечается летом – 7,03 ос / га (зимой – 3,88 ос / га).

В других местообитаниях плотность населения полевого воробья ниже, чем в селитебных ландшафтах, однако и здесь вид является многочисленным. Так, в садоводстве № 1 его плотность составляет 4,67 ос / га зимой и 4,72 ос/га летом; в садоводстве № 2 соответственно 2,95 и 6,36 ос / га, в пойме р. Барга – 2,29 и 4,29 ос/га, в городских лесопарках – 1,6 и 3,4 ос / га. Это объясняется экологической пластичностью вида в выборе кормов и мест для гнездования.

2. Домовый воробей *Passer domesticus* – обычный, местами многочисленный, широко распространенный вид. Наибольшей численности домовый воробей достигает в населенных пунктах городского типа [Елаев, Доржиева, 2006]. В районе исследования данный вид гнездится повсеместно, но плотность его населения в разных биотопах различна. Наибольшая плотность домового воробья отмечается в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска: 4,3 ос/га летом и 4,84 ос/га зимой. Это связано с благоприятными условиями обитания птиц. Наличие довольно густой внутридворовой растительности определяет большое разнообразие насекомых – основной пищи гнездовых птенцов. Также зеленые насаждения предоставляют взрослым птицам различные растительные корма: вегетативные части, семена и плоды различных растений. Зимой стайки воробьев собираются вблизи кормушек, возле продовольственных магазинов, на городском рынке, где находят корма антропогенного происхождения: семена подсолнечника, хлебные крошки и

различные пищевые отходы. В п. Октябрьский плотность населения домового воробья несколько ниже – 3,31 ос / га летом и 3,77 ос / га зимой. В д. Орловка плотность составляет 1,43 ос / га летом и 3,06 ос / га зимой. Увеличение численности домового воробья к зимнему сезону в д. Орловка связано с прикочевкой птиц в район зернохранилища из других местообитаний. В зимний период домовый воробей многочислен и в поймах рек: в пойме р. Барга плотность его населения составляет 2,0 ос / га, в пойме р. Кан – 1,4 ос / га. В городских лесопарках зимой домовый воробей – обычный вид (0,75 ос / га). Обычным в течение года данный вид является на территории садоводств (0,45 ос / га).

3. Сизый голубь *Columba livia* – гнездящийся оседлый вид. В полудомашнем состоянии заселяет все города и крупные селения от Прибалтики до Приморья [Второв, Дроздов, 1980]. В районе исследования гнездится, образуя колонии на различных зданиях с чердаками, располагающиеся вблизи остановок общественного транспорта, рынков и других мест, где более богата кормовая база [Гулгенов С., Гулгенов Б., 2006].

Наибольшая плотность населения сизого голубя отмечается в районе многоэтажной застройки г. Зеленогорска: 3,29 ос / га летом и 2,54 ос / га зимой. В этом типе местообитаний существует несколько колоний сизых голубей численностью более 100 особей каждая. Здесь птицы питаются как семенами растений, так и кормами антропогенного происхождения, которые составляют основу рациона голубей в зимнее время года, когда наступает дефицит кормов естественного происхождения. Однако наибольшая по численности (1000–1200 особей) колония сизых голубей отмечается летом в д. Орловка в районе зернохранилища. Плотность вида здесь достигает 300 ос / га. В целом в д. Орловка плотность сизого голубя летом составляет 3,06 ос / га, зимой – 1,53 ос / га. Также высокая плотность населения сизого голубя отмечается в п. Октябрьский – 2,74 ос / га (летом) и 1,83 ос / га (зимой). Сизый голубь встречается и в пойменных ландшафтах рек Кан и Барга, однако плотность населения здесь значительно ниже и составляет в среднем в летний сезон 1,08 ос / га, в зимний – 0,5 ос / га.

Таким образом, в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска данный вид является многочисленным в течение всего года. В пойменных ландшафтах сизый голубь является многочисленным в летний сезон и обычным – в зимний. В остальных типах местообитаний сизый голубь не встречается. Несмотря на его отсутствие в садоводствах и лесопарках, доля вида в общем населении птиц значительна и составляет 12,1 % летом и 8,5 % зимой (табл.).

4. Черная ворона *Corvus corone* – один из наиболее характерных видов птиц антропогенного ландшафта. В районе исследования черная ворона – оседло-кочующий вид. В летний сезон городская популяция насчитывает 1147 особей, а к зиме она увеличивается почти в 2 раза – до 2196 особей. Это связано с прикочевкой значительной части популяции из естественных местообитаний, где птицы выкармливают потомство. В зимние месяцы ворон привлекают разнообразные антропогенные корма, которые находятся в жилых кварталах. Поэтому зимой во многих местообитаниях города черная ворона становится многочисленным видом. Так, в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска плотность населения черной вороны достигает 4 ос / га, что выше летнего показателя в 4,6 раза. Зимой плотность вида также увеличивается в городских лесопарках (до 2,4 ос / га), в п. Октябрьский (до 2,18 ос / га), в д. Орловка (до 1,69 ос / га), в пойме р. Кан (до 0,8 ос / га). В пойме р. Барга и в садоводстве № 2 плотность черной вороны, наоборот, уменьшается до 0,86 и 0,73 ос / га соответственно. Это объясняется отсутствием здесь достаточной кормовой базы.

В ранневесенний период наблюдается перераспределение популяций на гнездовые участки, что приводит к уменьшению численности черных ворон в городе. В летний период черная ворона многочисленна в пойме р. Барга (1,71 ос / га), на территории садоводства № 2 (1,59 ос / га), в д. Орловка (1,58 ос / га) и в городских лесопарках (1,25 ос / га). В остальных местообитаниях черная ворона является обычным видом, при этом следует выделить селитебные ландшафты п. Октябрьский (0,95 ос / га) и г. Зеленогорска (0,87 ос / га). Наименьшая плотность вида в летний сезон отмечается в пойме р. Кан – 0,33 ос / га. В летне-осенний период при образовании массовых скоплений и интенсивных послегнездовых кочевок численность черной вороны вновь повышается и достигает максимальных значений к зимнему сезону.

5. Маскированная трясогузка *Motacilla personata* – птица открытых ландшафтов, распространенная в Средней Сибири повсеместно [Рогачева, 1988]. В районе исследований маскированная трясогузка – обычный гнездящийся перелетный вид. На территории города Зеленогорска первые птицы появляются во второй декаде апреля. Наиболее ранний прилет зафиксирован 9 апреля 2011 г. Гнездится в различных биотопах, но охотнее поселяется в населенных пунктах, расположенных на берегах водоемов. При размножении важно наличие в пределах участка обитания укрытий для размещения гнезда и открытых территорий для охоты. В антропогенном ландшафте такими территориями являются дороги, тротуары, площади и др. [Перетолчина, 2005]. В районе исследований наибольшая плотность населения маскированной трясогузки отмечена в садоводстве № 2 (0,74 ос / га) и в пойме р. Барга (0,71 ос / га). На территории садоводства имеются удобные места для гнездования. Птицы охотно гнездятся в каменных и деревянных сооружениях под крышами, в щелях и нишах стен и т. д. Кроме того, обработка почвы при выращивании сельскохозяйственных культур создает дополнительные условия для питания птиц различными насекомыми. В пойме р. Барга также имеются благоприятные условия для обитания вида. Невысокие, но крутые берега реки позволяют устраивать гнезда в обрывах, в нишах и промоинах под корнями деревьев и кустарников. Следует отметить, что в районе р. Барга имеются открытые участки местности, необходимые для питания маскированной трясогузки. Так, пустырь, появившийся при бетонировании части русла реки, а также автомобильные и пешеходные дороги, подходящие почти вплотную к реке, используются птицами при поиске корма. В других местообитаниях маскированная трясогузка – также обычный вид, но плотность населения несколько ниже и варьирует от 0,4 ос / га в пойме р. Кан до 0,53 ос / га в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска.

6. Обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* – гнездящийся перелетный вид. В районе исследования птицы появляются во второй половине мая. Наиболее ранний прилет отмечен 4 мая 2011 г. в районе многоэтажной застройки г. Зеленогорска. Обычный вид. Наибольшая его плотность наблюдается в городских лесопарках (0,8 ос / га) и на территории садоводств (0,62 ос / га). Это объясняется наличием в этих местообитаниях древесной растительности, предпочитаемой этим видом. Также имеются разнообразные скворечники, которые используются птицами. Относительно высокая плотность населения вида отмечена в д. Орловка (0,47 ос / га) и в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска (0,38 ос / га). В остальных типах местообитаний плотность обыкновенной горихвостки значительно меньше и составляет 0,1 ос / га (в п. Октябрьский и в пойме р. Кан).

7. Большая синица *Parus major* – один из наиболее многочисленных видов птиц, встречающихся в населенных пунктах [Дубова, 2003]. Это оседло-кочующая птица. В районе исследования большая синица встречается в течение всего года,

при этом ее численность меняется по сезонам. В зимний сезон население вида во всех рассматриваемых типах местообитаний значительно возрастает. Так, в городских лесопарках отмечается наибольшая плотность вида в течение года, при этом летом она составляет 1,6, а зимой – 2,6 ос / га. Подобная тенденция наблюдается в пойме р. Барга (плотность населения увеличивается с 0,86 до 2,14 ос / га), в д. Орловка (с 0,36 до 1,62 ос / га), в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска (с 0,3 до 1,25 ос / га), в п. Октябрьский (с 0,14 до 1,22 ос / га), в садоводстве № 2 (с 0,46 до 1,1 ос / га). Таким образом, в указанных местообитаниях большая синица является обычным видом в летний период и многочисленным – в зимний. В садоводстве № 1 и в пойме р. Кан данный вид является обычным в течение всего года. В садоводстве плотность его населения варьирует от 0,3 до 0,61 ос / га, а в пойме р. Кан – от 0,33 до 0,8 ос / га. Увеличение численности большой синицы в осенне-зимний период связано с территориальными перемещениями, на которые оказывает основное влияние кормовой фактор. В течение холодного времени года в условиях селитебных ландшафтов и других местообитаний птицы находят дополнительные источники питания в виде антропогенных кормов. Следует также отметить, что жители города развешивают многочисленные кормушки, привлекающие различные виды птиц, в т. ч. большую синицу.

С приближением периода размножения птицы покидают места подкормки и откочевывают к местам гнездования. Часть популяции остается на гнездование в городе.

8. Свиристель *Bombycilla garrulus* – кочующий и зимующий вид. Он обычен, местами многочислен во время сезонных перемещений и на зимовках. Сроки прилета и количество появляющихся птиц варьируют по годам и зависят от обилия кормовой базы. При урожае рябины – основного их корма – они скапливаются в большом количестве. Прилет свиристелей в город наблюдается в конце сентября – начале октября. Стайки численностью 45–50 особей регулярно наблюдаются в пределах города во внутриворонных насаждениях в течение всей зимы. В марте-апреле наблюдается весенняя миграция птиц. В это время они встречаются небольшими группами (10–15 особей). В некоторые годы во время весенних кочевок численность свиристелей может значительно увеличиваться. Так, в апреле 2010 г. сразу несколько стай птиц численностью более 100 особей каждая наблюдались в различных районах города.

Анализ населения данного вида в различных местообитаниях города показал, что наибольшая его плотность в д. Орловка (2,65 ос / га). В селитебных ландшафтах п. Октябрьский и г. Зеленогорска, а также на территории садоводства № 2 свиристель также многочисленный вид, однако плотность населения заметно ниже: 1,34 ос / га в п. Октябрьский, 1,19 ос / га в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска и 1,0 ос / га в садоводстве № 2.

9. Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* – обычный, местами многочисленный, зимующий вид. Встречается в холодное время года во всех зеленых насаждениях города, где питается семенами и плодами кустарников. Наибольшая плотность населения снегиря отмечается в городских лесопарках (1,2 ос / га). Несколько ниже плотность в пойме р. Барга (0,71 ос / га), в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска (0,59 ос / га), в п. Октябрьский (0,47 ос / га) и в пойме р. Кан (0,4 ос / га). В д. Орловка и на территории садоводств плотность населения вида наименьшая: 0,25 ос / га в садоводстве № 2, 0,19 ос / га – в д. Орловка и 0,16 ос / га в садоводстве № 1.

Почти в любом местообитании снегири, группами по 5–6 особей, кормятся на рябинах, поедая плоды, объедают почки на деревьях и кустарниках. Кроме того, регулярно посещают кормушки.

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

В условиях г. Зеленогорска массовыми являются 9 видов. К ним в течение всего года относятся полевой воробей, домовый воробей, сизый голубь, большая синица, черная ворона; в зимний сезон – свиристель и обыкновенный снегирь; в летний сезон – маскированная трясогузка и обыкновенная горихвостка. На них приходится 86,6 % летнего населения птиц и 94,2 % зимнего. Полевой воробей имеет наибольшую плотность населения во всех местообитаниях города. При этом особо выделяется д. Орловка, где плотность вида достигает 9,9 ос / га в зимний сезон и 7,6 ос / га в летний. В селитебных ландшафтах г. Зеленогорска высокую плотность населения в течение года имеют также домовый воробей (4,32 ос / га летом и 2,54 ос / га зимой) и сизый голубь (3,29 и 2,54 ос / га). Население черной вороны и большой синицы имеет четко выраженную сезонную динамику. В зимний сезон плотность населения этих видов увеличивается, что связано с территориальными перемещениями, вызванными влиянием кормового фактора. Максимальных значений население черной вороны достигает в зимний сезон в селитебных ландшафтах г. Зеленогорска (4,01 ос / га), большой синицы – в городских лесопарках (2,6 ос / га). Наибольшая плотность населения маскированной трясогузки отмечается на территории садоводства № 2 (0,74 ос / га), обыкновенной горихвостки – в городских лесопарках (0,8 ос / га).

Существенный вклад в зимнее население птиц вносят свиристель и обыкновенный снегирь (10,5 %). Наибольшая плотность населения свиристеля наблюдается в д. Орловка (2,65 ос / га), обыкновенного снегиря – в городских лесопарках (1,2 ос / га).

Библиографический список

1. Второв П.П., Дроздов Н.И. Определитель птиц фауны СССР. М.: Просвещение, 1980.
2. Гулгенов С.Ж., Гулгенов Б.Ж. Гнездящиеся птицы сельских населенных пунктов Восточного Прибайкалья // Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии: материалы II Междунар. орнитолог. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 169–172.
3. Дубова Е.В. Годичная динамика численности большой синицы (*Parus major* L.) на примере гг. Абакана и Черногорска // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы VII Междун. науч. школы-конф. студентов и молодых ученых. Красноярск: Изд-во КГУ, 2003. Т. 1. С. 75–76.
4. Елаев Э.Н., Доржиева Б.Б. К гнездовой экологии домового воробья (*Passer Domesticus* L.) в Западном Забайкалье // Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. Вып. 3, ч. 2. С. 65–66.
5. Перетолчина Т.А. Экология трясогузок в Забайкалье: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Улан-Удэ, 2005. 19 с.
6. Рахимов И.И. Преадаптация – основа синантропизации птиц // Сибирская орнитология. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. Вып. 4. С. 188–195.
7. Рогачева Э.В. Птицы Средней Сибири. Распространение, численность, зоогеография. М.: Наука, 1988. 309 с.
8. Чурсинова Н.В. Особенности экологии домового и полевого воробьев Центрального Предкавказья и их практическое значение: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Махачкала, 2010. 22 с.

ОСОБЕННОСТИ ГНЕЗДОВАНИЯ ХИЩНЫХ ПТИЦ В АРИДНЫХ УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Хищные птицы, гнездование на скалах, особенности экологии, территориальное размещение, распространение.

подавляющее большинство хищных птиц – обитатели открытых ландшафтов (степей, полупустынь, широких речных долин или распадков) или хотя бы частично связаны с ними. Несмотря на высокую экологическую пластичность, соколообразные, приуроченные к гнездованию в оптимальных для них биотопах, находятся в большей или меньшей зависимости от наличия подходящих гнездовых станций. Подобная приуроченность в значительной степени обусловлена происхождением вида и его исторической связью с той или иной географической областью со свойственными ей природными условиями. Этот фактор, наряду со многими другими, в значительной степени определяет распространение и территориальное размещение хищных птиц.

Мохноногий курганник (*Buteo hemilasius* Tem.). Будучи автохтоном и эндемиком Центральной Азии, принадлежит к той группе видов, которые указывают на зоогеографическую общность территории Республики Тыва с Северо-Западной Монголией и Юго-Восточным Алтаем. Эти исторические причины определяют характер его гнездования. В настоящее время этот вид расселился по территории Средней Сибири до 55° с.ш. Только в северных районах ареала, находясь в условиях пессимума, на пределе своего распространения, *Buteo hemilasius* в качестве гнездовой платформы использует высокоствольные деревья, такие как тополь и лиственница. На большей же части ареала этот вид является преимущественно петрофильным и в подавляющем большинстве случаев размещает свои гнездовые сооружения на скальных обнажениях в устьевой части распадка или ущелья или на отдельных скальных останцах и останцевых грядах. Лишь в исключительно редких случаях его гнезда можно найти на деревьях, заброшенных постройках человека или технике. В период с 2005 по 2010 гг. нами было осмотрено 60 гнездовых сооружений *Buteo hemilasius*, из них 57 располагалось на скалах, одно – на брошенном в полупустынной местности комбайне (Убсунурская котловина), два – на деревьях (тополь) в устьевой части р. Харалыг-Хем. В скалах гнездятся обычно на труднодоступных уступах, почти всегда закрытых выступом со стороны господствующих западных и юго-западных ветров. Гнезда устраиваются ближе к подножию гор, даже при наличии выше по склону удобных мест для гнездования. Обязательным условием при выборе места для строительства гнезда является хороший обзор близлежащей местности.

В Южной Тыве кладка у мохноногого курганника начинается со второй декады апреля и к концу месяца заканчивается у большинства пар. Наиболее поздняя кладка отмечена 8 мая 1975 г. в долине р. Терегтик-Хем, хр. Танну-Ола. Подобную растянутость гнездового цикла мохноногого курганника можно объяснить тем, что часть особей популяции зимует в пределах гнездового ареала, в то время как из более снежных районов Тывы птицы откочевывают, в результате чего весной приступают к размножению позже остальных.

Мохноногий курганник обладает довольно высоким уровнем гнездового консерватизма. Гнезда, расположенные поблизости друг от друга в пределах одного гнездового участка, используются хищником много лет подряд.

Балобан (*Falco cherrug milvipes* Gray). В России этот вид всегда находится на северном пределе своего гнездового распространения, так как является типичным представителем фауны аридных зон. Северная граница ареала вида проходит примерно по 57-й параллели на широте Ачинска и Красноярска, на юг распространён до Центральной Азии [Сушкин, 1914; 1938; Степанян, 1990].

Балобан – характерный фонообразующий хищник горностепных районов Тывы и Северо-Западной Монголии. Он найден на гнездовье в Монгун-Тайге, на Цаган-Шибэту, в Западном Танну-Ола, на хребте Сангилен и по всей Убсу-Нурской котловине.

На территории Алтай-Саянского экорегиона распространены два подвида балобанов, и их места обитания имеют некоторые отличия. Более бледно и светло окрашенный *Falco cherrug cherrug* (западная часть ареала) гнездится в равнинных островных лесах и предгорных лесостепях. *Falco cherrug milvipes*, более темно окрашенный, предпочитает участки горных степей с отвесными выходами скал, в сухих горах на безлесных участках, очень редко встречается в горах с лесной растительностью и выходами скал.

Falco cherrug milvipes – преимущественно петрофильная форма, основные местообитания его в Тыве – остепненные горы с выходами скал и останцами. Наиболее типичными биотопами являются припойменные скальные обнажения по долинам рек либо широкие пади, откуда открываются обширные пространства степных долин, где хищник охотится. В поясе кедрово-лиственничных лесов и таежных районах региона не обитает. На горно-тундровых участках гольцового пояса не гнездится, но довольно обычен здесь на охоте. Гнезд никогда не строит. В подавляющем большинстве случаев использует для кладки гнездовые постройки мохноногого курганника, расположенные на скалах, и, как исключение, гнезда других хищных птиц или врановых, устроенные на деревьях. В период с 2005 по 2010 гг. на гнездовании нами было отмечено 17 пар балобана. Все они размещали свои кладки в гнездах мохноногого курганника, расположенных на скалах.

Нередко балобан откладывает яйца в скальной нише прямо на грунт, без всякой подстилки. Высота расположения занимаемого гнезда значения не имеет, но тем не менее балобан предпочитает гнездиться на отвесных труднодоступных скалах, в нишах или на уступах, защищенных стеной или навесом. Нередко к гнезду можно подобраться только сверху.

На территории Тывы в пределах гнездовой области балобан распространён спорадично, что определяется мозаичностью распространения грызунов и зайцеобразных как основных объектов питания соколов и наличием удобных мест для гнездования – скал, останцев и выходов горных пород. Одним из важнейших условий территориального размещения балобана является гнездование в аналогичных условиях типичного миофага мохноногого курганника *Buteo hemilasius* – основного поставщика гнездовых платформ для сокола. Гнездовые участки постоянны и используются в течение многих лет подряд.

Степная пустельга (*Falco naumanni* Fl.). Ареал во второй половине XX в. сильно сократился. Еще в середине прошлого столетия его северная граница проходила по широте Красноярска [Сушкин, 1914], а в настоящее время севернее Саян она не встречается. Редка степная пустельга и в Тувинской котловине. Основная концентрация популяций этого вида отмечается южнее хребта Танну-Ола на

территории Убсу-Нурской котловины. Здесь численность популяций степной пустельги довольно высокая и превосходит таковую номинальной формы. Такое сокращение периферийной части ареала в южном направлении объясняется тем, что Котловина Больших Озер Монголии представлена комплексом необходимых для степной пустельги условий, в результате чего численность ее и в настоящее время здесь довольно высокая и стабильная.

Гнездится степная пустельга исключительно в горностепном или горнолесостепном ландшафте на скальных обнажениях останцевых гор, скальных гряд по вершинам сопок, склонам хребтов и уступов платообразных возвышенностей, речных долин. В выположенных сухих степях и полупустынях гнездится наиболее часто в развалах камней, насыпных курганах и развалинах каменных кошар. Распространение несколько спорадично, так как связано и с наличием удобных мест для гнездовья и с присутствием достаточного количества прямокрылых насекомых, составляющих главную пищу этого сокола.

Высота расположения гнездовых ниш особой роли не играет и варьирует от 0,1 до 200 м над землей, однако в естественных условиях степная пустельга предпочитает гнездиться в каменных курганах. В вечернее время соколы, как правило, сидят на выступающих камнях курганов, по-видимому, поблизости от гнезд, но обнаружить кладку довольно сложно, поскольку яйца откладываются в глубокие, до 2 м, ниши и полости между камнями. Значительно реже степная пустельга устраивает гнезда высоко на скалах. Изредка также наблюдается гнездование в нишах заброшенных каменных строений и сельскохозяйственной технике.

Для степной пустельги характерны групповые гнездовья, когда расстояние между соседними кладками составляет лишь несколько метров. Кроме того, встречаются и смешанные поселения степной и обыкновенной пустельги. Следует также отметить высокий гнездовой консерватизм этих соколов.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus L.*). Относится к широко распространенному авифаунистическому комплексу с невыясненным центром происхождения. В степной зоне южной части Средней Сибири обыкновенная пустельга является многочисленным видом интразональных лесных сообществ.

Несмотря на повсеместную встречаемость, в степной зоне юга Средней Сибири обыкновенная пустельга отдает большее предпочтение умеренным лесам, где откладывает яйца в гнезда врановых. В различных природных районах наиболее предпочитаемыми являются гнездовые постройки сорок или ворон. Значительно реже использует для гнезда врановых (преимущественно *Pyrhocorax pyrrhocorax*), расположенные в глубоких расщелинах и нишах скальных образований. Еще реже использует гнезда других хищных птиц, расположенные открыто. Так, 4 июня 1980 г. в долине р. Когерим (левый приток р. Саглы) на скале, в гнезде мохноногого курганника найдена кладка обыкновенной пустельги, состоящая из 5 яиц. Кладка *Falco tinnunculus*, найденная 3 июня 2007 г. в Убсу-Нурской котловине на скальном останце, расположенном между о. Дус-Холь и Шара-Нур, также была отложена в старое гнездо мохноногого курганника. Если же построек не хватает, пустельги откладывают яйца прямо на грунт (слой грунта обычно толстый) дна расщелины или ниши, выкапывая в нем ямку.

Обычная и местами даже многочисленная во всех южных районах Красноярского края, на территории Хакасии и Тывы номинальная форма пустельги проявляет высокую экологическую пластичность в выборе мест гнездования, что выражается в характере территориального размещения и распространения, резко отличающемся от степной пустельги.

Беркут (*Aquila chrysaetos kamtshatica* L.). Редкий оседло-кочующий вид. Представитель гомарктического авифаунистического комплекса. В исследуемой области встречается по всей территории, но на гнездовье тяготеет к горностепным районам с характером плоскогорья, прорезанного ущельями с выходами скал. В лесистых местностях и местах, лишенных скальных образований, не гнездится. Не найден на гнездовье в восточных и юго-восточных таежных районах Тывы [Баранов, 1991]. Гнездование беркута на уступах и в нишах отвесных скал, в лесистых и безлесных ущельях отмечается в горных хребтах юга и востока Казахстана [Корелов, 1962].

В пространственном размещении, наряду с состоянием кормовой базы вблизи гнездовий и замещением близкородственным видом – степным орлом, беркут связан также и с наличием мест, пригодных для устройства гнездовых сооружений. Все без исключения гнезда беркута, осмотренные в период с 2005 по 2010 гг., а также гнезда, ранее известные в Южной Тыве, были устроены в сухих безлесных горах на уступах, образованных выходами горных пород. В Южной Тыве эти хищники довольно часто размещают гнезда поблизости от юрт, кошар и зимников. На облесенных северных экспозициях гор, даже имеющих пригодные для устройства гнезд скалы, как и другие хищные птицы, не поселяется. Однако гнездование *Aquila chrysaetus kamtshatica* на скалах характерно в основном для южной части его ареала (Алтай, Тыва, Забайкалье, Монголия). Севернее этот вид, напротив, гнездится преимущественно на высоких деревьях.

Важной особенностью в размещении гнезд беркута является хороший обзор из гнезда в широкую горную долину, а также поразительная доступность гнездового сооружения. Для беркута характерен высокий гнездовой консерватизм. По некоторым данным, этот хищник может использовать одно и то же гнездовое сооружение в течение 13–15 лет.

Самые ранние кладки беркута можно встретить в конце марта – начале апреля. Большинство же кладок приходится на середину апреля.

Степной орел (*Aquila rapax nipalensis* Hodgs.). Редкий гнездящийся вид исследуемой области. Эндемик Центральной Азии, являющийся характерным представителем монгольского типа фауны. Ареал за последние 70–80 лет значительно расширился к северу. Северная граница его в настоящее время проходит в Минусинской котловине по параллели 54°46′ с.ш. Тенденции к расселению связаны, по видимому, как с глобальным потеплением, так и ростом численности *Aquila rapax nipalensis* в Центральной Азии, в частности на территории Республики Тыва.

Наиболее обычен степной орел в Юго-Западной Тыве в поясе горных степей, где обитает по широким горным остепненным долинам и на высокогорных плато с характером плоскогорья либо холмистой поверхностью. В горах распространяется до высот 2300–2400 м над уровнем моря. Пара степных орлов встречена 18.05.2003 г. в районе озер Толайты (из дневников А.А. Баранова). Здесь он предпочитает места, густо населенные пищухами, сусликами и тарбаганами.

Следует подчеркнуть, что *Aquila rapax nipalensis*, распространенный в Тыве, не связан с местностью резко выраженного степного характера, более того, здесь его можно назвать горной птицей, предпочитающей холмистые местности с выходами камней. В зоне сухих степей и полупустынь Тувинской и Убсу-Нурской котловин, а также на подгорных равнинах бассейна Урэг-Нура не гнездится.

Обычно гнездо устраивает на уступах скальных развалов в средней части пологого щебнисто-каменистого склона, на отдельных останцах в виде уплощенных пирамид в горной степи, реже на уступах припойменных скальных обнажений,

как исключение – на абсолютно ровной поверхности без всяких скальных образований. В пределах гнездового участка иногда имеются старые нежилые гнезда, расположенные в 30–40 и 300 м. Часто степные орлы поселяются поблизости от человека [Баранов, 1991].

Черный гриф (*Aegypius monachus L.*). Редкий, оседло-кочующий, гнездящийся вид Алтае-Саянского экорегиона. В настоящее время наиболее обычны грифы в Монгун-Тайгинском, Овюрском и Эрзинском районах Тывы.

В работах ряда авторов (Дементьев, 1951; Штегман, 1938 и др.) указывается на гнездование черного грифа на скалах скорее как на исключение, чем закономерность. Для Казахстана Корелов (1962) указывает на существование двух типов гнезд черного грифа. Птицы, гнездящиеся в низких, сухих горах, лишенных древесной растительности, располагаются в скалах, на скальных выступах и осыпях. Второй тип гнезд встречается в высоких лесистых горах с пологими выровненными склонами. Здесь грифы гнездятся на деревьях. Аналогичная ситуация складывается и в Монголии [Сушкин, 1938; Степанян, Болд, 1983 и др.]. На Алтае, несмотря на то что черный гриф был отмечен здесь многими исследователями, до настоящего времени гнездование этого вида не установлено [Кучин, 2004].

В Тыве на северном пределе распространения, несмотря на высокоствольную растительность, черный гриф является типичным петрофильным видом. Поселяются грифы в горно-степных местностях, лишенных растительности. Гнездятся в сухих предгорьях с широкими долинами полого-увалистого рельефа, высоко в горы не идут. Гнездовые постройки размещаются на абсолютно доступных скальных развалах, уступах, плитах, больших валунах, нагромождениях камней и осыпях на высоте 1500–1600 м над уровнем моря. Гнезда, как правило, находятся на восточных экспозициях горных склонов, хорошо укрытых от господствующих юго-западных ветров, и в то же время располагаются так, чтобы из них хорошо просматривалась котловина.

Поблизости от жилых гнезд, в 200–300 м, как правило, размещаются одна-две старые гнездовые постройки грифов, которые, по-видимому, используются птицами в разные годы. Гнездовые участки постоянны, и даже в те годы, когда грифы не размножаются, они держатся в пределах гнездовой территории.

Черный коршун (*Milvus migrans lineatus Bod.*). Отмечается как многочисленный гнездящийся вид межгорных котловин и редкий гнездящийся вид горно-лесного пояса южной части Средней Сибири. Характерные биотопические условия – сочетание лесостепных ландшафтов и водоемов. В горах Средней и Центральной Азии связан и с горно-степным ландшафтом. В глухой тайге встречается лишь на кормежке и только там, где тайга прорезана большими водоемами, или у окраины.

Будучи широко распространенным и весьма пластичным видом, живущим в самых разнообразных условиях среды, во многих ландшафтных зонах, черный коршун, гнездование на деревьях для которого, несомненно, первично, издавна селится в безлесных горах, пустынях и степях, на скалах или береговых уступах [Сушкин, 1938]. Так, в долине р. Деспен 28.05.2006 г. наблюдали пару черных коршунов, которые держались на скалах правого берега реки. В Убсу-Нурской котловине на скальных останцах полупустынного ландшафта левого берега р. Тес-Хем в 2007–2010 гг. было обнаружено четыре гнезда этого хищника с кладками.

На территории Средней Сибири в условиях переходной зоны бореальных лесов и сухих степей и полупустынь Центральной Азии при высоком уровне кормовой базы и недостатке мест, подходящих для устройства гнезд, факт аномального

гнездования сибирского черного коршуна на скалах представляет особый интерес. В этих условиях создаются предпосылки для реализации скрытых потенций экологической пластичности вида, которые выражаются в гнездовании черного коршуна на скалах при наличии поблизости кормовых объектов в достаточном количестве. Формирующиеся в специфических условиях популяции с новыми адаптивными особенностями называются экотипами.

Таким образом, для ряда хищных птиц в аридных зонах формируются специфические условия для гнездования. При достаточно высокой численности кормовых объектов и отсутствии высокоствольной растительности складываются благоприятные условия для перехода некоторых видов к гнездованию на скалах. Подобное явление характерно для балобана, беркута и черного коршуна. Эти виды в большей части своих гнездовых ареалов являются типичными дендрофильными формами. Черный коршун, кроме того, тесным образом связан с водоемами, но в Южной Тыве довольно часто устраивает свои гнездовые сооружения на скалах в полупустынной местности на значительном расстоянии от водоемов.

Степная пустельга и степной орел являются облигатными петрофильными видами, гнездящимися на скалах на всем протяжении своих гнездовых ареалов. Эти виды находят здесь для себя оптимальные условия.

Для обыкновенной пустельги гнездование на скалах является лишь одним из множества способов устройства гнезд. Однако в условиях полупустынных районов Южной Тывы гнездование в скальных нишах является приоритетным даже для этого крайне пластичного вида.

Библиографический список

1. Баранов А.А. Редкие и малоизученные птицы Тувы. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 320 с.
2. Баранов А.А. Особо охраняемые животные Приенисейской Сибири. Птицы и млекопитающие: учеб.-метод. пособие. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 264с.
3. Дементьев Г.П. и др. Птицы Советского Союза / Г.П. Дементьев, Н.А. Гладкова, Е.С. Птушенко, Е.П. Спангенберг, А.М. Судиловская. М.: Советская наука, 1951. Т. 1. 652 с.
4. Забелин В.И. К орнитофауне высокогорий Саяна. Орнитология. М.: МГУ, 1976. Вып. 12. С. 68–76.
5. Корелов М.Н. Отряд хищные птицы // Птицы Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. Т. 2. С. 488–707.
6. Кучин А.П. Птицы Алтая: Неворобьиные. Горно-Алтайск, 2004. 778 с.
7. Степанян Л.С. Конспект орнитологической фауны СССР. М.: Наука, 1990. 728 с.
8. Степанян Л.С., Болд А. Материалы по гнездовой экологии птиц Тувинской АССР и Монгольской Народной Республики // Орнитология. 1983. Вып. 18. С. 33–39.
9. Сушкин П.П. Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол. СПб., 1914. Вып. 13. 551 с.
10. Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. 1. 316 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ г. СОСНОВОБОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ РАЙОН)¹

Город Сосновоборск, рекреация, аборигенная флора, растительность, рациональное природопользование, флористические исследования, структура флоры, краснокушские виды, природные комплексы.

Город Сосновоборск является одним из представителей городов-спутников в Красноярском крае. История развития города связана с изначальным его предназначением. Здесь планировалось строительство крупнейшего завода с большим запасом энергетических мощностей и производственных площадей. Были обследованы земли в районе деревень Терентьево и Бархатово. Выбор остановился на площадке близ д. Терентьево, в 30 км к северо-востоку от Красноярска, местность, частично залесенная, с относительно спокойным рельефом. Было также зарезервировано 400 га под строительство завода и 550 га – под жилой район. Велись подготовительные работы: вырубка леса, очистка территории. Производились инженерно-геологические изыскания и отвод земельных участков под промышленный комплекс и жилой район. Предстояла задача высшей категории сложности – одновременно построить завод-гигант и город-спутник.

Сосновоборск расположился на правом берегу Енисея, в междуречье рек Есауловка и Тартат, вдоль Енисейского кряжа Саянских гор. Город решили строить рядом с сосновым бором с полным комплексом социальных удобств. Характерные особенности местности и послужили основой названия Сосновоборск. Большое внимание уделялось благоустройству и выделению зеленой зоны города, с чем и связано наличие достаточно объемной рекреационной зоны из остатков аборигенной флоры естественных природных участков. К таковым относятся лесопарк, представленный преимущественно сосново-березовым лесом, а также р. Есауловка, берег которой включен на сегодняшний день в черту города, выделена санитарно-охраняемая зона, состоящая как из участков естественной растительности, так и интродуцированных видов растений. В настоящее время Сосновоборск – уникальный промышленный город в Красноярском крае с развивающейся социальной и экономической инфраструктурой. Тридцатикилометровая удаленность от краевого центра позволяет развивать жилищное строительство и промышленность. Общая площадь территории равна 1486 га, общая площадь зеленых массивов около 50 га. Значительная часть территории занята агроценозами, состоящими из дачных массивов и полей, ранее занятых культурными посевами и утратившими в настоящее время свое функциональное значение. Но перспективы города, прежде всего, связаны с развитием промышленной площадки и жилищной застройки, что в настоящее время успешно реализуется. Железнодорожная развязка, федеральная автотрасса в 15 км, энергия электрическая и тепловая, места для складирования, близость к реке и краевому центру – все это делает площадку привлекательной для бизнеса [Биктимирова, 2006, с. 1–3]. Наряду с этим оче-

¹ Работа поддержана грантами: РФФИ № 11-04-98100 р-сибирь-а; КГПУ № 18-11-2 / МП.

видно, что естественные территории, входящие в черту города, претерпевают значительную антропогенную нагрузку, непосредственно соседствуя с освоенными под строительство и промышленность участками. Поэтому очень важно, чтобы, наряду с усиленным ростом города для обеспечения высокого качества жизни и здоровья, особое внимание уделялось сохранению естественных природных ландшафтов, которыми богата данная территория.

Естественный растительный покров на территории города сохранился изолированными участками дикой природы. Основная задача при ведении хозяйственной деятельности состоит в том, чтобы не нарушать сложившегося баланса внутри этих экосистем и не превышать допустимых нагрузок на них с целью сохранения их естественной способности к саморегуляции и воспроизводству. Обоснованное управление антропогенными нагрузками на природную среду является одним из важнейших условий успешного развития общества. Рациональное природопользование и контроль над вырубкой лесов, распашкой степей и лугов, выделением рекреационных мест служат залогом экологического благополучия населения, поскольку именно растительный покров является важным средообразующим и средозащитным фактором в экологии города. Все это делает особенно актуальным изучение флоры и растительности, а также анализ качества зеленых массивов города и его ближайших окрестностей.

История флористических исследований отражает полноту изученности растительного покрова. На протяжении долгого периода флора городов не являлась предметом специального изучения. В данном случае летопись ботанических изысканий уходит корнями в далекое прошлое (нач. XVIII в.) [Скалон, 1949, с. 26–29] и основана трудами выдающихся отечественных и зарубежных ученых, экскурсировавших в окр. Красноярска и внесших огромный вклад в изучение флоры Сибири (Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, Г.Ф. Миллер, В.Ф. Зуев, С.М. Кашкарев, Я.П. Прейн) [Черепнин, 1954, с. 3–69]. В послереволюционный период научно-исследовательская работа приобретает планомерный характер, много внимания стало уделяться геоботаническим исследованиям, изысканиям лекарственных, кормовых, дубильных и других полезных растений. Большая роль в изучении флоры и растительности юга Красноярского края в этот период принадлежала В.В. Ревердатто. Известно, что флористические сборы в окр. Красноярска продолжала Г.П. Миклашевская, выпустив две брошюры и статью, касающиеся флоры южной части края. Научный сотрудник Ботанического института М.М. Ильин в 1932 г. работал в окр. г. Красноярска над изучением полезных растений и исследованием условий произрастания липы.

В 1938 г. ботанические исследования начал коллектив кафедры ботаники Красноярского государственного педагогического института во главе с Л.М. Черепниным. При участии сотрудников кафедры и студентов он совершил большое количество экскурсий и экспедиций по югу края, безусловно включающих флористические и геоботанические исследования Красноярской лесостепи и окр. г. Красноярска. Большой вклад в изучение флоры и растительности окрестностей г. Красноярска принадлежит Т.К. Некошной, Л.И. Кашиной, М.И. Бегляновой. Результатом многолетнего экспедиционного труда и тщательных исследований явились флористические сборы, которые, в свою очередь, положили начало созданию Гербария приенисейской флоры при Красноярском педагогическом институте, первоначально насчитывающего свыше 12 000 листов [Антипова, 2006, с. 5–8].

В последние годы детально изучено современное состояние растительного покрова крупнейшего агломерата – г. Красноярска – профессором кафедры ботаники

Е.М. Антиповой (2003) и С.В. Рябовол (2001–2006). На основе этой многолетней работы в 2009 г. была издана монография «Флора Красноярска», включающая конспект флоры сосудистых растений города [Антипова, Рябовол, 2009, с. 18]. До этих планомерных изысканий наиболее исследованной территорией являлось правобережье р. Енисей: Ладейка, Торгашино, Терентьево, Бархатово [Рябовол, 2007, с.17]. Наиболее крупномасштабные исследования всей Красноярской лесостепи в настоящее время принадлежат ученому кафедры ботаники Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Екатерине Михайловне Антиповой. В результате многолетних полевых исследований флоры на территории северных лесостепей Средней Сибири) (Ачинская, Красноярская, Канская) опубликован конспект флоры и более 120 научных работ, в которых впервые приводятся «капитальные оригинальные материалы», освещается таксономический состав, даются экологическая характеристика для каждого вида, частота встречаемости, распространения в конкретной лесостепи и по 26 локальным флорам, обилие и число известных местонахождений, выделен ряд новых видов для этой территории (Антипова, 2008).

Таким образом, анализируя современную историю исследования флоры и растительности южной части Красноярского края, отмечаем, что современное состояние, структура и видовой состав флоры в рамках административных границ г. Сосновоборска, включая промышленную зону, до сих пор целенаправленно и планомерно никем не исследовался. Сохранившиеся участки естественных лесов в городе все еще сберегают признаки бореальных внутриконтинентальных флор и имеют достаточно высокий уровень флористического богатства, включая ряд краснокнижных, редких и красивоцветущих видов, что может стать серьезным основанием для присвоения статуса охраняемых некоторым зеленым зонам (лесопарк, луга и лесополосы, входящие в черту города, прибрежная зона Есауловки и т. д.). Материалами для статьи послужили наблюдения, описания растительности и результаты инвентаризации флоры г. Сосновоборска, выполненные автором в полевой период 2008–2011 гг. Исследования проводились методом модельных выделов [Ильминских, 1993] в сочетании с маршрутным. Наиболее уникальным и репрезентативным природным комплексом г. Сосновоборска является лесопарк, представляющий собой вкрапление дикой природы в городскую среду. Это основной природно-ресурсный потенциал города, обладающий высокими эстетическими достоинствами и средообразующей способностью, благодаря флористическому разнообразию этой территории естественного происхождения. Лесопарк состоит из участков соснового леса, древостой которых представлен исключительно *Pinus sylvestris* L., березняков, включающих преимущественно *Betula pendula* Roth.¹, и смешанных березово-сосновых ассоциаций. Подлесок в чистых сосняках практически отсутствует, в смешанных березово-сосновых лесах представлен: *Padus avium* Mill., *Sorbus sibirica* Hedl., *Crataegus sanguinea* Pall., *Salix caprea* L., *Populus tremula* L., *Rosa acicularis* Lindl. Травяной ярус лесопарка составляют: *Calamagrostis arundinacea* (L.) Roth, *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce, *Trollius asiaticus* L., *Vicia unijuga* A. Br., *Pulmonaria mollis* H. Wolf, *Geranium pseudosibiricum* J. Mayer, *Lathyrus humilis* (Ser.)

Spreng., *Galium boreale* L., *Rubus saxatilis* L., *Cimicifuga foetida* L., *Aconitum volubile* Pall. ex Koelle, *Pleurospermum uralense* Hoffm., *Trifolium pratense* L., *Phleum pratense* L., *Vicia sepium* L., *Campanula glomerata* L., *Equisetum pratense* Ehrh.,

¹ Номенклатура видов дается по С.К. Черепанову (1995).

Geum allepicum Jacq., *Ptarmica impatiens* DC., *Aster alpinus* L., *Orthilia secunda* (L.) House, *Moneses uniflora* (L.) A. Gray, *Viola uniflora* L., *Cypripedium guttatum* Sw., *Cypripedium calceolus* L., *Cypripedium macranthon* Sw., *Aquilegia sibirica* Lam., *Poa sibirica* Roshev., *Vaccinium vitis-idaea* L., *Lilium pilosiusculum* (Frey) Misch., *Fragaria vesca* L., *Ortilia secunda* (L.) Hous, *Valeriana officinalis* L.s.l., *Scorzonera radiata* Fisch.

Не менее живописной представляется прибрежная территория р. Есауловка, которую занимают разнотравно-злаковые луга. Здесь обычны: *Amoria repens* (L.) C. Presl, *Potentilla anserina* L., *Poa pratensis* L., *Ranunculus borealis* Trautv., *Juncus compressus* Jacq., *Stellaria graminea* L., *Agrostis gigantea* Roth, *Medicago lupulina* L., *Tussilago farfara* L., изредко *Cynoglossum officinale* L. В понижениях преобладают ивовые кустарниковые заросли, среди которых встречаются *Salix viminalis* L., *S. triandra* L. с примесью *Populus tremula* L. Травянистый покров сырого берега у воды образуют *Ranunculus repens* L., *Beckmannia syzigachne* (Steud.) Fern., *Scirpus lacustris* L., *Rorippa palustris* Bess., *Erodium cicutarium* (L.) L'Her.

С северо-восточной стороны города располагается сквер, образованный остатками аборигенной флоры и дополненный интродуцентами в результате хозяйственной деятельности человека. Эта площадь является санитарно-охраняемой территорией, но в то же время претерпевает значительную рекреационную нагрузку. Растительный покров сквера представлен в основном луговыми сообществами. В большей части это разнотравно-злаковые луга с вкраплениями одиночных или небольших групповых сообществ представителей древостоя: *Pinus sylvestris*, *Betula pendula*, *Acer ginnala* Maxim., *Salix bebbiana* Sarg., *S. viminalis*, *Ulmus pumila* L., *U. laevis* Pall., образующие лесополосы среди луга и кустарников *Caragana pygmaea* (L.) DC., *Rosa acicularis* Lindl. В травянистом ярусе преобладают: *Medicago sativa* L., *Achillea millefolium* L., *Androsace septentrionalis* L., *Lathyrus pratensis* L., *Dracocephalum nutans* L., *Potentilla canescens* Bess., *Poa angustifolia* (L.) Arsang. – образующий фон в начале лета, *Bromopsis inermis* (Leys.). Весенний белый аспект образуют групповые заросли *Anemone sylvestris* L. Редко встречаются *Thephrosia integrifolia* (L.) Holub, *Fragaria viridis* Duch., *Astragalus danicus* Retz., *Galium verum* L., *Polygala hybrida* DC., *Oxytropis pilosa* (L.) DC., *Aconitum barbatum* Pers.

Библиографический список

1. Антипина Г.С. Особенности формирования урбанofлоры в условиях таежной зоны (на примере города Костомукша, Карелия) // Бот. журн. 2002. Т. 87, № 12. С. 72–79.
2. Антипова Е.М. Особенности флоры Красноярской лесостепи (Средняя Сибирь) // Вестник КрасГАУ. 2006. № 13. С. 183–191.
3. Антипова Е.М. Флора и растительность Сибири и Дальнего Востока // Чтения памяти Л.М. Черепнина: материалы Четвертой Российской конф. Красноярск: КГПУ, 2006. Т. 1.
4. Антипова Е.Н., Рябовол С.В. Флора Красноярска: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009.
5. Антипова Е.М. Флора северных лесостепей Средней Сибири: конспект. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 42–421.
6. Березуцкий М.А. Толерантность сосудистых растений к антропогенным местообитаниям (на примере флоры окрестностей г. Саратова) // Бот. журн. 1998. Т. 83, № 9. С. 77–83.

7. Биктимирова В. Строители края и России договорились // Проекты Красноярья: региональный строительный еженедельник. 2006.
8. Дроздов Н.И. и др. История Красноярского края. Красноярск, 1981. С. 8–23.
9. Встовская Т.Н., Коропачинский И.Ю. Определитель местных и экзотических древесных растений Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал Гео, 2003. С. 33.
10. Ильминских Н.Г. Флорогенез в условиях урбанизированной среды: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 1993. 36 с.
11. Красная книга Красноярского края: Растения и грибы. Красноярск: Поликом, 2005. С. 368.
12. Определитель растений юга Красноярского края. Новосибирск: Наука, 1979. 668 с.
13. Рябовол С.В. О новых и редких видах во флоре г. Красноярска // Флора и растительность Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2006. С. 259–267. Т. 1.
14. Рябовол С.В. Флора г. Красноярска (Сосудистые растения): дис. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2007. С. 17.
15. Скалон В.Н. Первые исследования Сибири. Иркутск, 1949.
16. Черепнин Л.М. История исследований растительного покрова южной части Красноярского края // Уч. записки. 1954. Т. III., вып. I.

ВОДОРΟΣЛИ СОЛОНОВАТОГО ОЗЕРА ЛИСТВЕНКИ 1 (ХАКАСИЯ)

Альгофлора, солоноватое озеро, Хакасия.

Составной частью уникального природного комплекса Республики Хакасия являются озера. Многие из них минерализованы, обладают высоким рекреационным и бальнеологическим потенциалом [Природные воды..., 2003].

Оз. Лиственки 1 расположено в северной части Хакасии, в Июсской лесостепи Июсо-Ширинского степного округа, находится в замкнутой межгорной котловине, рядом с оз. Лиственки 2 (на расстоянии 150 м), на территории Государственного природного заповедника «Хакасский». Озеро бессточное, площадь – 0,14 км², максимальная глубина – 5 м. Грунты представлены песком, заиленным песком, песком с мелким галечником, черным илом. Минерализация озерной воды – 2,7 г / л, содержание основных ионов: Mg²⁺ – 261,5 мг / л; Na⁺ – 162,2; Ca²⁺ – 120,8; K⁺ – 25,3; Sr²⁺ – 10,4; SO₄²⁻ – 1484,0; HCO₃⁻ – 1214,0; Cl – 28,8 мг / л (по оригинальным данным 2007 г.), активная реакция воды щелочная – 7,6–8,2. Значительная часть озера заросла рдестом гребенчатым (*Potamogeton pectinatus* L.), мелководные участки заняты тростниковыми зарослями (*Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.).

Альгологический материал собран с мая по сентябрь 2006–2009 гг. Отбор, фиксация и обработка проб проведены по стандартным методикам [Водоросли, 1989]. Образцы водорослей включают пробы планктона, грунта, обрастаний. Видовой состав определен с помощью световых микроскопов «Альтами», «Amplival» Carl Zeiss, Jena с увеличением до 1600 раз, использован ряд определителей и монографий отечественных и зарубежных специалистов [Виноградова и др., 1980; Голлербах и др., 1953; Забелина и др., 1951; Мошкова, Голлербах, 1986; Попова, 1955; Царенко, 1990; Komarek, Anagnostidis, 2005; Krammer, Lange-Bertalot, 1986; 1988; 1991 a, b]. Эколого-географическая характеристика водорослей приведена по данным, содержащимся в определителях и крупных сводках [Альгофлора..., 2006; Барина и др., 1996; 2006; Унифицированные..., 1977; Фитопланктон Нижней Волги..., 2003].

Изучение альгофлоры озера до наших исследований не проводилось, поэтому целью данной работы явилось выявление видовой состава водорослей оз. Лиственки 1.

В настоящее время в оз. Лиственки 1 идентифицировано 83 вида (95 видов, разновидностей и форм) водорослей из четырех отделов (табл.). Диатомовые и зеленые водоросли составляют 88 % общего видовой разнообразия (*Bacillariophyta* – 71,1 %, *Chlorophyta* – 16,9 %). Доля *Cyanophyta* – 9,6 %, *Euglenophyta* – 2,4 %. Общее число семейств, обнаруженных в озере, равно 28, наиболее разнообразны: *Nitzschiaceae* (16 видов), *Naviculaceae* (12), *Cymbellaceae* (8), *Achnanthes* (6). На уровне родов наибольшим разнообразием характеризуются *Nitzschia* (15 видов), *Navicula* (10), *Cymbella* (6), *Achnanthes* (5). В сумме эти роды содержат 43,4 % от общего числа видов. Озеро отличается большим количеством одновидовых семейств и родов (46,4 и 71,4 % соответственно). Пропорции флоры: 1:1,5:3,0:3,4. Насыщенность родов вида-

ми – 2,0; видами и внутривидовыми таксонами – 2,3. Сравнение родового коэффициента по отделам показало, что наибольшее видовое богатство характерно для родов отделов *Bacillariophyta* и *Chlorophyta*.

В фитопланктоне оз. Лиственки 1 зарегистрировано 24 вида водорослей из четырех отделов: *Chlorophyta* (12 видов), *Bacillariophyta* (8), *Cyanophyta* (3), *Euglenophyta* (1). Наиболее многочисленны зеленые водоросли (составляют 50 % от общего числа видов фитопланктона). Это представители порядка *Chlorococcales*: *Coleastrum microporum*, *Tetraedron minimum*, *Dactylosphaerium jurisii*, *Dictyosphaerium tetrachotomum*, *D. chlorelloides*, *Quadriococcus ellipticus*, *Nephrochlamys allanthoidea*, *Oocystis rhomboidea*, *Monoraphidium irregulare*, *M. minutum*, *Selenastrum bibraianus*, *Crucigenia tetrapedia*. Диатомовые включают водоросли: *Opephora olsenii*, *Fragilaria virescens* var. *subsalina*, *Rhoicosphenia curvata*, *Achnanthes grimmei*, *Cocconeis placentula*, *Navicula radiosa*, *Amphora ovalis*, *Rhopalodia gibba*. Из синезеленых водорослей в планктоне встречаются всего три вида *Synechocystis salina*, *Romeria okensis*, *Spirulina major*. Представитель эвгленовых *Trachelomonas volvocina* обнаружен в прибрежье. Комплекс доминирующих видов фитопланктона составляют зеленые водоросли *Dictyosphaerium tetrachotomum* и *D. chlorelloides*, содоминантом выступает *Opephora olsenii* – из диатомовых.

Донные водоросли оз. Лиственки 1 относятся к отделам *Bacillariophyta* (65 внутривидовых таксонов с номенклатурным типом вида) и *Chlorophyta* (1). Пробы черного ила содержат небольшое число диатомей (15 видов, разновидностей и форм), преобладает *Amphora ovalis*, постоянно присутствуют водоросли: *Mastogloia smithii* var. *amphicephala*, *M. smithii* var. *lacustris*, *Navicula halophyla*. На песчаных грунтах отмечено 12 видовых и внутривидовых таксонов водорослей, преобладают *Opephora olsenii* и *Amphora ovalis*. Песчано-илистые грунты литорали содержат 38 видов и внутривидовых таксонов водорослей, песчано-галечниковые – 28. На данных грунтах доминируют *Nitzschia hungarica*, *N. vitrea* и *Opephora olsenii*, часто встречаются *Cocconeis placentula*, *Amphora ovalis*, *Navicula cincta*. На песчано-галечниковом грунте отмечено незначительное развитие *Ulotrix variabilis*.

Перифитон оз. Лиственки 1 представлен водорослями из отделов: *Bacillariophyta* (19 таксонов видового и внутривидового ранга), *Cyanophyta* (5), *Chlorophyta* (5), *Euglenophyta* (1). Наибольшее количество видов обнаружено в обрастаниях рдеста гребенчатого – 21 вид, где доминируют диатомовые – *Rhopalodia gibba*, *Cocconeis placentula*, содоминантом выступает *Amphora ovalis*. Из синезеленых здесь незначительное развитие получили *Rivularia rufescens*, *Phormidium valderiae*, *Anabaena variabilis*; из зеленых – *Dictyosphaerium tetrachotomum*, *Oocystis rhomboidea*, *Crucigenia tetrapedia*, *Selenastrum bibraianus*; из эвгленовых – *Euglena proxima*.

Обрастания тростника очень бедны в видовом отношении (5 видов). Доминирующим видом является *Rivularia rufescens*, активно обрастающая тростник до глубины 0,5 м от поверхности. Из диатомовых водорослей на тростнике вегетируют *Rhoicosphenia curvata*, *Nitzschia filiformis*, *N. kuetzingiana*, из зеленых – *Cladophora glomerata*. На корягах березы присутствует 8 видов водорослей. Доминируют синезеленые: *Rivularia rufescens* и *Phormidium valderiae*. Из диатомовых встречены единичные клетки: *Rhoicosphenia curvata*, *Cymbella helvetica*, *Achnanthes gibberula*, *Rhopalodia gibba*. В обрастаниях камней также наблюдается доминирование синезеленых водорослей: *Rivularia rufescens* и *Phormidium valderiae*. Всего в обрастаниях камней обнаружено 5 видов.

**Видовой состав и эколого-географическая характеристика
водорослей оз. Лиственки 1**

Таксон	М	Г	А	С	Р
1	2	3	4	5	6
Cyanophyta					
<i>Synechocystis salina</i> Wisl.	п	gl	?	?	k
<i>Aphanothece salina</i> Elenk. et Danil.	п	gl	?	?	a-a
<i>Anabaena variabilis</i> Kütz.	п	mg	i	β	k
<i>Calothrix parietina</i> (Näg.) Thur.	д	?	?	o	k
<i>Rivularia rufescens</i> (Näg.) Born. et Flah.	д	?	?	β-α	?
<i>Spirulina major</i> Kütz.	п	mg	?	α	k
<i>Romeria okensis</i> (Meyer) Hindak	?	?	?	?	?
<i>Phormidium valderiae</i> (Delp.) Geitl.	д	?	?	?	k
Bacillariophyta					
<i>Cyclotella meneghiniana</i> Kütz.	п	gl	alf	α-β	k
<i>Fragillaria pinnata</i> Ehr.	o	gl	alf	β	k
<i>F. virescens</i> var. <i>subsalina</i> Grun.	o	gl	alf	?	b
<i>Opephora olsenii</i> Moeller	o	gl	?	?	?
<i>Diatoma elongatum</i> (Lyngb.) Ag.	п	gl	i	β-o	k
<i>D. hiemale</i> (Lyngb.) Heib.	o	gb	alf	x	a-a
<i>Navicula cincta</i> (Ehr.) Kütz. var. <i>cincta</i>	д	gl	alf	β-α	k
<i>N. cincta</i> var. <i>heufleri</i> Grun.	д	gl	alf	?	k
<i>N. cincta</i> var. <i>leptocephala</i> (Breb.) Grun.	д	gl	alf	?	k
<i>N. cryptocephala</i> Kütz. var. <i>cryptocephala</i>	д	i	alf	α	k
<i>N. cryptocephala</i> var. <i>veneta</i> (Kütz.) Grun.	д	gl	alf	α	k
<i>N. cuspidata</i> Kütz. f. <i>cuspidata</i>	д	i	alf	β-α	k
<i>N. cuspidata</i> f. <i>subrostrata</i> Dipp.	д	?	?	?	?
<i>N. gregaria</i> Donk.	д	mg	alf	β	k
<i>N. halophila</i> (Grun.) Cl. f. <i>halophila</i>	д	gl	alf	?	k
<i>N. halophila</i> f. <i>subcapitata</i> Østr.	д	gl	alf	?	k
<i>N. hungarica</i> Grun.	д	gl	alf	β	k
<i>N. oblonga</i> Kütz.	д	i	alf	o-β	k
<i>N. radiosa</i> Kütz.	д	i	i	o-β	k
<i>N. rhynchocephala</i> Kütz.	д	gl	alf	α	k
<i>N. tuscula</i> (Ehr.) Grun.	д	i	alf	o-β	k
<i>Caloneis silicula</i> (Ehr.) Cl. var. <i>silicula</i>	д	i	alf	o-β	k
<i>C. silicula</i> var. <i>gibberula</i> (Kütz.) Grun.	д	i	acf	?	k
<i>Mastogloia smithii</i> Thw. var. <i>smithii</i>	o	mg	alf	?	k
<i>M. smithii</i> var. <i>amphicephala</i> Grun.	o	gl	alf	?	k
<i>M. smithii</i> var. <i>lacustris</i> Grun.	o	gl	alf	o	k
<i>Cocconeis placentula</i> Ehr. var. <i>placentula</i>	o	i	alf	β	k

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
<i>C. placentula</i> var. <i>euglypta</i> (Ehr.) Cl.	o	i	alf	β	k
<i>Achnanthes delicatula</i> (Kütz.) Grun.	o	gl	alf	β	k
<i>A. gibberula</i> Grun.	o	gl	alf	β	k
<i>A. grimmei</i> Krasske	o	mg	alf	β	k
<i>A. hauckiana</i> Grun.	o	gl	alf	?	b
<i>A. lanceolata</i> (Breb.) Grun. var. <i>lanceolata</i>	o	i	alf	x-o	k
<i>A. lanceolata</i> var. <i>elliptica</i> Cl.	o	i	i	?	a-a
<i>Eunotia valida</i> Hust.	o	gb	acf	o-β	b
<i>Rhoicosphenia curvata</i> (Kütz.) Grun.	o	gl	alf	β	k
<i>Cymbella aequalis</i> W. Sm.	o	i	i	o	b
<i>C. affinis</i> Kütz.	o	i	i	o-β	k
<i>C. aspera</i> (Ehr.) Cl.	o	i	alf	β	b
<i>C. helvetica</i> Kütz.	o	i	alf	x-o	b
<i>C. pusilla</i> Grun.	o	gl	i	o	k
<i>C. ventricosa</i> Kütz.	o	i	i	β	k
<i>Amphora coffeaeformis</i> Ag.	д	mg	alf	?	k
<i>A. ovalis</i> Kütz.	д	i	alf	o-β	k
<i>Gomphonema longiceps</i> Ehr. var. <i>longiceps</i>	o	i	i	o-β	k
<i>G. longiceps</i> var. <i>subclavatum</i> Grun.	o	i	i	o-β	k
<i>Entomoneis alata</i> (Kütz.) Ehr.	o	mg	alf	?	k
<i>E. paludosa</i> (W. Sm.) Reimer	д	mg	i	?	b
<i>Epithemia sorex</i> Kütz.	д	gl	alf	β	k
<i>E. zebra</i> var. <i>porcellus</i> (Kütz.) Grun.	д	i	i	β	k
<i>Rhopalodia gibba</i> (Ehr.) O. Müll.	o	i	alf	o	k
<i>R. gibberula</i> (Ehr.) O. Müll.	o	gl	alf	?	k
<i>R. parallela</i> (Grun.) O. Müll.	o	i	i	o	a-a
<i>Nitzschia apiculata</i> (Greg.) Grun.	д	mg	alf	α	k
<i>N. bilobata</i> W. Sm.	?	gl	?	?	?
<i>N. commutata</i> Grun.	д	mg	alf	?	k
<i>N. filiformis</i> (W. Sm.) Hust.	д	gl	?	x	k
<i>N. fonticola</i> Grun.	д	i	alf	o-β	k
<i>N. frustulum</i> (Kütz.) Grun.	д	i	alf	β	k
<i>N. heufleriana</i> Grun.	д	i	i	o-β	k
<i>N. hungarica</i> Grun.	д	mg	alf	α	k
<i>N. hybrida</i> Grun.	?	mg	alf	β	b
<i>N. kuetzingiana</i> Hilse	д	gl	alf	β	k
<i>N. palea</i> (Kütz.) W. Sm. var. <i>palea</i>	д	i	i	α	k
<i>N. palea</i> var. <i>capitata</i> Wisl. et Poretzky	д	i	i	β	k
<i>N. thermalis</i> var. <i>minor</i> Hilse	д	i	alf	o	b
<i>N. tibetana</i> Hust.	д	i	i	?	a-a

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
<i>N. tryblionella</i> Hantzsch	д	gl	alf	α	k
<i>N. vitrea</i> Norm.	д	mg	alf	о-β	k
<i>Hantzschia amphioxys</i> f. <i>capitata</i> O. Müll.	д	i	alf	?	k
<i>Surirella ovalis</i> Breb.	д	mg	alf	β	k
Euglenophyta					
<i>Trachelomonas volvocina</i> Ehr.	п	i	i	β	k
<i>Euglena proxima</i> Dang.	п	mg	i	p-α	k
Chlorophyta					
<i>Dactylosphaerium jurisii</i> Hind.	?	?	?	?	?
<i>Dictiosphaerium chlorelloides</i> (Naum.) Kom. et Perm.	п	i	acf	?	k
<i>D. tetrachotomum</i> Printz	п	i	i	β	k
<i>Quadricoccus ellipticus</i> Hortob.	п	i	?	?	k
<i>Tetraedron minimum</i> (A. Br.) Hansg.	п	i	?	β	k
<i>Oocystis rhomboidea</i> Fott	п	?	?	β	?
<i>Nephrochlamys allanthoidea</i> Korschik.	п	?	?	β	a-a
<i>Monoraphidium irregulare</i> (G.M. Smith) Kom.-Legn.	п	i	i	?	k
<i>M. minutum</i> (Näg.) Kom.-Legn.	п	i	alf	β-α	k
<i>Selenastrum bibraianus</i> Reinsch	п	?	?	β	k
<i>Coelastrum microporum</i> Näg.	п	i	i	β	k
<i>Crucigenia tetrapedia</i> (Kirchn.) W. et G. S. West.	п	i	i	о-β	k
<i>Cladophora glomerata</i> (L.) Kütz.	д	i	alf	β	k
<i>Ulothrix variabilis</i> Kütz.	д	i	?	β	k

Примечание: М – местообитание: п – планктонный вид, о – обрастатель, д – донный вид. Г – галобность: gb – галофоб, i – индифферент, gl – галофил, mg – мезогалоб. А – ацидофильность: acf – ацидофил, i – индифферент, alf – алкалофил. С – сапробность: х – ксеносапроб, о – олигосапроб, β – бета-мезосапроб, α – альфа-мезосапроб, p – полисапроб. Р – распространение: b – бореальный, k – космополит, a-a – аркто-альпийский, ? – таксоны, мало изученные в экологическом и географическом отношениях.

Эколого-географическая характеристика водорослей

Большинство водорослей (45,3 % от выявленных видов, разновидностей и форм) являются донными обитателями, среди которых наибольшего разнообразия достигают диатомовые водоросли – 37 видовых и внутривидовых таксонов (38,9 %). Группа планктонных водорослей составляет 20 %. Найденные планктонные водоросли относятся к четырем отделам, из которых наиболее представлен отдел *Chlorophyta* (57,9 % всех планктонных форм).

По отношению к солености воды в оз. Лиственки 1 преобладают олигогалобные водоросли (74,7 % выявленных таксонов). Первое место среди данной группы занимают индифференты – 43,1 %, значительна доля галофилов – 29,5 %, галофобов всего 2,1 %. В озере выявлено 15 видов (15,8 %) мезогалобов, интенсивно вегетирующих в бентосе.

Распределение водорослей в оз. Лиственки 1 по их отношению к величине рН следующее: 53,7 % таксонов являются алкалифилами; 24,2 % – индифферентами; 3,2 % – ацидофилами.

По географической принадлежности в водоеме преобладают космополиты (76,8 %), на долю бореальных и аркто-альпийских видов и внутривидовых таксонов приходится 9,5 и 6,3 % соответственно.

В оз. Лиственки 1 обнаружено 67 видов, разновидностей и форм водорослей – показателей сапробности, что составляет 70,5 % общего числа видовых и внутривидовых таксонов. В составе показательных организмов преобладают индикаторы β-мезосапробной зоны (29,5 %). Виды, развивающиеся в переходной зоне между β-мезосапробной и олигосапробной, составляют 14,7 % от общего числа таксонов. Доля олигосапробных видов незначительна – 7,4 %. Суммарная доля х-, х-о-, о-х-сапробных организмов равна 4,2 %; α-, р-α-сапробов – 9,4 %.

Таким образом, в оз. Лиственки 1 обнаружено 83 вида водорослей, представленных 95 внутривидовыми таксонами с номенклатурным типом вида. Основу видовой разнообразия составляют диатомовые, зеленые и синезеленые водоросли. Ведущими семействами являются: *Nitzschiaceae*, *Naviculaceae*, *Cymbellaceae*. В эколого-географическом отношении альгофлора озера представлена преимущественно бентосными организмами. По галобности большинство водорослей относится к индифферентам, на повышенную минерализацию вод указывает значительная доля галофильных и мезогалобных элементов (45,3 % от общего числа видов, разновидностей и форм). По отношению к рН воды преобладают алкалифилы. В географическом отношении водоросли представлены преимущественно космополитами. Среди индикаторных организмов выявлено преобладание β-мезосапробных видов.

Библиографический список

1. Альгофлора озер и рек Карелии. Таксономический состав и экология / С.Ф. Комулайн, Т.А. Чекрыжева, И.Г. Вислянская. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 81 с.
2. Барина С.С., Медведева Л.А. Атлас водорослей – индикаторов сапробности (российский Дальний Восток). Владивосток: Дальнаука, 1996. 364 с.
3. Барина С.С., Медведева Л.А., Анисимова О.В. Биоразнообразии водорослей-индикаторов окружающей среды. Тель-Авив: Pilies Studio, 2006. 498 с.
4. Виноградова К.Л., Голлербах М.М., Зауер Л.М., Сдобникова Н.В. Зеленые водоросли – Chlorophyta: Классы сифонокладовые, сифоновые (Siphonocladophyceae, Siphonophyceae). Красные – Rhodophyta. Бурые – Phaeophyta // Определитель пресноводных водорослей СССР. Л.: Наука, 1980. Вып. 13. 248 с.
5. Водоросли: справочник / АН УССР; Ин-т ботаники им. Н.Г. Холодного; С.П. Вассер и др. Киев, 1989. 604 с.
6. Голлербах М.М., Косинская Е.К., Полянский В.И. Синезеленые водоросли // Определитель пресноводных водорослей СССР. М.: Советская наука, 1953. Вып. 2. 652 с.
7. Забелина М.М., Киселев И.А., Прошкина-Лавренко А.И., Шешукова В.С. Диатомовые водоросли // Определитель пресноводных водорослей СССР. М.: Советская наука, 1951. Вып. 4. 619 с.
8. Мошкова Н.А., Голлербах М.М. Зеленые водоросли. Класс улотриксковые (1) // Определитель пресноводных водорослей СССР. Л.: Наука, 1986. Вып. 10 (1). 360 с.
9. Попова Т.Г. Эвгленовые водоросли // Определитель пресноводных водорослей СССР. М.: Советская наука, 1955. Вып. 7. 282 с.

10. Природные воды Ширинского района Республики Хакасия / под ред. В.П. Парначева. Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. 183 с.
11. Унифицированные методы исследования качества вод. Ч. 3: Методы биологического анализа вод. Приложение 1: Индикаторы сапробности. М.: Изд-во СЭВ, 1977. 191 с.
12. Фитопланктон Нижней Волги. Водохранилища и низовье реки / под ред. И.С. Трифоновой. СПб.: Наука, 2003. 232 с.
13. Царенко П.М. Краткий определитель хлорококковых водорослей Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1990. 208 с.
14. Komarek J., Anagnostidis K. Cyanoprocaryota 2. Teil: Oscillatoriales // Susswasserflora von Mitteleuropa. München: Spektrum, Akad. Verl., 2005. Bd. 19/2. 759 p.
15. Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae. 1. Teil: Naviculaceae // Susswasserflora von Mitteleuropa. Jena: Gustav Fischer Verl., 1986. 876 S.
16. Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae. 2. Teil: Bacillariaceae, Epithemiaceae, Surirellaceae // Susswasserflora von Mitteleuropa. Jena: Gustav Fischer Verl., 1988. 596 S.
17. Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae. 3. Teil: Centrales, Fragilariaceae, Eunotiaceae // Susswasserflora von Mitteleuropa. Stuttgart; Jena: Gustav Fischer Verl., 1991 a. 576 S.
18. Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae. 4. Teil: Achnanthaceae, Kritische Ergänzungen zu Navicula (Lineolatae) und Gomphonema. Geamtliteraturverzeichnis // Susswasserflora von Mitteleuropa. Stuttgart; Jena: Gustav Fischer Verl., 1991 b. 434 S.

ГЕОГРАФИЯ

Н.М. Большакова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Экономико-географическое положение, внешние объекты, внешние обстоятельства, индивидуальность пространственного положения, историческая изменчивость, территориальные субъекты.

Экономико-географическое положение (далее – ЭГП) – одна из основных категорий экономико-географического страноведения и экономической и социальной географии в целом. ЭГП является одним из факторов развития государства и его внутренних территориальных субъектов. В определённые исторические отрезки времени может играть доминантную роль наряду с другими факторами развития, как природными, так и социально-экономическими.

С момента обретения суверенитета Российская Федерация стала занимать иное ЭГП на политической карте мира, в мировом хозяйстве, в аналогичной ситуации оказались и её регионы. Перемены в положении по отношению к мировым рынкам, экономическим центрам, торговым путям, транспортным узлам, сопредельным соседям, очагам человеческой культуры ведут к резким изменениям в судьбах территорий. В связи с этим актуальны исследования, касающиеся анализа современного экономико-географического положения регионов России и вытекающих отсюда возможностей, которые необходимо учитывать при определении направлений дальнейшего освоения территорий.

В этом ключе рассмотрим современные особенности экономико-географического положения Красноярского края, опираясь на основные теоретические постулаты выдающегося учёного-географа Н.Н. Баранского, который считал географическое положение района, города или страны одним из важнейших географических факторов, влияющих на географическое (территориальное) разделение труда.

Баранский прежде всего дал общее определение положения. «Положение – это есть отношение данного пункта или ареала к каким-либо данностям, взятым вне этого пункта или ареала» [Баранский, 1990, с. 88]. Экономико-географическое положение рассматривает, по определению Баранского, «отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение, – всё равно, будут ли эти данности природного порядка или данности, созданные в процессе истории» [Баранский, 1990, с. 89]. При этом Н.Н. Баранский обращал внимание на индивидуальность пространственного по-

ложения рассматриваемого ареала, его историческую изменчивость и потенциальный характер.

Красноярский край среди субъектов Российской Федерации занимает центральное положение в стране. Географическим центром России является юго-восточный берег оз. Виви на территории Эвенкийского муниципального района. Расположен между 51° и 81° с. ш. и 78° и 113° в. д. Входит в состав Сибирского федерального округа.

Экономико-географическое положение отдельных территорий края различно в силу его большой протяжённости с севера на юг. Более 60 % территории края находится к северу от 60° с. ш. В этих широтах расположена зона Российского Севера. Эти территории существенно удалены от главной полосы хозяйственного освоения России, рядом с ними находятся аналогичные по транспортно-географическому положению районы Западной Сибири и Дальнего Востока.

Территории Красноярского Севера испытывают большие трудности в развитии сложившихся очагов экономики – Норильский промышленный район, очаги добычи золота, графита, нефти. Доставка продуктов, товаров первой необходимости, промышленного оборудования осуществляется в постсоветский период в большинстве случаев морскими судами других государств. Ушёл в прошлое гарантированный завоз товаров из внутренних районов страны в период навигации по Енисею и его протокам.

Ухудшилось положение портовых поселений океанического побережья края – Диксона, Хатанги, Игарки.

Их возникновение на карте края связано с открытием Северного морского пути (далее – Севморпуть) в 1932 г. Это был путь круглогодичного функционирования с использованием ледокольного флота. Севморпуть способствовал освоению приморских территорий России от Мурманска до Владивостока, он связывал в единое целое большую часть слабо обжитых территорий с суровыми природно-климатическими условиями. Портовые поселения Севморпути обслуживали гражданские и военно-промышленные потребности Севера Российской Федерации в составе СССР. Для закрепления здесь стационарного населения в стране проводилась политика бесперебойного снабжения промышленными и продовольственными товарами, устанавливались высокие размеры заработной платы. Действовала систематическая авиационная связь с внутриматериковыми районами. Были твёрдые гарантии получения жилья в любом регионе страны после выхода на пенсию, льготы при поступлении в высшие учебные заведения и др.

После распада СССР за минимально короткое время разрушилась вся сформированная в советское время система экономического стимулирования северян. Это привело к массовому миграционному оттоку населения с районов Российского Севера, включая красноярский сектор. Конверсия в военно-промышленном комплексе упразднила военно-промышленные нужды региона. Приписанные ранее к портам Севморпути морские суда работают в других морских бассейнах страны или просто стоят в портах в бесхозном состоянии.

В результате резко сократилась людность северных поселений, в т. ч. и портовых, останавливаются и распадаются промышленные производства, до минимума сведены геолого-разведочные работы. Порт Игарка как краевая лесопилка утратил своё значение.

Таким образом, транзитность положения Красноярского Севера на Севморпути значительно ухудшилась. Для того чтобы очагово освоенный регион сохранил своё хозяйственное назначение в условиях сокращения людности северных посе-

лений, как окраинных так и внутрирайонных, край взял курс на использование рабочей силы более южных территорий вахтовым способом. Так, сейчас осваиваются нефтяные месторождения Туруханского района, месторождения графита, золота.

Районы, расположенные к югу от 60° с. ш., несмотря на особенности современной экономической ситуации в стране, имеют лучшие условия для экономического развития благодаря другим компонентам своего ЭГП.

Западные границы центральных и южных районов Красноярского края проходят с Томской и Кемеровской областями и Республикой Хакасия.

Томская область – крупнейший центр академической науки и образования, район нефтедобычи, нефтепереработки и отраслей лесопромышленного комплекса, что даёт возможность краю развивать взаимовыгодное сотрудничество в перечисленных сферах.

Кемеровская область – самый развитый в индустриальном отношении район Сибири и Дальнего Востока. Здесь находится ядро формирующейся металлургической базы Восточного макрорегиона России, сосредоточены центры тяжёлого машиностроения, в том числе по производству горно-шахтного и металлургического оборудования. В области хорошо развиты основная и органическая химия, а также агропромышленный комплекс, продукция которого в широком ассортименте представлена на краевом рынке. Металлургический комплекс области – рынок сбыта железных руд, добываемых на юге края.

Республика Хакасия до 1991 г. находилась в составе Красноярского края. Исторически связана общими чертами в освоении и развитии южных территорий края. Это разработка угольных месторождений Минусинского бассейна, многочисленных железорудных, золотоносных месторождений Курагинского, Идринского, Краснотуранского и др. районов, освоение гидроресурсов верхнего Енисея, строительство ветки Южно-Сибирской железнодорожной магистрали Абакан – Тайшет, освоение чернозёмных плодородных почв Минусинской котловины, формирование Саянского ТПК.

Восточный сосед – Иркутская область – имеет с рассматриваемыми районами Красноярского края схожую структуру производства, что благоприятно сказывается на развитии кооперативных взаимоотношений.

Южный сосед – республика Тыва – менее развита в индустриально-аграрном отношении, может служить для сопредельных районов края рынком сбыта продукции, производимой на территории края.

Как видно из вышеизложенного, ближайшее территориальное окружение центральных и южных районов края создаёт все возможности для взаимовыгодного развития регионов. Эти возможности многократно возрастают при учёте ещё одного компонента ЭГП – транспортно-географического положения.

Центральная группа районов края находится на транзите грузоперевозок по Транссибирской магистрали (участок Ачинск – Красноярск – Канск), которая была сооружена на рубеже XIX–XX вв. с целью привязать енисейскую территорию к Центральной России. Направление грузопотоков идёт как с запада на восток, и с так и с востока на запад. Поэтому здесь оседают товары и краевого производства, и отдалённых от края промышленных центров европейской территории страны, а также импортные. Дополнительно край может поставлять продукцию своих отраслей специализации вплоть до Владивостока и Москвы. Расстояние по железной дороге от Красноярска до столицы России около 4000 км, до Владивостока более 5000 км.

Рассматриваемые районы находятся в узле пересечения железнодорожных путей с крупным енисейским водным путём, по которому прямой выход на Севморпуть. До сих пор крупногабаритное оборудование для сооружения объектов гидроэнергетики поставляется с предприятий Санкт-Петербурга по Енисею. Сохраняются грузопотоки лесных грузов из районов лесозаготовок за границу. С норильского промузла на предприятия г. Красноярска поступают сера и концентраты цветных металлов.

В южных и центральных районах края развита сеть автодорог с твёрдым покрытием. Московский тракт соединяет край с другими областями Сибири, Енисейский тракт – с более северными территориями, входящими в Красноярское Приангарье. Автодороги юга края связаны с Усинским трактом, проходящим по территориям Хакасии и Тывы.

Через центральные районы края проходят 2 нитки магистральных нефтепроводов: Туймазы – Ангарск, Нижневартовск – Ангарск. На пути транспортировки на границе Бирилюсского и Ачинского районов построен ачинский НПЗ, в г. Уяре создан нефтяной терминал, и в настоящее время рассматривается проект строительства Уярского НПЗ.

В ближайшей перспективе сухопутные транзитные возможности Красноярского края будут иметь положительную динамику. В рамках региональной политики Сибири получила поддержку федеральных и региональных властей «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года». В реализации данной стратегии новую фазу развития получают отдельные участки Красноярской железной дороги: Решоты – Карабула, Карабула – Ярки. Участок Решоты – Карабула свяжет Красноярское Приангарье с Транссибом, а Карабула – Ярки – начальный этап строительства железнодорожной линии в районе створа Богучанской ГЭС с выходом далее на Козинск. Всё это позволит активизировать хозяйственное освоение районов Приангарья и обеспечит прямой выход на главную магистраль Сибири и Дальнего Востока.

Совершенно исключительное значение для края имеют подготовительные работы по строительству Северо-Сибирской магистрали общей протяжённостью 2 тыс. км по маршруту Нижневартовск (Ханты-Мансийский АО) – Белый Яр (Томская область) – Лесосибирск (Красноярский край) – Усть-Илимск (Иркутская область) [Стратегия..., 2006]. В результате Красноярский край получит две ветки железнодорожных магистральных путей, что увеличит объёмы транзита российских и международных грузов через главную экономически освоенную полосу расселения (центральные и южные районы края) и приведёт к масштабному освоению территории Красноярского Приангарья.

В настоящее время проводятся подготовительные мероприятия по сооружению минимагистрали Кызыл – Курагино. С вводом в действие этого участка южный сосед края, Республика Тыва, получит железнодорожный выход через южную группу районов края (Курагинский, Каратузский, Ермаковский) на Южно-Сибирскую магистраль.

Сооружение новых железнодорожных путей реально усилит транзитную роль Красноярской железной дороги в Сибирском федеральном округе, что будет способствовать экономическому развитию новых территорий Красноярского края и граничащих с ним субъектов Федерации.

Важным компонентом экономико-географического положения после распада СССР стало геополитическое положение России и её регионов. Интересы России теперь всё больше связаны с интересами стран – соседей по Азиатско-Тихо-

океанскому региону (далее – АТР). В АТР проживает более 50 % населения мира, на регион приходится 60 % мирового валового продукта и более 50 % объёма мировой торговли.

Красноярский край входит в число обширных восточных районов, на которые выпадает важная функция в долгосрочной стратегии развития связей России с АТР. С 1990-х гг. до настоящего времени наблюдается ориентация поставок краевой продукции и сырья на рынки стран АТР (лес, пиломатериалы, нефть, рудные концентраты, цветные металлы). В крае создаются совместные производства, развиваются и крепнут связи по совместной подготовке кадров в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, расширяются связи в области науки, культуры и искусства. На экономическом пространстве края широко используется иностранная рабочая сила из Китая, Кореи, Вьетнама, государств Средней Азии. В этих условиях зреет конкуренция россиян-красноярцев с представителями азиатских государств за рабочие места. Увеличение процента иностранной рабочей силы на территории края, как и в других сопредельных регионах, в перспективе может грозить разделом территорий, если взять во внимание тот факт, что восточный макрорегион России находится в окружении мощных военных держав, в том числе ядерных – Японии, Китая, США.

Это обязывает Красноярский край на данном историческом этапе развития особо учитывать сложившееся его мезоположение в евразийском пространстве.

Резюмируя, можно сказать, что экономико-географическое положение Красноярского края было и остаётся на сегодняшний день важным фактором развития и освоения его территорий. Наиболее выгодно ЭГП в районах прижелезнодорожной полосы вдоль Транссиба. Эти районы привлекли сюда в течение XX столетия многих переселенцев: из отдалённых регионов страны, в постсоветское время – из северных территорий края. Опорный каркас расселения края территориально локализуется именно здесь.

На рубеже XX и XXI столетия появились возможности транспортного освоения районов Нижнего Приангарья и юга края, что позволит в ближайшей перспективе сформировать новые очаги более высокой плотности населения и приведёт к относительно высокой степени хозяйственной освоенности территории Красноярского края.

«Удобства положения, как бы они ни были велики сами по себе, создают только возможности, которые надо ещё суметь использовать» [Баранский, 1990, с. 91]. Эти слова Н.Н. Баранского не утратили актуальность и сегодня.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Избранные труды: Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980. 239 с.
2. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии. М.: Просвещение, 1990. 303 с.
3. Стратегия развития железных дорог в Российской Федерации до 2030 года. М., 2006. 102 с.

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ РЕЛЬЕФА КРАСНОЯРСКА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цифровая модель рельефа, морфометрические исследования, ГИС.

Изучение объектов познания на основе моделирования их свойств – один из исследовательских методов географии. Моделирование – метод исследования сложных объектов, явлений и процессов путём их упрощённого имитирования [Реймерс, 1990]. Возможности современной компьютерной техники позволяют создавать трёхмерные пространственные объекты и насыщать их свойствами непосредственно в виртуальном пространстве компьютера. Для географических исследований такой подход осуществляется на основе географических информационных систем (ГИС). Моделирование проводится для различных целей различных наук. В рамках геоморфологических исследований большое практическое значение имеет моделирование рельефа, оно позволяет получить ряд показателей, определяющих особенности многих физико-географических процессов, протекающих на какой-либо территории. Основным интерес при этом вызывает составление карт углов наклона, экспозиции склонов, вертикальной расчленённости. Такие карты позволят охарактеризовать рельеф как распределитель вещества и энергии по земной поверхности, что может найти применение во многих исследованиях, так или иначе затрагивающих рельеф и его экологические функции. Наиболее точная их разработка невозможна без создания цифровой модели рельефа (ЦМР), позволяющей математическими методами вычислить вышеуказанные величины. Морфометрические параметры территории определяют её эколого-геоморфологические условия, которые выражаются через экологическую, инженерную, пространственно-заселенческую, эстетическую и рекреационную стороны взаимодействия человека и рельефа.

Разработка ЦМР для г. Красноярск позволит создать базу для изучения взаимосвязи элементов системы «рельеф – хозяйство – население», а морфометрические параметры рельефа позволят описать некоторые эколого-геоморфологические свойства рельефа, что и определяет цель и задачи. Целью работы является создание ряда карт геоморфологической направленности для проведения дальнейших эколого-геоморфологических исследований. Для этого ставились следующие задачи: разработать и создать ЦМР; на основе ЦМР провести анализ некоторых морфометрических параметров (экспозиция, углы наклона, вертикальная расчленённость) территории.

Создание цифровой модели рельефа (ЦМР) Красноярск (рис. 1) в программном комплексе MapInfo 9.5.1 и с использованием дополнительного модуля Vertical Mapper 3.1 позволило провести расчёт основных морфометрических показателей: экспозиции, крутизны склонов и вертикальной расчленённости территории.

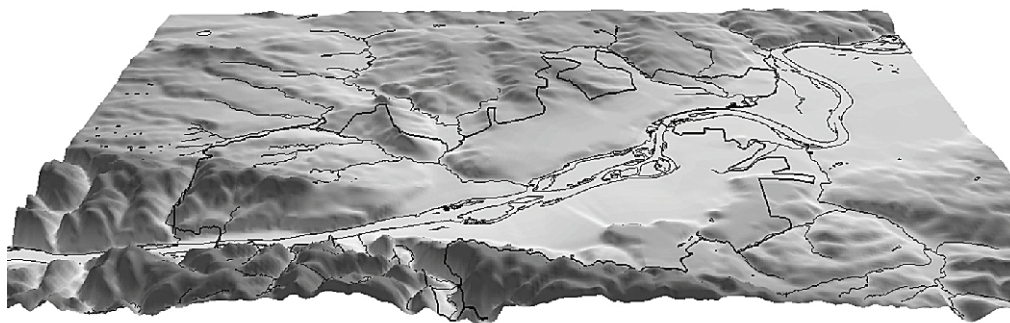

Рис. 1. Рельеф, водные объекты и административные границы г. Красноярск

Модель создавалась на основе оцифровки данных о рельефе, представленных изолиниями с сечением высот 10 и 20 м на топографических картах масштабом 1:100000 и 1:25000, с последующим её уточнением по структурным линиям на космических снимках, масштабом 1:7000 (в 1рх 5,7 м) и при полевых наблюдениях. Для увеличения точности модели использовалась методика построения рельефа, предложенная О.В. Рыжковым [Рыжков, 2007]. Результатом является составление ряда карт, представленных на рис. 2, 3, 4.

Знание экспозиционных параметров рельефа позволяет судить о некоторых физико-географических особенностях природно-территориальных комплексов, определяемых через степень их инсоляции, распределения тепла и влаги. Город Красноярск, большая часть его, располагается на широкой долине реки Енисей, восьми террасах. На севере – на возвышенной Красноярской равнине, с юго-востока и юго-запада город окружён отрогами Восточного Саяна. Данные об экспозициях склонов исследуемой территории представлены на рис. 2.

Рис. 2. Экспозиции склонов территории г. Красноярск и его окрестностей:

1 – склоны с уклоном менее 1°; 2 – южные склоны; 3 – юго-западные и юго-восточные склоны; 4 – западные и восточные склоны; 5 – северо-восточные и северо-западные склоны; 6 – северные склоны; 7 – административные границы г. Красноярск

При составлении анализировались поверхности с уклоном более 1° . В результате было определено, что для всей исследуемой территории характерно преобладание северных, северо-восточных и восточных склонов, в диапазонах азимута $0-90^\circ$ и $270-360^\circ$, что определяет их большую протяжённость по сравнению с противоположными. Освещённость склонов определяет особенности микроклимата территории. Следует отметить, что «тёплыми» экспозициями является: восточные, юго-восточные, юго-западные. А «холодными» – западная, северо-западная, северная, северо-восточная [Макаров и др., 2002].

Информация об углах наклона территории Красноярск и его окрестностей представлена на рис. 3.

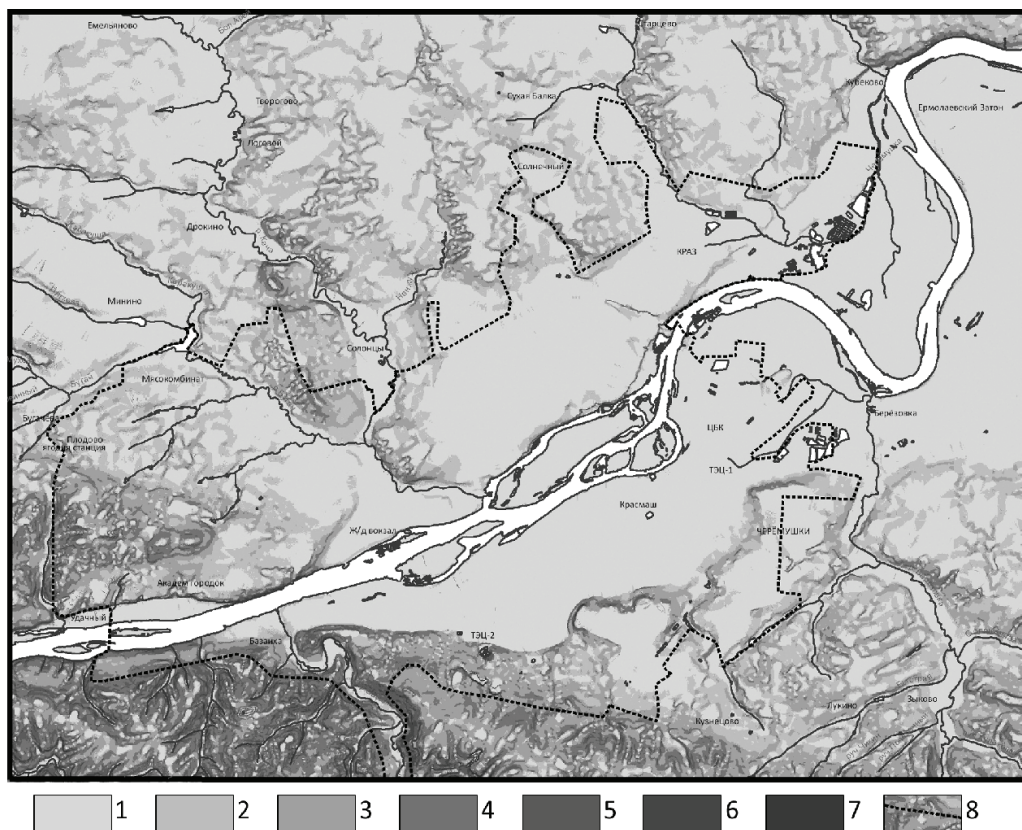

Рис. 3. Углы наклона территории г. Красноярск и его окрестностей:
 1– $0-3^\circ$; 2– $3-6^\circ$; 3– $6-12^\circ$; 4– $12-20^\circ$; 5– $20-30^\circ$; 6– $30-45^\circ$; 7– $45-90^\circ$; 8 –
 административные границы г. Красноярск

При её анализе прослеживается взаимосвязь между экспозицией склонов и их крутизной. Так, склоны северных экспозиций ввиду повышенной влажности и наличия более плотного растительного покрова являются более пологими, чем склоны южных экспозиций. Остальная часть территории города и окрестностей представлена комплексом террас, кое-где вскрытых древними логами и балками. Для площадок террас характерны углы наклона $0-1,6^\circ$. Межтеррасовые склоны, как и склоны древних логов и балок, в среднем имеют уклоны от $2,5$ до 21° . При этом для склонов более освещённых экспозиций характерны углы наклона $10-21^\circ$, а для менее освещённых – $2,5-10^\circ$.

Данные о вертикальной расчленённости территории представлены на рис. 4, где показана амплитуда вертикального расчленения в квадрате площадью 1 км^2 .

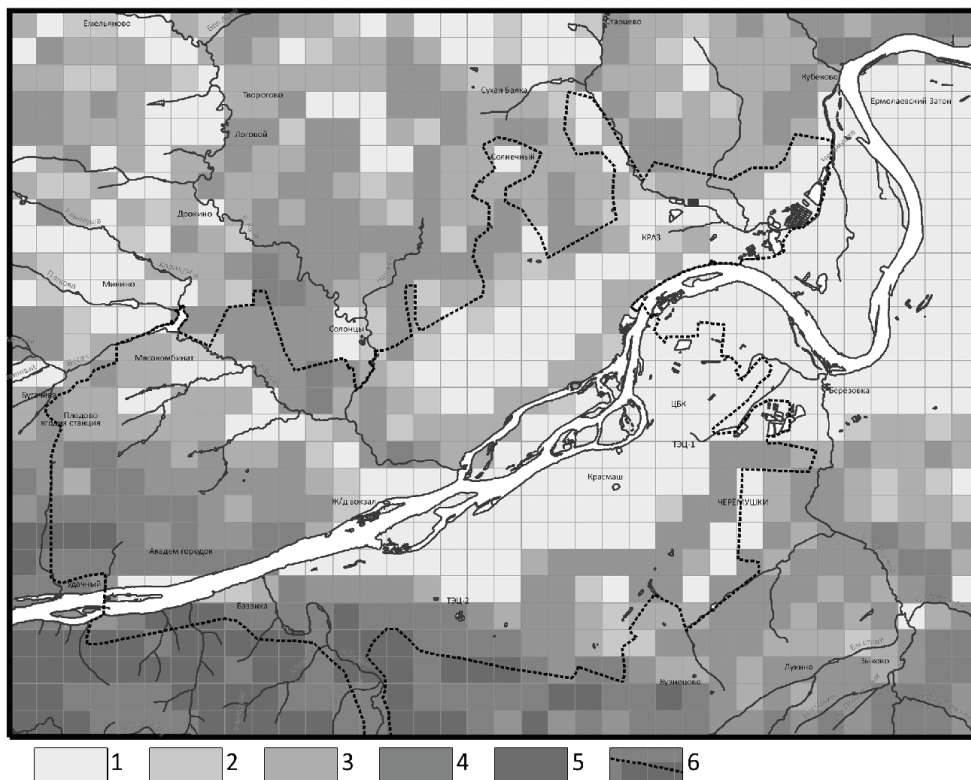

Рис. 4. Вертикальное расчленение территории г. Красноярска и его окрестностей (м / км²):

1 – амплитуда вертикального расчленения 2–25 м / км²; 2–25–35 м / км²; 3–35–60 м / км²; 4–60–120 м / км²; 5–120–200 м / км²; 5–200–372 м / км²; 6 – административные границы г. Красноярска

Величина наибольшего расчленения характерна для горно-таёжных территорий Восточного Саяна, где она в среднем составляет: 95–300 м / км². Для степной и лесостепной территорий террасового комплекса Енисея характерны величины от 2 до 90 м / км², с максимумом до 135 м / км². Наименьшим вертикальным расчленением характеризуются площадки приближенных к Енисею низких террас и фрагменты террас левобережья Енисея (2–30 м / км²).

Разработанная ЦМР Красноярска является основой для проведения дальнейших эколого-геоморфологических исследований территории. Впоследствии она будет насыщаться геологическими, гидрогеологическими, инфраструктурными, экзодинамическими данными, на основе чего будет выполнена общая эколого-геоморфологическая оценка.

Библиографический список

1. Макаров В.З., Новаковский Б.А., Чумаченко А.Н. Эколого-географическое картографирование городов. М.: Научный мир, 2002. 196 с.
2. Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990, 637 с.
3. Рыжков О.В. Методическое пособие к семинару «Геоинформационные системы и особо охраняемые природные территории» (16–21 апреля 2007 г., г. Елизово). Тула: Гриф и К, 2007. 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА АЛТАЕ ПО ДРЕВЕСНО-КОЛЬЦЕВЫМ ХРОНОЛОГИЯМ И ОЗЕРНЫМ ОТЛОЖЕНИЯМ¹

Древесно-кольцевая хронология, рентгено-флуоресцентный анализ, озерные отложения, синхротронное излучение.

В настоящее время накоплен большой массив палеоклиматической информации, представляющей интерес для междисциплинарных исследований. Вместе с тем возникают определенные сложности при сравнительном анализе такого разнородного материала, что объясняется свойствами самих палеоклиматических данных, их разной точностью и временным разрешением. Естественно, это создает определенные трудности при палеореконструкциях природной среды и климата, когда корректная интерпретация сравниваемых характеристик особенно актуальна. В нашем исследовании рассмотрены проблемы, возникающие при сравнительном анализе дендрохронологических и геохимических данных по озерным отложениям, полученных методом рентгенофлуоресцентного анализа на пучках синхротронного излучения (РФА СИ) для оз. Телецкое (Алтай), а также предложены способы их решения.

Таким образом, цель нашего исследования – разработать способ калибровки данных геохимии озерных отложений оз. Телецкое по древесно-кольцевым хронологиям лиственницы Алтая. Для достижения поставленной цели было необходимо: выявить особенности исследования озерных отложений с помощью метода РФА СИ; провести сравнительный анализ изменений ширины годичных колец и данных, полученных на основе РФА СИ для оз. Телецкое; сопоставить выявленные цикличность прироста и осадконакопления с климатическими данными в исследуемом регионе.

Озерные отложения и древесно-кольцевые хронологии представляют архивы различных измеряемых параметров, которые согласуются с изменениями климата. Однако многие известные записи в современных озерах Европы и Азии не могут калиброваться по современным метеоданным вследствие антропогенного загрязнения осадков, особенно за последние 100–150 лет, соответствующие периоду инструментальных измерений климата. озеро Телецкое является подходящим объектом для подобных исследований, поскольку в нем за последние 10 лет получена непрерывная последовательность донных осадков терригенного типа, содержащая сильный климатический отклик с годичным разрешением [Kalugin et al., 2005; Калугин и др., 2009].

Для получения кернов донных осадков оз. Телецкое использовалось специальное оборудование, позволяющее получать непрерывные последовательности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Интеграционного проекта №92 СО РАН «Прогноз изменений климата Центральной Азии на основе анализа ежегодных записей в озерных осадках, древесных кольцах и ледниках региона», Научной школы НШ-65610.2010.4 и гранта РФФИ-Китай 11-04-91153-ГФЕН_а.

донных отложений длиной до 5 м с глубин до 300 м. Ящиком с грейферным устройством взяты пробы 14x14x20 см с ненарушенной последовательностью слоев, что принципиально важно для оценки скорости процессов осадкообразования в исследуемых водоемах. Скорости осадконакопления (в пересчете на сухой осадок) составляют для глубоководного осадка $0,43 \pm 0,02$ мм / год и для возвышенности $0,24 \pm 0,02$ мм / год [Калугин и др., 2009; Kalugin et al., 2005].

При терригенном осадконакоплении поступление взвешенного вещества в озеро зависит от притока, а накопление осадка определяется гидродинамическим режимом бассейна. Следовательно, используя осадочные параметры, можно получить характеристику изменений притока во времени в некоторой точке озера с непрерывным осадконакоплением. Очевидно, что жидкий и твердый притоки с водосбора контролируются климатическими условиями, то есть существует количественная зависимость притока от региональных температур и атмосферных выпадений. Однако система «приток – климат» пока еще не разработана. Поэтому на данном этапе был использован широко применяемый подход – сравнение рядов осадочных параметров с климатическими рядами исторического периода, выделение на этой основе осадочных индикаторов климата и экстраполяция обнаруженных зависимостей на глубокие горизонты.

Донный осадок формируется из твердых частиц терригенного стока, поставляемых с различных уровней и геоморфологических элементов питающей провинции, органических остатков автохтонного и аллохтонного происхождения, аэрозольной компоненты и поровой воды. При последующем взаимодействии твердой и жидкой фаз в осадке образуются аутигенные минералы. Каждый компонент связан с изменениями параметров внешней среды, в первую очередь количеством годовых атмосферных осадков и среднегодовой температурой, вариации которых и приводят к вариациям состава донных осадков. Для определения содержания элементов использовался метод рентгенофлуоресцентного анализа на пучках синхротронного излучения (РФА СИ) из накопителя ВЭПП-3 ИЯФ СО РАН [Барышев и др., 1986]. Сканирование образцов донных осадков с шагом 100 мкм, проводилось на станции элементного анализа Сибирского Центра синхротронного излучения (Институт ядерной физики СО РАН) с энергией 16 и 38 кэВ по специальным методикам [Дарьин и др., 2003]. Время измерения на точку составляло 20 с при энергии 16 кэВ и 100 с при энергии 38 кэВ. Определялись содержания более 15 элементов, в т. ч. порообразующие: К, Са, Тi, Мn, Fe (диапазон содержания 0,5–10 %); и микроэлементы: V, Cr, Ni, Cu, Zn, As, Rb, Sr, Y, Zr, Cd, Sn, I, Ва (диапазон содержания 50–1000 г / т).

Внутреннее строение элементарных (годовых) осадочных ритмов в отложениях Телецкого озера визуально изучалось под микроскопом в проходящем неполяризованном свете. Годичный слой имеет мощность 1–1,2 мм и асимметричное строение. В нижней части он сложен преимущественно алевритовыми частицами диаметром 0,05–0,01 мм, а доля тонкой (менее 0,02 мм) глинистой фракции увеличивается кверху. Такая ритмика определяется осаждением более крупных частиц во время весенне-летнего паводка, а тонких – в спокойный осенне-зимний период.

Дендрохронологический материал был собран на юге Сибири в горах Алтая на верхней границе леса с деревьев лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ldb.) для получения древесно-кольцевых хронологий, содержащих преимущественно температурный сигнал [Овчинников и др., 2002]. Отбор кернов древесины производился посредством шведского возрастного бурава на высоте 0,3–1,3 м по одному или двум радиусам с одного дерева, с сухих (погибших) деревьев отбирались спи-

лы. В лабораторных условиях была произведена подготовка образцов к измерениям по принятой методике [Методы..., 2000], ширина годичных колец измерена с точностью до 0,01 мм на измерительной установке LINTAB и с помощью специального программного пакета TSAP [Rinn, 1996]. Затем осуществлялась перекрестная датировка образцов, точность которой оценивалась программой COFESHA [Holmes, 1983]. Индивидуальные древесно-кольцевые хронологии стандартизировались в зависимости от формы возрастной кривой с помощью отрицательной экспоненциальной или линейной функций. Обобщенные (локальные) хронологии получены усреднением индексов прироста индивидуальных серий [Methods..., 1990; Методы, 2000]. Процедура стандартизации выполнялась с помощью программы ARSTAN [Methods..., 1990].

Совокупность измеренных вдоль колонки физико-химических свойств осадка представляет собой параметрически заданную сложную аддитивную функцию, аппроксимирующую сумму сигналов всех монослоев, потенциально выделяемых в образце при данных условиях измерения (энергия, шаг сканирования). При этом каждый слой может представлять собой рефлекс сезонных (внутригодовых), годовых или многолетних процессов осадкообразования. Для выделения климатически обусловленных геохимических палеосигналов проводилась математическая обработка собранной информации. В первую очередь изучалась корреляция изменений содержаний анализируемых элементов вдоль керн осадков с историческими данными метеонаблюдений в регионе за соответствующий период.

При проведении расчетов для достижения лучшей согласованности временная модель подвергалась корректировке по принципу «пик-в-пик», т. е. экстремумы геохимических прокси-сигналов корректировались под соответствующие экстремумы метеоданных. За основу таких корректировок были положены следующие положения.

1. Терригенная компонента осадка, геохимическими индикаторами которой являются такие элементы, как: Ti, Rb, Sr, Zr, Ba, XRD, Zэфф (как отношение упруго-неупруго рассеянного на образце излучения) в большей степени коррелирует с влажностью.

2. Органогенная компонента (геохимические индикаторы – Zn, Br, U) коррелирует с температурой.

3. Временная модель (скорость осадконакопления) при проведении корректировок на отдельных участках керн меняется в пределах не более 10 % от принятой для всего изучаемого керн на основании аналитических данных (^{137}Cs и ^{14}C).

Таким образом, выбор наиболее значимых свойств осадочной породы (индикаторов климата) для количественных реконструкций был сделан исходя из конкретных климатических условий осадконакопления в Телецком озере в исторический период. Показано, что рентгеновская плотность (XRD), отражающая колебания твердого стока в озеро, хорошо согласуется с ежегодным количеством осадков по метеостанции Барнаул с 1880 по 1996 г. и уровнем озера по озерной станции Яйлю. Профиль содержания Br представляет оценку количества органического вещества в осадке (определяемого растительной продуктивностью) и близко согласуется с профилем среднегодовой температуры на отрезке 1840–1996 г. Отношение Sr / Rb характеризует долю неветрелой обломочной фракции за счет бокового привноса обломочного материала кратковременными паводками.

Использованная методика позволила выявить горизонт максимального заражения, датированного 1963 г., а также установить границу «доатомного» осадкообразования, датированную 1948 г. На основе установленных горизонтов рассчитаны

две скорости осадкообразования: за период 1948–1963 гг. и за 1963–1996 / 97 гг., в итоге определялась средневзвешенная скорость за 1948–96 / 97 гг. В северной котловине озера максимум находится на глубинах 5–7 см, что соответствует скорости седиментации 1–1,4 мм/год, в среднем 1,33 мм / год для влажного осадка [Kalugin et al., 2005].

Следующим этапом анализа явилась калибровка геохимических показателей по метеорологическим данным. Действительно, выделенные нами горизонты-маркеры хорошо идентифицируются в разных кернах. Однако особенностью озерных осадков оз. Телецкое является отсутствие хорошо видимых годовичных слоев. Иными словами, слоистость осадка визуальнo не наблюдается, именно поэтому выделить такие слои возможно лишь на основании методики, описанной ранее. После сканирования керна методом РФА СИ был получен непрерывный ряд значений с шагом в 100 мкм. Далее эти значения на основе изменения плотности XRD разбивались на условные годовичные слои, к которым привязывались остатальные измеренные значения. Затем следовал этап сравнения полученных показателей с температурой и осадками ГМС Барнаул, проводилась предварительная привязка одних данных к другим и вычислялся коэффициент корреляции, вносились корректировки в данные. Только потом рассчитывалось уравнение регрессии зависимости геохимических характеристик озерных осадков от климата за период 150 лет, которое использовалось нами для реконструкции температуры и осадков за тысячелетний период, выделяемый по кернам озерных отложений. Согласованность изменчивости данных по геохимии и климатических достигает +0,9, что является весьма высоким показателем при подобных реконструкциях.

А далее начинается самое сложное, начиная с 1840 г. и далее в глубь веков данные прямых измерений температуры и осадков на Алтае просто отсутствуют. Поэтому на следующем этапе калибровки уже реконструированных значений температуры и осадков использовались косвенные индикаторы природной среды и климата – древесно-кольцевые хронологии. Важное свойство таких источников информации в том, что они безошибочно позволяют реконструировать ежегодные изменения основных климатических характеристик (температур и осадков) за период до нескольких тысяч лет [Fritts, 1976; Schweingruber, 1988, 1996]. Преимущества использования древесно-кольцевых хронологий для палеореконовструкций очевидны и хорошо известны, что нашло отражение в публикациях еще в начале XX в. [Douglass, 1919]. В последние десятилетия дендрохронологические методы исследования получили всеобщее признание и применяются в различных научных направлениях (география, экология и др.) [Ваганов и др., 1996; Методы, 2000; Schweingruber, 1988, 1996]. В данном исследовании нами использована региональная тысячелетняя древесно-кольцевая хронология по ширине годовичных колец лиственницы сибирской, отражающая изменения летней температуры на Алтае за 1000 лет [Овчинников и др., 2002]. Использование длительной хронологии позволило увеличить период калибровки реконструкций по геохимии донных отложений со 150 до 1000 лет, что, наряду со статистическими показателями, свидетельствует о достоверности полученных расчетов.

Основная сложность данного рода исследований заключается в том, что в случае с древесно-кольцевыми хронологиями мы имеем дело с четким временным разрешением – один год, тогда как реконструкции по геохимии донных отложений оз. Телецкое таким временным разрешением не обладают [Калугин и др., 2009; Kalugin et al., 2007]. Поэтому для преодоления этого сложного момента был

использован достаточно простой способ – рассчитывались средние значения геохимических и дендрохронологических измерений за 11–25 лет и затем уже эти осредненные значения сравнивались друг с другом. Это позволило сгладить высокочастотную составляющую изменчивости в обоих рядах данных и нивелировать возможные расхождения и ошибки. Данный подход позволил визуально выделить сдвиги в пиках изменчивости древесно-кольцевых хронологий и реконструкций по геохимии донных отложений. Выявленные расхождения корректировались и вносились соответствующие поправки в исходные данные с целью устранения ошибки. Такова общая методика сравнительного анализа таких разных по характеристикам объектов, как древесно-кольцевые хронологии и реконструкции по геохимическим показателям донных осадков оз. Телецкое.

Таким образом, применяемый нами способ калибровки исследуемых данных позволил выявить высокую согласованность коротко-периодических и внутривековых циклов изменений индексов древесно-кольцевых хронологий и геохимических показателей в озерных осадках оз. Телецкое, обусловленную колебаниями климата. Выявленные зависимости позволяют проводить корректную и достоверную реконструкцию изменения природных индикаторов во времени за несколько тысяч лет (поздний голоцен) по геохимическим данным с высоким временным разрешением. Метод рентгенофлуоресцентного анализа донных отложений расширяет возможности выявления годичных слоев в однородных осадках по геохимическим элементам. Применение разработанного нами подхода показало перспективность его использования при высокоразрешающих реконструкциях климата прошлого не только на Алтае, но и в других регионах, где есть соответствующие данные. Безусловно, применяемый нами метод требует корректировки в соответствии со спецификой проводимого исследования.

Библиографический список

1. Барышев В.Б., Колмогоров Ю.П., Кулипанов Г.Н., Скринский А.Н. Рентгенофлуоресцентный элементный анализ с использованием синхротронного излучения // *Журнал аналитической химии*. 1986. Т. 41, № 3. С. 389–401.
2. Ваганов Е.А. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике / Е.А. Ваганов, С.Г. Шиятов, В.С. Мазепа. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. 246 с.
3. Дарьин А.В., Золотарев К.В., Калугин И.А., Максимова Н.В. Применение метода РФА СИ для определения микроэлементного состава донных осадков оз. Хубсугул (Монголия). Поиск геохимических индикаторов осадконакопления и вариаций палеоклимата в Байкальской рифтовой зоне // *Поверхность*. 2003. № 12. С. 45–48.
4. Калугин И.А., Дарьин А.В., Бабич В.В. 3000-летняя реконструкция среднегодовых температур алтайского региона по литолого-геохимическим индикаторам донных осадков оз. Телецкое // *ДАН*. 2009. Т. 426, № 4. С. 520–522.
5. Методы дендрохронологии. Ч. I: Основы дендрохронологии: уч.-метод. пособие / отв. ред. Е.А. Ваганов, С.Г. Шиятов; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск: Изд. Центр КГУ, 2000. 82 с.
6. Овчинников Д.В., Панюшкина И.П., Адаменко М.Ф. Тысячелетняя древесно-кольцевая хронология лиственницы Горного Алтая и ее использование для реконструкции летних температур // *География и природные ресурсы*. 2002. № 1. С. 102–108.
7. Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington: Carnegie Inst., 1919. Vol. 1. 127 p.
8. Fritts H. C. Tree-rings and climate. London; New York; San Francisco: Acad. Press, 1976. 576 p.

9. Holmes R. L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *Tree-ring bulletin*. 1983. Vol. 44. P. 69–75.
10. Kalugin I., Daryin A., Smolyaninova L. et al. 800-yr-long records of annual air temperature and precipitation over southern Siberia inferred from Teletskoye Lake sediments. *Quaternary Research*, 2007. 67 (3). P. 400–410.
11. Kalugin I., Selegei V., Goldberg E. et al. Rhythmic fine-grained sediment deposition in Lake Teletskoye, Altai, Siberia, in relation to regional climate change. *Quaternary International*, 2005. 136. P. 5–13.
12. *Methods of Dendrochronology. Applications in the environmental sciences* / eds. Cook E. R., Kairiukstis L. A. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Acad. Publ., 1990. 394 p.
13. Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 264 p.
14. Schweingruber F. H. *Tree ring: Basics and applications of dendrochronology*. Dordrecht: Reidel. Publ., 1988. 276 p.
15. Schweingruber F. H. *Tree Rings and Environment. Dendroecology*. Berne; Stuttgart; Vienna: Paul Haupt; Birmensdorf, Swiss Federal Institute for Forest, Snow and Landscape Research, 1996. 609 p.

ФИЗКУЛЬТУРА И ЗДОРОВЬЕ

Н.В. Казанцева

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СТОПЫ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Физическое развитие, опорно-двигательный аппарат, стопа, дети старшего дошкольного возраста.

В настоящее время нарушения состояния опорно-двигательного аппарата у детей встречаются чрезвычайно часто. По данным учёных [Rose, Welton, Marsha, 1995, p. 71; Осин, Медников, Шестаков, 1999, с. 49; Нарский, 2002, с. 30; Индреев, Киржинов, 2007, с. 159; Беркутова, 2008, с. 20], на протяжении нескольких лет количество детей с нарушениями функции опорно-двигательного аппарата ежегодно увеличивается и колеблется в пределах 30–70 %.

Опорно-двигательный аппарат стопы представляет собой сложный биомеханический комплекс, состоящий из мелких суставов, связочного и мышечного аппарата. Основной функцией стопы является рессорная, обеспечивающаяся сводчатым строением, которое обусловлено наличием поперечного и продольных сводов стопы, тонусом и согласованным сокращением мышц стопы и голени и нормальной работой суставов и периартикулярных соединительных структур области стопы. Основной причиной развития плоскостопия, заключающегося в уменьшении высоты сводов стоп, является слабость мышц и связочного аппарата, принимающих участие в поддержании свода стопы. В дошкольном возрасте часть костного аппарата стопы ребёнка имеет хрящевую структуру, связки более эластичны и растяжимы, мышцы недостаточно сильны и выносливы. Вследствие большей эластичности мышечно-связочного аппарата стопа может легко деформироваться.

В период 2004–2010 гг. на базе дошкольного образовательного учреждения № 131 города Иркутска проводился мониторинг физического развития, физической подготовленности и состояния опорно-двигательного аппарата у детей. Всего было обследовано 786 детей (3–7 лет), из них 432 девочки и 354 мальчика.

Также в период с 2004 по 2010 гг. проводилась целенаправленная и систематическая работа по анализу состояния опорно-двигательного аппарата стопы у детей старшего дошкольного возраста (5–7 лет). Определение именно этого возрастного периода в качестве исследуемого основывается на определении стадий формирования стопы у детей. До 5 лет у детей стопа интенсивно формируется и часть рессорной функции свода берёт на себя подкожная клетчатка, заполняющая своды стопы [Ловейко, 1982, с. 124; Козырева, 2005, с. 12; Чёрная, 2007, с. 85]. Процесс

формирования костей стопы и мышечно-связочной системы стопы продолжается, по данным большинства авторов [Козырева, 2005, с. 48], примерно до 5–6 летнего возраста, поэтому только в эти возрастные периоды можно говорить о наличии или отсутствии плоскостопия у ребенка.

В период с 2004 по 2010 гг. было определено количество детей 5–7 лет, имеющих продольное плоскостопие. На графике рис. 1 показано в процентном соотношении количество детей 5–7 лет, имеющих продольное плоскостопие в период с 2004 по 2010 гг.

Таблица 1

Статистика критериев достоверности распределения детей по росто-весовым показателям в зависимости от состояния ОДА стоп в виде коэффициента плоскостопия Чижина

Пол	Критерий Кремера–Уэлча	Критерий Вилкоксона–Манна–Уитни
Девочки	$W = 2,6194$ $P > 0,05$	$T = 3,2271$ $P > 0,05$
Мальчики	$W = 2,8111$ $P > 0,05$	$T = 3,7956$ $P > 0,05$

Данные представлены на начало каждого учебного года. Диагностика продольного плоскостопия осуществлялась с помощью метода плантографии, анализ отпечатков стоп проводился по методике Чижина, позволяющей определить коэффициент плоскостопия.

Анализ состояния опорно-двигательного аппарата стопы и уровень физического развития детей показали некоторую закономерность. Так, дети, имеющие показатели роста и веса выше среднего, как правило, имели в большей степени проблемы в состоянии опорно-двигательного аппарата стопы, чем остальные. У детей величина отношения общего веса к размеру стопы значительно больше, чем у взрослых [Чёрная, 2007, с. 88], поэтому на всю опорную поверхность, особенно на область свода стопы, ложатся более значительные нагрузки. Следовательно, у детей с массой выше средних величин опорно-двигательный аппарат стопы испытывает более значительные нагрузки, чем у детей с нормальным и меньшим весом. Если показатель роста детей больше среднего, причиной наличия плоскостопия является слабость мышечно-связочного аппарата нижних конечностей. Длина тела к 5–7 годам увеличивается на 8–10 см в год, и происходит бурный рост туловища и конечностей в длину [Панасюк, Тамбовцева, 1998, с. 276; Солодков, Сологуб, 2001, с. 429]. Так, у интенсивно растущих детей развитие мышечной массы не успевает за удлиняющимися костями, что, в свою очередь, и предполагает слабость мышц свода стопы.

Мы распределили детей старшего дошкольного возраста, имеющих продольное плоскостопие, на две группы. Первую группу составляли дети с уровнем физического развития выше среднего по показателям роста и веса (назовём её «группа риска»), вторую группу – дети со средними данными и ниже среднего (назовём её «обычная группа»). Мы хотели определить, есть ли у детей со значениями роста и веса выше среднего более значительные отклонения в состоянии опорно-двигательного аппарата стопы, чем у детей со средними или ниже среднего показателями этих значений. Существенно, что мы изучали динамику распределения по группам не всех детей, а только тех, которые имели нарушения в состоянии стоп.

На рис. 1 представлена динамика распределения мальчиков с высоким уровнем физического развития (группа риска) и средним и ниже среднего уровнями физического развития (обычная группа) относительно состояния ОДА стопы в виде коэффициента плоскостопия Чижина в период с 2004 по 2010 гг.

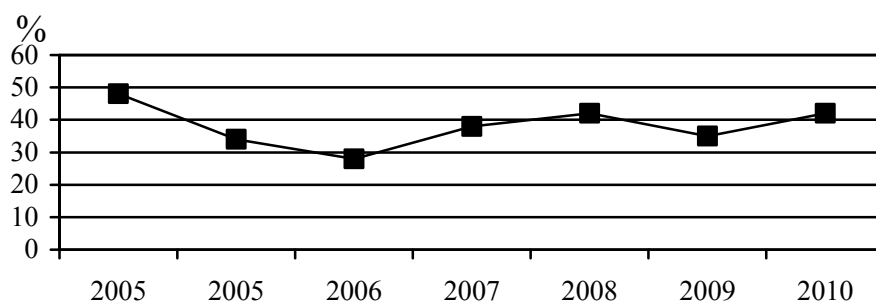

Рис. 1. График процентного соотношения детей, имеющих плоскостопие от общего числа детей в период с 2004 по 2010 гг. в МДОУ № 131 г. Иркутска

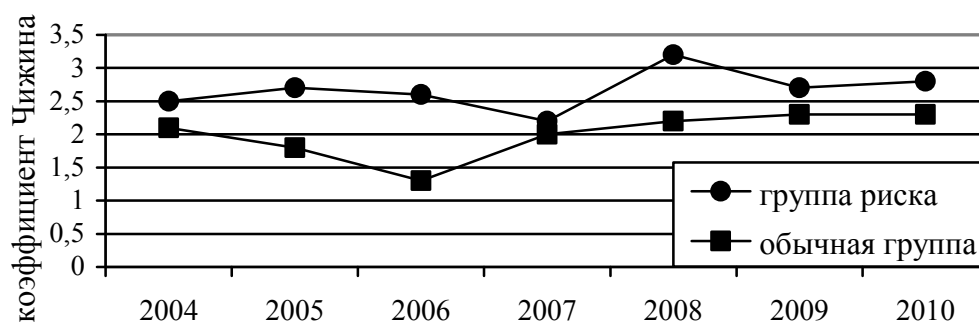

Рис. 2. График распределения по группам физического развития мальчиков 5–7 лет по коэффициенту Чижина в виде средних величин в период с 2004 по 2010 гг.

Визуально на обоих графиках видно, что дети, отнесённые к группе риска, имеют более значительные отклонения в состоянии стоп на протяжении всего изучаемого периода, чем дети, имеющие средний или ниже среднего уровень физического развития. Среднее значение коэффициента Чижина у детей, отнесённых к группе риска, колеблется в пределах 2, 2–3,2, в то время как среднее значение коэффициента Чижина у детей со средним и ниже среднего уровнями физического развития колеблется в пределах 1,3–2,4.

Математическая обработка экспериментальных данных включала в себя расчет эмпирических значений критериев *Кремера – Уэлча* и *Вилкоксона – Манна – Уитни*, которые были вычислены с помощью инструмента «Описательная статистика» в компьютерной программе *Microsoft Excel* для *Windows*.

Данные статистики свидетельствует о том, что динамика распределения детей по росту-весовым показателям (групп с высоким уровнем физического развития и групп со средним и ниже среднего уровнями физического развития) в зависимости от состояния опорно-двигательного аппарата стопы в виде коэффициента плос-

костопия Чижина является статистически достоверной как у мальчиков, так и у девочек.

В результате исследований динамики распределения детей 5–7 лет, имеющих продольное плоскостопие, по группам физического развития и статистической обработки этих данных было выявлено, что дети, имеющие уровень физического развития выше среднего, в большей степени подвержены возникновению нарушений опорно-двигательного аппарата стопы, чем дети со средним и ниже среднего уровнями физического развития по росту-весовым показателям.

Полученные данные могут быть использованы в организации коррекционной работы с детьми, имеющими нарушения функции стоп, в условиях дошкольных образовательных учреждений. Мы рекомендуем создавать отдельные группы по коррекции нарушений опорно-двигательного аппарата стопы для детей, имеющих роста-весовые показатели выше среднего, так как эти дети нуждаются в индивидуализации процесса организации работы по коррекции плоскостопия.

Библиографический список

1. Беркутова И.Ю. Особенности функционального состояния детей с нарушениями функции опорно-двигательного аппарата // Адаптивная физическая культура. 2008. № 2. С. 20–21.
2. Индреев М.Х., Киржинов М.М. Мониторинг физического состояния и актуальность её организации в раннем возрасте // Оздоровление нации и формирование здорового образа жизни населения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. 15–16 ноября 2007 г. Нальчик, 2007.
3. Козырева О.В. Лечебная физкультура для дошкольников (при нарушении опорно-двигательного аппарата): пособие для инструкторов лечеб. физ. 2-е изд. М.: Просвещение, 2005.
4. Ловейко И.Д. Лечебная физкультура у детей при дефектах осанки, сколиозах и плоскостопии. Л.: Медицина, 1982. С. 123–124.
5. Нарский Г.И. Профилактика и коррекция отклонений в опорно-двигательном аппарате детей дошкольного и школьного возраста // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2002. № 4. С. 30–32.
6. Осин В.И., Медников А.Б., Шестаков М.М. Проблема физического воспитания детей и подростков с патологией опорно-двигательного аппарата // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1999. № 3, 4. С. 49–57.
7. Панасюк Т.В. Тамбовцева Р.Д. Соматотип и физическая работоспособность у младших школьников // Человек в мире спорта: новые идеи, технологии, перспективы: тез. докл. Междунар. конгр. М., 1998. Т. 2. С. 428–429.
8. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учебник. М.: Терра-Спорт, Олимпия Пресс, 2001. С. 276, 394.
9. Чёрная Н.Л. и др. Нарушения опорно-двигательного аппарата у детей: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 122. с.
10. Rose G. K., Welton E. A., Marsha U. T. The diagnosis of the Flat Foot in the Child. J. Bone Joint Surg., 1995. V.67-B, n.l. P.71–78.

АННОТАЦИИ

Философия. Культурология

Е.А. Авдеева

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Антропология, гуманитаризация, человек, система образования.

В статье предпринимается анализ современных философско-антропологических концепций, особое внимание уделяется антропологическим проблемам системы образования, связанным с дегуманизацией и социально-прагматическим поворотом образования. Раскрывается философский «код», к которому причастны отношения «человек – бытие», «человек – человек», выступающие в качестве философско-антропологического «уклада» системы образования.

С.М. Гинтер

О ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Эстетическое воспитание, формирование, эстетическое отношение к действительности, декоративно-прикладное искусство, художественное творчество, средство воспитания.

Статья посвящена анализу эстетического воспитания в школе, основной целью которого является формирование эстетического отношения к действительности. Выявлено, что декоративно-прикладное искусство как вид художественно-творческой деятельности охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Оно влияет на формирование личности ребенка, на равных с другими видами художественного творчества является действенным средством в формировании эстетического отношения к действительности.

Н.Ю. Карнаухова

ДИАЛЕКТИКА ИСКУСА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Эротико-искушающее начало художественного образа, отношение «конечного» и «бесконечного», онтологизация эманативной и имманативной формы художественного отношения, западная и восточная культура Средневековья.

Статья посвящена анализу особой формы существования художественного образа, которая реализует отношение «конечного» и «бесконечного», благодаря основному атрибуту художественного отношения, внутренней энергийной ипостаси

эротического свойства, существующей в двух видах: эманативной, имманативной, и уникального качества их гармонизации. Диалектика форм преобразующего Эроса онтологизирована историей искусства в гармоничной уравновешенности западной и восточной культур Средних веков – искусства Византии и искусства романики и готики в странах Западной Европы.

И.В. Малофеев

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

Социальные услуги, социальный контракт, социальная помощь, стандартизация социальных услуг.

Статья посвящена социальному контракту как современной и более эффективной по сравнению с традиционными технологиями форме социальной поддержки населения. Анализируются потребность общества во введении социальных контрактов, цели и основные принципы социальных контрактов и прогнозируются результаты их введения. В статье содержатся условия заключения социальных контрактов с малоимущими гражданами и семьями, а также описание основных видов социальных контрактов и видов помощи в капиталовложении.

Г.А. Менщикова

ЯЗЫК КАК ФОРМА БЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Язык, культура, концептосфера, заимствование, контаминация, нация (национальное), охрана родного языка.

В статье язык рассматривается как форма бытия национального сознания, показано, что его контаминация как результат неоправданного использования заимствований приводит к нивелированию самобытности языка и его национальных особенностей. Дается обоснование тому, что это может привести к искажению менталитета и появлению языка иного типа. В итоге возникла мысль принять ряд превентивных мер, чтобы не допустить исчезновения русского языка.

Р.А. Сергиенко

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ ПРИРОДЫ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Когнитивное религиоведение, человеческий разум, минимально противоинтуитивные понятия, сверхактивное устройство для обнаружения целеустремленных агентов, формы религиозности, ритуалы.

Статья посвящена рассмотрению современного подхода к исследованию религий и религиозных явлений – когнитивному религиоведению. Это сравнительно новое исследовательское направление, активно развивающееся в Европе и Северной Америке, предлагает ценное понимание происхождения и природы религии и религиозных представлений.

Т.Ю. Серикова

АНДРЕЙ ПОЗДЕЕВ: ОТ ВИДИМОГО К СВЕРХВИДИМОМУ

Красноярский заповедник «Столбы», живопись, портрет, композиция, творческий поиск, колорит, социокультурное сообщество, визуальный образ.

Статья посвящена анализу произведений знаменитого красноярского живописца Андрея Поздеева. Проводится сравнительный анализ произведений, созданных А.Г. Поздеевым в заповеднике «Столбы» в 60–70-е годы, и более поздних работ 80–90-х годов. Доказывается связь между пейзажами, написанными непосредственно с натуры, и более поздними работами, построенными на визуальных образах. Автором делается вывод о том, что тенденция к нарастанию визуальной составляющей в произведениях искусства является характерным культурологическим явлением второй половины XX века.

Филология

Е.Э. Былина

АНАЛИЗ ДИСКУРСА РЕАГИРОВАНИЯ, ИНИЦИИРОВАННОГО РЕЧЕВЫМ АКТОМ ОБЕЩАНИЯ

Речевой акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт / эффект, перлокутивная попытка, перлокутивное значение речевого акта, перлокутивное последствие речевого акта, иллокутивная и перлокутивная цели.

Статья посвящена анализу дискурса реагирования на речевой акт обещания вкуче с некоторыми другими актами. Исследование проводится в рамках теории речевых актов, автор фокусирует внимание на перлокутивных актах, а именно реакциях адресата на речевой акт обещания. В результате анализа примеров из художественных произведений выявляются типы реакций адресата и их особенности.

С.П. Васильева

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТРУД В ГОВОРАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Труд, семантическое поле, ядро, периферия, оценка, интенсивность, мотивация, образность, экспрессивность.

В статье описано семантическое поле «труд» на материале лексики говоров Приенисейской Сибири. Выявлены ядро и периферия поля. В результате метода полевого анализа выявлена этнокультурная информация, связанная с оценкой труда и интенсивности трудовой деятельности, отношения к труду; мотивационные, образные, экспрессивные характеристики понятия «труд» в народной культуре жителей Приенисейской Сибири.

Л.Х. Давлетшина

**К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ:
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ**

Персонаж, миф, обряд, традиция, функция.

В данной работе предлагается опыт сравнительного изучения мифологического персонажа, именуемого Хызыр Ильяс, на материале различных мифологических текстов и локальных традиций. При исследовании выделяются общие и различные черты данного персонажа, но удивительная однообразность его функций позволяет предположить, что данная система признаков объединяет его в единое целое и позволяет охарактеризовать с новой стороны.

В.В. Дегтярёва

**МИФОЛОГЕМА КОРАБЛЯ / ЛОДКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
Г. МЕЛВИЛЛА, Э. ХЕМИНГУЭЯ, В.П. АСТАФЬЕВА**

Г. Мелвилл, Э. Хемингуэй, В.П. Астафьев, мифологема, корабль, лодка.

Статья посвящена мифологеме корабля / лодки в творчестве Г. Мелвилла, Э. Хемингуэя, В.П. Астафьева. Данная мифологема рассматривается как персонификация человека и человечества, в том числе в параллелях «корабль – дом», «корабль – город», «корабль – театр», а также как олицетворение познания мира, жизненного пути, судьбы, человеческого своеволия. Представлены такие варианты мифологемы, как корабль дураков и корабль смерти и связанный с последним мотив потопа.

И.В. Евсеева

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП: КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Словообразовательный тип, фрейм, пропозициональная схема, пропозиция.

Центральной проблемой когнитивного анализа комплексных единиц словообразовательной системы является разработка единого подхода их анализа и единых методов описания. В работе предлагается методика фреймового устройства комплексных единиц, базирующаяся на пропозиционально-семантической организации дериватов. Статья посвящена когнитивному моделированию такой комплексной единицы дериватологии, как словообразовательный тип.

С.Л. Кушнерук

**ВЕРБАЛЬНО-ЗНАКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ АДРЕСАНТА
ТЕКСТОВЫХ МИРОВ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ**

Дискурс, текстовый мир, адресант, русскоязычная реклама, англоязычная реклама.

Теория текстовых миров получает широкое распространение в зарубежной науке. В настоящей статье рассматривается возможность ее практического применения в аспекте анализа вербально-знаковых способов презентации действующих

лиц текстовых миров. Выделены позиции адресанта и регулярно используемые средства их представления в русскоязычной и англоязычной рекламе.

Т.В. Леонтьева

**НАЗВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОМОЩИ СОСЕДЯМ
В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ**

Этнолингвистика, русские народные говоры, мотивационный анализ, бесплатная коллективная помощь соседям, народная культура.

В статье представлены результаты мотивационного анализа русских диалектных обозначений одного из феноменов крестьянского быта – коллективной помощи. Выявлено, что эти названия производны от слов с семантикой помощи, созывания, множественности, объединения, ответной помощи в работе, а также от обозначений различных видов хозяйственной деятельности. На основе релевантных для русского языкового сознания сем исследуемому понятию дана характеристика.

Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов

**АРГУМЕНТАЦИЯ ПРАВА НА ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ
В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XV–XVII ВВ.**

Древнерусские политические тексты XV–XVII вв., аргументация для обоснования права на власть.

В данной работе описываются приемы аргументации для обоснования самодержавной власти в Руси, использованные в текстах древнерусских книжников XV–XVII вв.

Н.С. Потылицина

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ**

Концепт, когнитивная модель, языковая репрезентация, репрезентативная модель, когнитивный признак, жанр.

Статья посвящена анализу особенностей языковой репрезентации концепта «движение» в старофранцузских художественных текстах различных жанров. Выявлены наиболее употребительные аналитические репрезентативные модели, вербализующие типичные когнитивные модели в произведениях эпического, агиографического жанров и рыцарского романа.

В.А. Разумовская

ИЕРОГЛИФИЧНОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Поэтический перевод, эстетическая информация, формально-содержательный комплекс, иероглифичность, идиоматичность, стратегии перевода.

В статье рассматриваются иероглифичность и идиоматичность как регулярные категории поэтического текста. Основным объектом поэтического перевода является эстетическая информация, представленная в формально-содержательном комплексе художественного текста. Эффективные стратегии поэтического перевода предполагают воссоздание формально-содержательного комплекса оригинала (единицы перевода) средствами переводящего языка при условии сохранения идиоматичных и иероглифичных параметров поэтического текста.

С.Н. Степин

ПРОБЛЕМА БЫТОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОРДОВИИ

Поэзия, философская лирика, лирический герой, лирический сюжет, поэт-философ, метажанр, сюжетные оппозиции, поэтическая мысль, национальная литература, эстетический идеал.

Статья посвящена выявлению форм и способов бытования философской лирики в рамках современной поэзии Мордовии. Автором представлено поэтическое творчество наиболее ярких современных художников слова Мордовии, обратившихся к вечным проблемам бытия. Отмечаются общие закономерности эволюции философской лирики Мордовии, выявляются особенности ее сюжетостроения и категориальности, проектируются возможные пути дальнейшего развития.

С.В. Ускова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНИЯ ПОСТУПКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Актант, действие, концепт, поступок, предикат, пропозиция, языковая картина мира.

Слово «поступок» является семантическим центром в тексте. Семантическая модель поступка включает два компонента: событийную пропозицию и оценочную пропозицию. Каждой пропозиции соответствует свой набор актантов.

История

Э.А. Бабаев

КАНАДА И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международные экономические отношения, Канада, Великобритания, ФРГ, Франция, ЕЭС, Евратом.

Статья посвящена политике Канады в отношении стран Западной Европы в 70-е годы XX века. Анализируются усилия канадских дипломатов, направленные как на интенсификацию двусторонних связей, так и на сотрудничество в рамках европейских региональных организаций. Основное внимание автором уделяется характеристике отношений в экономической сфере.

Е.В. Выдрин

ТЕРРИТОРИЯ ДЕЙСТВИЯ ТУРУХАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В 1850–1871 ГГ.

Миссия, походная церковь, территория действия походной церкви.

Статья посвящена изучению территории Туруханской походной церкви в 1850–1871 годы на не использованных ранее архивных материалах. Конкретная область служения Русской православной церкви в Туруханском крае в середине XIX века определяется в первый раз на основе анализа путевых журналов священников.

В.А. Данилейко

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ПРИЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ, В РАБОТАХ ЭТНОГРАФОВ КОНЦА 1930-Х ГГ. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Прикладной аспект советской этнографии, государственный заказ, Эвенкия, советское строительство.

Статья посвящена проблеме «государственного заказа» в отечественной этнографии 1930-х гг. На основе широкого круга опубликованных и архивных материалов проводится сравнительный анализ достоверности освещения процесса социалистического строительства в Эвенкии в работах разных исследователей (М.С. Струлёв, Б.О. Долгих, Н.П. Никульшин, М.А. Сергеев, Н.В. Увачан и др.). Автор пытается дать более точное представление о прикладном аспекте советской этнографии, а также делает вывод о недостаточной разработанности данного вопроса в современной историографии.

С.В. Зяблицева

МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ

Музыкальное образование, музыкальная культура, детская музыкальная школа, эвакуация, Западная Сибирь, Великая Отечественная война.

В статье рассмотрена проблема эволюции музыкального образования в Западной Сибири предвоенного и военного периодов. Автор анализирует состояние материально-технической базы системы, уделяет внимание роли эвакуационного процесса в укреплении ее кадрового состава.

Н.С. Клименко

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ КАК ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Маскулинность, мужская культура, гендерная деформация, мужская феминизация, кадет.

В статье анализируются проблема содержания понятия «маскулинность» и причины деформации его составляющих в российском обществе. На примере кадетского образования автор выделяет необходимые элементы в воспитании будущих мужчин, которые способны реанимировать маскулинность в ситуации гендерной деформации.

Л.А. Королева, А.А. Королев, О.В. Мельниченко

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Государственно-конфессиональная политика, Русская православная церковь, 1000-летие крещения Руси.

В статье анализируется отношение власти к Русской православной церкви и верующим на начальном этапе «перестройки», рассматривается позиция РПЦ во второй половине 1980-х гг., характеризуется эволюция государственно-православных отношений в канун празднования 1000-летия Руси, раскрываются задачи атеистической пропаганды в контексте празднования этой даты, исследуется отражение церковного юбилея в советских средствах массовой информации.

С.А. Липина

ОРУЖИЕ ДЛЯ ФРОНТА: ИЗ ИСТОРИИ ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНОГО И СТАЛЕДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ижевские оружейный и сталелитейный заводы, производительность, Первая мировая война.

Статья рассматривает вклад Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в дело обеспечения русской армии необходимым вооружением и боеприпасами.

ми в годы Первой мировой войны. Показана роль Ижевских заводов в снабжении российских оружейных заводов заготовками стволов, ствольных коробок и качественным металлом. Отмечается, что увеличение объемов производства стрелкового оружия на Ижевских заводах стало возможно в результате завершения реконструкции заводов, приобретения новых станков, расширения энергетической базы.

О.Ю. Лютых

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ:
ИСТОРИЯ, ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Российская экономика, конкурентоспособность, условия конкурентоспособности, социально-экономическое реформирование России, текущее состояние, мероприятия государства, приватизация.

В статье поднимается проблема исследования некоторых аспектов конкурентоспособности государств и их экономических систем на протяжении их исторического развития. На примере текущего состояния некоторых отраслей российской экономики анализируются влияние реализуемых и перспективных реформ и их последствия.

Л.Л. Молодых

ЗНАЧЕНИЕ СССР В БОРЬБЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ЗА НМЭП

Развивающиеся страны, СССР, «Север», «Юг», Запад, ООН, резолюция о НМЭП, борьба с неокOLONИализмом, международное разделение труда.

Тема статьи – анализ значения СССР для борьбы развивающихся стран за установление нового международного экономического порядка (НМЭП) между «Севером» и «Югом». Вывод статьи: СССР имел только политические, но не экономические мотивы помощи развивающимся странам в их борьбе за НМЭП против неокOLONИальной зависимости от развитых капиталистических стран, так как СССР не имел разделения труда с развивающимися странами.

Ч.К. Пак

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – АРЕНА МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Страны Центральной Азии, геополитический и геоэкономический интерес, углеводородное сырьё (нефть и газ), стратегия, Газпром, трубы транснационального газопровода, транскаспийский газопровод, Россия, США, Китай, ЕС, Индия.

Статья посвящена анализу геополитических и геоэкономических проблем в отношениях между Россией и странами Центральной Азии. За влияние на регион Центральной Азии идет геополитическая и геоэкономическая борьба между различными зарубежными странами. В этом процессе участвуют не только США, Китай и ЕС, но и Индия. В этой конкуренции Россия постепенно потеряет свою геополитическую роль, в частности энерго-ресурсную сферу.

Е.В. Совлук

**К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАДРОВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ГУЛАГ
(НА ПРИМЕРЕ ГУ «ЕНИСЕЙСТРОЙ» МВД СССР)**

Научно-техническая интеллигенция, труд ГУЛАГа, кадровая политика, геология Красноярского края и Тувы.

В статье показаны основные методы привлечения кадров научно-технической интеллигенции для работы в систему ГУЛАГ. Главным образом, рассмотрены особенности привлечения высококвалифицированных специалистов для работы в засекреченные научно-исследовательские институты и базы Главного Управления «Енисейстрой» МВД СССР. Они в начале 1950-х годов стали интеллектуальной основой форсированного развития геологии в Красноярском крае, одной из ударных строек Советского Союза.

К.И. Султанбаева

**Н.Ф. КАТАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Н.Ф. Катанов – исследователь, востоковед, просветитель, путешественник, тюркские народы, методологическая культура, исторические и этнокультурные сведения.

В статье приводятся историко-педагогические сведения об исследовательской деятельности Н.Ф. Катанова, ученого прошлых столетий, внесшего неоценимый вклад в развитие российского востоковедения, просвещение и изучение тюркских народов. Материал статьи основан на архивных источниках.

Биология

Н.Ю. Бикаева

**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ МАССОВЫХ ВИДОВ ПТИЦ
Г. ЗЕЛЕНОГОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)**

Массовые виды птиц, различные типы местообитаний, сезонная динамика населения птиц.

В статье содержится информация о размещении массовых видов птиц на территории г. Зеленогорска, а также дается их количественная оценка в различных местообитаниях города.

А.С. Близнецов

**ОСОБЕННОСТИ ГНЕЗДОВАНИЯ ХИЩНЫХ ПТИЦ
В АРИДНЫХ УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Хищные птицы, гнездование на скалах, особенности экологии, территориальное размещение, распространение.

Статья посвящена особенностям гнездования и территориального размещения хищных птиц в Центральной Азии. На основе анализа литературных данных и

собственных исследований автора выявлено, что в аридных условиях Центральной Азии формируется специфический комплекс факторов, способствующий переходу многих видов хищных птиц от гнездования на высокоствольной растительности к гнездованию на скалах.

Ю.В. Кулешова

ХАРАКТЕРИСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ Г. СОСНОВОБОРСКА (КРАСНОЯРСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ РАЙОН)

Город Сосновоборск, рекреация, аборигенная флора, растительность, рациональное природопользование, флористические исследования, структура флоры, краснокнижные виды, природные комплексы.

В статье рассмотрена проблема сохранения естественных природных комплексов в условиях городской среды. Приведены впервые ботанические данные по современному видовому составу флоры города Сосновоборска, что значительно расширяет наши знания о биоразнообразии основных растительных сообществ города.

Е.Г. Макеева

ВОДОРОСЛИ СОЛОНОВАТОГО ОЗЕРА ЛИСТВЕНКИ 1 (ХАКАСИЯ)

Альгофлора, солоноватое озеро, Хакасия.

Приведены первые данные о флоре водорослей оз. Лиственки 1 Государственного природного заповедника «Хакасский». Список обнаруженных водорослей насчитывает 95 видов, разновидностей и форм. Сделан краткий эколого-географический анализ альгофлоры.

География

Н.М. Большакова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Экономико-географическое положение, внешние объекты, внешние обстоятельства, индивидуальность пространственного положения, историческая изменчивость, территориальные субъекты.

В статье рассматривается экономико-географическое положение (ЭГП) как фактор развития отдельных групп районов Красноярского края в условиях современной России. Проанализированы потенциальные возможности ЭГП на ближайшую перспективу с учётом изменения географического рисунка железнодорожных путей и долгосрочной стратегии развития связей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

К.С. Мокринец

**ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ РЕЛЬЕФА КРАСНОЯРСКА КАК ОСНОВА
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Цифровая модель рельефа, морфометрические исследования, ГИС.

Построена цифровая модель рельефа для территории г. Красноярска. На её основе выполнены карты: углов наклона, экспозиции склонов, вертикальной расчленённости, произведён их анализ.

Д.В. Овчинников, И.А. Калугин, А.В. Дарьин

**ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА АЛТАЕ
ПО ДРЕВЕСНО-КОЛЬЦЕВЫМ ХРОНОЛОГИЯМ И ОЗЕРНЫМ ОТЛОЖЕНИЯМ**

Древесно-кольцевая хронология, рентгенофлуоресцентный анализ, озерные отложения, синхротронное излучение.

Анализируются проблемы, возникающие при палеореконструкциях высокого разрешения с использованием рентгенофлуоресцентного анализа и древесно-кольцевых хронологий. Осреднение исходных значений и последующая корректировка по климатическим пикам позволяют добиться адекватного результата.

Физкультура и здоровье

Н.В. Казанцева

**АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СТОПЫ У ДЕТЕЙ
СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Физическое развитие, опорно-двигательный аппарат, стопа, дети старшего дошкольного возраста.

Статья посвящена анализу состояния опорно-двигательного аппарата стопы у детей старшего дошкольного возраста (5–7 лет) в зависимости от уровня физического развития. Выявлено, что дети, имеющие уровень физического развития выше среднего, в большей степени подвержены возникновению плоскостопия, чем дети со средним и ниже среднего уровнем физического развития по росту-весовым показателям.

ABSTRACTS

Philosophy and culturology

E. A. Avdeeva

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATION OF HUMANITARIZATION IN THE EDUCATIONAL SYSTEM

Anthropology, humanitarization, man, educational system.

The author analyzes modern philosophical and anthropological concepts, while a special attention is paid to the anthropological problems of educational system related to de-humanization and a social and pragmatic turn of education. The following things are covered in the article: a philosophic «code», that the relations «man – humane being» relate to, «man – man» presents as a philosophical and anthropologic «structure» of educational system.

S. M. Ginter

ABOUT FORMATION OF AESTHETIC ATTITUDE TO THE REALITY BY MEANS OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS

Aesthetic education, formation, esthetic attitude to reality, decorative and applied arts, artistic creativity, training means.

This article is dedicated to the analysis of aesthetic education in school. The main goal of such education is the formation of students' aesthetic attitude to the reality. It has been found out that decorative and applied arts as a form of art creative activity cover all human activity spheres. It has an influence on the formation of a child's personality and it is very effective in the formation of an aesthetic attitude to the reality equally with other ways.

N. Yu. Karnauhova

DIALECTICS OF AN ARTISTIC IMAGE'S TEMPTATION IN MEDIEVAL CULTURE

Erotic-tempting origin of an artistic image, relations between the infinite and the finite, ontologization of emanational and immanational forms of artistic attitude, western and eastern medieval culture.

The article is devoted to the analysis of a specific form of an artistic image's existence that realizes the relations between the infinite and the finite due to the main attribute of artistic attitude, namely the inner energy image of erotic nature, which exists in the two forms: emanational one, immanational one as well as the unique quality of their harmonization. The dialectics of forms of Eros the Transforming is ontologically presented in the history of art in the form of harmonious balance between

western and eastern medieval cultures, namely in the arts of the Byzantine Empire as well as Romanesque and Gothic arts of Western Europe.

I. V. Malofeev

SOCIAL CONTRACT AS A FORM OF SOCIAL SUPPORT OF POPULATION

Social services, social contract, social help, standardization of social services.

The article is devoted to social contract as a modern and more effective form of social support in comparison with traditional technologies. The article analyses the need of society for the introduction of social contracts, the aims and the main principles of social contracts and, the results of their introduction. The article provides the conditions of conclusion of social contracts with poor citizens and families. The article also provides the description of the main types of social contracts and the main types of help in investment.

G. A. Menshchikova

LANGUAGE AS A FORM OF NATION`S MENTALITY EXISTENCE

Language, culture, conceptosphere, borrowing, contamination of language, nationality (national), protection of native language.

In this article a language is considered as a form of a nation`s mentality existence and it is shown that its contamination, as the result of unjustified use of borrowings, leads to the levelling of language distinction and its national identity. There is the explanation of the idea that all this may lead to the distortion of mentality and the emergence of a language of some other type in the article. As a result, the decision to take some preventive measures appeared not to let the Russian language disappear.

R. A. Sergienko

COGNITIVE APPROUACH TO EXPLAIN THE NATURE OF RELIGION AND RELIGIOUS CONCEPTIONS

Cognitive science of religion, human mind, minimally counterintuitive concepts, hyperactive agent detection device, modes of religiosity, rituals.

The article deals with an up-to-date approach to study of religions and religious phenomena – cognitive science of religion. This is a relatively new research direction, actively developing in Europe and North America, it offers a valuable understanding of the origin and nature of religion and religious concepts.

T. Y. Serikova

ANDREY POZDEEV: FROM VISIBLE TO SUPERVISIBLE

Krasnoyarsk Stolbi, painting, portrait, composition, creative research, colour, sociocultural community, visual image.

The given article is devoted to the analysis of the works of a well-known Krasnoyarsk painter Andrey Pozdeev. There is a comparative analysis of the works created by A. G. Pozdeev in the reserve «Krasnoyarsk Stolbi» in 60–70-ies and later in 80–90-ies in the article. The connection between the landscapes painted directly from the nature and later works, constructed on visual images is proved. The author makes a conclusion that the tendency to increase a visual component in the works of art is a typical culturological phenomenon of the second half of the XXth century.

Phology

E. E. Bylina

**ANALYSIS OF DISCOURSE OF RESPONSE INITIATED
BY THE SPEECH ACT OF PROMIS**

Speech act, illocutionary act, perlocutionary act / effect, perlocutionary attempt, perlocutionary meaning of a speech act, perlocutionary sequel of a speech act, illocutionary and perlocutionary purposes.

The article is devoted to the analysis of the discourse of response to the speech act of promise together with some other acts. The research takes place in the limits of the theory of speech acts. The author focuses on perlocutionary acts, namely on an addressee's responses to the speech act of promise. The analysis of the examples taken from fiction reveals some types and peculiarities of addressees' responses.

S. P. Vasileva

SEMANTIC FIELD «LABOUR» IN THE DIALECTS OF YENISEI SIBERIA

Labor, semantic field, the core, periphery, assessment, intensity, motivation, imagery, expressivity.

The article describes the semantic field LABOUR based on the materials on the dialects of Yenisei Siberia. The core and the periphery of the field were identified. The method of a field analysis revealed the ethnic and cultural information related to the assessment of work and intensity of labour activity, attitude to work; motivation, imaginative and expressive characteristics of the concept «labour» in Yenisei Siberia people's culture.

L. H. Davletshina

**ABOUT THE PROBLEM OF STUDYING LOWER MYTHOLOGY:
MYTHOLOGICAL PERSONGE**

Personge, myth, cereony, tradition, function.

The given work offers the comparative study experience of the mythological personage named Chyzyr Ilyas. The study is based on various mythological texts and local traditions. In the process of studying general and different features of the given personage are outlined, but an amazing monotony of his functions allows to suggest that the given system of features unites him all and allows to characterize him from a new point of view.

V. V. Degtyaryova

**MYTHEME OF SHIP / BOAT IN THE ARTISTIC WORLD
OF H. MELVILLE, E. HEMINGWAY, V.P. ASTAFIEV**

H. Melville, E. Hemingway, V. P. Astafiev, mytheme, ship, boat.

The article is devoted to the mytheme of ship / boat in the works of H. Melville, E. Hemingway, V. P. Astafiev. This mytheme is considered as personification of Man and Humanity including the parallels «ship – house», «ship – town», «ship – theater», and also as personification of the world cognition, way of life, destiny, human self-will. Such versions of the mytheme as the ship of fool, the ship of death and the motif of the Flood associated with the last one are presented.

I. V. Evseeva

WORD-BUILDING TYPE: COGNITIVE MODELING

Word-building type, frame, propositional scheme, proposition.

The central problem of cognitive analysis of complex units of the word-building system is working out of a single approach of their analysis and common methods of their description. The technique of frame arrangement of complex units, which is based on the propositional-semantic organization of derivatives is represented in the paper. The article is devoted to the cognitive modeling of such a complex unit of a derivative system as a word-building type.

S. L. Kushneruk

**VERBAL AND ICONIC MEANS OF ADDRESSER'S PRESENTATION
OF RUSSIAN AND ENGLISH ADVERTISING TEXT WORLDS**

Discourse, text world, addresser, Russian advertising, English advertising

Text World theory is widely spread in modern foreign linguistics. This paper focuses on its practical application in the aspect of the analysis of verbal-iconic ways of the presentation of the main characters of the text worlds. The positions of an addresser

ser and regularly used means of their presentation in Russian and English advertising are outlined.

T. V. Leontyeva

**COLLECTIVE NEIGHBOURLY HELP DENOMINATIONS
IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE: A MOTIVATIONAL ANALYSIS**

Ehnoinguistics, Russian dialects, motivational analysis, gratuitous collective neighbourly help, folk culture

The article offers analysis results of Russian dialectal denominations for a phenomenon of rural everyday life, i.e. collective help, revealing that the aforementioned denominations derive from the words denoting help, convening, plurality, unity, and reciprocal help with work along with various household activities denominations. The author characterizes the notion in question with reference to the semes, relevant to the Russian linguistic consciousness.

T. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov

**ARGUMENTATION OF THE RIGHT FOR SUPREME POWER
IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE IN 15–17 TH CENTURIES**

Russian political texts of 15–17th centuries, argumentation of the right for power.

This paper analyzes the ways of argumentation for substantiation of autocratical power in Ruthenia, used in the texts of Old Russian scribes of the 15–17th centuries.

N. S. Potylitsina

**GENRE PECULIARITIES OF LANGUAGE REPRESENTATION
OF THE CONCEPT «MOVEMENT» IN OLD FRENCH TEXTS**

Concept, cognitive model, language representation, representative model, cognitive attribute, genre.

This article is devoted to the analysis of the peculiarities of the language representation of the concept «movement» in Old French texts of various genres. It evolves the most widely-used analytical representative models that verbalize the typical cognitive models in the literary works of the epic and hagiographic genres and in the romances of chivalry.

V. A. Razumovskaya

**HIEROGLYPHICITY AND IDIOMATICITY
OF THE POETIC TEXT AS THE TRANSLATION PROBLEM**

Poetic translation, aesthetic information, formal-content complex, hieroglyphicity, idiomaticity, translation strategies

The article studies hieroglyphicity and idiomaticity as the regular categories of the poetic text. The main object of the poetic translation is the aesthetic information presented in the formal-content complex of the literary text. The effective strategies of the poetic translation imply the reconstruction of the formal-content complex of the original (the unit of translation) by means of the target language under the condition of preservation of idiomatic and hieroglyphic parameters of the poetic text.

S. N. Stepin

**THE PROBLEM OF EXISTENCE OF PHILOSOPHICAL POETRY
IN THE MODERN POETIC SPACE OF MORDOVIA**

Poetry, philosophical lyrics, lyrical hero, lyrical plot, poet-philosopher, metagenre, plot oppositions, poetic thought, national literature, aesthetic ideal.

The article is devoted to identifying the forms and methods of existence of philosophical lyrics in the modern poetry of Mordovia. The author presents poetic works of the most outstanding modern writers of Mordovia, who addressed to the eternal problems of life. The general laws of evolution of philosophical lyrics of Mordovia are marked in the conclusion of the article as well as the features of its plot-creation and categoriality, the possible ways of the further development are predicted.

S. V. Uskova

CONCEPT OF ACTION IN THE RUSSIAN-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Actant, act, action, concept, predicate, proposition, language picture of the world.

The word Action is a semantic center in the text. The semantic model of Action includes two components: event proposition and estimative proposition. Each proposition possesses its own set of actants.

History*E.A. Babaev***CANADA AND COUNTRIES OF WESTERN EUROPE
IN 70-S OF XX CENTURY: ECONOMICAL ASPECT***International economical relations, Canada, Great Britain, West Germany, France, EEC, Euratom.*

The article is devoted to Canada's policy towards the countries of Western Europe in 1970-s of the 20th century. It analyzes the efforts of Canadian diplomats in intensification of bilateral relations and cooperation in European regional organizations. The main attention is paid by the author to the characteristics of relations in economical sphere.

*E. V. Vidrin***TERRITORY OF ACTIVITY OF TURUKHANSK MISSION
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING 1850–1871***Mission, ambulatory church, territory of activity of ambulatory church.*

This article is devoted to studying the territory of the Turukhansk ambulatory church in 1850–1871 years on previously unused archival materials. The specific area of ministrations to the Russian Orthodox Church in the Turukhansk region in the mid – 19th century is determined for the first time on the basis of the analysis of the travel journals of the priests.

*V. A. Danileyko***STATE ETHNOGRAPHY OR REFLECTION OF PROCESS OF SOCIALIST BUILDING
ON THE NORTHERN TERRITORY ADJACENT TO THE YENISEI IN WORKS
OF ETHNOGRAPHERS AT THE END OF 1930S
(TO STATEMENT OF QUESTION)***Applied aspect of Soviet ethnography, state order, Evenkiya, socialist building.*

The article is devoted to the problem of «state order» in the Soviet ethnography of the 1930-ies. The comparative analysis of the reliability of the presentation of the process of socialist building in Evenkiya in the works of different researchers (M.S. Trulyov, B. O. Dolgih, N. P. Nikulshin, M. A. Sergeev, N. V. Uvachan, etc.) is conducted on the basis of a big number of published and archival materials. The author tries to present a more precise idea about the applied aspect of the Soviet ethnography, and also draws the conclusion about the insufficient development of the given question in the modern historiography.

S. V. Ziablitseva

**SYSTEM OF MUSICAL EDUCATION OF WESTERN SIBERIA
IN PRE-WAR AND WAR YEARS: SPECIFIC CHARACTER OF EVOLUTION**

Musical education, musical culture, children musical school, evacuation, Western Siberia, Great Patriotic War.

In this article the problem of the evolution of musical education in Western Siberia of the pre-war and war periods is examined. The author analyzes the condition of the material and technical base of system, pays attention to the role of the evacuation process in strengthening of its regular personnel.

N. S. Klimenko

**RENEWAL OF CADET BUILDINGS AS THE ATTEMPT OF REANIMATION
OF THE LOST MASCULINITY IN RUSSIAN SOCIETY**

Masculinity, male culture, gender deformation, male feminization, cadet.

The article analyses the problem of the meaning of the concept «masculinity» and the reasons of deformation of its main components in Russian society. Using the example of cadet education, the author marks the necessary elements of bringing up future men who are able to reanimate masculinity in the situation of gender deformation.

L.A. Koroljeva, A.A. Koroljev, O. V. Melnichenko

**MUTUAL RELATIONS OF POWER AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
ON THE EVE OF CELEBRATING OF THE 1000TH ANNIVERSARY
OF CHRISTIANIZATION OF RUSSIA**

State-confessional policy, Russian orthodox church, the 1000th anniversary of christianization of Russia.

The article analyzes the attitude of the Power to Russian Orthodox Church and believers at the initial stage of «perestrojka», the Russian Orthodox Church position in the second half of 1980-ies is considered, the evolution of state-orthodox relations on the eve of celebrating of the 1000th anniversary of christianization of Russia is characterized, the problems of atheistic propagation in the context of celebrating of this date are revealed, the reflection of the church anniversary in the Soviet mass media is described.

S. A. Lipina

**WEAPON FOR FRONT: FROM HISTORY OF IZHEVSK WEAPON
AND STEELPRODUCING FACTORIES IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR**

Izhevsk weapon and steelproducing factories, productivity, the First World War.

The given article considers the contribution of Izhevsk weapon and steelproducing factories to the provision of the Russian army with the necessary arms and ammunition in the years of the First World War. It shows the role of Izhevsk factories in pro-

viding Russian weapon factories with the parts of barrels, receivers and qualitative metal. It is noticed that the increase in volumes of output of small arms at Izhevsk factories became possible due to the end of reconstruction of factories, to the acquisition of new machine tools, to the expansion of power supply sources.

O. Yu. Liutykh

**COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN ECONOMY:
HISTORY, CURRENT STATE AND PROSPECTS**

Russian economy, competitiveness, conditions for competitiveness, socio-economic reforming of Russia, current state, governmental measures, privatization.

This paper studies some aspects of competitiveness of countries and their economic systems over their historical development. The influence of currently realized and future reforms and their effects are examined on the example of current state of some branches of Russian economy.

L. L. Molodikh

ROLE OF THE USSR IN STRUGGLE OF DEVELOPING COUNTRIES FOR NIEO

Developing countries, the USSR, «North», «South», West, UN, resolution about NIEO, struggle against neocolonialism, international division of labour.

The subject of the given article is the analysis of the role of USSR for the struggle of developing countries for establishing the new international economic order (NIEO) between the «North» and the «South». The conclusion of the article: the USSR had only political, but not economic motives of the assistance to developing countries in their struggle for NIEO against neocolonial dependency on developed capitalist countries, as the USSR did not have the division of labour with developing countries.

J. K. Pak

CENTRAL ASIA – THE PLACE FOR A WORLDWIDE GEOPOLITICAL STRUGGLE

Countries of Central Asia, geopolitical and geoeconomical interest, hydrocarbon resources (oil and gas), strategy, Gasprom, transnational gas pipe line, transcaspian gas pipe line, Russia, USA, China, EC, India.

This article is devoted to the analysis of geopolitical and geoeconomical problems in relations between Russia and countries of Central Asia. There is a great geopolitical and geoeconomical struggle for Central Asia between various foreign countries. Not only the USA, China and EC take part in this process, but also India. Russia is gradually losing its geopolitical role in this competition, especially the sphere of energy resources.

E. V. Sovluk

**TO THE QUESTION ABOUT METHODS TO ATTRACT THE BRAINPOWER
INVOLVED IN THE WORK IN THE GULAG SYSTEM
(ON THE EXAMPLE OF «YENISEYSTROY», MIA, USSR)**

Brainpower, labor in GULAG, personnel policy, geology of the Krasnoyarsk territory and Tuva.

The article shows basic methods to attract the brainpower involved in the work in the GULAG system. Mainly, the article considers the features of attracting highly skilled specialists to the work in secret research institutes and centers of the main branch «Yeniseystroy», MIA, the USSR. In early 1950-ies they became the intellectual base for the forced development of geology in the Krasnoyarsk territory being a top-priority project in the Soviet Union.

K. I. Sultanbaeva

**N.F. KATANOV AS A RESEARCHER OF THE TURKIC PEOPLES
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

N. F. Katanov – scientist, Orientalist, researcher, enlightener, traveller Turkic peoples, methodological culture, historical and ethnocultural information.

The paper contains historical and pedagogical information about the research activity of N. F. Katanov, a scientist of the late centuries, who made a valuable contribution to the development of Russian oriental studies and education of Turkic peoples. The material of the article is based on the archives.

Biology

N. Yu. Bikaeva

**TERRITORIAL DISTRIBUTION AND NUMBER OF MASS SPECIES
OF BIRDS IN ZELENOGORSK (KRASNOYARSK TERRITORY)**

Mass kinds of birds, various types of habitats, seasonal dynamics of the population of birds.

The article contains the information of distribution of the mass species of birds on the territory of Zelenogorsk. Their number evaluation in different habitats of the city is given.

A. S. Bliznetsov

**NESTING PECULIARITIES OF BIRDS OF PREY
IN ARID CONDITIONS OF CENTRAL ASIA**

Birds of prey, nesting on the rocks, peculiarities of ecology, territorial distribution, area distribution.

This article covers the peculiarities of nesting and territorial distribution of birds of prey in the territory of Central Asia. Basing on the analysis of literary data and own researches the author found that a specific complex of factors furthering the change of many species of birds of prey from nesting on long-boled vegetation to nesting on cliffs is formed under the arid conditions of Central Asia.

U. V. Kuleshova

**DESCRIPTION OF NATURAL ECOSYSTEMS OF SOSNOVOBORSK
(KRASNOYARSK FOREST-STEPPE DISTRICT)**

Sosnovoborsk, recreation, native flora, vegetation, environmental management, floristic studies, structure of Flora, the Red species, natural systems.

The article considers the problem of preservation of natural systems in urban conditions. We present the first botanical data on the current species of Sosnovoborsk, which significantly expands our basic knowledge of biodiversity of basic plant communities of the city.

E. G. Makeeva

ALGAE OF THE SALTISH LAKE LISTVENKI 1 (KHAKASSIA)

Algae flora, saltish lake, Khakassia.

The first data about the algae flora of the Listvenki 1 Lake in the state nature reserve «Khakassky» is presented. The list of found algae includes 95 species, varieties and forms. A brief ecological and geographical analysis of the algae flora is made.

Geography

N. M. Bolshakova

**TO THE PROBLEM OF ECONOMICAL AND GEOGRAPHICAL POSITION
OF THE KRASNOYARSK TERRITORY**

Economical and geographical position, outer objects, outer circumstances, individuality of spatial position, historical variability, territorial subjects.

The article considers economical and geographical position (EGP) as a factor of the development of separate groups of districts of the Krasnoyarsk territory in modern Russia. The potential opportunities of EGP for near future with account of the change

of the geographical scheme of railways and long-term strategy of developing relations between Russia and the countries of Asian-Pacific Region are analyzed.

K. S. Mokrinets

**DIGITAL MODEL OF THE RELIEF OF KRASNOYARSK AS THE BASIS
FOR CARRYING OUT OF EKOLOGICAL AND GEOMORPHOLOGICAL RESEARCHES**

Digital model of a relief, morphometrical researches, GIS.

The digital model of a relief for the territory of Krasnoyarsk is constructed. The following maps are done on its basis: maps of angles of slope, expositions of slopes, vertical tagmatization, their analysis is made.

D. V. Ovchinnikov, I. A. Kalugin, A. V. Darin

**FEATURES OF ALTAI PALEOCLIMATIC RECONSTRUCTIONS BASED
ON TREE-RING WIDTH CHRONOLOGIES AND LAKE SEDIMENTS**

Tree-ring width chronology, X-ray and fluorescent analysis, lake sediments, synchrotron radiation.

In this paper we discuss the problems occurring in paleoreconstructions of high-resolution with the use of X-ray and fluorescent analysis and tree-ring width chronologies. Averaged measured data and their adjustment on climatic peaks allows to get adequate results.

Physical training and health

N. V. Kazantseva

**ANALYSIS OF THE CONDITION OF FOOT LOCOMOTORIUM
OF CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE**

Physical development, locomotorium, foot, children of senior preschool age.

This article analyzes the state of the foot locomotorium of children of preschool age (5–7 year old) depending on the level of their physical development. It is revealed that children who have the level of physical development which is above average are more prone to the appearance of flatfoot than children with the level of physical development which is average and below-average according to the growth-weight characteristics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авдеева
Елена Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-950-433-99-29; e-mail: paideia@mail.ru
- Бабаев
Эльчин Азизович** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. (391) 236-99-95; e-mail: elbabaev@mail.ru
- Бикаева
Наталья Юрьевна** – преподаватель, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-913-560-42-24; e-mail: Natalya.Bikaeva@mail.ru
- Близнецов
Александр Сергеевич** – аспирант кафедры зоологии и экологии, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-950-989-39-51; e-mail: epolar@yandex.ru
- Большакова
Нина Матвеевна** – доцент кафедры экономической географии; начальник центра нового приёма «Абитуриент», КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8 (391) 211-01-11; e-mail: bolshakova@kspu.ru
- Былина
Елена Эдуардовна** – аспирант кафедры теоретической лингвистики, Иркутский государственный лингвистический университет; т. 8 (3952) 47-93-29 (д.), 8-904-11-00-857; e-mail: stephanya1@yandex.ru
- Васильева
Светлана Петровна** – доктор филологических наук, профессор, кафедра современного русского языка и методики преподавания, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8 (391) 258-12-08; e-mail: vasileva@kspu.ru
- Выдрин
Евгений Викторович** – аспирант кафедры отечественной истории, старший преподаватель кафедры политологии и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-923-375-98-38; e-mail: vidrin1984@yandex.ru
- Гинтер
Светлана Михайловна** – старший преподаватель кафедры МХО, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-960-671-74-49; e-mail: svetlana-ginter@yandex.ru
- Данилейко
Виктория
Александровна** – аспирант кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-960-764-09-50; e-mail: Danileikozima@mail.ru
- Дарьин
Андрей Викторович** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии и минералогии СО РАН; т. 8 (383) 333-31-12; e-mail: avd@uiggm.nsc.ru

- Давлетшина
Лейла Хасановна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Республиканский центр развития традиционной культуры; т. 8-917-927-09-76; e-mail: leyla.davletshina@yandex.ru
- Дегтярёва
Вера Владимировна** – аспирант кафедры зарубежной литературы; Научно-исследовательский центр В.П. Астафьева, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-913-578-82-97; e-mail: gravura07@mail.ru
- Евсеева
Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета; т. 8(39145)2-84-09, 8-913-033-33-02; e-mail: ivevseeva@yandex.ru
- Зяблицева
Светлана
Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и педагогики, Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт; т. (3842) 72-74-95, 8-905-070-95-71; e-mail: ziabl2 @rambler.ru
- Казанцева
Надежда Владимировна** – старший преподаватель, Восточно-Сибирский филиал Российской академии правосудия; т. 8-908-646-24-77; e-mail: Kazanseva.1977@mail.ru
- Калугин
Иван Александрович** – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии и минералогии СО РАН; т. 8(383) 333-31-12; e-mail: ikalugin@uiggm.nsc.ru
- Карнаухова
Наталья Юрьевна** – кандидат философских наук, доцент, кафедра музыкально-художественного образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8 (391) 246-91-13, 297-78-18; e-mail: n.yu.dmitrieva@list.ru
- Клименко
Наталья Сергеевна** – аспирант кафедры латинского и иностранных языков, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; т. 8-962-074-84-31; e-mail: favour85@mail.ru
- Королев
Алексей Александрович** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства; т. (8412) 42-05-02; e-mail: sansan@pnz.ru
- Королева
Лариса Александровна** – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства; т. 8-902-204-53-95; e-mail: la-koro@yandex.ru

- Кулешова
Юлия Викторовна** – аспирант кафедры ботаники, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-902-959-70-03, 8 (391) 256-53-10 (р); e-mail: kuleshovau@kspu.ru
- Кушнерук
Светлана Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Челябинский государственный педагогический университет; т. 8-912-471-15-24; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru
- Леонтьева
Татьяна Валерьевна** – кандидат филологических наук, докторант, кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский государственный университет им. А.М. Горького; т. 8-908-907-89-99, 8(343)3-204-030; e-mail: leotany@mail.ru
- Липина
Светлана Анатольевна** – доцент, кафедра истории российской государственности института истории и археологии УрО РАН, Ижевский государственный технический университет; т. 8-904-313-80-80; e-mail: saryaba@mail.ru
- Лютых
Олег Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент, кафедра экономической теории и управления, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-950-981-69-08
- Макеева
Евгения Геннадьевна** – соискатель, лаборатория низших растений, Центральный Сибирский ботанический сад СО РАН (Новосибирск); научный сотрудник, Государственный природный заповедник «Хакасский» (Абакан). т. 8-923-213-60-07; e-mail: meg77@yandex.ru
- Малофеев
Иван Вячеславович** – докторант, кандидат социологических наук, доцент, Институт переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения (Москва); т. 8-926-234-03-90; e-mail: ivan_malofeev@inbox.ru
- Мельниченко
Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, помощник полномочного представителя, Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе; т. (831) 431-46-54; e-mail: dnskvale@rambler.ru
- Менщикова
Галина Анатольевна** – аспирант, факультет психологии и философии, Алтайский государственный университет; т. 8-905-925-77-05; e-mail: alnic2901@rambler.ru
- Михайлов
Алексей Валерианович** – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общественных связей, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М.Ф. Решетнева; т. 8-904-892-01-64; e-mail: avm_2006_64@mail.ru

- Михайлова
Татьяна Витальевна** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общественных связей, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М.Ф. Решетнева; т. 8-950-988-79-11; e-mail: ta.rada@mail.ru
- Мокринец
Кирилл Сергеевич** – аспирант кафедры физической географии и геоэкологии, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-923-276-48-65; e-mail: flashofgenius@mail.ru
- Молодых
Леонид Леонидович** – аспирант кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-962-082-48-80; e-mail: molodykh@kspu.ru
- Овчинников
Дмитрий Викторович** – кандидат географических наук, научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, лаборатория структуры древесных колец; т. 8-923-291-41-25; e-mail: dovch@mail.ru
- Пак
Чжон Кван** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-913-536-30-28; e-mail: dominiko30@mail.ru
- Потылицина
Наталья Сергеевна** – старший преподаватель; соискатель кафедры французского языка, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-902-945-21-45; 8 (391) 2-358-612; e-mail: natalia-potylitsina @yandex.ru
- Разумовская
Вероника Адольфовна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода, Сибирский федеральный университет; т. 8-902-991-76-84, 8 (391) 244-54-56; e-mail: verinica_raz@hotmail.com
- Сергиенко
Роман Александрович** – аспирант кафедры религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-913-033-46-60; e-mail: heirmat2@mail.ru
- Серикова
Татьяна Юрьевна** – аспирант кафедры культурологии, Сибирский федеральный университет; т. 8-902-971-38-97; e-mail: serikova_72@mail.ru
- Совлук
Евгения Викторовна** – аспирант кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева; т. 8-913-832-92-35; e-mail: sunnysad@rambler.ru
- Степин
Сергей Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и методики обучения литературе, Мордовский государственный педагогический институт ГПИ им. М.Е. Евсевьева; т. 8-905-389-99-46; e-mail: stepin.73@mail.ru

Султанбаева

Клавдия Ивановна

– кандидат педагогических наук, доцент; кафедра педагогики и психологии профессионального образования, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); т. 8-903-924-42-57; e-mail: ski57@ya.ru.

Ускова

Светлана Викторовна

– старший преподаватель кафедры общественных связей гуманитарного факультета, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М.Ф. Решетнева; т. 8-913-588-06-90; e-mail: s_us78@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в очередных выпусках научного журнала «Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева» 2011 г. Журнал выпускается четыре раза в год: 20 марта, 20 июня; 10 октября; 20 декабря.

В «Вестнике КГПУ им. В.П. Астафьева» публикуются основные научные результаты исследований научных школ вуза, диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал прошел ряд необходимых регистраций: номер международной регистрации ISSN 1995–0861; свидетельство о регистрации СМИ (ПИ № ФС77-29950 от 19 октября 2007 г.); зарегистрирован как подписное издание в каталоге НТИ Агентства «Роспечать» № 66001. С 05.03.2010 журнал включен в Перечень ВАК. Предупреждаем авторов, что полнотекстовая электронная версия статей публикуется в Научной электронной библиотеке eLibrary. Все статьи рецензируются. Статьи аспирантов сопровождаются представлением (или кратким отзывом) научного руководителя, копией приказа о зачислении в аспирантуру и публикуются бесплатно. Для остальных авторов стоимость 1 страницы составляет 500 руб. Оплата осуществляется по договору. Форма договора заполняется в двух экземплярах и высылается на почтовый адрес вуза: 660060, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, Вестник КГПУ. Авторам для получения номера журнала необходимо оформить подписку в указанном каталоге Агентства «Роспечать».

Электронный вариант статьи просим направлять по e-mail: verfel@kspu.ru. Статьи принимаются в течение года с 20 января до 1 ноября по мере формирования выпусков.

Справки можно получить по e-mail: verfel@kspu.ru у технического редактора «Вестника КГПУ им. В.П. Астафьева» Верфель Яны Евгеньевны.

Требования к оформлению статей

Объем не более 10 страниц. Формат MS Word (doc); интервал 1,5; поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, нижнее и верхнее – 2 см; сноски в квадратных скобках [Иванов, 2002, с. 55]; нумерация источников по алфавиту; шрифт Times New Roman; 14 пт; список литературы по алфавиту. В соответствии с требованиями ВАК статья должна содержать: описание научной проблемы, цель исследования, его научную новизну, научные выводы. Приложение оформляется отдельным файлом: 1. Сведения об авторе (ученое звание, должность, место работы, тел., эл. адрес). 2. Ф.И.О. автора, заглавие (полужирный шрифт) на русском и английском языках, краткая аннотация (не более 6–8 строк на русском и английском языках), ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов; 12 пт).

Просьба в названии файлов указывать свою фамилию (Иванов статья; Иванов приложение).

Подробности на сайте: www.kspu.ru, раздел «Вестник КГПУ».

Образец оформления статьи

О.А. Ревенко

ВОСПИТАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ключевые слова на русском языке (не более 10).

С наступлением XXI века проблема толерантности приобретает особую актуальность в связи с процессом глобализации и одновременным ростом этнического самосознания различных народов. В определенной мере сбывается печальный прогноз С. Хантингтона о перспективе масштабных конфликтов «не между социальными классами... а между народами различной культурной идентификации» [Хантингтон, 2003, с. 24]...

Библиографический список (по алфавиту)

1. Паина Л.И. Межэтническая интеграция – условия воспитания этнической толерантности // Вестник ОГУ. 2001. № 2. С. 41–49.
2. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.П. Голуб. 3-е изд., испр. М., 2001. 368 с.
3. Тавадов Г.Т. Этнология: словарь-справочник. М., 1998. 516 с.
4. Хакимов Э.Р. Проблема изучения этнической толерантности педагогов в различных подходах. URL: <http://v3.udsu.ru/res/vuupsy>

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются, рукописи не возвращаются.

Образец оформления приложения

Сведения об авторе: Сазонова Вера Александровна – аспирант кафедры современного русского языка и методики, КГПУ им. В.П. Астафьева; Канский педагогический колледж – филиал КГПУ им. В.П. Астафьева в г. Канске; т. 8-908-219-98-27; e-mail: mig225@rambler.ru

В.А. Сазонова

Антитеза как стилистический прием в прозе А.П.Чехова 1890-х гг.

Ключевые слова: писательская манера, язык художественной прозы, контраст, антонимия, антонимы, стилистический прием, антитеза.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу антитезы как стилистического приема, выявлению ее функциональных возможностей в художественных произведениях А.П. Чехова 1890-х гг.

То же на английском языке.

ВЕСТНИК
Красноярского государственного
педагогического университета им. В.П. Астафьева

2011 № 3 (17)

Том 2. Гуманитарные и естественные науки

Редактор М.А. Исакова
Корректор С.Ю. Глазунова
Технический редактор Я.Е. Верфель
Верстка М.Л. Гукайло

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-82

Подписано в печать 15.09.11. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л.31,5. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ 546

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 211-48-00

Для заметок

Для заметок